Ф. ЭНСТИ

Медный кувшин
Шиворот-навыворот

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Медный кувшин. Шиворот-навыворот

Ф. Энсти

Аннотация
Ф. Энсти. Медный кувшин. Шиворот-навыворот
Медный кувшин
Глава 1. Горацию дается поручение
Глава 2. Дешевая покупка
Глава 3. Сюрприз при открывании
Глава 4. На свободе
Глава 5. Карт-бланш
Глава 6. Ненужные богатства
Глава 7. Благодарность – яркое предвкушение грядущих благ
Глава 8. Холостяцкая квартирка
Глава 9. (Гнушайся, о чадо, роскошью персов!)
Глава 10. В гостях хорошо, а дома лучше!
Глава 11. Дурацкий чертог
Глава 12. Вестник надежды
Глава 13. Выбор зол
Глава 14. Так как исхода нет, то поцелуемся да и расстанемся
Глава 15. Головокружительные почести
Глава 16. Убийственное положение

Глава 17. Объяснение на вышке
Глава 18. Кривая вывезла
Эпилог
Шиворот-навыворот
Глава 1. Черный понедельник
Глава 2. Великое превращение
Глава 3. Неожиданные осложнения
Глава 4. Минога среди тритонов
Глава 5. В опале
Глава 6. Учение – свет
Глава 7. Разрубить узел
Глава 8. Роковые кролики
Глава 9. Письмо из дома
Глава 10. Новейший письмовник
Глава 11. День отдыха
Глава 12. Приговор
Глава 13. Отсрочка
Глава 14. Не рассчитал
Глава 15. Рубикон
Глава 16. Новые осложнения
Глава 17. Коварный союзник
Глава 18. Загнан в угол
Глава 19. Выяснение отношений

Аннотация

Герой повести «Медный кувшин» – молодой лондонский архитектор Гораций Вентимор – случайно выпускает на волю древнего арабского джинна, просидевшего взаперти шесть тысяч лет. В обмен на свободу джинн обещает выполнить все желания своего нового хозяина. Но в итоге он приносит больше вреда, чем пользы, и вот уже Гораций мечтает навсегда избавиться от неугомонного духа…

Чопорный британский коммерсант Пол Балтитьюд провожает сына в частный пансионат. Мальчик совсем не хочет ехать, а вот скучающий по беззаботным школьным временам Пол с удовольствием оказался бы на его месте. Внезапно его желание сбывается: отец и сын меняются телами! Но только оказывается, что жить чужой жизнью совсем не просто…

Ф. Энсти
Медный кувшин
Шиворот-навыворот

© Перевод. С. Белов, наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Медный кувшин

Глава 1
Горацию дается поручение

— Сегодня — как раз шесть недель! Да, шесть недель тому назад! — сказал вполголоса Гораций Вентимор и вытащил часы. — Половина двенадцатого… Что же я делал тогда в половине двенадцатого?

Сидя у окошка в своей конторе, на Большой Монастырской улице в Вестминстере, он перенесся мыслью к тому яркому августовскому утру, которое теперь казалось таким далеким и невозвратимым. Именно в этот час он ждал на балконе гостиницы — единственной гостинице в Сен-Люке, крошечном приморском местечке в Нормандии, куда его занес счастливый случай во время одинокой поездки на велосипеде, — ждал ее появления.

Он как сейчас видел всю обстановку: миниатюрный заливчик, на зеленую воду которого сонно ложилась фиолетовая тень утеса; движение волн, лениво плескавшихся у мостиков, с которых он сам кидался в воду полчаса назад; он вспомнил, как далеко плавал к бакену; вспомнил,

с каким радостным предчувствием одевался и лез по крутой тропинке к террасе гостиницы.

Ибо разве ему не предстояло провести весь остаток этого блаженного дня в обществе Сильвии Фютвой? Разве не собирались они вместе на велосипедах (правда, с ними ехали и другие, но те не считались) в Виолет, чтобы закусить там над утесом и нестись обратно, все время вместе, среди душистого сумрака по береговым склонам, между тополями или вдоль ржаных полей, отливающих золотом под ярко-пурпуровым небом?

Он видел себя обходящим мощеный двор перед гостиницей и вспомнил, как его охватил внезапный страх прозевать ее. Перед ним была только низенькая тележка с холстинным верхом, предназначенная для доставки профессора Фютвоя с женой на сборный пункт.

Вот, наконец, появилась и Сильвия, умопомрачительно прекрасная и свежая в своей легкой розовой блузке и юбке цвета крем. Как грациозна, приветлива и вообще очаровательна была она весь этот незабвенный день, наилучший в ряду других дней, несколько менее прекрасных и теперь миновавших навек!

Правда, не все в них было совершенством. Старый Фютвой порою слегка надоедал своими

бесконечными диссертациями о египетском искусстве и о старинных восточных письменах, будучи уверен, что Гораций горячо интересуется ими, хотя последний только политично притворялся. Профессор был ученейшим из археологов и положительно лопался от сведений по своим любимым предметам, но весьма возможно, что Гораций проявлял бы меньше любознательности касательно разницы между клинообразными или арамейскими и арабскими надписями, если бы его собеседник был отцом другой девицы. Впрочем, подобная неискренность является доказательством искренней любви.

Так, мучая сам себя, Гораций рисовал себе картины этих каникул, проведенных в Нормандии: деревянные избушки с линюче-синими ставнями и черепичными крышами, поросшими тростником; шпили деревенских церквей, сверкающие над бронзово-зелеными берегами; крутые склоны у моря; желтые и оранжевые утесы, имеющие мрачный вид рядом со вспаханными полями или лугами у их подошвы; пятнистый, белый с черным скот, мирно пасущийся у моря, цвета ляпис-лазури и малахита, — и повсюду присутствие Сильвии, звук ее голоса в ушах! А теперь… Он поднял взор с бумаг и транспаранта на своей кон-

торке, обвел глазами тесную комнатку, в которой работал, взглянул на планы, фотографии, разные рамки на стенах и почувствовал глухое раздражение против этой обстановки. Из окна открывался веселый вид на высокую рассыпающуюся стену, прежде входившую в состав старинной ограды аббатства и увенчанную фризом, над ржавыми остриями которого протягивались желтеющие ветви нескольких платанов.

— Она непременно полюбила бы меня, — мелькнули у него отрывочные мысли. — Можно было поклясться в этом, особенно в тот последний день… И родители ее ничего не имели против. Мать довольно радушно просила меня зайти к ним по возвращении в город. Когда я пошел…

Когда он пошел, то вышло совсем иное, весьма обычное для знакомств, завязавшихся на континенте, на водах. Было трудно определить, но невозможно не заметить некоторую формальную непринужденность со стороны г-жи Фютвой и даже со стороны Сильвии, которые как будто намекали на то, что не всякая дружба переживает переезд через Ла-Манш. Он ушел с болью в сердце, но с ясным сознанием, что теперь необходимо ждать первых шагов с их стороны. Пусть позовут его обедать или хоть пригласят бывать…

Но прошло более месяца, и от них не было вестей. Нет, разумеется, все кончено! Он должен понять, что от него отвернулись.

— Во всяком случае, — говорил он себе с коротким и невеселым смехом, — это довольно естественно. Г-жа Фютвой, вероятно, справлялась о моих профессиональных перспективах. Да оно и лучше! Как могу я жениться, еще не достигнув самостоятельности? Сейчас я только себя содержу прилично. Я не имею права свататься к кому-либо, не говоря уже о Сильвии. Если бы я с ней виделся, я уступил бы искушению. Это не невеста для такого нищего, как я, обреченного на несчастье. Однако ныть совершенно бесполезно. Взглянем лучше на последнее произведение Бивора.

Он развернул большой раскрашенный план, на уголке которого была подпись: «Вильям Бивор, архитектор», и начал разглядывать его с неособенной благосклонностью.

— Бивор лезет в гору, — решил он про себя. — Бог свидетель, я не завидую его успехам. Он — славный парень, хотя его архитектурные вымыслы ужасны. Но кто я такой, чтобы критиковать его? Он преуспевает, а я — нет! Между тем, будь я на его месте, чего бы только я не сделал!

Тут необходимо заметить, что в этом не было обычного самообмана бездарности. Талант у Вентимора на самом деле был выше среднего; при лучших условиях его идеалы и честолюбивые стремления могли бы достигнуть признания и осуществления.

Но у него как-то не хватало энергии; сверх того он был слишком горд, чтобы выставляться напоказ, и до сих пор ему упорно не везло.

Поэтому в данный момент у него не было других занятий, кроме как помогать по мере надобности Бивору, пополам с которым он нанимал деловое помещение и конторщика; и ему невесело было чувствовать, что с каждым годом такой насильственной полупраздности он все более отстает от прочих в погоне за богатством и славою, так как ему уже минуло двадцать восемь лет.

Если девица Сильвия Фютвой когда-нибудь питала к нему действительное влечение, то понять это было нетрудно. Гораций Вентимор не был образцом мужской красоты, такие образцы часто встречаются только в романах, да и там не интересны, но его резко очерченное и чисто выбритое лицо дышало известным благородством, и если около рта слегка обозначились иронические черточки, зато серо-голубые глаза глядели

замечательно открыто и приятно. Он был хорошо сложен и достаточно высок, чтобы никак не считаться приземистым; белокурый и бледный, но без оттенка болезненности, он производил впечатление человека, принимающего жизнь как она есть и с юмором встречающего те тучи, которые могли омрачить его горизонт.

Раздался стук в дверь, которая вела в кабинет Бивора, и влетел сам Бивор, красный, плотный человек с узенькими бочками.

— Слушайте, Вентимор, вы еще не сбежали с планами того дома, что строится у меня в Ларчмире? Потому что… Ах! Вот вы именно их просматриваете! Извиняюсь, что помешаю, но…

— Ничего, милейший, берите, пожалуйста, я уже просмотрел.

— Я сейчас еду в Ларчмир. Там надо принять материалы, а оттуда — в Фитльсдон. Это потребует времени, так что я пропаду на несколько дней. Харисана беру с собой. Ведь он вам здесь не понадобится?

Вентимор засмеялся.

— Ничего не поделаешь, я могу и без помощника. Вам он нужнее, чем мне. Вот ваши планы.

— Я и сам доволен ими, знаете, — сказал Бивор, — эта крыша ведь недурна? Хорошо, что мне

пришло на ум положить на нее этот орнамент вдоль гребня. Вы видите, я воспользовался одним из ваших окошек с ничтожным добавлением. Я уже склонялся последовать вашему совету и сделать оба фасада одинаковыми, но потом решил, что так будет оригинальнее: тут — красный кирпич, а там — плитки.

— О да, — согласился Вентимор, зная, что возражения бесполезны.

— Не думайте, конечно, — продолжал Бивор, — что я особенно стою за оригинальность для обывательских домов. Среднему клиенту не более нужен оригинальный дом, чем оригинальная шляпа. Он требует только того, что более или менее общепринято. Я часто думал, старина, что, может быть, именно поэтому вы и не преуспели… Ведь вы не в претензии за откровенность?

— Ничуть, — весело ответил Вентимор, — откровенность есть цемент дружбы. Валяйте дальше!

— Я только хотел сказать, что вам не принесли пользы ваши оригинальные фантазии. Если бы вам повезло хоть завтра и вы получили бы заказ, я уверен, что вы навредили бы себе какой-нибудь особенной выдумкой.

— Такие соображения по меньшей мере преж-

девременны, так как на моем горизонте нет ни тени заказа.

— А мне повезло, едва я взялся за дело, — сказал Бивор. — Но главное в том, — продолжал он с оттенком самодовольства, — чтобы уметь воспользоваться случаем. Однако мне пора, а то пропущу поезд. Вы взгляните без меня на мою корреспонденцию и сообщите мне, о чем будет нужно. Ах, кстати, мне только что прислали смету Вудфордской школы. Посмотрите, пожалуйста, и скажите, верно ли. Да, еще новый флигель в Тускулум-Лодже… Вы можете вычертить его на досуге. Все найдете у меня в конторке. Спасибо, спасибо, мой милый!

Бивор кинулся обратно к себе в комнату и начал торопить Харисана, своего конторщика. Затем кликнули извозчика, затопали по старой лестнице; отъезжавший экипаж затарахтел по неровной мостовой, а потом воцарились безмолвие и одиночество.

Было бы неестественно не ощутить некоторую зависть. Бивор имел в мире свое назначение: даже если оно состояло лишь в том, чтобы портить леса и парки нелепыми или претенциозными дачами, все же это был труд, дававший ему право на уважение в глазах всех здравомыслящих людей.

А в Горация никто не верил. Доселе плоды его творчества еще ни разу не воплощались в кирпич и камень. Нигде не стояло такого здания, благодаря которому могла бы сохраниться после его смерти память о нем самом и о его таланте.

Такие мысли не были приятны, и, чтобы от них избавиться, он пошел в кабинет Бивора за бумагами, о которых упоминал последний: надо было хоть чем-то заняться, пока не настанет время идти в клуб и завтракать. Не успел он усесться за дело, как на площадке зашаркали чьи-то ноги и раздался стук в дверь конторы. «Еще заказ для Бивора, — подумал он. — Вот уж везет этому парню! Надо пойти сказать, что он уехал по делу».

Но, войдя в соседнюю комнату, он услышал повторение того же стука, и на этот раз — у собственной двери; поспешив вернуться, чтобы положить конец этой игре в прятки, он увидел, что пришедший ищет именно его и что это не кто другой, как сам профессор Антон Фютвой.

Профессор стоял на пороге, щуря из-за очков свои близорукие глаза, и, вытянув шею из широкого пальто, напоминал собой любопытствующую черепаху. Горацию его появление было приятнее, чем приход самого богатого заказчика, ибо как мог прийти к нему в гости отец

Сильвии, если бы она сама не желала продолжать знакомство? Он даже мог явиться с каким-нибудь поручением или приглашением.

Итак, несмотря на то что, на объективный взгляд, профессор ничем не мог вызвать дикого восторга, Гораций был непритворно рад его видеть.

— Вы слишком добры, что пришли навестить меня, — сказал он с жаром, усадив его в единственное кресло, предназначенное для гипотетических заказчиков.

— Нет, нисколько. Боюсь, что ваше посещение, когда вы были у нас в Коттсморе, вышло не совсем удачным.

— Неудачным? — повторил Гораций, недоумевая, что будет дальше.

— Имею в виду тот факт, может быть, и не замеченный вами, — пояснил профессор, почесывая с легкой раздражительностью свои жидкие поседевшие бакенбарды, — что меня самого в тот раз не оказалось дома.

— Да, это была большая неудача, — сказал Гораций, — хотя я знаю, как занято ваше время. Тем любезнее с вашей стороны найти минутку, чтобы зайти просто так поболтать.

— Я пришел не ради болтовни, господин Вен-

тимор. Я никогда не болтаю. Я хотел видеть вас по делу, надеясь, что вы… Но замечаю, что вы заняты, может быть, слишком заняты, чтобы отрываться ради такой мелочи.

Было довольно ясно, что профессор собрался строиться и решился — неужели по совету Сильвии? — поручить это дело ему! Но молодой человек постарался умерить свой предательский пыл и ответил (не отступая от истины), что не делает ничего такого, чего не мог бы отложить, и что если профессор сообщит ему о своей надобности, то он будет рад услужить ему.

— Тем лучше, — сказал профессор. — И жена, и дочь говорили мне, что я намерен слишком злоупотребить вашей добротой, но я ответил им, что, если не ошибаюсь, дела господина Вентимора не так многочисленны, чтобы он не мог отвлечься от них на несколько часов…

Очевидно, дело не в постройках. Не понадобился ли он им как провожатый? Но даже и на это он не смел бы надеяться несколько минут назад. Он поспешил повторить, что сегодня совершенно свободен.

— В таком случае, — сказал профессор, начиная рыться у себя в карманах, — не искал ли он записки, написанной рукою Сильвии? — в таком

случае вы окажете мне истинное одолжение, если пойдете на распродажу в Гаммондов аукционный зал, что в Ковент-Гардене, и поторгуетесь за меня.

Каково бы ни было разочарование Вентимора, надо воздать ему честь, что он ничем его не выказал.

— Конечно, я с удовольствием пойду, если могу быть полезным.

— Я знал, что приду к вам не напрасно, — сказал професор. — Я помню, с какой изумительной готовностью вы провожали мою жену и дочь по страшному зною в Сен-Люке, когда преспокойно могли бы сидеть со мной в отеле. Я и теперь не стал бы вас тревожить, только мне нужно позавтракать в Восточном клубе, а затем назначен осмотр и составление отчета для музея о недавно открытой надписи, это отнимает у меня весь остаток дня, так что будет физически невозможно пойти к Гаммонду, а посылать наемных людей я не люблю. Где же у меня этот каталог?.. Ах, вот он! Мне его прислали душеприказчики моего старого приятеля, генерала Коллингама, скончавшегося на днях. Я познакомился с ним в Накаде, на раскопках, несколько лет назад. Он тоже был коллекционером на свой лад, только понимал

очень мало и его, разумеется, надували направо и налево. Большая часть из его вещей — просто хлам, но есть несколько предметов, которые стоило бы купить по разумной цене человеку, знающему толк.

— Но дорогой профессор, — возразил Гораций, вовсе не радуясь такой ответственности, — боюсь, как бы и мне не накупить хлама. Я не имею специальных познаний о восточных древностях.

— В Сен-Люке, — сказал профессор, — мне казалось, что для любителя вы имеете исключительно точное знание и понимание египетского и арабского искусства, начиная с древнейшего периода (если так, то Гораций мог только со стыдом признать себя страшным хвастуном и обманщиком). Впрочем, я и не желаю вас обременять сверх меры: как вы увидите по каталогу, я отметил предметы, которыми особенно интересуюсь, и назначил предел цены, до которого готов дойти. Поэтому вам будет не трудно.

— Очень хорошо, — сказал Гораций. — Отправляюсь прямо в Ковент-Гарден, а оттуда уж постараюсь сбегать позавтракать.

— Ну, пожалуй, если вы так любезны. Предметы, отмеченные мною, вероятно будут предлагаться почти подряд, но пусть это соображение не от-

влекает вас от завтрака, и, если вы пропустите что-либо вследствие отлучки, — ну что ж, это не беда, хотя, пожалуй, и придется пожалеть... Во всяком случае, не забудьте отметить, сколько стоит каждая вещь, и, может быть, вам не трудно будет черкнуть мне словечко при возвращении каталога... или постойте! Нельзя ли вам заглянуть ко мне нынче вечером и сообщить мне, чего вы достигли? Это будет лучше.

По мнению Горация, это, конечно, было лучше, и он решил зайти вечером, чтобы дать отчет о своем поручении. Оставался вопрос о деньгах на тот случай, если бы тот или другой предмет остался за ним; ему пришлось признаться, что в данный момент у него не наберется и десяти фунтов. Тогда профессор вынул из бумажника ассигнацию на такую сумму и вручил ее ему с видом благодетеля, помогающего достойному бедняку.

— Не превышайте назначенных мною цен, — сказал он, — так как сейчас я не располагаю большими деньгами, и, пожалуйста, назовите у Гаммонда свою фамилию, а не мою. Если публика узнает, что я покупаю эти вещи, то набьет цену. Теперь же не буду задерживать вас, тем более что время бежит. Я уверен, что вы постараетесь для

меня как можно лучше. Итак, до вечера!

Несколько минут спустя Гораций ехал в Ковент-Гарден на лучшем извозчике, какого мог достать.

Профессор требовал от него несколько более, чем ему давало право их знакомство, и был слишком уверен в его согласии, но что из этого? Как-никак ведь это был отец Сильвии.

«Даже с моей удачливостью, — думал он, — мне надо бы купить хоть одну или две из отмеченных вещей; суметь бы только угодить ему — и отсюда могут быть последствия!»

В таком радужном настроении Гораций вошел в общеизвестный аукционный зал Гаммонда.

Глава 2
Дешевая покупка

Несмотря на то что был уже час завтрака, когда Вентимор прибыл в Гаммондов аукционный зал, но огромная стеклянная галерея, где происходила продажа обстановки и имущества покойного генерала Коллингама, оказалась переполненной, что показывало, что скончавшийся офицер был известен как знаток.

Узкие, обтянутые зеленой байкой столы под эстрадой аукциониста были заняты профессиональными торговцами, в их числе попадались и женщины, которые сидели с бумагой и карандашом в руках, являя то наружное безразличие и внутреннюю настороженность, какие можно подметить в залах Монте-Карло. Вокруг стояла спокойная толпа деловитых людей, по большей части покупателей различного типа.

На скамье, похожей на учительскую кафедру, сидел аукционист, производивший продажу с беспристрастием судьи и достоинством, не допускавшим, даже при самых похвальных замечаниях, ни малейшего оттенка энтузиазма.

Лучи октябрьского солнца, проникая сквозь стеклянную крышу, золотили тусклые газовые рожки и наполняли пыльную атмосферу бледным золотом.

Но все-таки полное отсутствие возбуждения в толпе, спокойный и ровный голос аукциониста и случайный жалобный выкрик носильщика: «Вещь здесь, господа!», если какой-нибудь предмет был слишком тяжел для передвижения, — все это подействовало угнетающим образом на обычно живого Вентимора.

Гораций знал, что коллекция в целом не имела большой ценности, но скоро стало ясно, что и другие, кроме профессора Фютвоя, отметили все действительно замечательные вещи, какие там были, и что профессор пометил цены значительно ниже тех, которые, казалось, были готовы за них дать.

Вентимор делал свои надбавки с наивозможной скромностью, но время от времени встречал такую конкуренцию по поводу какого-нибудь дырявого фонаря из мечети, гравированного кувшина или древней фарфоровой черепицы, что быстро достигал положенного ему предела и утешался единственно тем, что вещь окончательно продавалась почти вдвое дороже профессорской

оценки.

Несколько торговцев и перекупщиков, отчаявшись выгодно приобрести что-либо, ушли, бормоча проклятия; большинство же из тех, кто еще оставался, перестали серьезно интересоваться происходившим и утешалось дешевыми остротами при всяком удобном случае.

Продажа медленно подвигалась вперед; от постоянного разочарования и голода Гораций почувствовал усталость и был очень рад, когда толпа поредела и ему удалось сесть за один из крытых зеленою байкой столов; тем временем небо из синевато-серого стало темно-серым от надвигавшихся сумерек.

Пара добродушных бирманских будд была только что пущена с торгов и с задумчивой, загадочной улыбкой переносила унижение пойти за девять с половиной шиллингов. Гораций ждал только последней из отмеченной профессором вещи: древнеперсидского медного кубка, выложенного серебром и с надписью из Гафиза, вырезанной по краям.

Предел, до которого ему было разрешено дойти, состоял в двух фунтах и десяти шиллингах, но Вентимору так отчаянно не хотелось вернуться с пустыми руками, что он решил прибавить

лишний соверен, если это будет необходимо, и, конечно, умолчать об этом.

Однако когда кубок был поставлен на стол, то цена скоро возросла до трех фунтов десяти, до четырех фунтов десяти, до пяти фунтов, до пяти гиней; за эту последнюю сумму он и был приобретен бородатым мужчиной, который сидел справа от Горация и немедленно начал рассматривать свою покупку более снисходительным взором.

Вентимор сделал все, что мог, и потерпел неудачу; ему не было причины оставаться дольше, но все-таки он продолжал сидеть, единственно из усталости и нежелания двигаться.

— Теперь номер 254, господа, — машинально проговорил аукционист, — большой ящик от египетской мумии, красиво… Нет, прошу извинения, я ошибся. Эта вещь по какому-то недоразумению не попала в каталог, хотя ее следовало внести. Все, что сегодня продается, господа, принадлежало покойному генералу Коллингаму. Назовем это: номер 253, античный медный кувшин. Интересная вещь!

Один из носильщиков пронес кувшин между столами и с устало-небрежным видом поставил его на дальний конец.

Это был старый устойчивый пузатый сосуд

около двух футов вышины с длинным толстым горлом, отверстие которого было закрыто чем-то вроде металлической пробки или капсулы; но бокам не было видно украшений; стенки были грубы и покрыты углублениями, оставшимися от бывшей инкрустации, теперь отчасти выпавшей. Как антикварная вещь она, конечно, обладала кое-какими достоинствами; у более легкомысленных зрителей она вызвала остроты.

— Как вы назовете эту вещь? — спрашивал у аукциониста один из них с видом шаловливого ребенка, старающегося рассердить учителя. — Это также единственное в своем роде?

— Вы сами можете судить не хуже меня, — был осторожный ответ. — Всякий видит, что это не новодельный хлам.

— Красивое украшение для камина, — заметил один из шутников.

— Крышка-то отвинчивается, что ли, или как? — спросил третий. — Похоже, что закрыта довольно плотно.

— Не могу вам ответить. По-видимому, ее совсем не открывали некоторое время.

— Тяжеленькая! — сказал главный остряк, приподнявший ее. — А что там внутри, сардинки?

— Я вас не уверял, что внутри есть что-ни-

будь, — сказал аукционист. — Но если вы хотите знать мое мнение, то я думаю, что в ней деньги.

— Сколько?

— Вы меня не понимаете, господа. Если я говорю, что в ней деньги, то это не значит, что они лежат внутри. У меня нет оснований быть уверенным, что там вообще есть что-нибудь. Я просто предполагаю, что вещь может стоить больше, чем кажется.

— Конечно! Можно поверить без труда!

— Ладно, ладно! Не будем терять времени, оставим рассуждения и предлагайте цену. Ну, начинайте!

— Два с половиной пенни! — крикнул комик, как будто со страшным усилием.

— Господа, прошу не шутить. Надо же, знаете, и кончить. Что-нибудь для начала! Пять шиллингов? Один металл стоит дороже. Но я делаю надбавку. Шесть. Посмотрите на нее хорошенько. Такая вещь не встречается на каждом шагу.

Кувшин ходил по рукам, получая незначительные щелчки и шлепки, и дошел до соседа Вентимора с правой стороны, который осмотрел его очень внимательно, но надбавки не сделал.

— Он хорош, знаете, — шепнул он на ухо Горацию. — Славная штука действительно. Будь я на

вашем месте, я бы купил!

— Семь шиллингов — восемь — девять дают за него там в углу, — говорил аукционист.

— Если вы находите, что он так хорош, почему же не берете сами? — спросил Гораций у соседа.

— Я? Ну, он не совсем в моем вкусе. Да, кроме того, последняя покупка почти очистила мои карманы. На сегодня я кончил. Но все равно это редкость; не знаю, видел ли я когда-нибудь медный сосуд точно такой формы, но это — настоящая старина, только здешние молодцы слишком невежественны, чтобы знать ему настоящую цену. Я не считаю для себя трудом дать вам совет.

Гораций встал, чтобы лучше рассмотреть верхушку. Насколько он мог разглядеть при мигающем свете одного из газовых рожков, который был только что зажжен по приказанию аукциониста, на крышке были полустертые штрихи и треугольники, — пожалуй, какая-нибудь надпись. А в таком случае не здесь ли было средство вернуть благосклонность профессора, которую он чувствовал, что мог потерять, заслуженно или нет, благодаря своей неудаче.

Едва ли он мог тратить деньги профессора на вещь, которая не была намечена в каталоге; он не имел разрешения покупать ее, но у него было в

запасе несколько собственных денег. Почему бы не купить на свои, если хватит? Если же его перебьют, как доселе, то никакой беды в этом нет.

— Тринадцать шиллингов, — говорил аукционист своим бесстрастным тоном.

Гораций встретился с ним глазами, слегка поднял свой каталог, в то же время кто-то другой кивнул головой.

— Двое — четырнадцать!

Гораций снова поднял каталог. «Я не пойду дальше пятнадцати», — думал он.

— Пятнадцать! Это против вас, сударь! Кто больше пятнадцати? Шестнадцать! Это оригинальный, старый, восточный кувшин — только за шестнадцать шиллингов!

«В конце концов, — думал Гораций, — отчего не дойти и до фунта?» — И он дошел до семнадцати.

— Восемнадцать! — крикнул его соперник, маленький веселый торговец с лицом херувима, в то время как соседи уговаривали его «сидеть смирно, как умный мальчик и не тратить зря своих карманных денег».

— Девятнадцать, — сказал Гораций.

— Фунт! — ответил херувимоподобный человек.

— Только фунт за большой медный сосуд, —

безучастно сказал аукционист. — Все кончено за фунт?

Гораций подумал, что один-другой шиллинг не разорят его, и кивнул головой.

— Гинея! В последний раз. Итак, вы отступаете, сударь? — спросил аукционер у маленького человека.

— Продолжай, Томми. Не давай себя побить. Брось еще монетку, Томми! — иронически советовали друзья. Но Томми отрицательно покачал головой с видом человека, который знает, когда выдернуть удочку.

— Одна гинея, ведь это половина его стоимости! — сказал аукционист господину слева скорее печально, чем сердито, — и медный кувшин стал собственностью Вентимора.

Он заплатил за него. Но так как нельзя было идти домой, обнявшись с толстым медным кувшином и не привлекая совершенно ненужного внимания, он решил отослать его к себе на квартиру на Викентьеву площадь.

Когда он вышел на улицу, на свежий воздух, направляясь к себе в клуб, то он начал все более удивляться тому, что на него напало и заставило его выбросить гинею за эту вещь весьма сомнительной ценности, когда у него не хватало денег

и на необходимые расходы.

Глава 3
Сюрприз при открывании

В тот вечер, когда Вентимор шел по направлению к Коттсмору, его думы были крайне непоследовательны или, вернее, представляли собою полный хаос. Мысль, что он сейчас увидит Сильвию, заставляла его кровь течь быстрее, хотя он и решил бесповоротно, что не скажет ей ничего, кроме того, что требует вежливость.

Он то благословлял профессора Фютвоя за счастливую мысль воспользоваться им, то горько размышлял, что для его собственного спокойствия было бы лучше, если бы его не трогали. Сильвия с матерью больше не хотели его видеть; если бы они хотели, то раньше попросили бы его прийти. Несомненно, они будут терпеть его ради профессора, но кто бы не предпочел быть совсем забытым, чем только терпимым?

Чем чаще он будет видеть Сильвию, тем сильнее будет его сердце болеть бесплодной тоской, тогда как теперь он почти примирился с ее равнодушием и скоро совсем излечится, если не будет видеть ее. Зачем же ему видеть ее? Ему вовсе и не

нужно входить в дом. Он просто может оставить каталог, прося передать привет, и профессор узнает все что нужно.

Второй его мыслью было, что он должен зайти хотя бы для того, чтобы возвратить деньги, но он будет спрашивать только профессора. По всей вероятности, его не попросят в комнаты жены и дочери, а если бы и так, то он просто может отказаться, извинившись. Пусть они думают, что это немного странно и даже нелюбезно, но, в общем, они будут так довольны, что даже не станут долго думать.

Когда он пришел в Коттсмор и на самом деле очутился у дверей дома Фютвоев, одного из самых элегантных и скромных в этом отдаленном и безукоризненном квартале, то малодушно начал надеяться, что профессора может не быть дома и в таком случае позволительно только оставить каталог, а вернувшись домой, письменно сообщить о своей неудаче на аукционе и отослать деньги.

Профессора действительно не оказалось дома, но Гораций не обрадовался так, как ожидал. Горничная сказала, что дамы в гостиной, и, по-видимому, была уверена, что он зайдет. Тогда он попросил доложить о себе. Он не останется

долго, а как раз столько, сколько потребуется для объяснения дела, и даст понять, что он не хочет навязывать им свое знакомство. Он застал г-жу Фютвой во второй половине красивой двойной гостиной за писанием писем, а Сильвия, которая была еще более ослепительна, чем когда-либо, в черном газовом платье с лиловым кушаком и букетиком пармских фиалок на груди, удобно расположилась с книгой в руке в первой комнате. Она как будто была удивлена, а быть может, и раздосадована тем, что ее потревожили.

— Я должен извиниться, — начал он с невольной сухостью в тоне, — что зашел к такое неподходящее время, но дело в том, что профессор…

— Я знаю, вы относительно этого дела, — быстро прервала его г-жа Фютвой, и ее проницательные светло-серые глаза остановились на нем с холодным вниманием, хотя без неприязни. — Мы слышали, как мой муж бессовестно воспользовался вашей добротой. Правда, ведь это очень нехорошо с его стороны просить такого занятого, как вы, человека, оставить свою работу и потерять целый день на глупом аукционе!

— О, у меня не было никакой особенной работы. Я не могу назвать себя занятым человеком… к несчастью, — сказал Гораций с гордой откровен-

ностью, не желая скрывать того, что другие уже превосходно знали.

— Ах, это очень мило с вашей стороны не придавать этому никакого значения, но все-таки он не должен был делать этого… после такого короткого знакомства. А еще хуже то, что он неожиданно ушел сегодня, но он скоро вернется, если вы ничего не имеете против того, чтобы подождать немного.

— Это совершенно лишнее, — сказал Гораций, — потому что каталог объяснит ему все. Все вещи, которыми он интересовался, были проданы за гораздо большую сумму, чем он предполагал дать, я не мог купить ни одной из них.

— Я положительно радуюсь этому, — сказала г-жа Фютвой, — потому что его кабинет переполнен всяким хламом, и мне не хотелось бы, чтобы весь дом был похож на музей или антикварную лавку. Мне стоило страшного труда убедить его, что огромный пестрый позолоченный ящик от мумии не вполне подходящая вещь для гостиной. Садитесь, пожалуйста, господин Вентимор.

— Благодарю вас, — сказал, заикаясь, Гораций, — я не могу остаться. Если вы будете добры передать профессору, как я был огорчен, не застав его дома, и вручить ему эти деньги, которые он

мне оставил на всякий случай, я... я больше не буду вас затруднять своим присутствием.

Обыкновенно он не смущался в обществе ни при каких обстоятельствах, но теперь был охвачен диким желанием бежать, которое заставило его, к его собственному огорчению, держать себя как робкий школьник.

— Пустяки, — сказала г-жа Фютвой. — Я уверена, что мой муж был бы очень недоволен, если бы мы не удержали вас до его прихода.

— Мне в самом деле нужно идти, — сказал он довольно решительно.

— Мы не должны принуждать г-на Вентимора оставаться, если он так очевидно хочет уйти, — сказала Сильвия холодно.

— Хорошо, я не буду удерживать вас или удержу лишь ненадолго. Не можете ли опустить мое письмо в почтовый ящик, когда будете проходить мимо? Я его почти закончила, и оно непременно должно пойти сегодня, а моя горничная Джесси так простудилась, что мне не хотелось бы посылать ее.

После этого нельзя было бы не остаться волей-неволей.

Ведь это займет только несколько минут! Сколько времени Сильвия может пожертвовать

ему! Он не будет беспокоить ее опять. Г-жа Фютвой пошла к письменному столу. Сильвия и он остались одни.

Она села недалеко от него и сказала несколько общих фраз, явно только из простой вежливости.

Он отвечал машинально и с ужасом думал: неужели это та самая девушка, которая так дружески и так очаровательно доверчиво болтала с ним в Нормандии несколько недель назад?

Всего ужаснее было то, что она была очаровательнее, чем когда-либо: ее тонкие руки блистали белизной сквозь черное кружево рукавов, золотые нити искрились в мягких волнах каштановых волос при свете стоявшей сзади нее лампы, слегка нахмуренные брови и опущенные углы губ, казалось, выражали скуку.

— Как страшно долго мама пишет письмо! — сказала она наконец. — Пожалуй, лучше пойти и поторопить ее.

— Нет, пожалуйста, не ходите… разве только вы уж очень хотите избавиться от меня!

— А мне казалось, что это вы уж очень хотите убежать, — сказала она холодно. — И вообще, наше семейство отняло у вас достаточно много времени в один день.

— Не так вы разговаривали со мной в Сен-Лю-

ке! — сказал он.

— В Сен-Люке? Может быть! Видите ли, в Лондоне все делается иначе.

— Совсем иначе.

— Когда встречаешься с людьми за границей, они часто кажутся очень милыми в обществе, — продолжала она, — так что невольно считаешь их интереснее, чем они есть в действительности. Потом встречаешься с ними опять и удивляешься, чем только они могли нравиться! И бесполезно притворяться, будто относишься по-прежнему, потому что обыкновенно они начинают понимать это раньше или позже. Вам это не кажется?

— Совершенно с вами согласен, — сказал он, почувствовав себя сильно задетым, — хотя и не знаю, чем заслужил подобные слова.

— О, я не хотела вас обидеть. Вы были бесконечно добры, я не могу себе представить, как папа мог ожидать, что вы возьмете на себя столько хлопот ради него. И все-таки вы это сделали, хотя, конечно, вам было крайне неприятно.

— Боже мой, да разве вы не знаете, что я был бы только слишком счастлив, имея возможность оказать ему хоть малейшую услугу… или вообще кому-нибудь из вас?

— Судя по вашему виду, когда вы вошли, вы ис-

пытывали все что угодно, но не были счастливы. Судя по вашему виду, у вас была единственная мысль: закончить это дело как можно скорее. Ведь вы же сами знаете, что теперь вы страстно хотите, чтобы мама кончила письмо и отпустила вас. Неужели думаете, что я этого не вижу?

— Если это верно или верно только отчасти, — сказал Гораций, — неужели вы не можете догадаться почему?

— Я догадалась еще в тот день, когда вы пришли сюда в первый раз. Мама приглашала вас, и вы думали, что нужно же быть вежливым. Может быть, вы и действительно воображали, что вам будет приятно видеть нас опять, но оказалось, что это не так. О, я сейчас же заметила это по вашему лицу, вы сделались холодно-приличным, далеким и ужасным, и это меня сделало такой же. И вы ушли, окончательно решив, что больше не будете видаться с нами, насколько будет это возможно. Поэтому я так страшно рассердилась, когда услыхала, что папа виделся с вами и по такому поводу.

Все это было так близко к истине и вместе с тем так ее искажало, что Гораций счел себя обязанным ее восстановить.

— Быть может, я должен бы оставить дело так,

как есть, — сказал он, — но не могу. Это бесполезно, я знаю. Можно мне рассказать вам, почему мне в самом деле было больно встретить вас опять? Я думал, что это вы переменились, что вы хотели, чтобы я забыл, что мы были некоторое время друзьями. И хотя я никогда не упрекал вас, но это сильно задело меня, так сильно, что я боялся повторить опыт.

— Это вас сильно задело? — спросила Сильвия мягко. — Может быть, и меня также немножко. — Однако, — прибавила она с внезапной улыбкой, и две очаровательные ямочки появились на ее щеках, — это только показывает, насколько разумнее было выяснить положение вещей. Теперь, может быть, вы перестанете так упорно сторониться нас?

— Мне кажется, — сказал Гораций, все еще не решаясь на прямое признание, — что самое лучшее было бы держаться в стороне.

Ее полузакрытые глаза блеснули сквозь длинные ресницы, фиалки поднимались и опускались на ее груди.

— Мне кажется, я вас не понимаю, — сказала она тоном, в котором звучали обида и боль.

Есть какое-то удовольствие в подчинении соблазнам, оно более чем вознаграждает за

предыдущую муку сопротивления. Будь что будет, он больше не хотел оставаться непонятым.

— Если уж нужно говорить, — сказал он, — то я отчаянно, безнадежно влюблен в вас. Теперь вы знаете причину.

— Это мне не кажется разумной причиной, чтобы желать уйти и никогда больше не видать меня. Как вы думаете?

— Но если я не имею права говорить вам о своей любви?

— Но вы сказали!

— Я знаю, — сказал он тоном раскаяния. — Я ничего не мог поделать! Но я не собирался говорить. У меня нечаянно вырвалось. Я вполне понимаю, как безнадежно…

— Конечно, если вы так уверены, то совершенно правы, даже не делая попытки.

— Сильвия! Неужели вы хотите сказать, что вам… что вам не все равно?

— Неужели же вы действительно не заметили? — сказала она с тихим и счастливым смехом. — Как глупо!.. И как мило!..

Он схватил ее ладонь, которую она оставила в его руке, вполне довольная.

— О, Сильвия! Значит, вы… Значит, вам не все равно! Господи! Но какое же я эгоистичное

животное! Ведь мы не можем пожениться! Ведь могут пройти годы, пока я буду вправе просить вашей руки. Ваши отец и мать и слышать не захотят о нашей помолвке!

— Разве нужно, чтобы они услышали о ней теперь, Гораций?

— Да. Это нужно. Я счел бы себя негодяем, если бы не сказал хоть вашей матери.

— В таком случае вы не должны считать себя негодяем, потому что мы сейчас пойдем вместе и скажем.

Сильвия встала и пошла в следующую комнату. Обняв мать, она сказала ей полушепотом:

— Мама, милая, это положительно ваша вина, потому что вы пишете такие длинные письма. Но… но… мы в самом деле не знаем, как это случилось… Только Гораций и я… мы как-то сосватались. Вы не очень сердитесь, не правда ли?

— Я думаю, что вы оба крайне глупы, — сказала госпожа Фютвой, освобождаясь из объятий Сильвии, и, обернувшись к Горацию, продолжила: — Судя по тому, что я слышала, господин Вентимор, ваше положение не позволяет жениться в данное время.

— К несчастью, нет, — сказал Гораций. — Пока у меня нет ничего. Но удача может прийти

когда-нибудь. Я не прошу у вас руки Сильвии до тех пор.

— А вы знаете, мама, вам ведь нравится Гораций! — уверяла Сильвия. — Я готова ждать его сколько угодно. Ничто не заставит меня отказаться от него, и я никогда не буду любить другого. Значит, видите, вы можете совершенно спокойно дать свое согласие.

— Боюсь, что я сама виновата, — сказала госпожа Фютвой. — Я должна была предвидеть это еще в Сен-Люке. Сильвия — наше единственное дитя, господин Вентимор, и я бы гораздо больше хотела видеть ее счастливой замужем, чем сделавшей так называемую блестящую партию. Но тут как-то мало надежды… Я совершенно уверена, что ее отец не одобрит этого. Не нужно даже говорить ему… Он только рассердится.

— Раз вы не против, — сказал Гораций, — то вы и не запретите мне ее видеть?

— Мне кажется, я должна бы… — сказала г-жа Фютвой. — Но я ничего не имею против того, чтобы вы иногда приходили к нам как обыкновенный гость. Только помните: пока вы не предоставите моему мужу документов, что вы способны содержать Сильвию, как она привыкла, формальной помолвки быть не может. Думаю,

что я имею право просить вас об этом.

Было так ясно, что она права и гораздо более снисходительна, чем ожидал Гораций, — ибо он всегда смотрел на г-жу Фютвой как на не особенно нежную и скорее светскую женщину, что он принял ее условия почти с благодарностью. В конце концов, для него уже было достаточно того, что Сильвия отвечала на его любовь и что ему было разрешено видеться с ней время от времени.

— Немного досадно, — сказала Сильвия задумчиво после того, как ее мать вернулась к своему письму, а она и Гораций принялись говорить о будущем, — немного досадно, что вам не удалось приобрести хоть что-нибудь на этой распродаже. Это могло бы вам помочь относительно папы.

— Да «что-нибудь»-то я купил, только для себя, — сказал он, — и не знаю, может ли это принести мне пользу в глазах вашего отца. — И он рассказал ей, как приобрел медный кувшин.

— И вы в самом деле дали за него много? — спросила Сильвия. — По всей вероятности, вы могли бы приобрести точно такой же, только лучше, у «Либерти» приблизительно за семь с половиной шиллингов! Подобные вещи не представляют для папы ничего интересного, если только они не грязны, не в ржавчине и не чрезмерно стары.

— А эта вещь как раз такая. Я только потому и купил ее, хотя она и не значилась в каталоге, что, мне показалось, будто она могла бы заинтересовать профессора.

— О! — воскликнула Сильвия, сжав свои хорошенькие ручки. — Если бы это было так, Гораций! Если бы ваш кувшин оказался поразительно редким и драгоценным! Я думаю, что папочка был бы так восхищен, что согласился бы на все. Ах, вот его шаги... Он отпирает дверь. Теперь смотрите, не забудьте рассказать ему про этот кувшин.

По-видимому, профессор был не очень в духе, когда входил в гостиную.

— Мне очень досадно, что пришлось уйти и некому было занять вас, кроме жены и дочери. Но я рад, что вы остались. Да, я, конечно, рад, что вы остались.

— Точно так, как и я, — сказал Гораций и стал давать отчет о распродаже, чем не мог улучшить настроение профессора. Тот выпячивал нижнюю губу при некоторых отметках в каталоге.

— Жаль, что я не пошел сам, — сказал он. — Этот кубок, истинно прекрасный образец персидской работы шестнадцатого века, пошел всего за пять гиней! Я бы охотно дал бы десять. Вот, вот! Я думал, что на ваше суждение можно больше

полагаться!

— Если припомните, вы поставили мне строгие пределы относительно цен, которые назначили сами.

— Ничего подобного! — сказал профессор с неудовольствием. — На полях я сделал только указания, не больше. Вы могли быть уверены, что приобрети вы хоть одну из этих вещей за какую угодно цену, я был бы доволен.

Гораций имел мало оснований для подобного мнения, а очень много для уверенности в обратном, но он понял бесполезность возражений и поэтому просто сказал, что огорчен таким недоразумением.

— Без сомнения, вина тут моя, — сказал профессор тоном, подразумевавшим противоположное. — И все-таки, даже оказывая снисхождения к неопытности в подобных вещах, я счел бы невозможным, чтобы кто-либо провел целый день, торгуясь у Гаммонда, и не оставил за собой ни одной вещи!

— Но, папа, — вставила Сильвия, — господин Вентимор купил-таки вещь, только на свой счет. Это медный кувшин, не обозначенный в каталоге, однако, по его мнению, имеющий некоторую ценность. И он очень хотел бы слышать твое

суждение.

— Хм! — фыркнул профессор. — Какая-нибудь медная базарная штука, по всей вероятности. Лучше бы он сберег свои деньги. Каков на вид этот ваш кувшин? А?

Гораций описал его.

— Гм. Похож на арабский кум-кум и, верно, употреблялся вместо лейки или для хранения розовой воды. Таких сотни, — заметил профессор ворчливо.

— На нем есть крышка заклепанная или припаянная, — сказал Гораций. — Общая форма приблизительно такова… И он сделал быстрый набросок на память. Профессор неохотно взял его, а потом поправил очки, несколько заинтересовавшись.

— Да. Форма, конечно, античная. И герметически закрытая крышка, так? Вероятно, внутри есть что-нибудь.

— Не думаешь ли ты, что там внутри сидит какой-нибудь гений, как в запечатанном кувшине, который нашел рыбак в «Арабских сказках»? — воскликнула Сильвия. — Вот была бы потеха!

— Под словом «гений» ты, полагаю, разумеешь джинна. Это более правильный научный термин, — сказал профессор. — Женский род

— джиннья, а множественное число — джинны. Нет, я не считаю такое предположение вероятным. Но мне представляется возможным, что в сосуде, закрытом крышкой, как описывает господин Вентимор, хранились папирусы или другие памятники, интересные в археологическом отношении и могущие оказаться в целости. Я советовал бы вам, сударь, открывать крышку с величайшей осторожностью, не давайте воздуху внезапного доступа к документам, если таковые имеются, и лучше не трогайте их руками. Мне все-таки было бы любопытно узнать, действительно ли там есть что-нибудь, и если есть, то что именно.

— Я открою как можно осторожнее, — сказал Гораций. — И что бы там ни оказалось, можете быть уверены, я вам дам знать немедленно.

После этого он скоро ушел, ободренный сияющим и доверчивым взглядом Сильвии и восхищенный тайным пожатием ее руки при прощании.

Он был щедро вознагражден за все часы, которые провел в душном аукционном зале. Счастье, наконец, повернулось к нему лицом, он был на пути к удаче, он чувствовал это в воздухе, точно веяние крыльев богини Фортуны.

Все еще думая о Сильвии, он вошел в старомодный дом, стоявший на отлете, на северной стороне Викентьевой площади, в котором он квартировал уже несколько лет. Было около полуночи, и его хозяйка, госпожа Рапкин, так же как и ее муж, уже легли спать.

Вентимор вошел в свою гостиную, уютную комнату с двумя высокими окнами, выходящими на окруженную решеткой веранду. Эта комната, которую он меблировал и отделал по-своему, не отличалась тем подавляющим безобразием, какое присуще наемным комнатам.

Было совершенно темно, потому что погода стояла теплая и камин не топился, так что ему пришлось ощупью найти спички, чтобы зажечь лампу. Когда он это сделал и осветил комнату, то первый предмет, который он увидел, был шарообразный длинно-гордый кувшин, купленный днем, теперь стоявший на крашеных половицах у камина. Его доставили с необычной быстротой.

При виде его он почувствовал какое-то отвращение. «Вещь более гнусная, чем я думал», — брезгливо сказал он про себя. «Каминная труба была бы столь же декоративна и уместна в моей комнате. Какой я поразительный осел, что истратил на него целую гинею! Хотел бы я знать, есть

ли в нем действительно что-нибудь. Он так адски безобразен, что обязан быть полезным. Профессор, кажется, воображает, что там — документы, а ведь кому же и знать, как не ему! Я, во всяком случае, это увижу, прежде чем пойду туда».

Он схватил кувшин за толстое, длинное горло и попытался отвинтить крышку, но она оставалась неподвижной, в чем не было ничего удивительного, судя по тому, каким толстым слоем лавоподобной коры она была покрыта.

— Нужно сначала соскоблить это, а потом попробую опять, — решил он и сходил вниз за молотком и долотом, которым стал сбивать кору, пока не обнажился нижний край крышки и нелепая металлическая шишка, как будто кнопка от затвора.

Некоторое время он усиленно жал ее и потом начал сбивать крышку. Затем он зажал сосуд между колен, пытаясь снять крышку. Крышка начала поддаваться очень медленно, еще поворот — и она осталась у него в руке так внезапно, что он с силой отлетел назад и порядочно ушиб затылок об угол панели.

У него осталось смутное представление о том, что кувшин лежит на боку, а из горла его густыми клубами, шипя, валит черный дым и гигантским

столбом тянется к потолку. Он ощущал также какой-то особенно острый и одурманивающий запах. «Я купил что-то вроде адской машины, меня по кусочкам раскидает по всей площади меньше чем через секунду».

Как раз когда он пришел к этому выводу, он окончательно потерял сознание.

Вероятно, он пробыл без памяти не больше нескольких секунд, потому что когда очнулся, то комната все еще была полна дыма, сквозь который он слабо различил фигуру незнакомца, казавшегося ненормально, почти исполински высоким. Но это мог быть оптический обман, благодаря особенному свойству дыма увеличивать предметы, и когда дым рассеялся, то гость оказался не выше среднего роста. Он был пожилых лет, почтенной наружности, в восточном одеянии и в чалме темно-зеленого цвета. Он стоял с поднятыми вверх руками, говорил что-то громким голосом на языке, незнакомом Горацию.

Вентимор, все еще немного одурманенный, не удивился при виде его. Должно быть, госпожа Рапкин сдала, наконец, второй этаж какому-нибудь азиату. Он предпочел бы иметь соседом англичанина, но этот иностранец, вероятно, заметив дым, бросился к нему на помощь, что было

по-соседски и вместе с тем смело.

— Вы ужасно добры, что пришли, сударь, — сказал он, стараясь подняться на ноги. — Я не знаю точно, что случилось, но никакой беды не произошло. Я немножко разбит — вот и все. Кстати, вы, вероятно, говорите по-английски?

— Без сомнения, я говорю так, что меня понимают все, к кому я обращаюсь, — отвечал незнакомец. — Разве ты не понимаешь моей речи?

— Теперь вполне, — сказал Гораций. — Но вы сделали какое-то замечание, которые я не понял. Не будете ли добры повторить его?

— Я сказал: «Каюсь, о божий пророк! И никогда не вернусь к таким деяниям».

— А-а! — сказал Гораций. — Смею сказать, вы были несколько ошеломлены. И я тоже, когда открылась крышка сосуда.

— Скажи мне, это действительно твоя рука сняла печать, о чадо милосердия и добрых дел?

— Да, конечно, это я откупорил, — сказал Вентимор, — хотя не знаю, при чем тут милосердие, потому что не имею понятия о том, что было внутри.

— Я был внутри, — спокойно сказал незнакомец.

Глава 4
На свободе

— Значит, вы были в этой бутыли? — сказал Гораций мягко. — Как странно! — Он начал понимать, что имеет дело с помешанным азиатом, к которому надо было найти какой-то подход. К счастью, он оказался не опасным, хотя, бесспорно, был эксцентричен. Его густые волосы свисали в беспорядке из-под высокой чалмы на щеки ровного, бледно-ревенного цвета, седая борода падала тремя жидкими прядями, а продолговатые узкие глаза цвета опала были широко расставлены слегка под углом, в них отражалось любопытное сочетание лукавства и детской простоты.

— Ты сомневаешься, что я говорю истину? Говорю тебе, что я провел бессчетные столетия в этом проклятом сосуде! Сколько времени, я и сам не знаю, ибо его нельзя исчислить.

— Я бы не подумал, судя по вашей наружности, что вы так долго пробыли в бутыли, — вежливо сказал Гораций. — Но, конечно, вам уже нужна перемена… Могу я спросить вас, если это вам не покажется нескромным, как вы попали в такое

ужасное и неудобное положение? Хотя вы, вероятно, уже забыли за это время.

— Забыл?! — воскликнул тот, и красноватый огонек сверкнул в его опаловых глазах. — Мудро было написано: «Пусть тот, кто ищет забвения, оказывает благодеяния, но память об оскорблении будет жить вечно». Я не забываю ни благодеяний, ни оскорблений.

«Старый джентльмен, познавший горе, — подумал Вентимор. — И в придачу сумасшедший. Приятная личность для сожительства в одном доме!»

— Знай, о ты, лучший из людей, — продолжал незнакомец, — что тот, кто говорит теперь с тобой, есть Факраш-эль-Аамаш, один из Зеленых джиннов. И я жил во Дворце Горы облаков над городом Вавилоном, в саду Ирема, о котором ты, без сомнения, знаешь не понаслышке.

— Кажется, слыхал, — сказал Гораций, как будто это есть адрес, данный в адресном столе. — Восхитительное детство!

— У меня была родственница, Бидия-аль-Джемаль, которая обладала несравненной красотой и многообразными совершенствами. И так как она, хотя и джиннья, принадлежала к числу верных, то я отправил послов к Сулейману Великому,

сыну Дауда, которому предложил ее в супруги. Но некий Джарджарис, сын Реджмуса, сына Иблиса — да будет он проклят навеки! — благосклонно отнесся к девице и, тайно пойдя к Сулейману, убедил его, что я готовлю царю коварную западню на его погибель.

— А вы, конечно, даже и не помышляли ни о чем подобном? — спросил Вентимор.

— Ядовитый язык самые благородные побуждения может сделать грязными, — был уклончивый ответ. — Таким образом случилось, что Сулейман — мир ему! — внял голосу Джарджариса и отказался от девушки. Более того, он повелел схватить меня, заключить в медный сосуд и бросить в море Эль-Каркар, чтобы я там оставался до дня Страшного суда.

— Нехорошо! В самом деле, как нехорошо! — пробормотал Гораций тоном, которым надеялся выразить сочувствие.

— Но ныне благодаря тебе, о потомок благородных предков и добросердечный человек, мое освобождение свершилось. И прослужи я тебе тысячу лет, ни на что иное не глядя, то и таким образом я не расплатился бы с тобой, потому что все это было бы ничтожно в сравнении с твоими заслугами!

— Пожалуйста!.. Не стоит благодарности! — сказал Гораций. — Я бесконечно рад, что был полезен вам.

— В небесах, на воздушных страницах, начертано: «Кто делает добро, получит равную отплату». Разве я не Эфрит из джиннов? Итак, проси — и тебе будет дано.

«Бедный старичок! — думал Гораций. — Его голова сильно не в порядке. Теперь он вскоре захочет поднести подарок, и мне, конечно, нельзя будет принять его».

— Дорогой господин Факраш, — сказал он вслух. — Я ничего не сделал, ровно ничего, но если бы даже и сделал, то никак не могу брать плату за это.

— Каково твое имя и призвание?

— Я должен был отрекомендоваться раньше… Позвольте вручить вам мою карточку. — И Вентимор протянул ему карточку, которую тот спрятал за пояс. — Это адрес моей конторы. Я — архитектор… если вы имеете представление, что это такое. Это человек, который строит дома и церкви… мечети, знаете ли… в сущности, все, что только ему закажут.

— Воистину полезное призвание… За него платят чистым золотом.

— Что касается меня, — признался Гораций, — то платы еще не видывал. Другими словами: мне никогда не платили, потому что у меня еще не было заказчиков.

— Что это за заказчики, о которых ты говоришь?

— Ах, ну какой-нибудь богатый купец, который хочет построить себе дом и не очень смотрит на расходы. Здесь их великое множество, только мне-то они никак не попадаются.

— Дай мне некоторый срок, и, если это возможно, я доставлю тебе такого заказчика.

Гораций невольно подумал, что рекомендация подобного субъекта вряд ли может иметь вес, но так как бедный старик, очевидно, считал себя в долгу и хотел расквитаться, то было бы нелюбезно окатить его холодной водой в награду за доброе намерение.

— Милостивый государь, — сказал он шутливо, — если вам когда-нибудь случится столкнуться с подобного рода заказчиком и если вы сумеете убедить его, что я как раз такой архитектор, какого он ищет, — чего, скажу, доселе никто еще про меня не думал, — да сумеете направить его ко мне, то окажете мне величайшую услугу, на которую я едва могу надеяться. Но, пожалуйста,

не хлопочите из-за этого.

— Это будет легче всего на свете, — сказал гость, — конечно (тут тень мучительного сомнения прошла по его лицу), если хоть часть моего прежнего могущества осталась при мне.

— Ну не стоит думать об этом, — сказал Гораций. — Если не можете, я благодарен и за доброе желание.

— Прежде всего было бы мудро узнать, где пребывает Сулейман. Тогда бы я мог выразить ему покорность и примириться с ним.

— Да, — коротко согласился Гораций, — я бы так и сделал. И это поставил бы себе целью… Только, знаете, не сейчас. Вероятно, он в постели. Завтра утром.

— Я очутился в чужой стране и не знаю, в каком направлении искать его. До тех пор, пока я не найду его, не оправдаюсь в его глазах и не отомщу врагу моему Джарджарису, я не буду знать покоя.

— Хорошо. Только теперь идите спать, как умный старичок, — сказал Гораций успокаивающим тоном, боясь, как бы этот бедный безумный азиат не попал в руки полиции. — Завтра успеете побывать у Сулеймана.

— Я буду искать его по всем краям земли!

— Совершенно правильно. Будьте уверены, что найдете его в одном из них. Только, видите ли, бесполезно начинать сегодня: последний поезд уже давно ушел.

Пока он говорил, ночной ветер принес через площадь бой громадных часов на Вестминстерской башне, которые прозвонили четверть, а затем, после паузы, торжественным раскатом возвестили час ночи.

«Завтра, — думал Вентимор, — поговорю с госпожой Рапкин. Заставлю ее послать за доктором, чтобы поместить его под присмотр. Бедный старик в самом деле не должен разгуливать один!»

— Иду теперь… Сейчас же, — настаивал незнакомец, — потому что нельзя терять времени.

— Ах полноте! — сказал Гораций. — После стольких тысяч лет несколько часов ничего не значат. Да вы не можете идти: теперь дом заперт. Позвольте мне проводить вас наверх, в вашу комнату, сударь!

— Нет. Я должен оставить тебя на некоторое время, о любезный юноша! Да будут счастливы дни твои, да будут равными пути твои, да низвергнутся во прах завистники твои, ибо любовь к тебе вселилась в сердце мое; если это будет мне дозволено, я приму тебя под покровительство

моего благоволения.

Когда он кончил свою речь, то, к безмолвному изумлению Вентимора, исчез сквозь стену, которая была позади него. Во всяком случае, он каким-то образом удалился из комнаты, и Гораций остался один.

От потер себе затылок, который начинал болеть. В самом деле, не мог же он врасти в стену, сказал он себе. Это слишком нелепо! Дело в том, что я чересчур взволнован всем случившимся сегодня. Самое лучшее, что я могу сделать, — это сейчас же лягу спать!

Глава 5
Карт-бланш

Это он тут же исполнил.

Когда Вентимор проснулся на другое утро, его головная боль прошла, а с нею исчезли и все воспоминания, кроме одного: о том удивительном и восхитительном обстоятельстве, что Сильвия любит его и обещала со временем принадлежать ему. Ее мать также была на его стороне, что же ему было отчаиваться в чем-либо, если так? Конечно, приходилось считаться и с профессором, но ведь и его можно уговорить согласиться, в особенности если окажется, что медный кувшин… Тут Гораций начал вспоминать свой удивительный сон, который имел связь с его дипломатической покупкой. Ему снилось, что будто он сбил крышку с кувшина, в котором, вместо древних рукописей, оказался пожилой джинн, утверждавший, что был заключен туда по приказу царя Соломона!

Он недоумевал, что в его голову пришла такая дикая фантазия. Потом он улыбнулся, добравшись до шутливого предположения Сильвии, что в кувшине мог оказаться «гений», как в знаме-

нитом кувшине «Арабских сказок», или джинн, согласно педантичной поправке ее отца. На этом легком основании его сонный мозг воздвиг целое сложное здание — такую живую сцену и такую обстоятельную и правдоподобную историю, что даже теперь, вопреки всей ее необычайности, он едва мог убедить себя, что все это было только в его воображении. Психология снов несет в себе какую-то манящую тайну даже для наименее серьезного исследования.

Когда он вошел в гостиную, завтрак уже ждал его, он оглянулся вокруг, как бы ожидая увидеть в углу кувшин с сорванной крышкой и поваленный набок, как он видел его во сне. Разумеется, его там не было, и он ощутил странное облегчение: кувшин еще не доставили из аукционного зала. Ну, тем лучше, потому что ему еще предстояло убедиться, есть ли что-нибудь внутри, и кто знает, не окажется ли в нем что-нибудь более интересное, чем старый ворчливый джинн со своей тысячелетней обидой!

После завтрака он позвал свою хозяйку, которая немедленно явилась. Госпожа Рапкин была лучшей представительницей своего класса, заслужившего так много нареканий. Она была до крайности чистоплотна и аккуратна в одежде; ее

песочно-желтые волосы были так приглажены и так туго закручены, что это придавало ее голове цвет и форму волоцкого ореха; у нее были острые мышиные глазки, ноздри, которые, казалось, чуяли битву издали, большой рот с тонкими губами, который, казалось, должен захлопываться с треском, и кожа на лице сухая, беловато-коричневая, цветом похожая на отруби.

Впрочем, непривлекательная по наружности, она обладала добрым сердцем и была предана Горацию, к которому относилась с почти материнской заботой, жалея, что он не был, как она говорила, «достаточно серьезен», чтобы суметь хорошо устроиться в жизни. Рапкин посватался к ней и женился на ней, когда оба жили в услужении, да и теперь он еще кое-когда бывал буфетчиком на заказных обедах, хотя Гораций подозревал, что его главным занятием было поглощение джина с водой и особенно остропахучих сигар у себя внизу.

— Вы сегодня будете дома обедать, господин? — спросила госпожа Рапкин.

— Не знаю. Да вы для меня не готовьте, вероятно, я пообедаю в клубе, — сказал Гораций.

Госпожа Рапкин, у которой было твердое убеждение, что все клубы суть рассадники порока и

расточительности, фыркнула неодобрительно.

— Кстати, — сказал он, — если пришлют сюда одну медную посудину, то это так и нужно. Я купил ее вчера на распродаже. Обращайтесь осторожно, эта штука старая.

— Сюда прислали вазу вчера поздно вечером, господин, я не знаю, та ли это, она довольно старинная.

— Так принесите ее, пожалуйста, мне хочется взглянуть.

Госпожа Рапкин ушла и тотчас вернулась с медным кувшином.

— Я думала, что вы его заметили вчера вечером, когда вернулись, — объясняла она, — потому что я поставила его в угол, а когда увидела его утром, то он лежал набоку, он был такой грязный и неприглядный, что я взяла его, чтоб хорошенько почистить.

Положительно, кувшин стал лучше, и знаки или царапины на крышке выступили явственнее, но Гораций был несколько смущен, когда открыл, что часть его сна была действительностью — ведь кувшин был здесь.

— Надеюсь, я не сделала ничего дурного, — сказала госпожа Рапкин, наблюдая за выражением его лица. — Я его только немного протерла теп-

лым пивом, это отлично для медных вещей, и помылила мылом, но сразу вся грязь не отойдет.

— Это все ничего; но вы не пробовали снимать крышку? — спросил Гораций.

— Да ведь крышка была снята, сударь. Я думала, что это сделали вы молотком и долотом, когда пришли домой, — сказала хозяйка, вытаращив глаза. — Я нашла их здесь на ковре.

Гораций вздрогнул. Так, значит, и эта часть сна была правдой!

— Ах, — сказал он, — кажется, что так. А я и забыл. Теперь припоминаю. Скажите, не сдали ли вы комнату наверху… восточному господину… иностранцу, знаете… с зеленой чалмой на голове?

— Ни в коем случае, господин Вентимор, — сказала госпожа Рапкин с жаром, — и даже никогда не может быть. Будь у него чалма хоть всех цветов радуги! Потому что я с такими не вожусь. Родная золовка Рапкина сдала раз свою квартиру одному восточному — персу какому-то или эфиопу, — и как она потом каялась, хоть он и носил золотые очки! С чего вы взяли, будто я сдам комнату какому-то арапу?

— Я так подумал, потому что я тут видел одного человека… гм… который как будто похож… и мне

хотелось узнать, не…

— Никак не в этом доме, сударь. Вот госпожа Стеггарс, через дом, могла бы пустить кого-нибудь подобного, с этим я спорить не стану, потому что она неразборчива, да и ее комната больше подходит к диким нациям, но у меня на руках достаточно дела, господин Вентимор, потому что я служу вам и не держу горничной, да и зачем мне горничная, когда я сама могу справиться лучше!

Как только она освободила его от своего присутствия, он осмотрел кувшин: внутри ничего не было, и это уничтожило все надежды, которые он мог лелеять.

Было легко приписать восточное видение галлюцинации, вызванной удушливым дымом (потому что теперь он уже верил в дым) который, без сомнения, образовался благодаря быстрому разложению каких-то давно закупоренных пряностей или тому подобных веществ при их внезапном соприкосновении с воздухом.

Если бы нужны были дальнейшие объяснения, то случайного ушиба затылка вместе с недавним упоминанием об «Арабских сказках» было вполне достаточно.

Итак, восстановив все это в своей памяти, он пошел на Большую Монастырскую, в свою кон-

тору, которая теперь была в его распоряжении, и погрузился в чертежи для Бивара.

Работа была более или менее механическая; она не могла принести ему выгоды, разве только немного благодарности, но Гораций имел счастливую способность основательно делать все, за что брался. Устроившись у широко распахнутого окна, он скоро совершенно забыл обо всем, кроме дела, которым был занят.

Поэтому, даже когда на минуту потемнело, как будто чье-то большое и плотное тело прошло мимо, он не поднял головы тотчас же, но когда ее поднял, то удивился, увидав на своем единственном кресле какого-то полного человека, старавшегося перевести дух.

— Извините, — сказал Вентимор, — я не слыхал, как вы вошли.

Посетитель мог только помахать рукой, как бы вежливо принимая извинение, но, в сущности, скрывая растерянность и замешательство. Это был безукоризненно чистый пожилой господин с розовыми толстыми щеками и седыми баками; его глаза, в эту минуту слегка вытаращенные, были лукавы, но добродушны, он имел большой подвижный рот и двойной подбородок. Одет он был как человек, который уже перестал скрывать

свое благосостояние. На малиновом галстуке красовалась крупная грушевидная жемчужина, и, по всей вероятности, он только недавно перестал носить белую летнюю шляпу и белый жакет.

— Милостивый государь, — начал он звучным, гортанным голосом, как только оказался в состоянии заговорить, — вы, конечно, должны считать такой способ вторжения к вам крайне бесцеремонным… да… вторжение в ваше частное жилище…

— Вовсе нет, — сказал Гораций, недоумевая, не хочет ли он заставить его понять, будто вошел через окно. — Боюсь, что некому было вас проводить сюда. Моего помощника как раз тут нет.

— Ничего, сударь, ничего! Я нашел дорогу, как видите. Самое важное, смею сказать, самое существенное, это то, что я здесь.

— Именно так, — сказал Гораций. — Но смею спросить, что привело вас ко мне?

— Что… — Глаза незнакомца на минуту стали рыбьими. — Позвольте мне… я скажу об этом… в свое время. Я еще немного… как вы можете заметить… — Он оглядел комнату. — Вы, кажется, архитектор, г… э… гм?

— Моя фамилия — Вентимор, — сказал Гораций, — и я действительно архитектор.

— Вентимор, конечно! — Он опустил руку в карман и вытащил визитную карточку. — Да, совершенно правильно. Тут так и есть. Архитектор, господин Вентимор, и как мне… мне дано понять… необыкновенно искусный.

— Боюсь, что я не имею право претендовать на это, — сказал Гораций. — Но я могу назвать себя довольно компетентным.

— Компетентным? Ну конечно, вы компетентны. Вы думаете, сударь, что я, практичный деловой человек, пришел бы к кому-нибудь некомпетентному? — проговорил гость с видом человека, старающегося убедить самого себя, вопреки собственному суждению, будто поступает крайне благоразумно.

— Должен ли я понять, что кто-нибудь был столь любезен, что рекомендовал меня вам? — спросил Гораций.

— Конечно, нет, сударь, конечно, нет! Я не нуждаюсь в рекомендациях, мне достаточно собственного суждения. Я… я… достаточно ознакомлен со всем, что имеет успех в области искусства, и пришел к заключению, г… э-э-э… Вентимор, — повторяю: к свободному, самостоятельному заключению, что вы — единственный на земле человек, который может выполнить то,

что мне нужно.

— Счастлив слышать это, — сказал Гораций, искренне обрадованный. — Вы видели что-нибудь из моих проектов?

— Не беспокойтесь! Я не принимаю решений без достаточных оснований. Я недолго думаю, и раз решился, то действую, сударь, действую! Теперь перейдем к самой сути. У меня есть маленькое дело… недостойное… вашего выдающегося таланта… Но это дело я желал бы поручить вам.

«Не собирается ли он тоже просить меня сходить на аукцион? — подумал Гораций. — Если так, я скорей повешусь!»

— Я несколько занят в настоящее время, — сказал он нерешительно, — как можете видеть. Я не уверен, могу ли я…

— Я буду краток, сударь, буду краток. Моя фамилия — Вакербас, Самуэль Вакербас, должен сказать, довольно известная в торговом мире.

Гораций, разумеется, скрыл, что фамилия и известность посетителя были ему незнакомы.

— Я недавно купил несколько акров на окраине Гэмпшира, недалеко от дома, где живу сейчас, и надумал — о чем я как раз говорил приятелю, идя с ним по Вестминстерскому мосту, — надумал построить себе домик там, простой, непритяза-

тельный домик, куда бы я мог ездить каждую неделю и где бы мог скромно принять одного-двух приятелей, а может быть, и прожить часть года. До сих пор я арендовал помещения, какие мне были нужны, — старые фамильные усадьбы, старинные замки и подобные. Это очень мило в своем роде, но мне хочется чувствовать себя под собственной крышей. Я хочу окружить себя простым комфортом… э… непритязательным изяществом английского деревенского дома. И вы тот человек — я чувствую это все больше, с каждым словом, которое вы произносите, — вы — тот человек, который может выполнить эту задачу… э… э… исполнить дело, как следует.

Вот он, наконец, давно желанный клиент! Было очень приятно чувствовать, что он явился самым обыкновенным, шаблонным путем, потому что никто не мог бы ни на минуту поверить, глядя на господина Самуэля Вакербаса, чтобы он был способен впорхнуть через открытое окно. Нет, он был совсем в ином роде.

— Я буду счастлив сделать все, что смогу, — сказал Гораций со спокойствием, которое удивило его самого. — Не можете ли дать мне некоторое понятие о сумме, какую рассчитываете истратить?

— Ну, я не Крез, хотя не скажу, что совсем нищий, и как я уже сказал, предпочитаю не пышность, а удобство. Я не хотел идти выше… ну, скажем, шестидесяти тысяч.

— Шестидесяти тысяч! — воскликнул Гораций, который ожидал суммы приблизительно в десять раз меньшей. — О, не больше шестидесяти тысяч? Я понимаю.

— Я говорю только о самом доме, — объяснил господин Вакербас, — потом будут надворные постройки, сторожки, избы и так далее, а кроме того, я хочу, чтобы некоторые комнаты были особенно отделаны. В общей сложности, чтобы довести дело до конца, можно ассигновать до ста тысяч. Думаю, что на таких основаниях вы могли бы выстроить мне что-нибудь, говоря скромно, не имеющее себе равного в соседних графствах.

— Я уверен, — сказал Гораций, — что за такую сумму я могу взяться построить вам дом, который вполне удовлетворит вас.

И он начал предлагать обычные вопросы относительно местоположения, грунта, материалов, которыми можно воспользоваться для постройки, авансов, которые потребуются, и так далее.

— Вы молоды, сударь, — сказал господин Вакербас к концу беседы, — но, я замечаю, вы в курсе

всех тонкостей… я сказал бы, вы сведущи в мельчайших деталях вашей профессии. Не хотите ли съездить и взглянуть на грунт, а? Конечно, это нужно, а моя жена и дочери тоже захотят сказать свое слово… Нельзя иметь успех, если не угождаешь дамам, а? Вот посмотрим. Завтра воскресенье. Почему бы не поехать утренним поездом в 8 часов 45 минут утра в Линсфильд? Будет для вас повозка, или парный экипаж, или еще что-нибудь… сам свожу вас на место стройки, позавтракать привезу к нам в Ориель-Корт, и мы все обсудим основательно. Затем мы вас отправим в город вечером, а с понедельника можете начать работать. Идет? Ну хорошо. Завтра будем ждать вас.

С этими словами господин Вакербас ушел, оставив Горация, как легко себе вообразить, совершенно ошеломленным внезапностью и полнотой счастья. Он уже не был безработным, ему предстоял труд, и, что еще лучше, труд интересный, дававший ему желанную возможность размаха и удачи. Благодаря заказчику, который казался сговорчивым и для которого деньги явно не служили препятствием, он мог осуществить какую-нибудь из своих наиболее честолюбивых идей.

Более того, теперь он мог обратиться к отцу Сильвии без страха быть отвергнутым. Дело на 60 000 фунтов принесет ему около 3000 фунтов, а отделка и другие работы — по крайней мере столько же, если не больше. Через год он может смело жениться; через два или три года у него будет недурной заработок, так как он был уверен, что после такого дебюта он скоро будет иметь столько дела, сколько захочет взять.

Ему было стыдно за свое былое малодушие. Ведь эти последние годы томительного ожидания были только испытанием и подготовкой к этому блестящему выступлению, возможность которого открылась как раз так просто и естественно, и именно когда было всего труднее.

Добросовестно выполнив работу, обещанную Бивару, которому отныне предстояло обходиться без него, он почувствовал себя слишком возбужденным и взволнованным, чтобы сидеть в конторе. После обычного завтрака в клубе он вознамерился доставить себе удовольствие и пойти в Коттсмор, чтобы принести Сильвии хорошую весть.

Было еще рано; он всю дорогу шел пешком, чтобы дать выход своему бурно-веселому настроению, и особенно остро наслаждался всем:

и серовато-розовым, покрытым мелкими облаками небом над собою, и скудной янтарно-желтой и красноватой зеленью Кенсингтонского парка, и резким запахом осыпавшихся диких каштанов, желудей и блеклых листьев, и голубовато-серым туманом, подползавшим издали, между стволами деревьев, и потом — веселой сутолокой и блеском на Высокой улице.

Наконец ему посчастливилось застать Сильвию совсем одну, увидеть ее искренний восторг по поводу того, о чем он пришел ей рассказать, почувствовать ее руки на своих плечах и держать ее в своих объятиях, в то время как их губы соприкоснулись в первый раз. Если бы в ту субботу нашелся человек счастливее Вентимора, он хорошо бы сделал, если бы скрыл свое счастье ввиду опасности вызвать зависть бессмертных богов.

Когда вернулась г-жа Фютвой, — что случилось, пожалуй, слишком скоро, — и нашла свою дочь и Горация сидящими вместе на диване, она не стала притворяться довольной.

— Это называется некрасиво воспользоваться моей вчерашней слабостью, господин Вентимор, — начала она. — Я думала, что на вас можно положиться.

— Я бы не пришел так скоро, — сказал он, — ес-

ли бы мое положение было такое же, как вчера. Но оно переменилось, поэтому я смею надеяться, что даже профессор не станет теперь противиться нашей формальной помолвке.

И он рассказал ей о внезапной перемене своей судьбы.

— Хорошо, — сказала госпожа Фютвой. — Вам надо поговорить об этом с моим мужем.

Скоро пришел профессор, и Гораций тотчас попросил его поговорить с ним несколько минут в кабинете, на что тот охотно согласился.

Кабинет, куда привел его профессор, был пристроен к дому и завален восточными редкостями всех веков и всякого рода. Мебель была сделана каирскими столярами, а на карнизах книжных полок красовались тексты из Корана, между тем как на каждой спинке блестела золотом арабская надпись «привет». Лампой служил просверленный фонарь из мечети с длинными стеклянными подвесками; оболочка мумии улыбалась из угла с принужденным добродушием.

— Ну, — начал профессор, как только они сели, — значит, я не ошибся и в медном кувшине все-таки оказалось нечто. Позвольте взглянуть, что это такое?

На минуту Гораций почти совсем забыл о кув-

шине.

— О! — сказал он. — Я его открыл, но в нем ничего не оказалось.

— Ну да, как я и предполагал, сударь, — сказал профессор. — Я вам говорил, что в таких сосудах ничего не бывает, вы просто выбросили деньги, купив его.

— Да, это так, но я хотел поговорить с вами о более важном. — И Гораций коротко объяснил, в чем дело.

— О господи! — сказал профессор, с раздражением ероша голову. — О господи! Мне это и в голову не приходило, совсем не приходило! Я был под тем впечатлением, что в Сен-Люке вам угодно было провожать мою жену и дочь единственно из добросердечия… из желания избавить меня от того, что было бы для человека с моими привычками… в такую страшную жару… трудной и неприятной обязанностью.

— Допускаю, что это делалось не вполне бескорыстно, — сказал Гораций. — Я полюбил вашу дочь, сударь, с первого же дня, как ее увидел, но как бедный человек безо всяких перспектив, я чувствовал себя не вправе говорить об этом ей или вам.

— Чувство очень почтенное, но мне остается

узнать, почему вы преодолели его.

Тут Гораций в третий раз рассказал историю внезапной перемены в своей судьбе.

— Я знаю этого Самуэля Вакербаса по слухам, — сказал профессор. — Это — один из главных пайщиков фирмы «Экере и Ковердэль», крупных земельных спекулянтов… Очень влиятельный человек, только бы вам удалось угодить ему.

— О, не имею ни малейших сомнений на этот счет, — сказал Гораций. — Я намерен построить ему дом, который превзойдет его самые пылкие ожидания, и вы увидите, что через год у меня наберется несколько тысяч. Нечего и толковать, что, вступая в брак, я положу на имя невесты сколько вы сочтете нужным…

— Когда вы будете обладать этими деньгами, — сухо заметил профессор, — то мы еще успеем поговорить о женитьбе, о размещении денег. А пока, если вы с Сильвией хотите считать себя помолвленными, я ничего не имею против… только настоятельно прошу вас обещать мне, что вы не станете уговаривать ее выйти за вас без согласия родителей.

Вентимор обещал это довольно охотно, и они вернулись в гостиную. Госпожа Фютвой не могла не пригласить Горация остаться обедать на пра-

вах жениха; нечего и говорить, что он с восторгом согласился.

— Есть одна вещь, мой дорогой… а… а… Гораций, — торжественно сказал профессор после обеда, когда опрятная горничная оставила их за десертом, — одна вещь, против которой я считаю долгом предостеречь вас. Если хотите оправдать то доверие, которое мы вам оказали, согласившись на вашу помолвку с Сильвией, вы должны обуздать вашу склонность к излишней расточительности.

— Папа! — воскликнула Сильвия. — Откуда ты взял, будто Гораций расточителен?

— Да, в самом деле? — сказал Гораций. — Я ведь не нахожу себя таким.

— Никто никогда не находит себя особенно расточительным, — возразил профессор, — но я наблюдал в Сен-Люке, что вы обыкновенно давали пятьдесят сантимов на чай, когда двадцать или десять было бы за глаза достаточно. Кроме того, никто, придающий какую бы то ни было цену деньгам, не дал бы гинеи за ничего не стоящий медный кувшин ради сомнительной возможности, что он содержит рукописи, чего не оказалось, как и можно было предсказать.

— Но кувшин вовсе не плох, — защищался Го-

раций. — Если вы припомните, вы сами сказали, что форма его незаурядна. — Почему он не стоит этих денег или даже дороже?

— Для коллекционера, может быть, — сказал профессор со своей обычной любезностью, — а вы не коллекционер. Нет, я могу только назвать это бессмысленной и предосудительной тратой денег.

— Ну, так сказать по правде, — заявил Гораций, — я купил его с той мыслью, что он, может, заинтересует вас.

— В таком случае вы ошиблись, сударь. Он меня не интересует. Да и чем для меня интересен металлический сосуд, о котором нельзя доказать, что его не отлили в Бирмингеме на днях?

— Найдутся и доказательства, — сказал Гораций, — какая-то печать или надпись, выгравированная на крышке. Разве об этом я не упомянул?

— Нет, вы ничего не говорили о надписи, — ответил профессор с несколько большим оживлением. — А какая надпись? Арабская? Персидская? Куфская?

— Я этого не могу сказать… она почти сгладилась… странные треугольные отметки, вроде птичьих следов.

— Что-то похожее на клинообразные письме-

на, — сказал профессор, — которые могли бы указывать на финикийское происхождение. А так как я не знаю восточных медных изделий ранее девятого века нашей эры, то должен бы счесть ваше утверждение явно невероятным. Все-таки я хотел бы иметь возможность как-нибудь лично осмотреть сосуд.

— Когда вам угодно, профессор. Когда вы можете пожаловать?

— Ну, я так занят весь день, что не могу назначить наверное день моего возможного прихода к вам в контору.

— Теперь и мои дни будут достаточно заполнены, — сказал Гораций, — и вещь эта не в конторе, а у меня на квартире, на площади Викентия. Почему бы вам всем не пожаловать запросто к обеду как-нибудь на следующей неделе? А потом вы, профессор, могли бы спокойно рассмотреть надпись и узнать, что это, в сущности, такое. Ну, скажите, что вы согласны!

Он страстно хотел иметь возможность принять Сильвию у себя на квартире в первый раз.

— Нет, нет, — сказал профессор, — я не вижу причины, зачем бы вам нянчиться с целой семьей. Могу зайти один как-нибудь вечером и взглянуть на горшок.

— Спасибо, папа! — вставила Сильвия. — Ведь и мне бы хотелось пойти и услышать, что вы скажете о Горациевой бутылке. И я просто умираю от желания видеть его комнаты. Я думаю, они роскошны.

— Надеюсь, — заметил ее отец, — что они далеко не соответствуют такому предположению. А если бы это было так, я счел бы это весьма неудовлетворительным показанием насчет характера Горация.

— Там нет никакого великолепия, уверяю вас, — сказал Гораций. — Правда, я их отделал и меблировал за свой счет, но совершенно просто. Я не был в состоянии истратить много на это. Приходите и увидите. Я хочу устроить маленький обед в ознаменование моей удачи… Так хорошо, если вы все придете.

— Если мы придем, — не сдавался профессор, — то с условием: что вы не будете устраивать изысканный банкет. Простая, обыкновенная, здоровая пища, хорошо приготовленная, вот какая у нас была сегодня, — это совершенно достаточно. Если будет иначе, я увижу в этом тщеславие.

— Милый, милый папочка, — протестовала Сильвия в отчаянии от этого диктаторского тона. — Право, ты можешь предоставить все это

Горацию.

— Дорогая моя, Гораций понимает прекрасно, что я, говоря так, относился к нему как к предполагаемому члену нашей семьи.

Тут Сильвия сделала незаметную гримасу.

— Ни один молодой человек, который собирается жениться, не должен предаваться расточительности только на основании своих надежд на будущие блага, которые, несмотря на все, что он может рассказывать, — сказал профессор весело, — могут не оправдаться. Наоборот, если его чувство искренне, он будет делать как можно меньше трат, откладывать каждую копейку, какую может сберечь, чтобы не подвергать любимую девушку пытке долгого ожидания. Другими словами, самый верный жених будет самым бережливым человеком.

— Я вполне понимаю, — сказал Гораций добродушно, — что было бы глупо с моей стороны хлопотать об изысканном угощении уже по тому одному, что мою хозяйку — хотя она хорошо готовит простые кушанья — нельзя назвать поварихой. Так что вы можете пожаловать к моему скромному столу безо всяких опасений.

Прежде чем он ушел, был приблизительно назначен день для предполагаемого обеда — в

конце следующей недели, поэтому Гораций возвращался домой как будто не шел по твердой каменной мостовой, а летел по воздуху, касаясь звезд своей поднятой головой.

На другой день он побывал в Лингсфильде и познакомился со всем семейством Вакербасов, которые все страшно интересовались будущим деревенским домом. Местоположение было такое, что лучшего не мог бы пожелать и самый взыскательный архитектор. Он вернулся в город в тот же вечер, проведя приятный день и достаточно узнав не только о требованиях своего клиента, но еще важнее — о требованиях его жены и дочерей, таким образом, он был в состоянии начать вычерчивать планы на следующее утро.

Прошло немного времени после его возвращения домой, и он все еще находился под приятным впечатлением понятливости, с которой Вакербасы оценили и приняли его предложения и наброски, как вдруг его поразило явление, которое было столь же неприятно, сколь неожиданно.

Стена перед ним расступилась, как туман, и сквозь нее проникла, благосклонно улыбаясь, зеленая фигура джинна Факраша-эль-Аамаша.

Глава 6
Ненужные богатства

Вентимор так убедил себя, что освобожденный джинн был только созданием его собственной фантазии, что, вздрогнув, стал тереть глаза в надежде, не обманули ли его они.

— Пригладь главу твою, о милосердный и достопочтимый, — сказал гость, — и соберись с духом, чтобы внять благовести. Ведь это воистину я, Факраш-эль-Аамаш, кого созерцаешь.

— Я… я… очень рад вас видеть, — сказал Гораций сколько мог сердечнее… — Чем могу служить вам?

— Ничем. Разве не оказал ты мне величайшую услугу, освободив меня! Вырваться из сосуда — приятно! И моим освобождением я обязан тебе!

Значит, все была правда! Он в самом деле освободил пленного гения или джинна — или как его там? — из той бутыли! Он знал, что теперь не спит, хотя желал бы, чтобы это оказалось сном.

Впрочем, раз уж так вышло, то лучше всего было принять довольный вид и как-нибудь убедить это нелепое существо, чтобы оно исчезло и

оставило его в покое.

— О, это пустяки, мой дорогой, — сказал он. — Не думайте больше об этом. Я… как будто вас понял, что вы хотели отправиться в путешествие в поисках Сулеймана?

— Я был и вернулся. Я посетил различные его владения, надеясь случайно услышать о нем, но воздержался от прямых расспросов, чтобы ими не возбудить подозрений и чтобы Сулейман не узнал о моем освобождении прежде, чем я добьюсь свидания с ним и вымолю у него прощение.

— О, это вряд ли могло случиться, — сказал Гораций. — Если бы я был на вашем месте, то сейчас же вернулся бы п продолжал бы странствовать, пока не нашел бы Сулеймана.

— Мудро было сказано: «Не проходи мимо двери, не постучав в нее, дабы, по несчастью, за ней не оказалось то, чего ты ищешь».

— Именно, — сказал Гораций. — Осмотрите каждый город внимательнее, дом за домом, и не пренебрегайте ни малейшим указанием. «Если сразу нет удачи, — снова, снова начинай», — как учит один из наших поэтов.

— «Снова, снова начинай!» — повторил джинн с почти безумным восторгом. — Поистине боже-

ственно одарен был тот, кто сложил подобный стих.

— Он имеет великую славу мудреца, — сказал Гораций, — и этот его стих считается одним из самых удачных. Не думаете ли вы, так как Восток довольно густо заселен, что чем скорее вы последуете совету поэта, тем выйдет лучше?

— Может быть, это так, как ты говоришь. Но знай, о, сын мой, что где бы я ни странствовал, я никогда не перестану измышлять, как бы получше вознаградить тебя за твою ко мне благосклонность. Потому что благородно было сказано: «Если бы я обладал богатством и не был щедрым, пусть моя голова никогда бы не поднялась».

— Мой добрый друг, — сказал Гораций, — поймите, пожалуйста, что если бы вы предложили мне награду за… за простую вежливость, то я должен был отклонить ее.

— А разве ты мне не сказал, что сильно нуждаешься в заказчиках?

— Так было в то время, — сказал Гораций, — но с тех пор, как я имел удовольствие видеть вас в последний раз, мне попался такой, что лучшего я и не желаю.

— Я поистине радуюсь, слыша это, — ответил джинн, — ибо этим ты показываешь мне, что мне

удалось оказать тебе первую услугу, которую ты потребовал.

Гораций с горестью принял такую весть — она задела его гордость; сначала он мог только с трудом прошептать:

— Вы… вы послали его ко мне?

— Я, и никто другой, — сказал джинн, сияя от удовольствия, — ибо в то время как я, незримый людьми, кружился в воздухе, решив заняться твоим делом прежде, чем искать Сулеймана (мир ему!), я случайно подслушал, как одно человеческое существо цветущей внешности громко сказало на мосту, что желает воздвигнуть для себя дворец, но не может найти зодчего. Тогда я, заметив тебя издали у открытого окна, перенес его туда и передал в твои руки.

— Но он знал мою фамилию… у него была в карманах моя карточка! — сказал Гораций.

— Я снабдил его ярлыком с обозначением твоего имени и жилища, чтобы он не оказался несведущим.

— Ну, слушайте, г-н Факраш, — сказал несчастный Гораций, — я знаю, вы действовали с добрым намерением, но… иногда больше не делайте ничего подобного! Если бы мои собратья по профессии как-нибудь узнали об этом, меня обви-

нили бы в нарушении профессиональной этики. Мне и в голову не приходило, что вы предоставите мне клиента таким путем, иначе я бы не допустил до этого.

— Это была ошибка, — сказал Факраш. — Но ничего! Я отменю все это и придумаю другие средства послужить тебе.

Гораций простонал. Отменить это! Как же можно все это расстроить без явного скандала?

— Нет, нет, — сказал он. — Ради бога, оставьте все как есть, а то напортите еще более. Простите меня, дорогой г-н Факраш, я боюсь, что кажусь неблагодарным, но я так был поражен. И в самом деле, я вам чрезвычайно обязан. Хотя способ, который вы употребили, был… был немного некорректен, вы все-таки оказали мне огромную услугу.

— Это ничего, — сказал джинн, — в сравнении с теми услугами, которые я надеюсь оказать такому великому благодетелю.

— Нет, право, вы не должны стараться сделать еще что-нибудь для меня, — настаивал Гораций, чувствуя необходимость раз и навсегда пресечь все дальнейшие попытки джинна к оказанию ему благодеяний. — Вы уже достаточно сделали. Ведь благодаря вам мне поручено строить дворец,

вследствие чего я долгое время буду очень занят и счастлив.

— Значит, сыны человеческие очень любят тяжелый труд? — спросил изумленный Факраш. — У джиннов это совсем не так.

— Я люблю свое дело ради него самого, — сказал Гораций. — А кроме того, приведя его к концу, я получу много денег, что особенно важно для меня теперь.

— А почему, сын мой, ты так желаешь себе богатства?

— Потому что, — сказал Гораций, — кто недостаточно обеспечен в наше время, тому нельзя жениться.

Факраш улыбнулся со снисходительным состраданием.

— Как превосходно сказал один из древних: «Кто вознамерился жениться, подобен человеку, опускающему руку в мешок, где сидят много тысяч змей и один угорь. Однако же, если так решит рок, то он может вытащить угря». Ты благообразен и находишься в тех летах, когда естественно желать любви девицы. Итак, мужайся духом и гляди весело: возможно, что когда у меня будет больше свободного времени, я найду тебе подругу, которая порадует твое сердце.

— Пожалуйста, не беспокойтесь и не ищите для меня ничего подобного! — поспешно сказал Гораций, мысленно представляя себе какую-нибудь беспомощную и оскорбленную незнакомку, существо, кинутое в его жилище, как мешок с углем. — Уверяю вас, я предпочту найти себе жену обычным путем, что я и надеюсь вскоре сделать благодаря вашей доброте.

— Разве есть уже какая-нибудь дева, по которой томится твое сердце? Если так, не бойся назвать мне ее имя и жилище, и я достану ее для тебя.

Но Вентимор уже ознакомился с восточными методами джинна и усомнился в его такте и скромности по отношению к Сильвии.

— Нет, нет, конечно, нет. Я говорил вообще, — сказал он. — Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, но я хочу дать вам понять, что я и так слишком награжден. Вы меня поставили на путь к славе и богатству. Если я их не добуду, то виноват буду сам. Во всяком случае, от вас мне больше ничего не нужно. Если вы думаете найти Сулеймана (мир ему!), то вы должны совсем удалиться на Восток, потому что, без сомнения, здесь его нет. Вы должны посвятить все свое время этому делу, быть как можно спокойнее и не терять мужества, какие бы до вас ни дошли вести. Но самое

главное: не тревожьте себя мыслями обо мне или о моих делах.

— О ты, премудрый и красноречивый, — сказал Факраш, — твой совет превосходен. Итак, я удаляюсь. Но пусть я выпью кубок погибели, если не буду полон мыслями о твоем благодеянии. Говоря так, он сложил ладони над головой, его ноги начали проваливаться сквозь ковер, и он исчез.

«Слава богу, — думал Вентимор, — он понял наконец. Кажется, больше я его не увижу. Чувствую себя неблагодарным животным, потому что говорю так, но ничего не могу поделать. Не могу выносить благодеяний какого-то джинна, который сидел в отвратительной медной бутыли со времен Соломона, вероятно, имевшего достаточные основания, чтобы закупорить его туда».

Потом Гораций спросил себя, не следует ли по чести открыть обстоятельства дела Вакербасу и дать ему возможность отказаться от уговора, если бы он нашел это нужным.

Нет, он не видел необходимости рассказывать ему о чем-либо: единственный результат был бы тот, что его клиент заподозрил бы его в умственной ненормальности: и кто захотел бы иметь дело с невменяемым архитектором? Затем, если отказаться от этой работы безо всяких объясне-

ний, что можно сказать Сильвии? Что сказал бы отец Сильвии ему? Тогда уж, конечно, свадьбе не бывать!

В конце концов, его не в чем упрекнуть: Вакербасы были совершенно довольны. Он был положительно уверен, что окажется достойным их выбора, он не причинит никому вреда, приняв на себя это дело; тогда как он только бы оскорбил их, повредил себе навсегда и потерял всякую надежду добыть Сильвию, если бы сделал попытку открыть им правду.

Факраш исчез, чтобы никогда не вернуться. По всем этим соображениям Гораций решил, что молчание — единственная возможная для него политика, и хотя некоторые моралисты могут осудить его поведение, как недобросовестное и уличающее в недостатке истинного мужества, я осмеливаюсь усомниться, чтобы какой-либо читатель, самый независимый, прямолинейный и равнодушный к славе и к насмешкам, поступил иначе в том крайне щекотливом и трудном положении, в каком находился Вентимор.

Прошло несколько дней, в которых каждый рабочий час был полон для Горация восторгами творчества. Каждому человеку с душой художника является иногда — хотя в большинстве

случаев слишком редко — откровение собственного скрытого могущества, такого, на какое он не смел и надеяться. Теперь все годы ученичества и теоретизирования, которые он уже начинал считать потерянными, стали приносить золотые плоды. Он придумывал и чертил быстро и своеобразно, с полным сознанием своего мастерства в разрешении представлявшихся задач, и с таким упоительным наслаждением погружался в разработку как общего плана, так и деталей, что ему почти становилось страшно, не является ли он жертвой самообольщения.

Конечно, вечера он проводил у Фютвоев, открывая в Сильвии все новые в более восхитительные качества. Словом сказать, он был очень влюблен, очень счастлив и очень занят — три состояния, не так часто встречающиеся вместе.

Как он и предвидел, он в самом деле избавился от Факраша, который, очевидно, был слишком поглощен разыскиванием Сулеймана, чтобы думать о чем-нибудь другом. Да и не было оснований, почему бы ему не продолжать своих поисков в течение жизни одного или двух поколений, так как могло потребоваться не меньше времени для убеждения его в том, что этого могущественного монарха уже нет на престоле.

— Было бы так грубо, если бы я это сказал ему, — думал Гораций, — когда он был так озабочен пересмотром своего дела. И это дает цель жизни бедному старикашке, да и удерживает его от вмешательства в мои дела. Оно и лучше для нас обоих.

Маленький званый обед Горация уже откладывался два раза, пока им не начал овладевать суеверный страх, что он никогда не состоится; но, наконец, профессора заставили окончательно назначить определенный день.

Накануне этого дня после завтрака Гораций призвал свою хозяйку для совещания насчет обеда.

— Пожалуйста, ничего замысловатого, г-жа Рапкин, — сказал Гораций, который хотя и желал бы устроить для Сильвии настоящий пир из самых тонких блюд, однако должен был считаться с предрассудками ее отца. — Совершенно простой обед, безукоризненно приготовленный и красиво сервированный, — то, что вы так прекрасно умеете делать.

— Я полагаю, сударь, вы потребуете Рапкина для услуг?

Так как бывший буфетчик при подобных обстоятельствах впадал в трансы, во время которых

мог только улыбаться и кланяться с безмолвной учтивостью, роняя соусники и тарелки, то Гораций ответил, что он имеет в виду другого, чтобы не затруднять г-на Рапкина; но жена выразила такое доверие к способностям своего мужа выйти изо всяких затруднений, что Вентимор оставил этот вопрос открытым и предоставил ей взять лишнего помощника, если она найдет это нужным.

— Какой же суп вы дадите нам? — спросил он г-жу Рапкин, которая стояла перед ним совершенно бесстрашно, ожидая его распоряжений.

После долгой душевной борьбы она нехотя предложила мясной бульон, что Гораций нашел слишком простым; он отклонил его в пользу супа.

— Ну, потом — рыба, — продолжал он. — Как относительно рыбы?

Г-жа Рапкин несколько секунд рылась в недрах своей кулинарной памяти и наконец извлекла оттуда то, что она назвала «вкусной жареной камбалой». Гораций и слышать не хотел о камбале и настаивал на том, чтобы сварить лососину. Она предложила корюшку, которой он по счастливому наитию противопоставил палтуса под соусом из омаров. Однако соус представлял для

нее непреодолимые трудности, и она предложила компромисс в виде трески, на что он, наконец, согласился, так как на эту рыбу профессор вряд ли мог посмотреть как на проявление тщеславия.

Очередь дошла до менее трудных вопросов: быть или не быть закуске, жарить ли мясо или птицу.

— Что теперь есть по сезону? — спросил Гораций. — Вот посмотрим… — и при этом выглянул из окна, как будто ища указаний на улице…

— Верблюды, ей-же богу! — воскликнул он вдруг.

— Верблюды, г-н Вентимор? — повторила г-жа Рапкин, совершенно обалдев, потом вспомнив, что он имеет склонность к неуместным шуткам, она снисходительно кашлянула.

— Пусть я умру, если это не верблюды! — сказал Гораций. — А вы как думаете, г-жа Рапкин?

Из слабого тумана, который висел над дальней частью площади, выдвигался караван высоких серых животных с длинными, изящно изогнутыми шеями и жеманной походкой. Даже г-жа Рапкин не могла не признать в них верблюдов.

— Какого черта нужно каравану верблюдов на Викентьевой площади?! — сказал Гораций с внезапным испугом, в котором не мог себе дать

отчета.

— Скорее всего, это из цирка Барнума, сударь, — говорила хозяйка. — Я слышала, что в этом году опять будут представления в «Олимпии».

— Ну конечно! — воскликнул Гораций с явным облегчением. — Здесь им по пути от доков… по крайней мере, все в ту же сторону. Или же, вероятно, на той дороге ремонт. Значит… они повернут налево, за угол. Посмотрите, при них арабские погонщики. Удивительно, как эти люди правят ими!

— Мне кажется, сударь, — сказала г-жа Рапкин, — что они идут к нам; они как будто останавливаются у подъезда.

— Не говорите такой дьявольской… Прошу прощения, г-жа Рапкин, но почему же?.. Господи, верблюды Барнума и Белея должны свернуть с дороги, чтобы зайти ко *мне*? Ведь, знаете, это смешно! — сказал Гораций в бешенстве.

— Это, может быть, и смешно, сударь, — возразила она, — но они все легли на землю против нашей двери, как видите, и их негры делают вам знаки, чтобы вы вышли поговорить с ними.

Так оно и было. Один за другим верблюды — очевидно, самые чистокровные — подогнули ноги, точно складные скамейки, и улеглись в

ряд по знаку своих вожатых, которые теперь обратились с глубокими поклонами к окну, где стоял Вентимор.

— Кажется, мне лучше сойти вниз и узнать, что им нужно, — сказал он с несколько болезненной улыбкой. — Может быть, они не нашли дороги к «Олимпии»...

«Хочу только надеяться, что здесь не замешан Факраш, — думал он, спускаясь по лестнице. — Но он явился бы сам... во всяком случае, не стал бы посылать мне вестей на таком количестве верблюдов!»

Как только Вентимор появился па пороге, все проводники бросились ниц, своими плоскими черными носами уткнувшись прямо в камни.

— Ради бога, встаньте! — сказал Гораций сердито. — Это не Хаммерсмит. Поверните налево, к Вокзальному мосту, и спросите полицейского, где ближайший путь к «Олимпии».

— Не гневайся на рабов твоих! — сказал главный погонщик на превосходном английском языке. — Мы здесь по повелению Факраша-эль-Аамаша, нашего господина, которому мы обязаны повиноваться. Мы привезли тебе все это в дар.

— Привет вашему господину, — сказал Гораций сквозь зубы, — и скажите ему, что лондонскому

архитектору верблюды не могут пригодиться. Скажите, что я весьма благодарен, но принужден отказаться от них.

— О высокородный господин, — объяснил погонщик, — верблюды не дар, но они навьючены дарами. Так как мы не смеем ослушаться приказа нашего господина, то дозволь внести в твое жилище эти ничтожные знаки его благоволения и отбыть с миром.

Гораций и не заметил, что на всех верблюдах были тяжелые вьюки, теперь снимаемые погонщиками.

— О, если это необходимо! — сказал он не слишком-то любезно. — Только, пожалуйста, поторопитесь: вот уже собирается толпа, и я не хочу, чтобы сюда пришла полиция.

Он вернулся в комнаты, где застал г-жу Рапкин, остолбеневшую от изумления.

— Все… все в порядке, — сказал он. — Я забыл… Это только несколько восточных вещей оттуда же, откуда и медный кувшин, знаете. Они присланы мне… на осмотр.

— Уж как-то чудно посылать товары на дом на верблюдах, сударь, не правда ли? — сказала г-жа Рапкин.

— Вовсе не чудно, — сказал Гораций. — Это

очень предприимчивая фирма, которая придумала такой способ рекламы.

Один за другим, вереницей, входили смуглолицые погонщики; каждый складывал свой груз на пол с каким-то гортанным восклицанием и удалялся, пятясь, пока гостиная не была завалена горами мешков, тюков и ящиков, после чего явился главный погонщик и сообщил, что по числу подарки уже все.

«Интересно знать, сколько ждет себе на чай этот парень, — думал Гораций, — одного золотого как-то мало, но это все, что я могу. Попробую дать».

Но надсмотрщик отказался от всякого вознаграждения с благодарным достоинством. Когда же Гораций проводил его до ворот, то застал у ограды полицейского.

— Знаете, это не годится, — говорил полицейский. — Верблюды загородили всю улицу… Пусть проходят, а то я обязан…

— Да ладно уж, служивый, — сказал Гораций, всовывая ему в руку тот золотой, от которого отказался погонщик, — они сейчас двинутся дальше. Они привезли мне несколько подарков от… от одного приятеля с Востока.

Тем временем проводники влезли на ставших

на колени верблюдов, которые затем поднялись вместе с ними, двинулись по площади и, колыхаясь на ходу, скоро оставили за собой толпу, которая тупо таращилась на караван, пока верблюд за верблюдом исчезли в тумане.

— Я бы рад иметь таких знакомых, — сказал полицейский. — Ваш приятель, видно, из тароватых, не так ли?

— Очень! — сказал Гораций с яростью и вернулся к себе в комнату, откуда г-жа Рапкин уже ушла.

Его руки тряслись, но не от радости, когда он развязывал мешки и тюки и открывал ящики чужеземного вида, при взгляде на содержимое которых у него занялся дух.

В тюках оказались ковры и ткани, которые он определил по внешнему виду как баснословно древние и выше всякой цены; в мешках заключались золотые кувшины и посуда чужеземной работы и невероятных размеров, ящики были полны драгоценных камней: нитей молочно-розоватого жемчуга величиной со среднюю луковицу, снизок нешлифованных рубинов и изумрудов, самые мелкие из которых едва поместились бы в обыкновенную коробку для воротников, и бриллиантов, грубо ограненных и отшлифованных,

каждый величиной с кокосовый орех, в центре которых искрилось прозрачное призматическое сияние.

По самому скромному счету общая стоимость этих подарков едва ли могла быть меньше нескольких сот миллионов; по всей вероятности, никогда, во всей истории мира, ни одна сокровищница не содержала в себе таких богатств.

Было бы трудно для каждого, кто увидал бы себя внезапно обладателем такого громадного, неисчислимого богатства, сделать какое-либо замечание, вполне достойное такого случая, но, конечно, ни одно из них не оказалось бы таким неподходящим и действительно неуместным, как восклицание Горация, которое, хотя и было глубоко прочувствованно, но заключалось только в единственном слове: «О, черт!»

Глава 7
Благодарность – яркое предвкушение грядущих благ

Большинство людей, увидав себя внезапно обладателями такого огромного богатства, испытали бы некоторую радость. Вентимор же, как мы видели, попросту вышел из себя от злости. И хотя такое его состояние может поразить читателя, как непонятное и абсолютно бессмысленное, однако наш герой был более прав, чем это может показаться на первый взгляд.

Несомненно, что с деньгами, которых стоили эти сокровища, он был бы в состоянии перевернуть денежные рынки Европы и Америки, повергнуть общество к своим ногам, создавать и разрушать царства — словом, властвовать над всем миром.

— Но все же, — сказал себе Гораций со стоном, — мне вовсе не хочется переворачивать мир вверх дном, ворочать денежным рынком. Хочу ли я, чтобы самые важные лица в Лондоне низкопоклонничали передо мной, стараясь от меня чего-нибудь добиться? Так как я бы превосходно

знал, что все почести воздаются мне не за мои личные заслуги, то я едва ли мог бы считать себя польщенным. И зачем мне созидать царства? Единственное, что я умею и люблю, это — созидать дома. Потом, можно ли думать, что я лучше сумел бы властвовать над миром, чем все те, кто уже пробовал? Сомневаюсь.

Он припомнил всех миллионеров, о которых читывал или слыхивал; кажется, никому из них богатство не принесло радости. Большинство из них очень страдало от расстройства пищеварения. Часто они бывали подавлены заботами и ответственностью своего положения; единственными людьми, которые никогда не могли добиться от них аудиенции, были их друзья; вся их жизнь проходила при ярком свете газетных разоблачений, и каждая почта приносила им сотни писем с просьбами и несколько — с угрозами; их детям грозила постоянная опасность от похитителей, а сами они, не зная покоя в жизни, не могли быть уверены, что не будет потревожен даже их прах. Расточали они или сберегали богатство, на них все равно смотрели враждебно, и какой бы капитал они после себя ни оставили, они могли быть вполне уверены, что через несколько поколений он будет совершенно

растрачен.

— А самый крупный миллионер на земле, — заключил Гораций, — бедняк в сравнении со мной?!

Но тут было и другое соображение: как ему обратить в деньги свое имущество? Он достаточно знал толк в драгоценных камнях, чтобы понимать, что рубин, например, цвета «чистой голубиной крови» и величиной с дыню — такими были большинство из этих рубинов — будет стоить, если его даже раздробить, значительно больше миллиона, но кто купит его?

Представляю себе, размышлял он со злостью, что я захожу к какому-нибудь ювелиру у Хаттопского сада с полудюжиной камешков в саквояже. Если он поверит, что они настоящие, то, конечно, с ним случится припадок; вероятнее же всего, он подумает, что я изобрел какой-нибудь фокус для их фабрикации и был настолько глуп, что перестарался относительно величины. Как бы то ни было, он захотел бы узнать, каким образом они попали в мои руки; ну а что мог бы я сказать? Что они составляют часть подарочка, сделанного мне каким-то джинном в благодарность за освобождение из медного кувшина, в котором он просидел около трех тысяч лет! Как ни взгля-

нешь, все неубедительно. Кажется, попятно, что он мог бы ответить. И каким бы я оказался ослом! Затем, положим, что история попадет в газеты!

Попадет в газеты? Да, конечно, и непременно. Как будто возможно в наши дни молодому, доселе безработному архитектору вдруг окружить себя чудесными коврами, золотой посудой, гигантскими драгоценными камнями, не привлекая внимания какого-нибудь предприимчивого репортера. Его будут интервьюировать; любопытная история о приобретении им богатства обойдет все газеты, он станет предметом недоверия, подозрений и насмешек. В своем воображении он уже видит заголовки на газетных листах:

БИЛЛИОНЫ ИЗ КУВШИНА
ИЗУМИТЕЛЬНЫЕ АРАБЕСКИ АРХИТЕКТОРА
ОН ГОВОРИТ, ЧТО В КУВШИНЕ СИДЕЛ ДЖИНН
СЕНСАЦИОННАЯ ИСТОРИЯ
ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ

И так фраза за фразой… Он заскрежетал зубами при одной мысли об этом. Потом слухи дойдут до Сильвии, и что подумает она? Конечно, ее, как и всякую благомыслящую девушку, оттолкнет мысль, что ее жених в тайных сношениях со сверхъестественным существом. А ее отец и мать позволят ей выйти за человека, хотя богатого,

но получившего богатство из такого подозрительного источника? Никто не будет верить, что он не вступал ни в какой подлый торг, прежде чем согласиться выпустить пленного духа на свободу, — тогда как он действовал в полном неведении и настойчиво отклонял всякое вознаграждение, когда понял, что именно он сделал!

Нет, уж слишком. Стараясь по мере сил отдать справедливость благодарности и щедрости джинна, он не мог избавиться от горького чувства при мысли об абсолютном отсутствии сообразительности, проявленном в таком обременении его дарами, столь бесполезными и компрометирующими. Никакой джинн, как бы он ни был стар и чужд теперешнему свету, по имеет права быть таким дураком!

Тут из-за наваленных мешков и тюков, заполнивших всю комнату, выглянула физиономия г-жи Рапкин.

— Я хотела спросить вас, сударь, когда еще не привозили этих товаров, — начала она с неодобрительным сухим покашливанием, — что вам угодно на завтра для закуски? Я думала, если бы найти сладкое мясо по подходящей це…

Горацию, окруженному теперь несметными сокровищами, вопрос о сладком мясе показался

нелепым, переход к нему был слишком резок.

— Я не могу теперь заниматься этим, г-жа Рапкин, — сказал он, — мы решим это завтра. Я слишком занят.

— Я думаю, большая часть этих вещей будет отправлена назад, если они присланы только для осмотра?

Если бы он только знал, куда и как отослать их!

— Не… знаю, — сказал он, — возможно, что я их оставлю.

— Ну, уж купите ли, нет ли, ну а я так не взяла бы их и в подарок, потому что они так грязны и вонючи. Кому они нужны? Да и двинуться тут нельзя: все завалили. Скажу-ка я Рапкину, чтоб стащил их на чердак, прочь с дороги.

— Нет, — сказал Гораций резко, больше всего боясь, как бы Рапкин не открыл истинную сущность его сокровищ. — Не трогайте их, ни вы, ни он. Оставьте все так, как есть, понимаете?

— Как вам угодно, г-н Вентимор; только, если их нельзя трогать, то не знаю, как вы посадите своих друзей за обед завтра. Вот и все.

В самом деле, принимая в соображение, что стол, каждый пригодный стул и даже пол были завалены драгоценностями и что Гораций сам

едва протискивался между ворохами, следовало признать, что гостям будет тесновато.

— Как-нибудь устроюсь, — сказал он с оптимизмом, от которого был очень далек. — Что-нибудь придумаю, предоставьте это мне.

Уходя в контору, он принял все предосторожности, чтобы пресечь любопытные поползновения хозяйки, запер гостиную, ключ унес с собой; однако в то утро дело у него пошло уже совсем иначе, чем прежде, когда он с легким сердцем и полный надежд сидел за чертежным столом на Большой Монастырской. Теперь он не мог сосредоточиться: и пыл, и вдохновение покинули его. В припадке раздражения он отшвырнул циркули и оттолкнул от себя блюдца с акварельными красками ц китайской тушью.

— Толку не будет! — воскликнул он громко. — Я чувствую себя сегодня совершенным болваном. Я не в состоянии прилично начертить и собачьей конуры!

При последних словах он ясно почувствовал чье-то присутствие в комнате и, оглянувшись, увидел джинна Факраша. Тот улыбался ему ласковее прежнего, спокойно ожидая теплого привета благодарности, так что Гораций несколько устыдился своей неспособности отнестись к нему

именно так.

«Он положительно добрый старик, — подумал он с упреком самому себе. — Он хочет мне добра, а с моей стороны свинство — так мало радоваться свиданию с ним. И все-таки черт бы взял все это! Я не согласен, чтобы он, точно кролик, вскакивал ко мне в контору, как только вздумает».

— Мир тебе! — сказал Факраш. — Умерь смущение твоего сердца и поделись со мной твоей печалью.

— О, ничего особенного, благодарю вас, — сказал Гораций, чувствуя себя окончательно смущенным. — Я стал на мертвую точку в работе, и это раздосадовало меня немного, вот и все.

— Так, значит, ты еще не получил даров, которые я приказал сложить в твоем жилище?

— Ах, конечно, получил! — ответил Гораций. — И я… я прямо не знаю, как благодарить вас за них.

— Несколько пустячных подарков, — ответил джинн, — никак не соответствующих твоему достоинству… Но пока я ничего лучшего не мог дать тебе.

— Почтеннейший, они просто подавляют меня своим великолепием! Они неоценимы и… и я не представляю себе, что я буду делать с таким

избытком.

— Избыток хороших вещей — это хорошо, — был поучительный ответ джинна.

— Только не в данном случае. Я… я вполне ценю вашу доброту и щедрость, но, право, как я уже вам говорил, я не могу принять такой награды.

Факраш слегка нахмурил брови.

— Как же ты говоришь, что не можешь, когда эти вещи уже в твоем владении?

— Я знаю, — сказал Гораций. — Но… вы не обидитесь, если я буду говорить совершенно откровенно?

— Разве ты для меня не то же, что сын, и могу ли я гневаться на слова твои?

— Хорошо, — сказал Гораций, загораясь надеждой. — Итак, по чести, я очень бы хотел… если только вы ничего не имеете против… чтобы все вы это взяли назад.

— Что? Не просишь ли ты, чтобы я, Факраш-эль-Аамаш, согласился взять обратно дары мои? Не значит ли это, что они имеют столь малую цену в твоих глазах?

— Они слишком драгоценны. Если бы я взял подобное вознаграждение за… за совсем простую услугу, я бы перестал себя уважать.

— Так умный человек не рассуждает, — холод-

но сказал джинн.

— Если вы считаете меня дураком, я тут ничего не могу сделать. Во всяком случае, я — не неблагодарный дурак. Но я чувствую совершенно ясно, что не могу оставлять у себя ваших подарков.

— Значит, ты хочешь, чтобы я нарушил мою клятву вознаградить тебя по заслугам за твое доброе дело?

— Но вы ведь уже наградили меня, — сказал Гораций, — тем, что заставили богатого купца пригласить меня строить ему жилище. И... простите мою откровенность, если вы действительно хотите мне счастья (в чем я уверен), вы избавите меня от этих драгоценностей и товаров, потому что, говоря искренне, они не сделают меня счастливым. Наоборот, они причиняют мне крайние неудобства.

— В старину, — сказал Факраш, — все люди стремились к богатству; никакое количество сокровищ не могло удовлетворить их желаний. Значит, иметь богатство считается недостойным в глазах смертных, и ты находишь его тяжелым бременем! Объясни, в чем дело?

Горацию показалось неделикатным высказать истинные причины.

— Я не могу отвечать за других людей, — ска-

зал он. — Знаю только то, что я не привык быть богатым, мне бы лучше разбогатеть постепенно, так, чтобы сознавать, что я всем обязан — насколько возможно — моим собственным трудам. Потому что — нечего мне и говорить вам, г-н Факраш, — само по себе богатство не приносит людям счастья. Вы должны были заметить, что оно может… ну, даже навлекать на них затруднения и неприятности…

«Я говорю избитые, прописные истины, — думал он, — по пусть это будет и нахальство, — лишь бы достичь цели!»

Факраш был глубоко взволнован.

— О юноша дивной умеренности! — воскликнул он. — Твои чувства не менее возвышенны, чем чувства самого Великого Сулеймана (мир ему!). Хотя даже и он не вполне презирает сокровища, ибо имеет золото, и слоновую кость, и драгоценные камни в изобилии. Да и я до сих пор еще не встречал человеческого существа, способного отвергнуть их, когда их предлагают. Но раз ты утверждаешь — и, как видно, искренне, — что мои ничтожные и негодные дары не улучшат твоего благосостояния, и раз я хочу тебе добра, а не зла, то будет так, как ты хочешь. Потому что превосходно сказано: «Ценность дара зависит не

от него самого и не от дающего, а единственно от принимающего».

Гораций едва мог поверить, что он действительно победил.

— Чрезвычайно мило с вашей стороны, — сказал он, — вы отнеслись к этому так хорошо. И если бы вы смогли заставить тот караван зайти за ними как можно скорее, это было бы для меня большим облегчением. Я хочу сказать… а… а дело в том, что я жду нескольких друзей обедать ко мне завтра, и так как у меня и вообще тесновато, то мне трудно будет принять их, ничего не убравши.

— Это всего легче, — ответил Факраш, — и потому не бойся, что когда наступит время, ты не будешь в состоянии принять своих друзей надлежащим образом. А что касается каравана, он двинется немедленно.

— Ах господи, ведь я забыл вот что, — сказал Гораций, — я запер на замок дверь той комнаты, где находятся ваши подарки, они не будут в состоянии войти без ключа.

— Для слуг джиннов не существует ни затворов, ни заграждений. Они войдут туда и возьмут все, что принесли тебе, раз таково твое желание.

— Вот уж спасибо, — сказал Горации. — Но вы,

конечно, понимаете, что я вам нисколько не меньше благодарен, чем если бы я оставил вещи у себя? Видите ли, я хочу посвятить все свое время и энергию окончанию чертежей для этого здания, которым, — прибавил он ласково, — я никогда не мог бы заняться, если бы не ваша помощь.

— Когда я пришел, — сказал Факраш, — я слышал твои жалобы на трудности работы. В чем же они состоят?

— О, — сказал Горации — немножко мудрено угодить всем, кто здесь заинтересован, и в том числе самому себе. Я хочу создать нечто такое, чем бы я мог гордиться и что мне дало бы известность. Это большой дом, и дела с ним будет много, но я с ним отлично управлюсь.

— Да, это большое предприятие, — заметил джинн после нескольких вопросов, которые никак нельзя было назвать глупыми, и ответов на них. — Но будь уверен, что все это кончится для тебя самым благоприятным образом, и ты заслужишь большую славу. А теперь, — сказал он в заключение, — я должен тебя покинуть, потому что еще не имею никаких верных вестей о Сулеймане.

— О, я не буду задерживать вас, — сказал Гораций, который уже несколько минут был как на

иголках, боясь, как бы Бивор не вернулся и не застал бы у него таинственного гостя.

— Видите, — прибавил он наставительно, — пока вы будете пренебрегать своими, гораздо более важными делами из-за моих, едва ли ваши поиски подвинутся вперед, не так ли?

— Как превосходно сказано! — ответил джинн. — Время, потраченное на добрые дела, нельзя назвать потерянным!

— Да, это, конечно, очень хорошо, — сказал Гораций, чувствуя, что надо противопоставить этому изречению что-нибудь, хотя бы изобретения. — Но у нас также есть поговорка… как это? Ах, припоминаю: «Бывает, что ласка оказывается более неприятной, чем обида».

— Чудесно был одарен тот, кто придумал это изречение! — воскликнул Факраш.

— Я думаю, — сказал Гораций, — он понял это из собственного опыта! Кстати, куда же вы думаете направиться… я хотел сказать, где искать Сулеймана?

— Я намерен отправиться в Ниневию и там разузнать.

— Отлично, — сказал Гораций с искренним одобрением, так как надеялся, что это путешествие займет время. — Чудесный город — Ни-

невия, судя по всему, что я о нем слышал, хотя, пожалуй, не вполне то, что было раньше. Потом есть еще Вавилон… вы бы могли побывать и там. А если и там ничего не слышно, почему не слетать в Центральную Африку и не обыскать ее хорошенько? Или в Южную Америку: жалко ведь упускать шансы. Вы еще не бывали в Южной Америке?

— Я даже и не слыхивал о таком крае; и как бы попал туда Сулейман?

— Извините, я не сказал, что он там. Я хотел только выразить, что он может быть там, как и во всяком другом месте. Но если вы собираетесь отправиться сначала в Ниневию, то лучше не теряйте времени, потому что добраться туда, кажется, не очень легко… хотя, впрочем, для вас и не особенно трудно.

— Я не посетую, — сказал Факраш, — хотя искать пришлось бы долго, потому что в странствии есть пять преимуществ…

— Знаю, — прервал Гораций. — Поэтому не задерживайтесь теперь, чтобы описывать их. Мне уже хотелось бы, чтобы вы двинулись в путь, и, пожалуйста, не прерывайте ваших поисков из-за меня, потому что, благодаря вам, я отныне великолепно устроюсь сам… если вы будете так

добры и велите убрать вещи.

— Твое жилище не будет ими завалено ни на час дольше, — сказал джинн. — О рассудительный человек, для которого богатство не имеет значения! Узнай, что я никогда не встречал смертного, который бы мне так нравился, как ты. Больше того: будь уверен, что такое величие души, как твое, не останется без воздаяния.

— Сколько раз должен я вам говорить, — сказал Гораций, вспыхивая от нетерпения, — что я уже более чем вознагражден? Ну, мой добрый, благородный, старый друг, — прибавил он с чувством, которое было не вполне притворным, — пришло время нам расстаться… навсегда. Позвольте мне думать, что вы вновь посещаете милые вам места, проникаете в уголки земного шара (ибо знаете вы это или нет, но земля наша есть шар), до сих пор еще вам неизвестные, отдыхаете умом в странствиях и в изучении рода человеческого и никогда, никогда, ни на минуту не теряете из вида свою главную цель: свидание и примирение с Сулейманом (мир ему!). Вот величайшее, единственное благо, которое вы можете мне дать. Прощайте же и счастливого пути!

— Пусть Аллах никогда не лишит твоих друзей твоего присутствия, — ответил в свою очередь

джинн, который был явно тронут этой речью, — ибо воистину ты — наилучший из юношей!

И, отступив назад, в камин, он исчез в одно мгновение.

Вентимор упал в свое кресло со вздохом облегчения. Он уже начинал бояться, что джинн никогда не уберется, но вот его нет… и слава богу!

Ему было немного стыдно за свою радость: ведь Факраш был, по-своему, очень добрый старик, только он всегда все делал через меру, просто у него не было чувства меры. «Ведь если бы, — думал Гораций, — кто-нибудь выразил желание иметь канарейку в клетке, то такой старый джинн принес бы ему целые стаи грифов в клетке, вдесятеро большей, чем «Хрустальный дворец». Все-таки теперь-то он понял, что ничего я не могу от него брать, и не обиделся, так что все устроилось. Теперь я могу сесть за дело и кончить эти планы в мире и спокойствии.

Не успел он начать, как услыхал в соседней комнате шаги, которые возвестили ему, что Бивор наконец вернулся. Его ждали домой день или два тому назад, и хорошо, что он случайно запоздал, так думал Вентимор, входя к нему, чтобы рассказать о неожиданном счастливом событии,

которое с ним произошло с тех пор, как они не виделись. Не нужно и говорить, что, рассказывая, он воздержался от всякого упоминания о медном кувшине или о джинне как о несущественных подробностях.

Поздравления Бивора стали очень сердечными, как только он понял, что это не шутка.

— Ну, друже, — сказал он, — я так рад! Знаете, в самом деле рад. Подумать только, как вам сразу повезло! И вы даже не знаете, от кого этот Вакербас услыхал о вас… Просто случайно увидел карточку на двери и вошел, я думаю. Я так полагаю, что не будь я случайно в отлучке… и ради каких-то жалких двухтысячных домишек… Ах, я не завидую вашей удаче, хотя уж, право… А этого стоило подождать: вы скоро затмите меня совершенно, если только не изгадите дела… То есть я хочу сказать, товарищ, если вы не станете предлагать вашему купчине готический замок, когда ему хочется коринфского портика и кучи зеркальных окон. Вот какой вам грозит подводный камень. Нечего обижаться на меня за маленькое предостережение!

— Нисколько, — сказал Вентимор, — только я не стану предлагать ни готического замка, ни зеркальных окошек. Смею думать, что он будет

доволен моим проектом.

— Будем надеяться, — сказал Бивор. — Если вам встретится какое-либо затруднение, — прибавил он с оттенком покровительства, так приходите ко мне.

— Благодарю вас, — сказал Гораций, — я так и сделаю. Но пока подвигаюсь немного.

— Мне все-таки хотелось бы взглянуть, что вы там сделали. — Я мог бы дать вам то или иное маленькое указание.

— Это очень-очень мило, только лучше не смотрите, пока не кончу, — сказал Гораций. Он был уверен, что не найдет сочувствия своим идеям и, только что пережив припадок разочарования в своей работе, желал уклониться ото всякой критики.

— Ах, как угодно! — сказал Бивор несколько жестко. — Вы всегда были упрямы. У меня уже есть известная опытность, знаете, в моем простеньком, непритязательном роде, и я думал, что мог бы избавить вас от кое-каких ошибок. Но если вы полагаете, что лучше справитесь один… только смотрите не застряньте на одном из ваших архитектурных коньков — вот и все!

— Хорошо, приятель, я взнуздаю своего конька, — сказал Гораций со смехом, возвращаясь к

себе в кабинет, где он сразу почувствовал, что к нему вернулись прежняя уверенность и наслаждение работой, и к концу дня он уже так много сделал, что его наброски были почти готовы для просмотра заказчиком.

Но еще лучше было то, что когда он в тот вечер зашел домой, чтобы переодеться и идти в Кенсингтон, то оказалось, что восхитительный Факраш уже сдержал обещание: все ящики, мешки и тюки были унесены прочь.

— Верблюды вернулись назад за вещами, сударь, сегодня после обеда, — сказала г-жа Рапкнн, — и сначала меня смутили: ведь я была уверена, что вы заперли дверь и взяли ключ с собой. Но я, должно быть, ошиблась… По крайней мере, эти арапы как-то вошли. Я надеюсь, вы так и хотели, чтобы все было взято назад?

— Да, — сказал Гораций. — Я виделся сегодня утром с… с тем, кто мне их прислал, и сказал ему, что там нет ничего такого, что мне хотелось бы оставить.

— Но каково бесстыдство — прислать вам кучу такого хлама, да еще на верблюдах! — заявила г-жа Рапкин. — Уж и не знаю, что теперь стали делать ради рекламы! Наглость это, по-моему, — вот что!

Теперь, когда все исчезло, Горацием овладело некоторое вполне естественное сожаление и сомнение, следовало ли ему быть таким щепетильным в отказе от сокровищ. «Я мог бы оставить кое-что из тех камней и вещей для Сильвии, — думал он. — Она любит жемчуг. А ковер для молитвы очень понравился бы профессору. Но нет! В конце концов, из этого ничего хорошего не вышло бы. Сильвия не могла бы носить жемчуг величиной с молодой картофель, а профессор растерзал бы меня в клочки за новое проявление расточительства. Кроме того, если бы я взял что-нибудь из даров джинна, он бы навалил мне еще, пока не вышло бы опять все то же или даже хуже, потому что у меня не было бы приличного предлога отказаться. Значит, лучше всего так, как есть.

И действительно, принимая во внимание его характер и исключительность его положения, нелегко себе представить, как бы он мог прийти к иному выводу.

Глава 8
Холостяцкая квартирка

Возвращаясь на Викентьеву площадь на другой день вечером, Гораций чувствовал себя в особенно счастливом настроении. У него было сознание хорошо проведенного рабочего дня, потому что эскизы дома г-на Вакербаса были готовы и отправлены по его городскому адресу, и Вентимор чувствовал приятную уверенность, что его клиент будет более чем удовлетворен его чертежами.

Но не поэтому было у него так легко на сердце. Сегодня вечером Сильвии предстояло впервые удостоить своим присутствием его комнаты. Она будет ступать по его ковру, сидеть на его стульях, будет говорить обо всем этом и, может быть, брать в руки его книги и безделушки, — и все это как будто сохранит навсегда память о ней. Только бы она пришла! Даже и теперь он не мог вполне поверить, что она придет, что какое-нибудь случайное препятствие не помешает ей. Точно такое же чувство заставляло его иногда сомневаться, не слишком ли упоительно и чудесно его обру-

чение, чтобы закончиться браком или хоть не прерваться вдруг.

За обед он был почти спокоен, так как еще утром обсудил все его детали вместе с хозяйкой и мог надеяться, что, не будучи роскошным, чтобы не возбуждать гнева профессора, обед должен быть неплохим, достойным внимания Сильвии; хотя вряд ли что могло оказаться достаточно редким и изысканным для этой цели.

Ему хотелось припасти шампанского, но он знал, что это вино будет как бы проявлением тщеславия в глазах профессора, и поэтому удовольствовался кларетом, хорошим виноградным вином, в качестве которого был уверен. Цветы, думал он, вполне допустимы. Он зашел в цветочный магазин по дороге и приобрел несколько хризантем, бледно-желтых и цвета терракоты — самых лучших, какие нашлись. Некоторые из них могли быть хороши посреди стола в старинной нанкинской бело-голубой чаше, которая у него была; остальные он думал расставить по комнате: до одеванья должно было хватить на это времени.

С такими мыслями он повернул на площадь Викентия, которая казалась обширнее, чем когда-либо; черноватый туман занял все ее про-

странство, обнесенное высокими решетками, а по необъятному простору стального неба быстро неслись облака, точно корабли, на всех парусах спешащие в гавань перед бурей. Внизу, в тумане, вырисовывались молодые, почти голые деревья плоскими черными силуэтами, как засушенные водоросли, а небо над самыми крышами было зловеще-красное от множества освещенных улиц. С реки доносились протяжные свистки судов, сливаясь с более далекими воплями и истерическими вскрикиваниями паровозов на Ламбетской линии.

Теперь он подходил к старому полуособняку, в котором квартировал, и в первый раз заметил, что решетка веранды с обвивавшими ее стеблями плюща и висячими корзинами бросала красивую узорчатую тень на окна, которые отсвечивали розоватым блеском, давая впечатление тепла, уюта и гостеприимства. Он спросил себя, заметит ли это Сильвия, когда приедет?

Он прошел под старой аркой из кованого железа, когда-то служившей поддержкой для фонаря, и поднялся на небольшое, но крутое крыльцо, которое вело в кирпичные сени, пристроенные сбоку. Тут он отпер дверь своим ключом и… замер, остолбенев от изумления, потому что очутился

в чужом доме.

Вместо хорошо знакомой скромной прихожей с желтыми под мрамор обоями, вешалкой красного дерева и пожилым барометром в состоянии хронической подавленности он увидел сводчатую восьмиугольную переднюю с синими, красными и золотыми арабесками и богато расшитыми драпировками; пол был мраморный, а посреди неглубокого бассейна из алебастра бил с убаюкивающим плеском душистый фонтан.

«Должно быть, я ошибся номером», — подумал он, совершенно забывая, что его ключ подошел к замку, и уже собирался уйти, пока еще его вторжение не было замечено, когда занавески раздвинулись и показалась г-жа Ранкин, представляя собою такую жалкую и нелепую фигуру среди этой обстановки, являясь такою ошеломленною н удрученною горем, что Горацию, несмотря на собственную возраставшую тревогу, было довольно трудно остаться серьезным.

— Ох, г-н Вентимор, сударь! — жаловалась она. — Что вы теперь намерены еще сделать, хотела бы я знать? — Как подумаешь, каково это — взять да и переделать всю квартиру так, что узнать нельзя, — и ни словом не упредить! Уж если нужна была переделка, я думаю, хоть сказать

бы надо Рапкину да мне.

Гораций и не заметил, как уронил все свои хризантемы в фонтан. Он теперь понял; в сущности, он как-то почти понял это сразу, но не хотел сознаться даже перед собою.

Конечно, причиною беды был все тот же джинн. Он вспомнил теперь, что упомянул накануне об ограниченных удобствах своей квартиры.

Ясно, что Факраш мысленно отметил это и, по своей безудержной щедрости, являвшейся наихудшим его пороком, решил, в виде приятного сюрприза, совершенно переменить обстановку и убранство комнат сообразно собственному вкусу.

Это было чрезвычайно мило с его стороны, доказывало искренность его благодарности, но…

«Ох! — подумал Гораций с горечью в душе. — Если бы он только согласился оставить меня в покое и заняться собственными делами».

Однако дело было сделано и ответственность приходилось принять на себя, потому что едва ли было возможно открыть правду.

— Разве я не говорил, что хочу сделать некоторые изменения? — сказал он беззаботным тоном. — Они сделаны немного скорее, чем я ожидал. А что… тут долго работали?

— Я положительно не могу вам этого сказать, сударь, потому что уходила за некоторыми покупками, которые мне нужны к вечеру, а Рапкин был на углу, в читальне. А когда я пришла, то все уже было готово и рабочие ушли. И как они могли кончить такое дело так скоро, это меня совершенно сбивает с толку; потому что когда у нас перестраивали кухню, то работали десять дней.

— Ну, хорошо, — сказал Гораций, уклоняясь от этой темы, — все-таки они сделали это, и сделали замечательно хорошо. Ведь вы согласны, г-жа Рапкин?

— Все это может быть, сударь, — сказала г-жа Рапкин, фыркнув, — только мне-то не по вкусу, и не думаю, чтобы пришлось по вкусу Рапкину, когда он увидит.

Вентимору оно тоже было не по вкусу, хотя он не собирался признаваться в этом.

— Что делать, г-жа Рапкин! — сказал он. — Только мне сейчас некогда беседовать, надо бежать наверх и одеваться.

— Прошу меня извинить, сударь, но это совершенно невозможно… потому что, когда они были здесь, они совсем убрали лестницу.

— Убрали совсем лестницу? Глупости! — воскликнул Гораций.

— Так и я думаю, г-н Вентимор… Но это как раз то, что люди сделали, а если вы не верите, подите и посмотрите сами.

Она раздвинула драпировки и открыла изумленному взору Вентимора обширную залу с колоннами и с высоким куполообразным потолком, от которого свешивалось несколько ламп, дававших мягкий свет. Наверху, в стене налево, было два окна, которые, по его мнению, раньше находились у него в гостиной; из деликатности, или по неумению, или просто потому, что это ему не пришло в голову, джинн не тронул наружных стен; только эти окна были теперь замаскированы сквозной позолоченной решеткой, которою Гораций объяснил себе узор, замеченный им снаружи.

Стены были обложены голубыми с белыми восточными изразцами; вдоль двух стен зала шла алебастровая платформа, на которой стояли диваны; в противоположной ему стене подковообразные арки вели, очевидно, в другие комнаты. Середина мраморного пола была застлана дорогими коврами с кучами подушек, яркие цвета которых горели из-под золотых мудреных вышивок.

— Ну, — сказал несчастный Гораций, едва со-

знавая, что говорит, — это… это очень… уютно, г-жа Рапкин.

— Не мне судить об этом, сударь; только я хотела бы знать, где вы думаете обедать?

— Где? — сказал Гораций. — Ну, здесь, конечно. Здесь много места.

— В доме не осталось ни одного стола, — сказала г-жа Рапкин, — значит… разве только вы захотите накрыть на полу.

— О, здесь должен быть стол где-нибудь, — сказал Гораций нетерпеливо, — или же вы можете взять взаймы. Не создавайте затруднений, г-жа Рапкин. Приспособьте что угодно… Теперь я должен идти и одеваться.

Он наконец освободился от нее и, пройдя под одну из арок, нашел меньшую комнату, из кедрового дерева, с инкрустациями из слоновой кости и перламутра, которая, очевидно, была его спальней.

Роскошное одеянье, жесткое от золотых вышивок и сверкавшее древними украшениями из драгоценных камней, было разложено для него (ибо джин обдумал все); но, конечно, Вентимор предпочел бы свой собственный вечерний костюм.

— Г-н Рапкин! — закричал он, подходя к дру-

гой арке, которая, по-видимому, сообщалась с подвалом.

— Что прикажете? — ответил хозяин, который только что вернулся из своей «читальни» и теперь появился без галстука в одной жилетке, бледный и растерянный, что, пожалуй, понятно, принимая во внимание обстоятельства. Когда он вошел в эти ставшие ему чуждыми мраморные покои, он пошатнулся; его красные глаза выкатились, а рот открылся как у рыбы.

— Они и здесь побывали также, кажется, — заметил он хрипло.

— Здесь немножко переделали, — сказал Гораций, — как видите. Не знаете ли вы, куда девалось мое платье, а?

— Я не знаю, куда они девали все. Ваши платья? Ну, я не знаю, куда девалась даже наша маленькая гостиная, где мы с Марией сидели столько лет каждый вечер. Я не знаю, куда девались кладовая и ванная с горячей и холодной водой, проведенной за мой собственный счет. А вы просите меня найти вам сюртучную пару! Я нахожу, сударь, я нахожу, что самая не… самое непозволительное своеволие было допущено в ущерб мне.

— Любезный, не болтайте вздора! — сказал Гораций.

— Я вам говорю, что знаю. И всегда скажу, что дом англичанина — это его крепость, и никто не имеет права, как только он повернул спину, прийти и построить у него турецкие бани, вот что!

— Построить что? — воскликнул Гораций.

— Турецкие бани, понятно говорю. Ведь это же сущие турецкие бани. Как вы думаете, кто захочет снять квартиру, отделанную на смех? Что я скажу домовладельцу? Такое дело разорит меня, да! После того, как вы здесь квартируете пять лет и мы с Марией смотрели на вас, как на родного… Это тяжело… это чертовски тяжело!

— Слушайте, — сказал Вентимор резко, потому что было ясно, что умственные занятия г-на Рапкина не обошлись без помощи многочисленных рюмок, — придите в себя наконец и слушайте!

— Я почтительно отклоняю предложение прийти в себя… ни для кого на свете, — сказал г-н Рапкин с гордым видом. — Я стою здесь за свое достоинство, как человека, сударь! Слышите, я стою здесь…

Он помахал рукой и неожиданно сел на мраморный пол.

— Стойте на чем хотите или на чем сумеете, — сказал Гораций, — но вы слушайте, что я хочу

вам сказать. Тот, кто… те, кто сделали все эти изменения, вышли за пределы моих распоряжений. Я вовсе не хотел, чтобы дом был так переделан. И все-таки, если ваш домовладелец не найдет, что его. ценность страшно повысилась, он будет дураком, вот и все! Как бы то ни было, я позабочусь, чтобы вы не пострадали. Если заставят все привести в прежний вид, я это сделаю на свой счет. Поэтому, пожалуйста, не беспокойтесь больше.

— Вы — настоящий джентльмен, г-н Вентимор, — сказал Рапкин, осторожно пытаясь стать на ноги. — Джентльмена сразу узнаешь. Я тоже джентльмен!

— Конечно, — сказал Гораций весело, — и я вам скажу, как это доказать. Вы сейчас же пойдете вниз и попросите свою милую жену облить вам голову холодной водой; затем окончите свой туалет, постарайтесь добыть какой-нибудь стол, накройте его для обеда и будьте готовы к приезду моих друзей, чтобы доложить о них, когда они приедут, и потом служить за столом. Понимаете?

— Хорошо, господин Вентимор, — сказал Рапкин, который еще не вышел за пределы понимания и повиновения. — Вы уже на меня положитесь. Я постараюсь хорошо принять ваших друзей, превосходно! Я служил буфетчиком

в лучших, в самых знатных… в самых аристо… вы знаете, в такого рода домах… и… все это было в порядке, и я буду в порядке через несколько минут.

С таким обещанием он заковылял по лестнице, оставив Горация с облегченным до некоторой степени сердцем. Подержав голову под краном, Рапкин будет достаточно трезв; да и кроме того, можно рассчитывать на нанятого лакея.

Если бы только нашлась его фрачная пара! Он вернулся в свою комнату и все перерыл, как сумасшедший, но нигде ничего не оказалось, а так как он не мог решиться встретить гостей в рабочей куртке — что профессор принял бы за умышленное оскорбление и что, конечно, показалось бы грубым нарушением этикета в глазах г-жи Фютвой, если не в глазах ее дочери, — то он решил надеть восточные одежды за исключением чалмы, которую ему никак не удавалось навертеть на голову.

Так наряженный, он снова вошел в зал под куполом, где, к своему большому неудовольствию, увидел, что еще не было и намека на обеденный стол. Он уже начал растерянно искать звонок, когда появился Рапкин. По-видимому, он последовал совету Горация, потому что его волосы были мокры и приглажены, и он был сравни-

тельно трезв.

— Нет, это слишком! — кричал Гораций. — Мои друзья могут сейчас приехать, а еще ничего не сделано. Вы не намерены служить за столом в таком виде, не правда ли? — прибавил он, заметив, что тот был в пальто и шарфе.

— Я не намерен служить ни в каком виде, — сказал Рапкин, — я ухожу, да!

— Очень хорошо, — сказал Гораций, — в таком случае пошлите сюда лакея... Я полагаю, он пришел?

— Он пришел... но опять ушел... Я ему сказал, что он не будет нужен.

— Вы это ему сказали! — сказал Гораций сердито, но потом овладел собой. — Ну, Рапкин, образумьтесь. Не можете же вы в самом деле свалить все на жену: и готовить обед, и подавать его!..

— Она не намерена делать ни того ни другого, она уже ушла из дому.

— Вы должны привести ее назад! — воскликнул Гораций. — Боже мой! Неужели вы не видите, в какое положение вы меня ставите? Мои знакомые уже выехали из дому, теперь слишком поздно им телеграфировать или как-нибудь дать знать.

Пока он говорил, раздался стук у входной двери; и довольно странным показался знакомый звук чугунного молоточка в этой арабской зале.

— Вот они! — сказал он, и мысль встретить их у двери и предложить сейчас же отправиться в ресторан пришла ему на ум, но тут он сообразил сразу, что неудобна его одежда, да и денег не хватит на это.

— В последний раз и вас спрашиваю, Рапкин! — крикнул он в полном отчаянии. — Неужели же вы вовсе не готовили обеда?

— О, — ответил Рапкин, — обед-то будет: его стряпают какие-то дикие нехристи там, внизу, вот что уязвило сердце Марии: видеть, что все взято из ее рук, после того, как она так много хлопотала.

— Но мне нужен кто-нибудь, чтобы подавать! — воскликнул Гораций.

— У вас найдется довольно слуг для чего угодно. Но если вы надеетесь, что честный христианин станет служить вместе с дурномордыми арапами и плясать под их дудку, то вы ошибаетесь, сударь! Пойду переночую у своего зятя и спрошу у него совета об этом деле, потому что он служил швейцаром у адвоката и знает законы. А пока желаю вам доброго вечера и надеюсь, что ваш обед будет

вам по вкусу и по желанию!

Он вышел через дальнюю арку, в то время как из передней до Горация долетали слишком хорошо знакомые голоса. Фютвои приехали; ну, во всяком случае, кажется, им будет что поесть, раз Факраш в своем старании делать все основательно сам приготовил и пир, и прислугу! Но кто же доложит о гостях? Где те слуги, о которых говорил Рапкин? Не пойти ли самому встречать гостей?

Через минуту ответ на эти вопросы явился сам собой, потому что, пока он еще стоял под куполом, драпировки центральной арки раздвинулись с шумом и открыли двойной ряд высоких рабов в богатых одеждах; их глаза цвета оникса выкатились и зубы засверкали на шоколадном фоне их лиц, когда они произнесли свое восточное приветствие.

Между этим двойным рядом стояли профессор, г-жа Фютвой и Сильвия; они только что сняли верхнюю одежду и смотрели с нескрываемым удивлением на блеск, который представился их глазам.

Гораций двинулся к ним навстречу; он чувствовал, что попал в тиски, и единственное, что ему оставалось, это принять спокойный вид и верить, что его счастливая звезда проведет его через все

затруднения без неприятных разоблачений и безо всякой беды.

Глава 9
(Гнушайся, о чадо, роскошью персов!)

— Наконец-то вы нашли сюда дорогу, — сказал Гораций, сердечно пожимая руки профессора и г-жи Фютвой. — Я просто не могу выразить, как я счастлив вас видеть!

На самом же деле он чувствовал себя далеко не хорошо, и это делало его слишком многоречивым. Но он решил, что если только он будет в состоянии все это выдержать, то не даст ни малейшего повода подозревать что-нибудь неладное или необычное в его домашней обстановке.

— И это, — сказала г-жа Фютвой, которая была очень величественна в черном платье со старинными кружевами и стального цвета вышивкой, — это и есть холостяцкая квартирка, о которой вы так скромно отзывались? Да, — прибавила она, щуря свои проницательные глаза, — вы, молодые люди, умеете устраиваться с удобством, не правда ли, Антон?

— Умеют, — сказал профессор сухо, хотя было очевидно, что ему стоило больших усилий скрыть свое одобрение. — Для таких результатов,

если я не ошибаюсь, необходимы бесконечные исследования… и значительные расходы.

— Нет, — сказал Гораций, — нет! Вы бы удивились, если бы знали, как мало.

— Мне казалось бы, — возразил профессор, — что всякая трата на квартиру, которую вы занимаете, полагаю, ненадолго, может назваться выброшенными деньгами, но, конечно, вам виднее.

— Да ваши комнаты прямо чудесны, Гораций! — воскликнула Сильвия, и ее прелестные глаза расширились от восхищения. — И где же, где вы достали этот великолепный халат? Никогда в жизни я не видала ничего милее!

Она сама была прелестна в легком и пышном переливчатом платье нежного яблочно-зеленого цвета; единственным ее украшением был темно-синий египетский скарабей с распущенными крыльями, который висел у нее на шее на тонкой золотой цепочке.

— Я… я должен извиниться перед вами, что принимаю вас в таком костюме, — сказал Гораций с замешательством, — но дело в том, что я не мог нигде найти своего платья; поэтому… поэтому я надел первое, что мне попалось под руку.

— Едва ли это нужно… — сказал профессор, на

котором был надет обычный костюм. Но он не обращал внимания на то, что грудь его рубашки топорщится, а белый с торчащими концами галстук начинает лезть к его левому уху. — Едва ли нужно вам извиняться за простоту вашего костюма, который находится в полной гармонии с восточным характером вашей обстановки.

— Зато я чувствую себя вне всякой гармонии, — сказала Сильвия, — потому что на мне нет ничего восточного… разно только скарабей… да и тот отстал от современности, бедняжка, уж не знаю на сколько столетий!

— Если бы ты сказала «тысячелетий», дорогая, — поправил профессор, — то было бы точнее. Этот скарабей взят из гробницы Тринадцатой династии.

— Ну, я уверена, что ему лучше там, где он сейчас, — сказала Сильвия, и Вентимор вполне с ней согласился. — Гораций, я должна осмотреть все! Как это умно и оригинально с вашей стороны — превратить обыкновенный лондонский дом в такой.

— Ну, знаете ли, — объяснял Гораций, — это… сделано, собственно, не мною…

— Кто бы это ни сделал, — сказал профессор, — он должен был посвятить много труда на

изучение восточного искусства и архитектуры. — Смею я спросить: какой подрядчик исполнил все эти переделки?

— Я положительно не могу вам этого сказать, — отвечал Гораций, который начинал понимать, какие могут быть в жизни скверные минуты.

— Не можете сказать?! — воскликнул профессор. — Вы заказываете полную обстановку, и — должен прибавить — такую дорогую, и не знаете, кому делаете такой заказ!

— Конечно, знаю, — сказал Гораций, — только как раз в эту минуту я не могу вспомнить. Подождите! Может быть, «Либерти»? Нет, я почти уверен, что не «Либерти». Может быть, «Мапль»; только не наверно. Кто бы это ни сделал, с меня взяли удивительно дешево.

— Рад слышать это, — сказал профессор самым неприятным тоном. — Где же у вас столовая?

— Но я думаю, — сказал Гораций беспомощно, видя толпу слуг, расстилавших по полу круглый ковер, — я полагаю, что столовая, — здесь.

— Кажется вы находитесь в некотором сомнении? — спросил профессор.

— Я предоставляю это им; это зависит от того, где им вздумается накрыть, — сказал Гораций. — Раз в одном месте, другой раз — в другом. Есть

большая прелесть в неопределенности, — сказал он, запинаясь.

— Без всякого сомнения, — сказал профессор.

В это время двое из рабов, по распоряжению высокого негра в чалме, поставили на круглый ковер низенькую скамейку из черного дерева с инкрустациями странного рисунка из серебра и черепахи, в то время как другие слуги шли за ними с закрытыми блюдами на круглом серебряном подносе, который они поставили на скамейку и низко поклонились.

— Ваш… гм… домоправитель, — сказал профессор, — очевидно, решил, что мы будем обедать здесь. Насколько я вижу, они знаками показывают вам, что кушанье на столе.

— Это так, — сказал Вентимор. — Сядем?

— Но, дорогой Гораций, — сказала г-жа Фютвой, — ваш буфетчик забыл о стульях.

— Ты, по-видимому, не отдаешь себе отчета, дорогая, — сказал профессор, — что в подобном помещении стулья были бы совершенно не у места.

— Боюсь, что здесь их и нет, — сказал Гораций, так как в самом деле не было ничего, кроме четырех толстых подушек. — Давайте сядем на них, — предложил он. — Так… так забавнее!

— В моем возрасте, — сказал профессор с раздражением, опускаясь на самую толстую подушку, — такая забава, состоящая в том, чтобы есть, сидя на полу, не может действовать хорошо на настроение, хотя, конечно, я признаю, что это совершенно по-восточному.

— По-моему, это восхитительно, — сказала Сильвия. — Гораздо, гораздо интереснее, чем заурядный, чопорный обед.

— Можно быть не вполне заурядным, — заметил ее отец, — и все-таки не избежать обвинения в чопорности… Уходите прочь, любезный, уходите! — сказал он резко одному из рабов, который делал попытки полить водой его руки. — Ваш слуга, Вентимор, кажется воображает, что я отправлюсь на обед, не дав себе труда предварительно вымыть руки. Смею заметить, что это не так.

— Это просто восточный обычай, профессор, — сказал Гораций.

— Я в совершенстве знаком с обычаями Востока, — возразил профессор, — но из этого не следует, что подобные… гм… гигиенические предосторожности необходимы и желательны за столом на Западе.

Гораций промолчал; он был слишком погружен

в смущенное созерцание серебряных крышек, ломая себе голову, что могло быть под ними. Его смущение не рассеялось, когда крышки были сняты, — потому что он положительно терялся в догадках, как ему приняться за содержимое блюд без такой вещи, как вилка.

Метрдотель, однако, разрешил трудную задачу, показав жестами, что гости должны есть руками.

Сильвия выполнила это с большой грацией и чрезвычайной веселостью, но ее отец и мать не скрывали своего отвращения.

— Если бы я обедал в пустыне с шейхом, сударь, — заметил профессор, — то, надеюсь, я сумел бы сообразоваться с его привычками и предрассудками. Здесь же, в самом центре Лондона, признаюсь, все это производит на меня впечатление ни к чему ненужного педантизма.

— Мне очень жаль… — сказал Гораций. — Я велел бы дать ножи и вилки, если бы мог; но боюсь, что эти парни даже не поймут, что это такое, поэтому бесполезно говорить им. Нам… нам придется все-таки примириться с этим, вот и все. Надеюсь, что… а… а… рыба недурна, профессор?

Он не знал в точности, что это была за рыба, но она была зажарена на кунжутовом масле и приправлена корицей с имбирем; и не было заметно,

чтобы она сильно убавлялась перед профессором. Сам Вентимор, конечно, предпочел бы обыкновенную треску под устричным соусом, но теперь уже ничего нельзя было сделать.

— Благодарю, — сказал профессор. — Это оригинально, но характерно. Больше не надо, благодарю вас.

Горацию оставалось только надеяться, что следующее блюдо будет иметь большой успех. Это была баранина, тушенная с сахаром, персиками и ягодами ююбы. Сильвия признала ее превкусною, ее родители не высказали своего мнения.

— Могу я попросить у него что-нибудь выпить? — спросил затем профессор, и виночерпий налил ему кубок ледяного шербета с ароматом варенья из фиалок.

— Искренне сожалею, мой милый, — сказал он, попробовав напиток, — но если я выпью это, то завтра буду болен. Если бы можно было стакан вина…

Другой раб сейчас же подал ему чашу с вином, которое он попробовал и поставил на пол, вздрогнув и сделав гримасу. Гораций попробовал после него и не удивился. Это было крепкое, терпкое вино, в котором запах козлиной шкуры и смолы боролись за преобладание.

— Это старое и, не сомневаюсь, тонкое вино, — заметил профессор с деланной учтивостью, — но оно, вероятно, пострадало при перевозке. Я все-таки думаю, что при моей наклонности к подагре немного «Аполлинариса» с виски было бы для меня лучше… если только вы держите в доме такие западные напитки.

Гораций был убежден, что бесполезно было приказывать рабам принести виски или «Аполлинарис», которые, конечно, были неизвестны во времена джинна. Поэтому ему осталось только извиниться за их отсутствие.

— Ничего! — сказал профессор. — Я не так страдаю от жажды, чтобы не мог подождать до дома.

Было некоторым утешением, что и Сильвия, и ее мать похвалили шербет; они даже оценили — или были так любезны, что сказали, будто оценили, — блюдо, состоявшее из риса с рубленым мясом, завернутого в виноградные листья; оно было совсем не аппетитно на вид и есть его изящно было трудно.

За ним следовал цельный ягненок, жаренный на оливковом масле, начиненный толчеными фисташками, перцем, мускатным орехом и кориандровым семенем и обильно политый розовой водою и мускусом.

У одного Горация хватило храбрости приняться за ягненка… но ему пришлось пожалеть об этом. Потом явились куры, начиненные изюмом, петрушкой и крошеным хлебом. Банкет закончился пирожным странной формы и противного вида.

— Надеюсь, — сказал Гораций с тревогою, — вы не находите, что эта восточная стряпня очень… плоха?.. — Сам же он чувствовал себя положительно нездоровым. — Это все-таки несколько разнообразит нам обыденный стол.

— Обед был поистине удивительный, благодарю вас, — ответил профессор, надо полагать, не без задней мысли. — Даже на Востоке я не ел ничего подобного.

— Но где же ваша хозяйка научилась такому искусству, дорогой Гораций? — спросила г-жа Фютвой. — Вы, кажется, говорили, что она готовит лишь простое кушанье. Она когда-нибудь жила на Востоке?

— Не совсем на Востоке, — сказал Гораций, — и не то, чтобы жила… Дело в том, — продолжал он, чувствуя, что несет чепуху и что лучше быть неоткровеннее, — что этот обед готовила не она. Она… ей понадобилось отлучиться совершенно неожиданно. Так что весь обед прислан… этим… ну, кондитером, что ли! Он поставляет все без

исключения, и прислугу, и все!

— А я думал, — сказал профессор, — что для холостяка… для обрученного уже холостяка, вы, кажется, живете слишком широко.

— О, они здесь только на сегодняшний вечер, — сказал Гораций. — Хорошие малые… более живописны, чем здешний зеленщик… а кроме того, они не навязывают своего присутствия.

— Они — настоящие душечки, Гораций, — заметила Сильвия, — только… ну, немножко черномазы на вид.

— Мне бы не подобало критиковать стиль и способ оказанного нам приема, — вставил профессор кисло. — Не то я решился бы заметить, что вы едва ли выказали склонность к бережливости, которую я хотел бы…

— Ну, Антон, — прервала его жена, — пожалуйста, воздержимся от осуждения. Гораций устроил все это прелестно… да, прелестно, и даже если бы он был в данном случае немножко расточителен, то ведь он и не обязан быть экономным теперь, ты знаешь!

— Дорогая, — сказал профессор, — мне еще неизвестно, что надежда на прибавку дохода в отдаленном будущем есть повод к безрассудному мотовству в настоящем.

— Если бы вы только знали, — сказал Гораций, — вы не назвали бы это мотовством. Это… это вовсе не тот обед, который я собирался предложить вам, и боюсь, что он не был особенно хорош… но во всяком случае он, конечно, не дорог.

— Дороговизна есть понятие относительное. Но я думаю, что имею право спросить, предполагаете ли вы жить на ту же ногу, когда женитесь?

Как читатель может заметить, вопрос был крайне щекотливый. Если бы Вентимор ответил согласно истине, что вовсе не имеет намерения содержать свою жену в подобной роскоши, то он был бы обвинен в эгоистическом потакании своим прихотям, пока холост; если бы, наоборот, он заявил, что предполагает жить с женою среди этого сказочного и ненужного великолепия, то, конечно, он только оправдал бы недоверие ее отца к его благоразумию и бережливости.

С подавленным бешенством Гораций думал, что виною всему этот нестерпимый старый осел — джинн; он поставил его в такое положение, а сам улизнул туда, куда не долетят ни увещания, ни брань!

Прежде чем он собрался ответить на вопрос, слуги бесшумно убрали поднос и скамейку и

стали разносить розовую воду в серебряном кувшине с тазом, вид которых, по счастью или нет, отвлек внимание профессора в другую сторону.

— Эти вещи недурны… положительно недурны, — сказал он, рассматривая их поближе. — Где это вам удалось достать их?

— Это не мои, — сказал Гораций. — Они присланы… поставщиком обеда.

— Можете вы дать мне его адрес? — спросил профессор, чуя покупку. — Ведь знаете, эти вещи — настоящие древности… Они слишком хороши для каждодневного употребления.

— Я неточно выразился, — сказал Гораций беспомощно. — Эти оригинальные вещи мне одолжил один… один эксцентричный восточный джентльмен, в виде величайшей любезности.

— Я знаю его? Он собирает коллекцию подобных вещей?

— Не думаю, чтобы вы с ним встречались. В последние годы он жил очень уединенно.

— Я очень бы хотел посмотреть на его коллекцию. Если бы вы дали мне рекомендательное письмо…

— Нет, — сказал Гораций, которого бросило в жар, — это будет бесполезно. Он никогда не показывает своей коллекции… Он… он удиви-

тельно странный человек. А теперь как раз он за границей.

— Ах, прошу прощения, если я оказался нескромным, но я заключил из ваших слов, что этот… гм… банкет был заказан у профессионального поставщика.

— Ах, банкет! Да, это прислано от кондитера, — лгал Гораций, — отделение… восточной кухни. Они только что начали это дело, знаете; так… так вот я и решил испытать их. Но это не то, что можно назвать уже организованным делом.

Рабы с низкими поклонами уже приглашали их садиться на диван, который тянулся вдоль стены залы.

— Ах, — сказал профессор, с заметным кряхтеньем вставая со своей подушки, — значит, у нас будет кофе и остальное там, а?.. Ну, мой мальчик, я не буду огорчен, признаться, если найдется, к чему прислонить спину… и сигара, легкая сигара… поможет пищеварению. Здесь можно курить?

— Курить? — переспросил Гораций. — Ну конечно. Во всей квартире. Сюда! — крикнул он, хлопнув в ладоши, что заставило одного из рабов немедленно приблизиться к нему с покорным видом. — Принесите кофе и сигары, понимаете?

Раб выкатил свои миндалевидные глаза в яв-

ном недоумении.

— Кофе, — сказал Гораций, — вы должны знать, что такое кофе. И папиросы. Ну, чубуки, в таком случае — кальян, если так по-вашему.

Но раб явно не понимал и Горация внезапно осенила мысль, что, так как кофе и табак даже на Востоке вошли в употребление гораздо позднее эпохи Сулеймана, то джинн, как распорядитель праздника, конечно, не имел понятия, насколько они стали необходимы в настоящее время.

— Я страшно огорчен, — сказал он, — но, кажется, они этого не припасли. Я сделаю выговор распорядителю. И, к несчастью, я не знаю, где и мои-то сигары.

— Это неважно, — сказал профессор с подчеркнутым стоицизмом. — Я курю умеренно вообще, а турецкий кофе, хотя мне и нравится, но может вызвать бессонницу. Но вы бы разрешили мне взглянуть на тот медный кувшин, который вы приобрели на несчастном Коллингамовом аукционе? Я был бы вам очень благодарен.

Гораций не имел понятия, где был или мог быть кувшин и ничего не добился бы, если бы профессор не пришел к нему на помощь, несколькими арабскими словами заставив рабов понять, что именно он хотел, чтобы они нашли.

Двое из них вошли, неся медный кувшин со всеми знаками благоговейного ужаса, и поставили его у ног Вентимора.

Профессор Фютвой, вытерев и надев очки, стал рассматривать сосуд.

— Действительно, это — самый необычный образец медного производства, — сказал он, — столь же единственный в своем роде, как и серебряный кувшин с тазом. И действительно, как вы и думали, здесь, кажется, есть что-то в роде надписи на крышке, хотя при этом тусклом свете ничего нельзя сказать определенно.

Пока он рассматривал кувшин, Гораций сел на диван рядом с Сильвией, рассчитывая на один из тех разговоров шепотом, которые дозволяются жениху и невесте. Пир он кое-как отбыл и в результате даже благодарил судьбу, что дело не обошлось хуже. Удалились все дикие и внушавшие жуткое чувство слуги, которых он не знал, считать ли за эфритов, за демонов или просто за привидения, но чьих услуг он больше не желал. Г-жа Фютвой мирно задремала, а ее супруг стал благодушнее, чем был во весь вечер.

Вдруг из-за драпировок одной из арок раздались странные нестройные звуки, какое-то варварское бренчанье и постукиванье, прерываемое как бы

воплями влюбленных котов.

Сильвия невольно подвинулась ближе к Горацию, ее мать в испуге проснулась, а профессор оторвал глаза от медного кувшина с возобновившимся раздражением.

— Что это такое? Что такое? — спросил он. — Какой-нибудь новый сюрприз приготовлен для нас?

Это было настолько же сюрпризом и для Горация, но от унижения признаться в этом его избавило появление полудюжины смуглых музыкантов, завернутых в белое, с различными странной формы инструментами, с которыми они уселись на корточки полукругом у противоположной стены и начали звенеть, колотить и вопить, подняв веселую какофонию восточного оркестра. Было ясно, что Факраш решил сделать все, чтобы вечер имел полный успех.

— Какой необыкновенный шум! — сказала г-жа Фютвой. — Неужели они хотят выдать это за музыку?

— Конечно, хотят, — сказал Гораций. — В сущности, это гораздо гармоничнее, чем кажется… нужно привыкнуть к… э-э… к мелодии. Когда вы привыкнете, то вам она покажется баюкающей.

— Да, могу сказать! — произнесла бедная жен-

щина. — А что, они также от кондитера?

— Нет, — сказал Гораций, великолепно усвоив искренний тон, — не от него. Они… из лагеря арабов в Эрльс-Корте… участвуют во всяких празднествах, знаете. Но здесь они играют бесплатно; они… они желают приобрести известность, видите ли. Они — хорошая и почтенная компания.

— Дорогой Гораций, — заметила г-жа Фютвой, — если они хотят получать приглашения на празднества и тому подобное, они должны бы выучить хоть какую-нибудь пьесу.

— Я понимаю, Гораций! — прошептала Сильвия. — Это очень дурно с вашей стороны взять на себя столько труда и издержек, потому что, конечно, это вам стоило уйму денег только для того, чтобы сделать нам удовольствие, но что бы ни говорил папочка, я люблю вас за это еще больше!

И ее рука ласково скользнула в его руку, а он почувствовал, что может простить Факрашу все, даже… даже оркестр.

Но было что-то неприятно-спектральное в неясных фигурах музыкантов, которые вырисовывались в комичных мешкообразных и выпуклых очертаниях при тусклом и расплывчатом освещении. У некоторых из них были на

голове громадные и курьезные белые уборы, придававшие им вид больших пальцев в хирургических повязках; и все они продолжали пиликать, скрипеть и кричать по-кошачьи с печальным однообразием, которое, как Гораций чувствовал, должно было расстраивать нервы гостей, ибо оно расстраивало и его собственные.

Не зная, как от них избавиться, он сделал рукою жест в воздух, желая показать, что, хотя их страдания и доставляют всей компании сильнейшее удовольствие, все же их не хотят удерживать более и артисты могут удалиться.

Быть может, нет другого искусства, столь доступного ложным толкованиям, как пантомима. Усилия Вентимора в этом направлении были ложно поняты, и музыка сделалась еще более дикой, громкой, настойчивой и до ужаса нестройной… А затем случилось самое худшее.

А именно: драпировки раздвинулись, и, приветствуемая резкими взвизгиваниями музыкантов, в залу вплыла женская фигура, которая начала плясать с ленивой и гибкой грацией.

Ее красота, хотя и резко восточного типа, была несомненна даже при тусклом свете, падавшем на нее; прозрачная одежда обнаруживала безукоризненные формы; в темные косы были

вплетены монеты; у нее были продолговатые блестящие глаза, смуглое набеленное лицо и застывшая на ярких губах улыбка восточной плясуньи всех времен.

Она скользила по полу своими звенящими ногами, свиваясь и изгибаясь, как красивая змея, между тем как музыканты доходили до крайнего исступления.

Вентимор сидел и беспомощно смотрел на происходившее; он чувствовал, что в нем возрождается злоба на джинна. Это было уже слишком! В его лета пора быть умнее!

Нельзя сказать, чтобы в самой пляске было что-нибудь предосудительное; но все же развлечение такого рода совсем не подходило к данным обстоятельствам. Теперь Гораций жалел, что не сообщил Факрашу, кто были гости, которых он ожидал; тогда, может быть, даже джинн выказал бы более такта в своих распоряжениях.

— Эта девушка также из Эрльс-Корта? — осведомилась г-жа Фютвой, уже совершенно пробудившись.

— О нет! — сказал Гораций. — Я пригласил ее из «Бюро развлечений» Гаррода. Мне там говорили, что она хороша и своеобразна, знаете. Но вполне прилична, она… она это делает только для того,

чтобы помогать больной тетке.

Все эти объяснения, как он сам чувствовал, давая их, были не только напрасны, но и совершенно неубедительны; только он дошел до такого состояния, когда человек с ужасом открывает в себе неведомый ему самому запас лживости.

— Мне кажется, что есть другие способы помогать больным теткам, — заметила г-жа Фютвой. — Как зовут эту барышню?

— Тинклер, — сказал Гораций экспромтом. — Г-жа Клементина Тинклер.

— Она, конечно, иностранка?

— Я должен был сказать «мадемуазель». И Тинкла… с «а» на конце. Я думаю, ее мать была из Аравии… но наверное не знаю, — объяснял Гораций, чувствуя, что Сильвия отняла свою руку и смотрит на него с тайным беспокойством.

«Необходимо положить этому конец», — думал он.

— Кажется, вам начинает это надоедать, дорогая, — сказал он громко, — мне — точно так же. Я скажу им, чтобы они уходили. — Он встал и вытянул руку в знак того, что танец должен прекратиться.

Он прекратился сразу, но, к его невыразимому ужасу, танцовщица, звеня монетами, перебежала

через залу с поразительным проворством и упала к его ногам в виде кучи газа, причем схватила его за руку обеими руками, покрывая ее поцелуями и бормоча слова на каком-то неизвестном ему языке.

— Что же это, обычное завершение представлений мисс Тинкла? — спросила г-жа Фютвой, пылая вполне естественным негодованием.

— Право, не знаю, — сказал несчастный Гораций, — я не могу разобрать, что она говорит.

— Если я понимаю ее правильно, — сказал профессор, — она называет вас «светом своих очей» и «жизнедавцем ее сердца».

— О, — сказал Гораций, — она положительно ошибается, знаете! Это… это только проявление артистического темперамента… они, собственно, ничего под этим не подразумевают. Моя… уважаемая барышня, — прибавил он, — вы танцевали очаровательно и все мы вам очень обязаны, уверяю вас, но мы больше не хотим вас задерживать. Профессор, — прибавил он, видя, что она и не думает вставать, — не будете ли вы так любезны объяснить им по-арабски, что я был бы им очень обязан, если бы они сейчас же ушли?

Профессор сказал несколько слов, которые произвели желанный эффект. Девушка слегка

вскрикнула и умчалась под арку, а музыканты, схватив свои инструменты, потрусили за ней.

— Мне так жаль, — сказал Гораций, для которого весь вечер прошел исключительно в извинениях, — не такого рода спектакля можно было ожидать от такой фирмы, как «Уайтлей».

— Совершенно верно, — согласился профессор, — но я понял из ваших слов, что мисс Тинкла была вам рекомендована фирмой Гаррода?

— Очень может быть, — сказал Гораций, — но это не меняет дела. Нельзя было ожидать этого от них.

— Вероятно, они не знают, как бесстыдно ведет себя эта молодая особа, — сказала г-жа Фютвой. — И я думаю, что нужно бы сообщить им об этом.

— Я, конечно, буду жаловаться, — сказал Гораций, — и не пожалею красок.

— Больше веса имел бы протест, заявленный женщиной, — сказала г-жа Фютвой, — и так как я находилась тут же, то сочту себя обязанной…

— Нет, я бы не хотел… — сказал Гораций. — Нет, вам не следует этого делать. Потому что теперь я припоминаю, что она не от Гаррода и не от «Уайтлей».

— В таком случае, не будете ли вы так добры сообщить нам, откуда же она?

— Я сообщил бы, если бы знал, — сказал Гораций, — но я не знаю.

— Как? — воскликнул профессор резко. — Не хотите ли вы этим сказать, что вы не можете объяснить, откуда эта танцовщица, которая, в присутствии моей дочери, целует вам руки и обращается к вам с нежными эпитетами.

— Восточные метафоры! — сказал Гораций. — Она немножко пересолила. Разумеется, если бы я мог предвидеть, что она устроит такую сцену… Сильвия, — вдруг прервал он себя, — а вы не сомневаетесь во мне?

— Нет, Гораций, — сказала Сильвия просто, — я уверена, что у вас есть какое-нибудь объяснение… только мне кажется, что лучше было бы его дать.

— Если бы я рассказал вам правду, — медленно произнес Гораций, — никто бы из вас не поверил мне.

— Значит, вы признаете, что до сих пор вы не говорили правды? — вставил профессор.

— Не такую чистую, как я бы хотел, — сознался Гораций.

— Я это подозревал. В таком случае, если вы не можете быть совершенно чистосердечны, вы едва ли удивитесь нашей просьбе считать вашу помолвку нарушенной.

— Нарушенной! — повторил Гораций. — Сильвия, вы не покинете меня! Вы же знаете, что я не могу сделать ничего, недостойного вас!

— Я уверена, что вы не можете сделать ничего, что заставило бы меня любить вас хоть капельку меньше. Почему же вам не быть вполне откровенным с нами?

— Потому что, голубушка, — сказал Гораций, — я попал в такие тиски, что откровенностью еще больше испортил бы дело.

— В таком случае, — сказал профессор, — так как теперь уже, кстати, и поздно, вы разрешите одному из вашей многочисленной свиты сходить за экипажем?

Гораций хлопнул в ладоши, но ответа на призыв не последовало и в передней не оказалось ни одного раба.

— Боюсь, что все слуги ушли, — объяснил он и хотел прибавить, что по уговору они имели право уйти в одиннадцать часов, но тут он встретился взглядом с профессором и воздержался. — Если вам угодно подождать здесь, я схожу за извозчиком, — прибавил он.

— Вам нет надобности беспокоиться, — сказал профессор. — Жена и дочь уже оделись, и мы пройдем пешком, пока найдем экипаж. Итак,

г-н Вентимор, мы пожелаем вам спокойной ночи… прощайте. Потому что после того, что случилось, я думаю, у вас хватит такта прекратить ваши посещения и не делать попыток видеться с Сильвией.

— Я вам даю честное слово. — протестовал Гораций, — что не сделал ничего такого, за что стоило бы отказать мне от дома.

— Никак не могу согласиться с вами. Я всегда не вполне одобрял эту помолвку, потому что, как я и высказал вам в свое время, я подозревал вас в легкомысленном отношении к деньгам. Даже принимая ваше приглашение на сегодняшний вечер, я предостерегал вас, как вы можете припомнить, чтобы вы не сочли это предлогом для безумных расходов. Прихожу сюда и нахожу вас в квартире, обставленной и отделанной вами (как вы нам сообщили) таким образом, что это можно было бы назвать мотовством даже со стороны миллионера. Вы держите такую свиту, которой, оставляя в стороне ее национальность и плохую дисциплину, мог бы позавидовать принц. Вы устроили банкет из… гм… деликатесов, который должен был стоить вам бесконечных хлопот и громадных расходов. И это после того, как я поставил вам непременным условием, чтобы обед

был просто семейный! Не довольствуясь этим, вы заказываете для нашего развлечения арабскую музыку и танцы… крайне предосудительного свойства. Я был бы недостоин называться отцом, сударь, если бы я согласился вверить счастье моей единственной дочери молодому человеку, у которого так мало здравого смысла и самообладания. Она поймет причины и будет повиноваться моим желаниям.

— Вы правы, профессор, принимая во внимание то, как вы освещаете факты, — покорно сказал Гораций. — И все-таки — пусть бы все это провалилось! Вы, вместе с тем, абсолютно неправы!

— О, Гораций, — воскликнула Сильвия, — если бы вы только послушались папочки и не пошли бы на такие безумные, безумные траты, мы могли бы быть так счастливы!

— Да я не шел ни на какие траты. Все это мне не стоило ни гроша!

— Ах, здесь есть какая-то тайна! Гораций, если вы любите меня, то объясните… здесь, сейчас, пока еще не поздно!

— Моя дорогая, — простонал Гораций, — я все открыл бы моментально, если бы думал, что это принесет хоть малейшую пользу.

— До сих пор, — сказал профессор, — нельзя

сказать, чтобы ваши объяснения были успешны… Так что я посоветовал бы вам уже больше и не пытаться. Спокойной ночи еще раз. Я хотел бы только, чтобы было возможно, без ненужной иронии, принести вам обычные уверения в приятно проведенном вечере.

Г-жа Фютвой уже поспешно выпроводила дочь, и хотя оставила мужа объясняться одного, но довольно ясно показала, что всецело согласна с ним.

Гораций стоял в первой зале у фонтана, в котором еще плавали его потопленные хризантемы, и в тупом отчаянии смотрел, как его гости шли по тропинке к калитке. Он слишком хорошо знал, что они уже никогда не переступят его порога, точно так же, как и он уже не попадет к ним.

Вдруг он сразу пришел в себя.

— Попробую! — воскликнул он. — Я не могу и не хочу выносить этого! — И он кинулся вслед за ними без шляпы.

— Профессор, — сказал он, задыхаясь, когда догнал его, — одну минутку! Я передумал, я хочу рассказать вам мой секрет, а вы обещаете мне терпеливо его выслушать.

— Едва ли улица — подходящее место для объяснений, — ответил профессор, — если бы это было

даже и так, то ваш костюм, можно рассчитывать, привлечет больше внимания, чем желательно. Жена и дочь ушли вперед… если вы разрешите, я догоню их… Я буду завтра утром дома, если бы вам угодно было меня видеть.

— Нет, сегодня, сегодня! — настаивал Гораций. — Я не могу спать в этом дьявольском месте и с такой тяжестью на душе! Посадите г-жу Фютвой и Сильвию в экипаж, профессор, и возвращайтесь. Теперь не поздно, и я ненадолго задержу вас. Но ради бога, позвольте мне рассказать мою историю немедленно.

Вероятно, профессор был не чужд любопытства; во всяком случае он уступил.

— Хорошо, — сказал он, — идите домой, а я приду к вам сейчас. Только помните: я не приму никаких объяснений без самых веских доказательств. В противном случае мы оба только потратим время.

— Доказательства! — размышлял Гораций мрачно, когда вернулся в свои арабские залы. — Единственное убедительное доказательство, которое я мог бы представить, это — сам старый Факраш, но, кажется, не похоже, чтобы он снова явился… в особенности теперь, когда он мне нужен.

Через некоторое время профессор вернулся, найдя извозчика и отправив своих дам домой.

— Ну-с, молодой человек, — сказал он, разматывая шарф и садясь рядом с Горацием, — я могу вам уделить всего десять минут, поэтому позвольте мне просить вас говорить возможно короче и яснее.

Нельзя сказать, чтобы такое вступление было поощрительным, особенно при данных обстоятельствах, но Гораций собрал все свое мужество и рассказал именно то, что было.

— Так это и есть ваша история? — спросил профессор, прослушав рассказ с величайшим вниманием.

— Да, это моя история, сударь, — сказал Гораций. — Надеюсь, что она изменила ваше мнение обо мне.

— Да, — сказал профессор другим тоном, — она действительно изменила. Очень, очень печально!

— Скорее неловко, не правда ли? Но мне это решительно все равно, раз вы понимаете. А вы расскажите Сильвии… все, что найдете нужным.

— Да, да. Я должен рассказать Сильвии.

— А я могу навещать ее, как всегда?

— Вот что, хотите принять мой совет… совет

человека, который вдвое вас старше?

— Конечно, — сказал Гораций.

— Так если бы я был на вашем месте, я немедленно уехал бы для полной перемены воздуха и обстановки.

— Это невозможно… вы забываете о моей работе.

— Забудьте о работе, мой мальчик, оставьте ее на время. Совершите морское путешествие, поезжайте вокруг света, гоните все эти воспоминания.

— Но я могу опять встретиться с джинном, — возразил Гораций, — он тоже путешествует, как я уже сказал вам.

— Да, да, конечно. И все-таки я бы уехал. Посоветуйтесь с каким-нибудь доктором, он вам скажет то же самое.

— Посоветоваться с каким-нибудь… Господи боже мой! — воскликнул Гораций. — Я знаю, что это значит… Вы думаете, что я сошел с ума!

— Нет, нет, мой дорогой мальчик, — сказал профессор успокаивающим тоном. — Ничуть… Ничего подобного. Может быть, ваше умственное равновесие только немножко… но это вполне понятно… Внезапный поворот в вашей карьере в связи с помолвкой с Сильвией… Мне случалось

видеть, как и более сильные умы не выдерживали такое… разумеется, временно, только временно, из-за менее важных причин.

— Вы думаете, что я страдаю галлюцинациями?

— Я этого не говорю. Я думаю, что самые обыкновенные вещи могут вам представляться в искаженном виде.

— Как бы то ни было, вы не верите, что джинн действительно был в этом кувшине?

— Припомните, ведь вы сами уверяли меня, что когда его открыли, то в нем ничего не оказалось. Не более ли вероятно, что вы были правы тогда, а не теперь?

— Хорошо, — сказал Гораций. — Ведь вы видели всех этих черных рабов, вы ели, или пытались есть, этот невыносимо отвратительный обед, вы слушали музыку… и, наконец, явилась та плясунья… А эта зала, где мы находимся, это платье, которое на мне, все это также галлюцинация? Потому что, если это так, боюсь, что вы должны будете допустить, что вы тоже сошли с ума!

— Остроумно! — сказал профессор. — Я думаю, что неблагоразумно пускаться в рассуждения с вами, но все-таки решаюсь утверждать, что такое сильное воображение, как ваше, слишком распа-

ленное и насыщенное восточными образами, к чему, боюсь, и я был причастен, способно бессознательно помогать себя обманывать. Другими словами, я думаю, что вы могли достать все это сами из различных мест, утратив ясное о том воспоминание.

— Все это очень научно и удовлетворительно, дорогой профессор, — сказал Гораций, — но здесь есть нечто реальное, могущее разрушить вашу теорию, а именно — медный кувшин.

— Если бы ваша способность рассуждать была в нормальном состоянии, — сказал профессор сочувственно, — вы бы поняли, что простое указание на пустой кувшин — еще не доказательство того, что в нем что-либо было.

— О, я понимаю это, — сказал Гораций, — но у этой бутылки есть пробка, на ней — какая-то надпись. Предположите, что эта надпись подтверждает мою историю, что тогда? Я только о том и прошу, чтобы вы разобрали ее сами, прежде чем решать, что я лгун или сумасшедший.

— Предупреждаю вас, — сказал профессор, — что если вы думаете, будто я не в состоянии разобрать надпись, то ошибаетесь. Вы говорите, что этот сосуд относится ко времени Сулеймана, приблизительно за тысячу лет до Рождества

Христова. Вероятно, вам не известно, что самые ранние из существующих образцов восточных металлических изделий не старше десятого века нашей эры? Но если даже предположить, что он столь древен, как вы утверждаете, я все-таки буду в состоянии прочесть надпись, какая может там оказаться. Я разбирал клинообразные надписи на глиняных дощечках, которые, без сомнения, были написаны за тысячу лет до времен Сулеймана.

— Тем лучше, — сказал Гораций. — Я так уверен, как только возможно, что надпись на крышке — будь она финикийская, клинообразная или еще какая, — что она должна иметь отношение к джинну, заключенному в бутыль, или, по крайней мере, изображать печать Сулеймана. Да вот та вещь, рассмотрите ее сами!

— Только не теперь, — сказал профессор, — теперь слишком поздно и здесь недостаточно светло. Но я вам скажу, что сделаю. Я возьму эту бутылку с собою и рассмотрю ее внимательно завтра… с одним условием.

— Вам стоит только сообщить его, — сказал Гораций.

— Мое условие заключается в том, что, если я и кое-кто из других ориенталистов, которым я ее

покажу, придем к заключению, что на ней нет вовсе никакой настоящей надписи, или, если есть какая-нибудь, то дата и значение должны быть определены как совершенно несоответствующие вашей истории, то вы должны будете покориться нашему мнению, признать, что у нас была галлюцинация, и выкинуть всю эту штуку из головы.

— О, я ничего не имею против этого, — сказал Гораций, — кроме того, ведь оно для меня — единственный выход.

— Ну так хорошо! — сказал профессор, сняв крышку и положив ее в карман. — Можете ждать от меня вестей через день или два. А пока, мой мальчик, — продолжал он почти нежно, — почему бы вам не прокатиться на велосипеде куда-нибудь недалеко, а? Я знаю, вы велосипедист… Все, что хотите, но не позволяйте себе останавливаться мыслью на восточных сюжетах.

— Не так легко избегнуть этих мыслей, как вы думаете, — сказал Гораций с несколько жалким смехом. — Я думаю, профессор, что волею-неволею вам рано или поздно придется поверить в этого моего джинна.

— Я едва могу себе представить, — ответил профессор, который был уже у выхода, — ту степень очевидности, которая могла бы убедить меня,

что в вашем сосуде был арабский джинн. Однако я постараюсь отнестись к делу объективно. Добрый вечер!

Оставшись один, Гораций начал шагать взад и вперед по своим опустевшим залам в состоянии закипающего бешенства при мысли о том, как он страстно мечтал о своем маленьком праздничном обеде, как все могло выйти интимно и очаровательно, и какой чудовищный и бесконечный кошмар пришлось пережить в действительности. В конце концов он очутился в фантастическом, невозможном жилище, всеми оставленный, а его шансы оправдаться перед Сильвией висели на волоске, со всех сторон ему грозили непредвиденные затруднения и осложнения.

И всем этим он был обязан Факрашу! Да, этот неисправимо-благородный джинн, со своими устаревшими понятиями и высокопарными речами, скорее сумел погубить его, чем злейший враг! Ах, если бы он мог очутиться с ним лицом к лицу еще раз, ну, хотя бы только на пять минут, его бы уж не удержала ложная деликатность, он бы высказал ему откровенно и ясно, какой он взбалмошный, навязчивый старый дурак.

Но Факраш улетел навсегда, нет никаких средств призвать его назад… Да, ничего нельзя

сделать теперь, только идти в постель и уснуть… если удастся!

Бесясь от сознания полной беспомощности, Вентимор подошел к арке, которая вела в его спальню, и со злостью отдернул занавеску. И как раз под аркой, со скрещенными на груди руками и с глупой улыбкой доброжелательства, которую Вентимор уже начинал знать и бояться, стояла прямо перед ним фигура джинна Факраша-эль-Аамаша!

Глава 10
В гостях хорошо, а дома лучше!

— Да будешь ты долговечен! — сказал Факраш в виде приветствия, выступая из-под арки.

— Вы очень добры, — сказал Гораций, его гнев почти испарился от чувства облегчения, когда он увидел вернувшегося джинна. — Но я не думаю, чтобы возможно было долго прожить при таких условиях.

— Доволен ли ты жилищем, которое я воздвиг для тебя? — спросил джинн, осматривая величественную залу с заметным одобрением.

Было бы более чем грубо сказать ему, как далек был Гораций от удовольствия, поэтому он мог только промямлить, что никогда в жизни подобной квартиры не имел.

— Это много ниже твоих заслуг, — заметил Факраш любезно. — Удивились ли твои друзья твоему угощению?

— Да, удивились, — сказал Гораций.

— Верный способ сохранить друзей — это щедро потчевать их, — заметил джинн.

Тут уже у Горация не хватило терпения.

— Вы имели любезность так попотчевать моих друзей, — сказал он, — что они больше никогда сюда не вернутся.

— Как так? Разве не было яств отборных и жирных? Разве не было вино сладко, а шербет подобен благовонному снегу?

— О, все было… э… э… как нельзя вкуснее, — сказал Гораций. — Не могло быть лучше.

— Однако ты говоришь, что твои друзья больше сюда не вернутся. По какой причине?

— Вот видите ли, — объяснил Гораций неохотно, — можно угостить людей через край… Я хочу сказать, что не всякий способен оценить арабскую кухню. Но они могли бы примириться с этим. Главная беда была в плясунье.

— Я приказал, чтобы гурия, прелестнее, чем полный месяц, и легкая, как молодая газель, явилась для утехи твоих гостей!

— Являлась, — сказал Гораций мрачно.

— Ознакомь меня с тем, что произошло… потому что я ясно замечаю, что было нечто, несогласованное с твоими желаниями.

— Да! — сказал Гораций. — Будь это холостяцкая пирушка, никакой беды бы не вышло от этой гурии, но в данном случае двое из гостей были дамы, и они, что вполне естественно, все это

истолковали ложно.

— Поистине, — воскликнул джинн, — твои слова совершенно непонятны для меня.

— Не знаю, каковы обычаи в Аравии, — сказал Гораций, — но у нас совершенно не принято, чтобы человек приглашал гурию танцевать после обеда для увеселения барышни, на которой он предполагает жениться. Трудно поверить, чтобы подобный род внимания к ней нашел себе должную оценку.

— Значит, среди твоих гостей была девица, которую ты хочешь взять в жены?

— Да, — сказал Гораций, — а двое других были ее отец и мать. Таким образом, вы можете себе представить, что для меня было не совсем приятно, когда ваша газель бросилась к моим ногам, обняла мои колени и заявила, что я — свет ее очей?! Понятно, это не имело никакого особенного значения, это, вероятно, самое обыкновенное поведение для газели, и я ее нисколько не порицаю. Но при данных обстоятельствах я очутился в неловком положении.

— Мне казалось, — сказал Факраш, — будто ты уверял меня, что не обручен ни с какой девицей.

— Я, кажется, только сказал, что вам нет нужды трудиться кого-нибудь за меня сватать, — воз-

разил Гораций. — Конечно, я был помолвлен… хотя после этого вечера все расстроилось… разве только… Ах, я вспомнил! Не знаете ли вы, была ли действительно какая-нибудь надпись на пробке вашей бутылки и что там было написано?

— Ничего не знаю ни о какой надписи, — сказал джинн. — Принеси мне печать, чтобы я мог ее видеть.

— У меня ее нет в настоящую минуту, — сказал Гораций. — Я ее отдал на время своему другу, отцу этой барышни, о которой я вам говорил. Понимаете ли, г-н Факраш, вы привели меня в… я хочу сказать, что я очутился в таком безвыходном положении, что счел себя обязанным чистосердечно во всем признаться ему, но он не поверил. Тогда мне пришло в голову, что там может оказаться какая-нибудь надпись, объясняющая, кто вы и почему Сулейман посадил вас в бутыль. В таком случае профессору прошлось бы допустить, что мой рассказ не сплошная выдумка.

— Поистине я дивлюсь тебе и скудости твоей проницательности, — заметил джинн, — потому что если бы действительно и была надпись на печати, то невозможно, чтобы кто-нибудь из твоего племени сумел разобрать ее.

— Извините, пожалуйста, — сказал Гораций. —

Профессор Фютвой — ученый ориенталист, он может разобрать всякую надпись, сколько бы тысячелетий назад она ни была сделана. Если там есть что-нибудь, он разберет. Вопрос только в том, есть ли там что-нибудь.

Воздействие этой речи на Факраша было в такой же степени неожиданно, как и необъяснимо: черты лица джинна, обычно мягкие, стали подергиваться, пока не сделались страшными, и внезапно с яростным воем он вырос почти вдвое против своего обыкновенного роста.

— О ты, низкий разумом и породою! — воскликнул он громким голосом. — Как решился ты отдать сосуд, в который я был заключен, в руки этого ученого мужа?

Вентимор, хотя и сильно потрясенный, не потерял самообладания.

— Почтеннейший, — сказал он, — я не предполагал, что он еще вам будет нужен. Дело в том, что я и не отдавал его профессору Фютвою, вон он стоит в углу, а отдал только крышку. Я хотел бы, чтобы вы так не возвышались надо мной. У меня шея болит от разговора с вами. И почему вы так скандалите из-за того, что я одолжил печать? Что вам из того, если бы даже это и подтвердило мой рассказ? А для меня важно, чтобы профессор

поверил мне.

— Я говорил необдуманно, — сказал джинн, медленно возвращаясь к своему нормальному росту. — Поистине сосуд не имеет ценности. Что касается крышки, раз она отдана лишь на время, то большой беды нет. Но если что-нибудь написано на печати, то, может быть, этот ученый муж, о котором ты говоришь, уже прочитал все?

— Нет, — сказал Гораций, — он не возьмется за это до завтра. А когда прочтет, то, может быть, там ничего не окажется про вас, и я останусь в еще худшем положении.

— А тебе так желательно, чтобы он получил доказательства твоей правдивости?

— Ну конечно! О чем же я все время толкую?!

— Кто же может уладить все лучше, чем я сам?

— Вы! — воскликнул Гораций. — Вы хотите сказать, что согласны сделать это? Г-н Факраш, вы — славный старик! Это ведь как раз то, что нужно?

— Нет ничего такого, — сказал джинн, снисходительно улыбаясь, — чего бы я не сделал, чтобы увеличить твое благополучие, потому что ты оказал мне неоценимую услугу. Ознакомь меня с местом жительства этого мудреца, и я явлюсь перед ним. И если бы случилось, что он не нашел

никакой надписи на печати или же ее смысл остался скрытым от него, то я уверю его, что ты говорил истину, а не ложь.

Гораций очень охотно дал ему адрес профессора.

— Только не ходите к нему нынче ночью, знаете, — счел он благоразумным прибавить. — Вы его очень испугаете. Зайдите в любое время завтра, после завтрака, вы застанете его дома.

— Сегодня ночью, — сказал Факраш, — я возобновлю поиски Сулеймана, мир ему! Потому что я еще не нашел его.

— Если пытаться делать так много дел сразу, — сказал Гораций, — то не знаю, какого можно ждать толка!

— В Ниневии никто о нем не знал, потому что на том месте, где я оставил город, я теперь нашел груду развалин, населенных совами и летучими мышами.

— И я опасался, что вас разочарует Ниневия, — пробормотал Гораций почти вполголоса. — А что бы вам заглянуть на родину царицы Савской? Там вы могли бы услышать о нем!

— Сава эль-Иемень, царство Бильскис, царицы, любимой Сулейманом, — сказал джинн. — Это превосходный совет, и я, не откладывая, после-

дую ему.

— Но не забудете побывать у профессора Фютвоя завтра?

— Конечно, нет. А теперь, раньше, чем я уйду, нет ли какой-нибудь другой услуги, которую я мог бы оказать тебе?

Гораций колебался.

— Есть одна, — сказал он, — только я боюсь, что вы обидитесь, если я скажу.

— Мой разум и мое око открыты твоим велениям, — сказал джинн. — Ибо все, чего бы ты ни пожелал, будет исполнено, если только в моей власти сделать это.

— Хорошо, — сказал Гораций, — если вы уверены, что не обидитесь, то я скажу. Вы превратили этот дом в чудесное место, больше похожее на «Альгамбру» — только, конечно, не на ту, что у нас на Лестерской площади, — чем на лондонский дом, сдаваемый жильцам. Но ведь я тут только квартирую, а люди, которым принадлежит дом — прекрасные в своем роде люди, — предпочли бы оставить его таким, каким он был. У них появилась мысль, что они не будут в состоянии сдать эту квартиру так же легко, как другие.

— Подлые и алчные псы! — сказал джинн презрительно.

— Возможно, — сказал Гораций, — что они смотрят на это очень односторонне. Но именно таков их взгляд. Они даже предпочли уйти отсюда. А дом-то их, а не мой!

— Если они покинут это жилище, то ты останешься его владельцем.

— Вы думаете? Они пойдут в суд и выгонят меня, и мне придется уплатить все огромные убытки. Так что, понимаете, чем вы хотели наградить меня, то принесет мне только неприятности.

— Приступай без лишних слов к изложению твоей просьбы, — сказал Факраш, — ибо я спешу.

— Больше ничего я от вас не хочу, — ответил Гораций в некотором беспокойстве за эффект, какой произведет его просьба, — кроме того, чтобы вы сделали все как раз таким, как оно было раньше. Это не займет у вас и минуты.

— Поистине, — воскликнул Факраш, — оказывать тебе благодеяния — бесполезное предприятие, ибо не однажды, а дважды ты отбросил мои милости! Я недоумеваю, как отблагодарить тебя?

— Я знаю, что злоупотребляю вашей добротой, — сказал Гораций, — но если вы только сделаете это и убедите профессора, что мой рассказ правдив, то я буду более чем удовлетворен и никогда но попрошу у вас другого одолжения.

— Мое благоволение к тебе не имеет пределов, как ты увидишь, и я не могу отказать тебе ни в чем потому, что поистине ты достойный и воздержанный юноша. И так прощай, и да будет все согласно твоему желанию.

Он поднял руки над головой и взлетел, как ракета, к высокому куполу потолка, который расступился и пропустил его. В глазах Горация, смотревшего вслед ему, мелькнуло на минуту темное небо и одна или две звезды, которые, казалось, спешили за прозрачным опаловым облачком, прежде чем крыша опять сомкнулась.

Затем послышались низкий грохочущий звук и удар, похожий на слабое землетрясение, — стройные колонны согнулись под подковообразной аркой, огромные висячие фонари погасли, стены сдвинулись, пол поднимался и опускался… пока Вентимор не очутился опять в своей собственной гостиной среди мрака.

В окно видна была большая площадь, еще окутанная серым туманом, уличные фонари мигали от ветра. Какой-то запоздалый гуляка, возвращаясь домой, тарахтел для развлечения палкой о решетку, проходя мимо.

В комнате все было в прежнем виде, как и раньше, и Гораций с трудом верил, что пять минут

назад он стоял на том же самом месте, но только футов на двадцать ниже, в обширной зале, выложенной голубыми изразцами, с куполообразным потолком, с величавыми арками и колоннами.

Но он вовсе не жалел о кратковременности этого блеска, он горел от стыда и отвращения каждый раз, когда вспоминал о кошмарном банкете, столь непохожем на тихий, простенький обед, который он был намерен дать.

Как-никак, но все было кончено и не стоило мучиться из-за того, чему нельзя было помочь, кроме того, к счастью, не произошло большой беды: мало-помалу джинн понял свою ошибку и, надо отдать ему справедливость, ясно выразил желание исправить ее. Он обещал пойти к профессору на следующий день, и результат этого свидания не мог оказаться неудовлетворительным. А затем, как думал Вентимор, у Факраша должно было хватить здравого смысла и доброго чувства, чтобы уже больше не вмешиваться в его дела.

Значит, пока можно было уснуть спокойно, освободившись от своих наихудших опасений; он отправился к себе в комнату с чувством горячей благодарности судьбе за то, что у него есть христианская кровать. Он снял свои пышные

ризы — единственное оставшееся у него доказательство того, что события этого вечера не были галлюцинацией, — и запер их в шкаф с чувством облегчения, что ему никогда не понадобится надевать их опять. Последнею отчетливою мыслью его перед сном было утешительное размышление, что если между ним и Сильвией и была какая-нибудь преграда, то она устранится в течение ближайших часов.

Глава 11
Дурацкий чертог

На следующее утро Вентимор увидал, что его ванна и вода для бритья принесены к нему наверх, из чего он совершенно правильно умозаключил, что его хозяйка вернулась.

Втайне он не ожидал ничего хорошего от своей встречи с ней, но она явилась с кофе и бутербродами, так явно выражая благоприятную перемену в своем настроении, что все опасения Горация рассеялись.

— Конечно, г-н Вентимор, сударь… — начала она, извиняясь, — вы бог знает что подумали обо мне с Рапкином вчера, когда мы таким образом ушли из дому…

— Я был крайне удивлен, — сказал Гораций, — я никак не мог от вас ожидать… Но, вероятно, у вас были на то причины.

— Да, сударь, — сказала г-жа Рапкин, нервно проводя рукою вдоль спинки стула, — дело в том, что на нас с Рапкином что-то нашло, так что мы не могли оставаться здесь ни минуты ни за что.

— Да? — сказал Гораций, поднимая брови. —

Бродячая лихорадка, а, г-жа Рапкин? Странно только, что это случилось именно тогда, не правда ли?

— Должно быть, отделка квартиры… — сказала г-жа Рапкин. — Поверите ли, сударь, все было тут другое… ничего не осталось сверху донизу!

— В самом деле? — сказал Гораций. — А вот я так не замечаю никакой разницы.

— Да и я теперь, днем, но вчера ночью все это было в куполах, да в сводах, да мраморные фонтаны били из-под пола, и целые толпы двигались по лестнице, все молча, а сами — черные, как ваша шляпа… Рапкин видел их, так же хорошо, как и я.

— Судя по состоянию, в котором был вчера ваш муж, — сказал Гораций, — я сказал бы, что он мог видеть что угодно… и даже все вдвойне…

— Не спорю, сударь, что Рапкин мог быть немножко не в себе, много ли ему нужно, когда он просидит полдня над газетами и кто знает еще с чем в читальне. Но и я видела арапов, г-н Вентимор, а никто не может сказать, чтобы я пила без меры.

— Я и не предполагаю этого, г-жа Рапкин, — сказал Гораций, — только если бы дом был вчера вечером таким, как вы его описываете, то как

вы объясните себе, что он сегодня опять как прежде?

Г-жа Рапкин в своем замешательстве принялась складывать свой фартук в мелкие складки.

— Не мне говорить об этом, сударь, — ответила она, — но если надо высказать мое мнение, то я думаю, что тут не обошлось без тех нехристей на верблюдах, что были здесь на днях.

— С одной стороны, это может быть верно, — с кротостью сказал Гораций. — Вот видите, г-жа Рапкин, вы так устали от стряпни, так переволновались, а верблюды так засели в вашей голове, что вы начали видеть все то, что видел Рапкин, а он стал видеть все, что видели вы. Это так бывает. Ученые люди зовут это «коллективной галлюцинацией».

— Господи! — сказала добрая женщина под сильным впечатлением этого диагноза. — Неужели вы полагаете что у меня такая болезнь? Я всегда была выдумщицей, еще девочкой, и умела гадать по кофейной гуще, как никто, но никогда еще со мной не было ничего такого! И подумать только, что я бросила недоваренный обед, когда вы ждали вашу барышню и ее папашу и мамашу! Ах, мне теперь так стыдно! Как же вы обошлись, сударь?

— Нам удалось достать кое-чего из одного места, — сказал Гораций, — но это для меня было крайне неудобно, и я хочу верить, г-жа Рапкин, я искренне хочу верить, что этого больше не случится.

— Уж ручаюсь, что больше не случится. И вы не будете выговаривать Рапкину, сударь, не правда ли? Хотя ведь это он увидел арапов и вбил мне их в голову, но я уж с ним поговорила строго, и ему теперь очень горько и стыдно, что он так забылся.

— Очень хорошо, г-жа Рапкин, — сказал Гораций. — Так решим уж больше не упоминать о вчерашних… неприятностях.

Он искренне был рад, что так легко выпутался, потому что нельзя было даже предсказать, какие могли пойти сплетни, если бы Рапкины не были приведены к убеждению, что на эту тему благоразумнее молчать.

— Есть еще одна вещь, сударь, о которой я хотела поговорить с вами, — сказала миссис Рапкин, — о той большой медной посудине, что вы принесли с аукциона несколько времени назад. Не знаю, помните ли вы?

— Я помню ее, — сказал Гораций. — Ну и что же с ней?

— Так вот, сударь, я нашла ее в угольном погребе сегодня утром, и я думала спросить у вас, там ли вы хотите держать ее впредь? Потому что, сколько ее ни чисти, она все равно шикарной не станет, ну а там, где она сейчас, она уж и вовсе ни к чему.

— О! — сказал Гораций с некоторым облегчением, потому что в начале ее речи на него напал смутный страх, не наскандалил ли этот кувшин каким-нибудь образом? — Ставьте его куда хотите, г-жа Рапкин, делайте с ним что хотите… только бы я не видел его опять!

— Очень хорошо, сударь! Я только хотела спросить вас, — сказала г-жа Рапкин, затворяя за собой дверь.

Гораций шел в это утро на Большую Монастырскую в очень веселом и добродушном настроении даже по отношению к джинну. При всех своих многочисленных недостатках он все-таки предобрый старикашка, много лучше того джинна, которого рыбак из «Арабских сказок» нашел в своем кувшине.

Девяносто девять джиннов на сто, думал Гораций, озлились бы, видя, что их благодеяния, одно за другим, «отклоняются с благодарностью». Хорошая черта в Факраше — это то, что он не

обижается на замечания, и как только начинает понимать, что поступил неправильно, то всегда готов исправить ошибку. И он теперь вполне понимает, что эти его восточные штуки ничего не стоят в наши дни и что если люди увидят, как бедный человек вдруг начинает купаться в богатствах, они, естественно, захотят знать, каким образом он их добыл. Я не думаю, чтобы Факраш стал мне сильно надоедать в будущем. Если он иногда и заглянет, то я примирюсь с этим. Может быть, если ему посоветовать, он согласится принимать другой вид, не столь заморский. Если бы он являлся под видом банкира или епископа (багдадского епископа, например), то пусть бы навещал меня сколько угодно. Только не могу позволить, чтобы он влетал в трубу. Впрочем, он поймет и сам. И он оказал мне действительную услугу, о которой не должно забывать: он прислал мне старика Вакербаса. Кстати, хотел бы я знать, просмотрел ли тот мои чертежи и что он о них думает.

Он сидел у стола, набрасывая эскизы для отделки приемных комнат в будущем доме, когда в комнату вошел Бивор.

— Мне сейчас как раз нечего делать, — сказал он, — и я надумал зайти к вам и взглянуть одним

глазом на ваши планы, если они уже настолько подвинулись, что их можно показывать.

Вентимору пришлось объяснить, что даже самый поверхностный осмотр был невозможен, потому что чертежи уже отосланы к заказчику еще накануне вечером.

— Фь-ю! — свистнул Бивор. — Проворно работаете, право!

— Не знаю. Я корпел над ними больше двух недель.

— Все-таки можно было дать мне взглянуть, что у вас там вышло. Я ведь показываю вам все мои работы!

— Сказать вам истинную правду, товарищ, я не был уверен, что вам понравится, и боялся, как бы вы не разочаровали меня в том, что я сделал; да и Вакербас страшно хотел иметь планы поскорее… так оно и вышло!

— Вы думаете, что он останется доволен?

— Должно быть. Не могу сказать наверно, но я положительно думаю, что он увидит даже лучше, чем ожидал. Чертовски хорош будет домик, хоть и не полагается хвалить себя.

— Что-нибудь модернистское и фантастическое, а? Знаете, можете и не потрафить. Имей вы мою опытность, вы бы знали, что клиент

— птица страшно капризная, которую не легко приручить!

— Я уж угожу моей старой птице, — сказал Гораций весело. — Такая будет клетка, по которой она напрыгается всласть!

— Вы — парень ловкий, — сказал Бивор, — но чтобы выполнить такое дело, у вас одного маловато в голове: балласта.

— А вы вваливаете в меня свой! Ну, дружище, вы, конечно, не сердитесь, что я отослал эти планы, не показавши вам? Они скоро опять будут у меня, и тогда вы можете любоваться на них сколько хотите. Нет, серьезно, мне будет очень нужна ваша помощь при окончательной отделке проекта.

— Гм… — сказал Бивор, — до сих пор вы так хорошо управились один… по крайней мере, судя по вашим словам, поэтому можно смело думать, что вы обойдетесь без меня в дальнейшем. Только, знаете ли, — прибавил он, уходя из комнаты, — вы еще не добыли себе рыцарских шпор. Человек еще не становится Микеланджело, Брунеллески или Джильбертом Скоттом только потому, что ему сразу попадает в руки шестидесятитысячный заказ!

«Бедняжка Бивор! — думал Гораций с раская-

нием. — Я сильно задел его. Лучше бы показать ему эти планы, меня это не огорчило бы, а ему доставило бы удовольствие. Ну ничего, я с ним помирюсь после завтрака, попрошу его высказать мнение насчет… Но, нет! Пусть идет к черту! Даже дружба имеет свои пределы!»

Вернувшись после завтрака, он услышал у себя нечто похожее на спор, в котором, по мере своего приближения к двери, он ясно различал голос Бивора.

— Но, милостивый государь, — говорил он, — я уже сказал вам, что это вовсе не мое дело.

— А я вас спрашиваю, сударь, как собрата-архитектора, — говорил другой голос, — считаете ли вы это допустимым или разумным…

— Как собрат-архитектор, — отвечал Бивор в то время, когда Гораций отворял дверь, — я предпочитаю воздержаться и не высказывать мнения… Ах, вот и сам г-н Вентимор.

Гораций вошел и оказался лицом к лицу с г-м Вакербасом; физиономия у последнего была багровая и белые бакенбарды торчали ежом от гнева. — Вот как, сударь! — начал он. — Вот как… — и захлебнулся от негодования.

— Кажется, тут произошло какое-то недоразумение, дорогой Вентимор, — объяснял Бивор с

деланной корректностью, разве только чуть-чуть менее оскорбительною, чем открытое торжество. — Я думаю, мне лучше оставить вас вдвоем с этим господином, чтобы вы могли объясниться спокойно.

— Спокойно! — воскликнул Вакербас с апоплексическим хрипом. — Спокойно?!

— Не имею понятия, чем вы так взволнованы, сударь, — сказал Гораций. — Может быть, вы потрудитесь объяснить?

— Объяснить! — Г-н Вакербас даже разинул рот. — Что ж… нет! Если я заговорю, то захвораю. Лучше скажите вы, — прибавил он, махнув пухлой рукой в сторону Бивора.

— Я не осведомлен обо всех фактах, — сказал Бивор, — но, насколько могу сообразить, этот господин думает, принимая во внимание важность работы, которую он нам поручил, что вы посвятили ей меньше времени, чем он мог бы ожидать. Но, как я уже сообщал ему, это меня не касается и он должен обсуждать его с вами.

После этих слов Бивор удалился к себе и затворил дверь с тою же безупречной скромностью, которая как бы выражала, что он ничуть не удивлен, но как слишком порядочный человек, не желает показать этого.

— Так, значит, г-н Вакербас, — начал Гораций, когда они остались одни, — вы недовольны домом.

— Недоволен! — сказал с бешенством г-н Вакербас. — Я возмущен им, сударь, возмущен!

Сердце у Горация упало — что же, значит, он обманывал себя? Значит, он только самодовольный дурак и — что самое неприятное — значит, Бивор судит вполне верно? И все-таки нет — както не верилось этому… Он знал, что его работа хороша!

— Да, это высказано откровенно! — сказал он. — Я очень огорчен, что вы недовольны. Я сделал все, что мог, чтобы выполнить все ваши указания.

— В самом деле? — брыжжа слюною, произнес Вакербас. — Так это вы называете… Но продолжайте, сударь, продолжайте!

— Я это сделал как мог быстрее, — продолжал Гораций, — потому что, как я понял, вы не хотели терять времени.

— Никто не может обвинить вас в медлительности! Хотел бы я знать, как это вам удалось сварганить все так чертовски скоро?

— Я беспрерывно работал день и ночь все это время, — сказал Гораций, — и поэтому кончил скоро… И вот благодарность за это!

— Благодарность! — почти завыл г-н Вакербас. — Ах, нахальный молодой шарлатан! И вы ждете благодарности!

— Послушайте, г-н Вакербас, — сказал Гораций, настроение которого стало омрачаться, — я не привык к подобному обращению и привыкать не желаю. Потрудитесь изложить в приличных выражениях, что именно вам не нравится.

— Мне не нравится вся проклятая штука, сударь. Я хочу сказать, что совершенно отказываюсь принять постройку. Это работа сумасшедшего, дом, где ни один порядочный англичанин, который хоть сколько-нибудь уважает себя, заботится о своей репутации и положении в графстве, не согласится прожить хоть единый час!

— О, — сказал Гораций, чувствуя нестерпимую тошноту, — в таком случае, конечно, бесполезно предлагать поправки.

— Абсолютно! — сказал г-н Вакербас.

— Ну хорошо, больше не о чем говорить, — сказал Гораций. — Вам не трудно будет найти архитектора, которому лучше удастся осуществить ваши желания, г-н Бивор, которого вы только что видели, — прибавил он с оттенком горечи, — вероятно, как раз подойдет вам. Конечно, я совершенно отступаюсь. И уж если кто-нибудь

потерпел в этом деле, так это я. Не вижу, какой ущерб нанесен вам!

— Какой ущерб?! — воскликнул г-н Вакербас. — Да раз дьявольский дом уже выстроен…

— Выстроен?! — откликнулся Гораций слабым голосом.

— Я вам говорю, сударь, я видел его собственными глазами утром, когда ехал на станцию; мой кучер и лакей видели его, моя жена видела его… Черт его возьми, сударь, мы все видели его!

Тогда Гораций понял. Неутомимый джинн опять натворил дел! Разумеется, для Факраша было, вероятно, как бы он выразился сам «легче всего на свете…», в особенности после того, как он взглянул на планы (Вентимор вспомнил, что джинн застал его над ними и даже просил у него пояснений), обойтись без поставщиков, каменщиков и плотников и построить все здание в одну ночь.

Это было великодушно и догадливо, но в данном случае, когда самые чертежи были признаны плохими и отвергнуты, злополучный архитектор оказывался в сквернейшем положении.

— Ну, сударь, — сказал Вакербас с подчеркнутой иронией, — смею думать, что именно вас я должен благодарить за украшение моих владе-

ний этим драгоценным дворцом?

— Я… я… — начал Гораций, совершенно уничтоженный, и вдруг с волнением, которое легко себе вообразить, заметил самого джинна, в его зеленом одеянии, как раз за спиною Вакербаса.

— Приветствую вас, — сказал Факраш, выступая вперед со своей любезной и лукавой улыбкой. — Если не ошибаюсь, — прибавил он, обращаясь к пораженному скупщику земель, который даже подскочил, — ты тот купец, для которого мой сын, — и он положил руку на задрожавшее плечо Горация, — взялся построить дом?

— Да, — сказал г-н Вакербас, поняв его ошибочно. — Я имею удовольствие говорить с г-ном Вентимором-отцом…

— Нет, нет, — вмешался Гораций. — Это не родственник. Это, как бы сказать, неформальный компаньон.

— Не находишь ли ты, что он — зодчий, божественно одаренный? — спросил джинн, сияя гордостью. — Не есть ли дворец, который он воздвиг для тебя, по своему бесподобному совершенству чудо красоты и величия, такой, какому и султаны могли бы завидовать?

— Нет, сударь! — закричал разъяренный Вакербас. — Уж если вы спрашиваете моего мнения,

то ничего подобного! Это — дурацкая ерунда, не то оранжерея в Кью, не то — Брайтонский павильон. Нет ни бильярдной, ни приличной спальни… Я прошел по всему дому, так уж мне ли не знать. На канализацию и намека нет! И у него хватает медного лба… я хочу сказать, бесстыдной наглости назвать это деревенским домом!

Досада Горация сменилась облегчением. Джинн, который был далеко не гений, кроме только, пожалуй, в любезности, осуществил постройку дворца согласно своим понятиям об арабской домашней роскоши, и Гораций, по собственному горькому опыту, мог до известной степени сочувствовать несчастному заказчику. С другой стороны, открытие, что вовсе не его проект был найден таким нелепым, пролило как бы бальзам на раны его самолюбия и, по какому-то таинственному мыслительному процессу, который я не берусь истолковать, он вдруг примирился с услужливым Факрашем, даже почти ощутил к нему благодарность. Сверх того, тот был все-таки его джинн, и Гораций не хотел, чтобы его обижали посторонние.

— Позвольте объяснить вам, г-н Вакербас, — сказал он, — что лично я тут ни при чем. Этот господин, желая избавить меня от хлопот, взял

на себя постройку вашего дома, не поговорив предварительно ни со мной, ни с вами. Насколько мне известны его таланты, я не сомневаюсь, что… что это — дьявольски прекрасное здание в своем роде. Во всяком случае мы не требуем за него платы… Он подносит его вам в подарок. Почему бы вам не принять его как таковой и не воспользоваться им как можно лучше?

— Как можно лучше? — загремел г-н Вакербас. — Подите туда и посмотрите, как самая красивая в трех графствах местность обезображена этою бредовой мавританской бутафорщиной! Ее назовут «Вакербасов сумасшедший дом». Я стану посмешищем во всей округе. Я не могу жить в этом отвратительном здании. Поддерживать его у меня не хватит средств, и я не хочу, чтобы оно загромождало мою землю. Слышите? Не хочу! Я буду жаловаться в суд, заставлю вас и вашего приятеля араба снести это здание, подам жалобу в палату лордов, если это окажется нужным, и буду бороться с вами, пока стою на ногах!

— Пока стоишь на ногах! — повторил Факраш ласково. — Это действительно долго, о ты, сутяга!.. На четвереньки, неблагодарный пес! — воскликнул он с внезапной и полной переменой тона. — И пресмыкайся с этого часа до конца твоих дней.

Я, Факраш-эль-Аамаш, повелеваю тебе!

Было одновременно и тяжело, и смешно видеть, как представительный и столь респектабельный г-н Вакербас вдруг упал вперед на руки, отчаянно силясь сохранить свое достоинство.

— Как вы смеете, сударь? — почти пролаял он. — Как смеете вы, слышите? Знаете ли вы, что я могу привлечь вас к суду за это? Я хочу встать. Я настаиваю на своем желании.

— О, презренный видом! — отвечал джинн, распахивая двери. — Вот отсюда! В конуру!

— Я не хочу! Я не могу! — завизжал несчастный. — Как вы думаете, могу я идти по Вестминстерскому мосту на четвереньках?.. Что подумают обо мне чиновники в Ватерлоо, где меня знают и уважают столько лет? Как я покажусь своему семейству в… в таком виде. Позвольте мне встать!

До этой минуты Гораций был слишком потрясен и испуган, чтобы говорить, но тут чувство человечности и неприятие деспотических замашек джинна заставили его вмешаться.

— Г-н Факраш, — сказал он, — это уже слишком! Если вы не перестанете мучить этого несчастного господина, то между нами все кончено…

— Никогда! — сказал Факраш. — Он осмелился порицать мой дворец, который слишком вели-

колепен для такого паршивого сукина сына. Поэтому пусть живет во прахе всю жизнь.

— Но я не порицаю! — тявкал г-н Вакербас. — Вы… вы совершенно не поняли… тех замечаний, которые я решился сделать. Это хороший дом, красивый и даже уютный. Я никогда не скажу против него ни слова. Я буду… да, я буду жить в нем… если только вы мне дадите встать!

— Исполните его просьбу, — сказал Гораций джинну, — или, клянусь, я никогда не скажу вам ни слова!

— От тебя зависят решение в этом деле! — был ответ. — И если я уступаю, то лишь твоему ходатайству, а не его. Ну, вставай, — сказал он униженному заказчику. — Удались и покажи нам ширину твоих плеч.

Это как раз был тот момент, когда Бивор, будучи, вероятно, более не в силах сдерживать свое любопытство, решился снова войти в комнату.

— Ах, Вентимор, — начал он, — не оставил ли я своего… Прошу извинения, я думал, что вы уже один.

— Не уходите, сударь, — сказал г-н Вакербас, неуклюже поднимаясь на ноги, его обычно цветущее лицо отливало серым и лиловым. — Я… я хотел бы, чтобы вы знали, что после того, как мы

спокойно переговорили о деле с вашим другом, г-ном Вентимором, и вот этим его компаньоном, я вполне убедился в неосновательности моих возражений. Беру все свои слова назад. Дом… гм… а-а… удивительно распланирован, очень удобен, поместителен и… а-а… незауряден. Полная свобода… ото всяких санитарных приспособлений особенно говорит за себя. Одним словом, я более чем удовлетворен. Пожалуйста, забудьте все мои речи, которые можно бы истолковать иначе… Всего хорошего, господа!

Мимо джинна он прошел, не переставая кланяться, полный страха и почтения. Потом все услышали, как он почти скатился с лестницы.

Гораций едва решился взглянуть Бивору в глаза, прикованные к джинну в зеленой чалме, который стоял поодаль в мечтательной задумчивости и со спокойною улыбкою.

— Послушайте, — сказал наконец Бивор Горацию вполголоса, — вы мне никогда не говорили, что вошли в компанию.

— Это не настоящий компаньон, — прошептал Вентимор. — Он только иногда кое в чем помогает мне, вот и все.

— Ему скоро удалось смягчить вашего клиента, — заметил Бивор.

— Да, — сказал Гораций, — он с Востока, видите ли, и у него… очень убедительные манеры. Хотите, я вас познакомлю?

— Если вам все равно, — ответил Бивор все еще вполголоса, — я предпочитаю уклониться. Сказать вам правду, друг, мне не вполне симпатична его внешность, и, по моему мнению, — прибавил он, — чем меньше вы будете иметь с ним дела, тем лучше. Он производит на меня дурное впечатление.

— Нет, нет, — сказал Гораций, — эксцентричный, вот и все… Вы его не понимаете.

— Узнай новость! — начал джинн после того, как Бивор удалился к себе, полный подозрений и неодобрения, выражавшихся даже в повороте его спины и плеч. — Сулейман, сын Давида, покоится со своими праотцами.

— Знаю, — огрызнулся Гораций, нервы которого не могли в эту минуту выдержать еще беседу о Сулеймане. — Так же, как и царица Анна.

— Я не слыхал о ней. Но почему тебя не поразила эта весть?

— У меня есть дела, более мне близкие и требующие обсуждения, — сухо сказал Гораций. — Я должен вам сказать, г-н Факраш, что вы меня здорово запутали!

— Объяснись более подробно, потому что я тебя не понимаю.

— И почему, скажите, пожалуйста, — простонал Гораций, — вы не дали мне выстроить этот дом по-моему?!

— Разве я не слыхал своими собственными ушами, как ты жаловался на свое неуменье выполнить задачу? Вследствие этого я решил, что тебя не должна постигнуть неудача из-за твоей неопытности, и я сам воздвиг за тебя дворец, столь блистательный, что имя твое будет жить вовек. И вот, это совершено!

— Да, — сказал Гораций, — теперь мне пришел конец. Я не упрекаю вас. Я искренне верю, что вы действовали с наилучшими намерениями. Но к черту бы все это! Неужели вы не можете понять, что окончательно погубили мою карьеру как архитектора.

— Этого не может быть, — возразил джинн, — так как слава этой постройки будет приписана тебе.

— Слава! Да ведь здесь Англия, а не Аравия. Какую славу могу я приобрести, если будут знать, что я строитель восточного павильона, который был бы вполне хорош для Гаруна аль-Рашида и никуда не годен, могу вас в том уверить, как

жилище обыкновенного англичанина.

— А все-таки этот ожирелый пес, — заметил джинн, — выразил большое одобрение.

— Очень естественно, так как он понял, что может говорить откровенно только на четвереньках. Действительно ценный отзыв! И что же, вы думаете, что я могу взять с него деньги? Нет, г-н Факраш, хотя бы мне и самому пришлось ходить на четвереньках, я должен сказать и скажу, что вы учинили ужаснейший скандал!

— Открой мне твои желания, — сказал Факраш, несколько смущенный, — потому что ты знаешь, что я ни в чем не могу тебе отказать.

— В таком случае, — смело сказал Гораций, — нельзя ли убрать этот дворец, рассеять в воздухе, что ли?

— Поистине, — сказал джинн огорченным голом, — делать добро такому человеку, как ты, значит даром терять время, потому что ты не даешь мне покоя до тех пор, пока все сделанное не уничтожено.

— Это в последний раз, — настаивал Гораций, — обещаю больше не просить ни о чем подобном…

— Не в первый раз ты даешь такое обещание, — сказал Факраш. — Если бы не значительность оказанной тобой услуги, я не стал бы внимать

этому твоему ропоту, в другой раз ты не увидишь от меня такого снисхождения. Но на этот раз… — он пробормотал накис-то слова, сделав правой рукой такое движение, будто сметал что-то крылом, — твое желание будет исполнено. От дворца и всего того, что там есть, не осталось и следа.

«Еще сюрприз для бедного старика Вакербаса, — подумал Гораций, — но на этот раз приятный».

— Дорогой г-н Факраш, — сказал он громко, — я просто не могу выразить, как я вам благодарен! А теперь… мне очень тяжело надоедать вам, но если бы вы могли как-нибудь заглянуть к профессору Фютвою…

— Как? — воскликнул джинн. — Еще просьба? Уже!

— Да вы еще прежде обещали, вы знаете, — сказал Гораций.

— Что касается этого, — заметил Факраш, — то я уже исполнил обещанное.

— Да! — воскликнул Гораций. — И он теперь верит, что все это правда про бутылку?

— Когда я покинул его, — ответил джинн, — все его сомнения были рассеяны.

— Ну, ей-богу же, вы молодец! — воскликнул Гораций, радуясь возможности похвалить от чистого сердца. — А как вы думаете, если б я пошел

к нему теперь, он отнесся бы ко мне как всегда?

— Нет, — сказал Факраш со своей едва заметной, но загадочной улыбкой, — это больше, чем я могу тебе обещать.

— Но почему, — спросил Гораций, — раз он знает все?

Явилось очень странное выражение в скользящем взоре джинна: какая-то смесь резвой проказливости с сознанием своей виновности — точь-в-точь, как у шаловливого ребенка, который еще ощущает на языке вкус тайно съеденного варенья. — Потому что, — ответил он, не то хихикая, не то кудахтая, — потому что ради преодоления его неверия пришлось превратить его в одноглазого мула, гнусного на вид.

— Что?! — воскликнул Гораций.

Но чтоб избежать объяснений, джинн исчез со своей обычной внезапностью.

— Факраш! — звал Гораций, — Г-н Факраш! Вернитесь! Вы слышите? Я должен говорить с вами!

Но ответа не было. Джинн, видимо, был на пути к озеру Чад или к Иерихону и, конечно, уже далеко от Большой Монастырской.

Гораций сел за чертежный стол, закрыв лицо руками, и постарался обдумать это новое положение. Факраш превратил профессора Фютвоя

в одноглазого мула. Прежде это показалось бы невероятным, немыслимым, но за последнее время Гораций пережил столько всяких невозможностей, что одна лишняя уже не возбуждала в нем недоверия.

Главным его чувством было то, что это событие должно поставить новую преграду между ним и Сильвией, надо отдать ему справедливость, что сам по себе факт превращения отца его невесты в мула нисколько не уменьшил его пылкой любви. Даже если бы он не чувствовал личной ответственности за это несчастье, он слишком любил Сильвию, чтобы это могло его отпугнуть.

При наличии мужества и решимости видеть во всем лишь хорошую сторону всегда можно сладить почти со всякой пришедшей бедой.

Но самый важный вопрос, как он тотчас же понял, был тот, согласится ли Сильвия при такой перемене обстоятельств выйти за него замуж. Не найдет ли она какой-нибудь связи после того, что видела на том его ужасном обеде накануне, между ним самим и этим превращением своего бедного отца? Она даже может заподозрить его в стремлении таким путем заставить профессора вернуть свое согласие на их брак, да, в сущности, Гораций и сам не был уверен, что джинн не ру-

ководствовался какой-нибудь глупой мыслью в этом роде. Очень вероятно, что профессор, узнав истину, отказался отдать дочь за «протеже» такого сомнительного покровителя и что тогда Факраш принял решительные меры.

Во всяком случае, Вентимор достаточно знал Сильвию, чтобы не сомневаться, что ее гордость ожесточит против него ее сердце, пока не устранится это препятствие.

Здесь не подобает излагать всего того, что сказал и подумал Гораций о том существе, которое навлекло на них эту невзгоду. Когда же он успокоился после припадка дикого и бесплодного бешенства, то понял, что его место рядом с Сильвией. Быть может, он должен был давно рассказать ей все, и тогда она была бы более подготовлена… Но все-таки зачем бы он стал ее смущать, пока еще цеплялся за надежду, что джинн от него отстанет?

Теперь же нельзя было молчать, само собою разумеется, что перспектива идти сейчас в Коттсмор совсем не казалась приятной, но он чувствовал, что было бы подло держаться в стороне.

Кроме того, он мог ободрить их, он мог принести им искру надежды. Без сомнения, они думали, что профессор останется в новом виде навсегда,

ужасная перспектива для такого дружного семейства, но, к счастью, Гораций мог разуверить их на этот счет.

Факраш всегда исправлял свои поступки, как только начинал понимать их глупость… и Вентимор намеревался приложить все свое старание, чтобы он исправил и этот.

Тем не менее у него замирало сердце и дрожала рука, когда он дернул звонок на подъезде Фютвоев, потому что нельзя было знать, в каком состоянии он найдет эту огорченную семью и как посмотрят на его вторжение в подобное время.

Глава 12
Вестник надежды

Джесси, чистая и хорошенькая горничная, отворила дверь с улыбкой привета, что Гораций счел за хороший признак. Ни одна девушка, думал он, хозяин которой вдруг превратился в мула, вероятно, не могла бы так улыбаться. Она сказала ему, что профессора нет дома; это опять-таки было утешительно, так как ученый, как бы безразлично ни относился он к своей наружности, едва ли рискнул бы шокировать общественное мнение, показываясь в виде четвероногого.

— Профессор ушел? — спросил он для полной уверенности.

— Не то чтобы ушел, — ответила горничная, — но он очень занят, он работает у себя в кабинете и его никак нельзя беспокоить.

Это тоже подействовало ободряюще, потому что мул вряд ли мог бы заниматься литературной работой. Очевидно, джинн или слишком высоко оценил свои сверхъестественные силы, или же нарочно подшутил над Горацием.

— Тогда доложите барышне, — сказал он.

— Барышня у барина, сударь, — сказала девушка, — но если вам угодно пожаловать в гостиную, я доложу г-же Фютвой, что вы здесь.

Он недолго пробыл в гостиной, как уже вошла г-жа Фютвой, и одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы подтвердить худшие опасения Вентимора.

По внешности она была достаточно спокойна, но было слишком очевидно, что ее спокойствие являлось результатом страшного усилия воли; ее глаза, обычно так остро и спокойно наблюдательные, имели угрюмое и запуганное выражение; а уши ее как бы ловили какие-то отдаленные звуки.

— Я не рассчитывала увидеть вас сегодня, — начала она делано сдержанным тоном, — но, может быть, вы пришли дать нам некоторое объяснение того необычного приема, который вы сочли удобным оказать нам вчера? Если это так…

— Дело в том, — сказал Гораций, смотря внутрь своей шляпы, — что я пришел, потому что немного беспокоился за профессора.

— За мужа? — сказала бедная женщина с действительно геройским усилием казаться удивленной. — Он чувствует себя так хорошо, как только можно ожидать! Почему же вам предпо-

лагать обратное? — прибавила она с мгновенным подозрением.

— Мне казалось, что он, пожалуй… не совсем… не как всегда, — говорил Гораций, глядя на ковер.

— Я понимаю, — сказала г-жа Фютвой, снова овладев собой, — вы опасались, как бы все эти иностранные блюда не повредили его желудку. Но… разве только, что он несколько раздражителен сегодня… он совершенно такой, как всегда.

— Я очень рад слышать это! — сказал Гораций с ожившей надеждой. — Как вы думаете, мог бы он принять меня на минуту?

— Великий боже, нет! — воскликнула г-жа Фютвой, заметно вздрогнув. — Я хотела сказать, — объяснила она, — что после того, что случилось вчера, Антон… мой муж… очень ясно осознает, что всякая беседа будет слишком тяжела.

— Но мы расстались вполне друзьями.

— Могу только сказать, — отвечала мужественная женщина, — что вы нашли бы в нем теперь значительную перемену.

Горацию нетрудно было поверить этому.

— По крайней мере, могу ли я видеть Сильвию? — настаивал он.

— Нет, — сказала г-жа Фютвой, — право, я не

могу тревожить Сильвию в данную минуту, она очень занята, помогает отцу. Антон должен читать отчет в одном из своих обществ завтра вечером, и вот она пишет под его диктовку.

Уклонение от истины в данном случае было весьма простительно; к несчастью, как раз в это время сама Сильвия вошла в комнату.

— Мама! — воскликнула она, от волнения не заметив Горация. — Иди скорей к папе. Он сейчас опять начал лягаться, я не могу с ним справиться одна!.. О, вы здесь?.. — остановилась она, увидев, кто в комнате. — Зачем вы пришли теперь, Гораций? Пожалуйста, пожалуйста, уходите! Папа немного нездоров… ничего серьезного, только… о, пожалуйста, уходите!

— Дорогая, — сказал Гораций, подходя к ней и беря ее за обе руки. — Я знаю все… понимаете?.. Все.

— Мама! — воскликнула Сильвия с упреком. — Ты сказала ему… уже? Ведь мы решили, что даже Гораций не должен знать… пока папа не поправится.

— Я ничего не говорила ему, милая, — возразила мать. — Он никак не может знать… разве только… но нет, это невозможно! Да наконец, — прибавила она, значительно взглядывая на

дочь, — почему мы должны делать какую-то тайну из простого припадка подагры? Все-таки я лучше пойду узнать, не нужно ли чего твоему отцу. — И она поспешно вышла из комнаты.

Сильвия села, молча и пристально смотря на огонь.

— Я думаю, вы не знаете, как ужасно брыкаются люди, когда у них подагра, — сказала она наконец.

— О, конечно, знаю! — сказал сочувственно Гораций. — По крайней мере, могу себе представить.

— В особенности, когда она на обеих ногах, — продолжала Сильвия.

— Или, — сказал Гораций мягко, — на всех четырех.

— Ах, так, значит, вы знаете! — воскликнула Сильвия. — В таком случае это еще ужаснее с вашей стороны, что вы пришли!

— Моя любимая, — сказал Гораций, — разве именно теперь мое место не возле вас… и возле него?

— Только не возле папы, Гораций! — сказала она озабоченно. — Это было бы небезопасно.

— Неужели вы думаете, что я могу бояться за себя?

— Вы уверены, что хорошо знаете… на что он теперь похож?

— Я так понимаю, — сказал Гораций, стараясь выразиться как можно почтительнее, — что случайный наблюдатель, который не знал бы вашего отца, мог бы ошибочно принять его, по первому взгляду, за… за какое-нибудь четвероногое.

— Он — мул, — рыдала Сильвия, окончательно теряя самообладание. — Мне было бы легче, если бы он был хороший мул… Но… он не хороший!

— Какой бы он ни был, — заявил Гораций, становясь перед ней на колени и стараясь ее утешить, — ничто не может уменьшить моего глубокого уважения к нему. Вы должны дать мне повидаться с ним, Сильвия, так как я вполне уверен, что сумею ободрить его.

— Вы, может быть, воображаете, что сумеете убедить его… посмеяться над этим! — сказала Сильвия со слезами.

— Я не собираюсь указывать ему на комическую сторону его положения. Смею думать, что я не настолько бестактен. Но, может быть, он был бы рад узнать, что в худшем случае это только временное неудобство. Я приму меры, чтобы он поправился очень скоро.

Она вскочила и посмотрела на него подо-

зрительно, в ее расширившихся глазах уже появились ужас и недоверие.

— Если вы можете так говорить, — сказала она, — то, должно быть, это вы… Нет, не могу поверить!.. Это было бы слишком ужасно.

— Это я… сделал что, Сильвия? Разве не при вас это… это случилось?

— Нет, — отвечала она, — мне сказали об этом уже после. Сегодня утром мама услыхала, что папа громко разговаривает в кабинете, как будто на кого-то сердится, и под конец ей сделалось так не по себе, что она уже не могла терпеть и пошла посмотреть, что с ним такое. Папочка был совершенно один и такой же, как всегда, только немножко взволнованный, но вдруг ни с того ни с сего, как раз в то время, когда она входила в комнату, он… он немедленно превратился в мула у нее на глазах! Всякий — только не мама! — потерял бы голову и поднял бы на ноги весь дом.

— Слава богу, что она этого не сделала! — сказал Гораций с жаром. — Этого я больше всего боялся.

— Значит… о, Гораций, это таки вы! Бесполезно отрицать. Я убеждаюсь в этом с каждой минутой.

— Ну, Сильвия, — протестовал Гораций, все еще стараясь насколько возможно скрыть от нее

худшее, — с чего это пришло вам в голову?

— Не знаю, — сказала она медленно. — Многое было вчера вечером. Ни один действительно хороший человек, похожий на других, не стал бы жить в такой странной квартире, обедать на подушках, со страшными черными рабами и… и с танцовщицами и тому подобным. Вы говорили, что вы — совсем бедный.

— Таков я и есть, моя голубушка. Что касается квартиры и… и всего остального, то все это исчезло, Сильвия. Если бы вы пришли на Викентьеву площадь сегодня, то не нашли бы и следа.

— Это только доказывает! — сказала Сильвия. — Но почему вы сыграли такую жестокую и… и непорядочную шутку с бедным папочкой? Если бы вы действительно любили меня…

— Да, я люблю вас, Сильвия! Не можете же вы считать меня способным на такое издевательство! Ну, посмотрите на меня и скажите, что нет!

— Нет, Гораций, — сказала Сильвия откровенно, — я не думаю, чтобы это сделали вы. Но я думаю, что вы знаете, кто это сделал. И лучше скажите мне это сейчас же.

— Если вы уверены, что вы выдержите, — отвечал он, — я вам расскажу все. — И насколько можно короче он передал ей, как он раскупорил

медный кувшин, и все, что из этого вышло.

Оказалось, что Сильвия выслушала это гораздо спокойнее, чем он ожидал, может быть, так как она была женщина, для нее было некоторым утешением напомнить ему, что она предсказала ему нечто подобное с самого начала.

— Но, конечно, я никогда не думала, что это будет так ужасно, — сказала она. — Гораций, как могли вы быть таким легкомысленным, что позволили такому большому злому существу выскочить из кувшина?

— Я думал, что там какая-нибудь рукопись, — сказал Гораций, — пока он не вышел оттуда. Но он вовсе не «большое злое существо», Сильвия. Это просто добрый старый джинн. И он рад сделать для меня все. Нельзя быть благодарнее и великодушнее, чем он.

— Вы называете это великодушным: превратить бедного милого папочку в мула? — спросила Сильвия, и верхняя губа ее обиженно поднялась.

— Это была оплошность, — сказал Гораций, — он не имел злого намерения. У них, в Аравии, делают подобные вещи… или делали в его времена. Конечно, это не служит ему извинением. Но все же он не так уж молод и был закупорен столько веков, что это могло сузить его кругозор.

Вы должны постараться быть к нему добрее, моя дорогая.

— Нет, — сказала Сильвия, — если он не извинится перед папой и не вернет ему прежний облик.

— Ну, конечно, он это сделает, — отвечал Гораций с уверенностью. — Я заставлю его это сделать. Я больше не хочу выносить его глупостей. Боюсь, что я был слишком снисходителен к нему из боязни его обидеть, но на этот раз он зашел слишком далеко, и я примусь за него серьезно. Он всегда готов поступить правильно, как только ему докажешь, что он был неправ… только ему надо так долго доказывать, бедному старикашке!

— Но когда же, по вашему мнению, он… поступит правильно?

— О, сейчас же, как только я увижу его опять.

— Да, но когда вы увидите его опять?

— Этого я не могу сказать. Он теперь отправился… в Китай, или в Перу, или еще куда-нибудь.

— Гораций! Значит, пройдут месяцы и месяцы, пока он вернется?!

— О, нет, нет! Он может слетать туда и обратно в несколько часов. Он — проворный старец для своих лет. А пока, моя дорогая, самое главное, это — поддержать бодрость вашего отца. Так что

я думаю, мне лучше… Я как раз говорил Сильвии, — сказал он, когда г-жа Фютвой вернулась в комнату, — что я хотел бы видеть профессора сейчас.

— Это совершенно, совершенно невозможно! — был нервный ответ. — Он в таком состоянии, что не может видеть никого. Вы не знаете, каким раздражительным его делает подагра.

— Дорогая г-жа Фютвой, — сказал Гораций, — верьте мне, я знаю больше, чем вы предполагаете.

— Да, мамочка, милая, — добавила Сильвия, — он знает все… действительно все. И может быть, папочке будет полезно повидаться с ним.

Г-жа Фютвой беспомощно упала на диван.

— О господи! — сказала она. — Я не знаю, что сказать. Я положительно не знаю. Если бы вы видели, как он стал кидаться при одном предложении позвать доктора.

Про себя (хотя, конечно, этого нельзя было сказать вслух) Гораций подумал, что ветеринар был бы более к месту, но тем не менее убедил г-жу Фютвой проводить его в кабинет мужа.

— Антон, душа моя, — сказала она, слегка постучав в дверь, — я привела Горация Вентимора повидаться с тобой на несколько минут, если

можно.

Судя по звукам яростного фырканья и топота за дверью, профессор разозлился за такое вторжение к нему.

— Мой милый Антон, — сказала преданная жена, отперев дверь и повернув ключ изнутри после того, как пропустила Горация, — постарайся быть спокойным. Вспомни, что внизу ведь прислуга. Гораций так хочет помочь тебе.

Что касается Вентимора, то он утратил способность говорить: так невыразимо его потрясла перемена в наружности профессора. Он никогда не видывал мула в более плачевном состоянии и более скверного характера. Большая часть из легкой мебели была уже превращена в мелкие щепки, стеклянные дверцы от книжного шкафа треснули и частью были разбиты, драгоценные египетские сосуды из глины и стекла валялись на ковре, превращенные в осколки, и даже мумия, хотя все еще улыбалась с прежней загадочной веселостью, сильно пострадала от профессорских копыт.

Гораций инстинктивно почувствовал, что тут всякая обычная сочувственная фраза прозвучит фальшиво. Поза и мимика профессора невольно напомнили ему «Блондина Осла» — шутку, виден-

ную им в цирке, в момент, когда осел становился мрачным и упрямым. Только на представлении он смеялся до упаду над Блондином Ослом, а теперь как-то не чувствовал склонности к смеху.

— Верьте мне, профессор, — начал он, — я не стал бы беспокоить вас таким образом, если бы не… Смирно, пожалуйста, профессор, не брыкайтесь, пока не выслушаете меня до конца.

А мул неуклюже, нога за ногу, что обнаруживало новичка, медленно оборачивался вокруг собственной оси так, чтобы пустить в дело ноги, и в то же время не сводил своего единственного зрячего глаза с нежеланного гостя.

— Выслушайте меня, сударь, — сказал Гораций, маневрируя в свою очередь. — Меня тут не за что бранить, и если вы разможжите мне голову, как собираетесь, то лишь уничтожите единственного на земле человека, который может вас выручить.

По-видимому, это произвело впечатление, и мул неловко попятился в угол, из которого устремил на Горация недоверчивый, но внимательный взгляд.

— Если вы, как мне кажется, — продолжал Гораций, — хоть временно и лишены дара слова, но вполне способны понимать смысл чужих речей,

не будете ли вы так любезны подать мне знак, подняв свое правое ухо?

Правое ухо мула быстро вздернулось кверху.

— Ну, теперь можно продолжать, — сказал Гораций. — Прежде всего позвольте мне сказать вам, что я отклоняю от себя всякую ответственность за поступки этого дьявольского джинна. Я бы не стал так топать… Знаете, вы можете проломить пол… Теперь, если бы вы взяли на себя терпение…

При этих словах раздраженное животное быстро подскочило к нему с разинутой пастью, что заставило Горация спрятаться за большое кожаное кресло.

— Вам необходимо быть хладнокровнее, сударь, — начал он уговаривать. — Естественно, что у вас нервы взвинчены. Я бы посоветовал немного шампанского… вы могли бы выпить его из… из ведра, это помогло бы вам овладеть собой. Движением вашего… гм… хвоста можете выразить согласие.

Хвост профессора мгновенно смел несколько редких арабских стеклянных лампад и ваз с полки, которая была позади, а г-жа Фютвой немедленно вышла и затем вернулась с бутылкой шампанского и большой фарфоровой жардиньер-

кой, не найдя ничего более подходящего вместо ведра. После того как мул подкрепился, Гораций продолжал:

— Я очень надеюсь, сударь, что пройдет немного часов, и вы будете улыбаться… пожалуйста, не подымайтесь так на дыбы, я знаю, что говорю… будете улыбаться над тем, что вам теперь кажется — хотя весьма справедливо — самой несносной и самой серьезной катастрофой. Я серьезно поговорю с Факрашем (с джинном, знаете) и уверен, что как только он даст себе отчет в том, как ужасно он ошибся, то первый предложит вам сделать все, что в его власти, для исправления содеянного. Потому что, хоть он и старый дурак, но сердце у него доброе.

Профессор при этих словах опустил уши и покачал головой с горестной недоверчивостью, которая сделала его еще больше похожим на осла из пантомимы.

— Мне кажется, я его теперь великолепно понимаю, — сказал Гораций, — и ручаюсь за то, что в нем нет настоящей злобы. Я вам даю честное слово, что если вы будете спокойны и предоставите все мне, то скоро выйдете из этого нелепого положения. Если бы вы могли заставить себя, в знак того, что не подозреваете меня в дурных

чувствах, подать мне свою… свою переднюю ногу на прощанье, то я…

Но профессор повернулся задом так неожиданно, что Гораций счел за лучшее уйти и больше не настаивать.

— Я боюсь, — сказал он г-же Фютвой, когда они присоединились к Сильвии в гостиной, — я боюсь, что ваш супруг чувствует некоторое неудовольствие против меня из-за этого несчастного дела.

— Не знаю, чего другого вы могли бы ожидать, — ответила она не без язвительности. — Он не может не чувствовать, как и мы все после вашего разговора, что если бы не вы, то ничего этого не было бы!

— Если вы этим хотите сказать, что все произошло из-за того, что я пошел на аукцион, — сказал Гораций, — то вы могли бы припомнить, что я пошел туда только по просьбе профессора. Вы знаете это, Сильвия.

— Да, Гораций, — сказала Сильвия, — но папа никогда не просил вас покупать отвратительный медный кувшин с мерзким джинном внутри. Да и всякий, у кого есть здравый смысл, держал бы его закупоренным!

— Что? И вы против меня, Сильвия?! — вос-

кликнул Гораций, задетый за живое.

— О нет, Гораций, никогда! Я не хотела сказать того, что сказала. Только ведь это такое облегчение: свалить вину на кого-нибудь! Я знаю, я знаю, что вы чувствуете почти то же, что мы. Но до тех пор, пока бедный папочка будет такой, как сейчас, мы останемся чужими друг другу. Вы должны это понять, Гораций.

— Да, я понимаю это, — сказал он, — но поверьте мне, Сильвия, он не останется таким. Клянусь вам, что не останется! Через день или два, не больше, вы увидите его опять таким, как прежде. И тогда… о, милая, милая, ведь вы никому не дадите разлучить нас? Обещайте мне это!

Он бы обнял ее, но она отступила.

— Когда папа станет опять самим собою, — сказала она, — то я что-то сумею ответить. А теперь ничего не могу обещать, Гораций.

Гораций понял, что никакая мольба не поможет получить определенный ответ, поэтому он ушел с сознанием, что изменить это положение необходимо, а до тех пор придется потерпеть.

Он кое-как пообедал у себя дома, ему не хотелось идти в клуб из боязни, что вдруг джинн вернется во время его отлучки.

— Если он захочет меня видеть, то не постес-

няется явиться ко мне и в клуб, — размышлял он. — Ведь он столько понимает в приличиях, сколько свинья в апельсинах. Мне вовсе не желательно, чтобы он вдруг вскочил в курительную из-под пола. Не понравилось бы это и клубным старшинам.

Он долго еще сидел в надежде, что появится Факраш, но джинн не давал о себе вестей, и Гораций начал тревожиться. «Хорошо бы, если бы можно было призвать его звонком, — думал он. — Если бы это зависело от какого-нибудь кольца или лампы, я бы потер то или другое, но бесполезно тереть эту бутыль, да он ей и не подвластен. По всей вероятности, он чувствует, что не особенно-то отличился и считает благоразумным держаться пока подальше. Но если он воображает, что таким образом выигрывает, то увидит, что ошибся».

Его сводила с ума мысль, что несчастный профессор продолжает страдать час за часом в столь несвойственном ему образе мула, с нетерпением ожидая избавления, которое все не приходит. Если так будет продолжаться еще, он даже может умереть с голоду, если семья не догадается достать ему овса и не убедит его поесть.

И сколько времени удастся им скрывать сущность его несчастья? Сколько пройдет времени,

пока Кенсингтон и весь цивилизованный мир не узнают, что один из выдающихся европейских ориенталистов без устали топчется на четырех ногах у себя в кабинете?

Мучимый этими представлениями, Вентимор пролежал без сна далеко за полночь, а потом впал в тревожный сон, полный видений, не более нелепых и фантастических, чем действительность, подавшая к ним повод.

Глава 13
Выбор зол

Даже утренний холодный душ не привел Вентимора в его обычное хорошее настроение. Отослав завтрак нетронутым, он стоял у окна и мрачно глядел на сырую зеленую траву парка, на синевшее вдали аббатство, на башню Виктории и на огромные газовые фонари, тускло маячившие в мглистом тумане.

Он почувствовал глубокое отвращение к своей конторе, куда так недавно шел со светлыми надеждами и воодушевлением. Там для него не оставалось работы. Вид рабочего стола был ему невыносим своей немой насмешкой.

Не мог он также с достоинством показаться в Коттсморе, пока положение не изменилось, и так должно было продолжаться до свидания с Факрашем.

Когда вернется джинн или — о, страшное сомнение! — он никогда не возвратится?

— Факраш! — Он громко застонал. — Не может быть, чтобы ты покинул меня в таком дьявольском положении!

— К твоим услугам! — произнес знакомый голос позади него. Он обернулся и увидел своего джинна на ковре перед камином; при осуществлении его заветного желания все его негодование вспыхнуло опять.

— Ах вот вы где! — сказал он с досадой. — Где вы пропадали так долго?

— Не на земле, — был краткий ответ, — а в заоблачных мирах, чтобы найти средство, как увеличить твое благополучие.

— Если вы там имели такой же блистательный успех, как здесь, — резко возразил Гораций, — то я вас покорно благодарю.

— Я более чем удовлетворен, — отвечал джинн, который, подобно другим достопочтенным особам, был недоступен для иронии, — твоими заверениями в признательности.

— Я вовсе не признателен, — сказал Гораций, пылая гневом. — Я чертовски расстроен!

— Почему ты так встревожен? Чем ты еще недоволен?

— За коим чертом превратили вы заслуженного и безобидного ученого в бессловесного мула? — разразился Гораций. — Не для насмешки ли?..

— Это было очень легко, — сказал джинн, благодушно пропуская сквозь пальцы жидкие пряди

своей бороды. — Я не раз совершал такие превращения.

— Тогда стыдитесь, вот и все! Теперь вопрос в том: как вы ему вернете прежний вид?

— Я далек от того, чтобы изменить сделанное, — был назидательный ответ.

— Что! — воскликнул Гораций, не веря своим ушам. — Вы, надеюсь, но намерены оставить несчастного профессора в таком виде навсегда?

— Никто не может отвратить предназначенного судьбою.

— Очень может быть. Но никем не предназначено, чтобы ученый человек вдруг был унижен до скотского образа на весь остаток своей жизни. Судьба не так глупа.

— Не презирай мулов, эти животные — полезные и ценные в хозяйстве.

— Но — будьте вы прокляты! — разве у вас нет воображения! Неужели вы не можете представить себе, каково человеку обширной образованности и громкой известности, внезапно попавшему в такое унизительное положение?

— Да падет вина на его же голову, — холодно сказал Факраш. — Он сам навлек на себя эту участь.

— Что же, вы полагаете, что этим фокусом

принесли мне пользу? Будет ли он теперь более расположен в пользу моей женитьбы на его дочери?

— У меня нет того намерения, чтоб ты взял себе в жены его дочь.

— Одобряете ли вы или нет, а я намерен на ней жениться.

— Наверно, она не пойдет за тебя, пока отец ее будет оставаться мулом.

— В этом я согласен с вами. Значит, вы так понимаете ваше содействие мне?

— Я не принял в расчет твоих интересов в данном случае.

— Будете ли вы добры принять их во внимание теперь? Ведь я дал слово, что он вернется к своему прежнему виду. На карте не только мое счастье, но и моя честь.

— Осуществление невозможного не связано с потерей чести. А это дело не может быть уничтожено.

— Не может быть уничтожено? — повторил Гораций, чувствуя, как сердце его сжалось в холодных тисках. — Почему?

— Потому что, — сказал джинн угрюмо, — я забыл способ.

— Вздор! — возразил Гораций. — Я не верю это-

му. — Он решил прибегнуть к лести. — Вы такой способный старый джинн, вы можете сделать все что угодно, если только пожелаете. Взгляните, как вы опять вернули прежний вид этому дому. Чудесно!

— Это был пустяк, — сказал Факраш, хотя он, видимо, был доволен такой оценкой своего таланта, — а это — совсем иное дело.

— Но это детская игра для вас, — подстрекал Гораций. — Ладно! Вы это сделаете, когда захотите.

— Может быть, оно так, как ты говоришь, но я не захочу.

— Тогда, я думаю, — сказал Гораций, — принимая во внимание, что вы считаете себя обязанным мне благодарностью, я имею право узнать истинную причину вашего отказа.

— Твое требование справедливо, — отвечал джин после паузы, — и я должен его удовлетворить.

— Правильно! — воскликнул Гораций. — Я знал, что вы поймете это, как только дело будет представлено вам в надлежащем свете. Теперь не теряйте времени, верните же несчастному образ человека, согласно вашему обещанию.

— Не так, — сказал джинн. — Я обещал тебе открыть причину моего отказа, и ты ее узнаешь.

Ведай же, о сын мой, что этот дерзкий человек, благодаря какому-то нечистому колдовству, угадал сокровенный смысл надписей на печати сосуда, в котором я был заключен, и намерен был истолковать их всему миру.

— Разве это не безразлично для вас?

— Совсем нет, так как надпись содержала лживый пересказ моих деяний…

— Если все это ложь, то не может вам повредить. Отчего не презирать ложь, если она того заслуживает?

— Не все там неправда, — неохотно сознался джинн.

— Ну, ничего! Чтобы вы ни сделали, вы уже искупили свою вину.

— Теперь, когда Сулеймана уже нет, мне хочется отыскать моих сородичей, Зеленых джиннов, и кончить жизнь среди дружбы и почета. Как же это возможно, если они услышат, что имя мое ненавистно смертным?

— Никто и не подумает вас ненавидеть за дело, которому уже три тысячи лет. Слишком древний скандал!

— Ты говоришь без понимания. Говорю тебе, если б люди знали хоть половину моих проступков, — сказал Факраш тоном, не чуждым мрачно-

го самодовольства, — то вопли их донеслись бы до вышних небес и презрение и ненависть стали бы моим уделом.

— Ах, вряд ли тут все так плохо, — сказал Гораций, который был убежден, что «прошлое» джинна состоит главным образом из маленьких грешков. Во всяком случае, я уверен, что профессор охотно согласится помолчать, и, так как вы, наверное, уже отобрали крышку…

— Нет, печать все еще у него, и для меня нет заботы, где бы она сейчас ни пребывала, ибо единственный человек, разгадавший ее, стал безгласным животным.

— Не совсем так, — сказал Гораций, — у него есть несколько друзей, которые могут расшифровать эту надпись так же легко, как и он.

— Правда ли это? — сказал: джинн с видимой тревогой.

— Безусловно, — сказал Гораций. — За последнюю четверть века археология сделала большие успехи. Наши ученые умеют теперь читать по вавилонским кирпичам и халдейским таблицам так же легко, как рекламы на железных вывесках. Вы, может быть, полагаете, что сделали ловкую штуку, превративши профессора в животное, а скоро увидите, что впали в новую ошибку.

— Как так? — спросил Факраш.

— Да, — сказал Гораций, видя свое преимущество и целенаправленно им пользуясь, — в вашей безграничной мудрости вы, обратив его в мула, лишили его возможности владеть собственностью. Все его вещи пойдут в распродажу, и ваша печать, подобно многим другим его древностям и редкостям, будет куплена Британским музеем, где ее рассмотрят и опишут все европейские ориенталисты. Обдумали вы все это?

— О юноша необычайной проницательности, — сказал джинн. — Поистине я упустил из вида эти обстоятельства, и ты вовремя открыл мне глаза. Я предстану перед этим человеком-мулом и закляну его открыть мне, где находится печать, чтоб я мог взять ее.

— Он не может этого исполнить, пока остается мулом.

— Я одарю его речью для этой цели.

— Позвольте мне доложить вам, — сказал Гораций, — что он теперь сильно не в духе. Это вполне естественно, и вы ничего не добьетесь от него, пока не вернете ему человеческий образ. Если вы это сделаете, он согласится на все.

— Верну или нет — это зависит не от меня, а от его дочери, на который ты обещал жениться.

Прежде всего я должен поговорить с ней.

— Если мне можно присутствовать при вашем свидании и вы никаких глупостей себе не позволите, то я ничего не имею против этого, — сказал Гораций. — Я верю, что вы, увидев ее и услышав ее мольбу за бедного отца, не в состоянии будете отказать ей. Но вы должны мне дать слово, что будете себя вести хорошо.

— Я обещаю тебе это, — ответил джинн, — и желаю видеть ее только ради тебя.

— Отлично, — согласился Гораций, — но я не могу привести вас в этой чалме, она испугается. Нельзя ли вам одеться хоть раз в обыкновенное английское платье, чтоб не привлекать всеобщего внимания.

— Доволен ли ты этим? — спросил джинн, когда его зеленая чалма и широкая одежда внезапно сменились обыкновенным цилиндром, фраком и брюками — признаками современной цивилизации.

Он стал неприятно похож на тех стариков, которых выпускают на арену цирка, чтобы над ними проказничали клоуны, но в эту минуту Горацию было не до критики.

— Так лучше, — сказал он поощрительно, — много лучше. Теперь, — прибавил он, направля-

ясь в прихожую, где надел шляпу и пальто, — теперь выйдем, найдем извозчика и через двадцать минут будем в Кенсингтоне.

— Мы будем там через двадцать секунд, — сказал джинн, схватив его за руку выше локтя. Гораций вдруг почувствовал, что летит, и, разинув рот от удивления и необходимости отдышаться, увидел перед собой подъезд Фютвоя.

— Я должен заметить, — сказал он, как только пришел в себя, — что если нас видели, то мы произвели сенсацию. Жители Лондона не привыкли видеть людей, носящихся над трубами, как вороны.

— Не беспокойся об этом, — сказал Факраш, — ни один человек не в состоянии уследить за нашим полетом.

— Я надеюсь на это, — сказал Гораций, — иначе моя репутация погибнет окончательно. Я думаю, — прибавил он, — лучше я войду один и сначала предупрежу их, если вы согласны здесь подождать. Я подойду к окошку и взмахну платком, когда они будут готовы. Да, пожалуйста, войдите в двери, как обыкновенный человек, и спросите горничную, можно ли меня видеть.

— Я буду помнить, — ответил джинн, проваливаясь сквозь мостовую или, может быть, это так

только показалось.

Гораций позвонил, ему отворили и попросили в гостиную, куда тотчас вышла к нему Сильвия. Она была миловидна, как всегда, несмотря на бледность от бессонницы и тревоги.

— Как вы добры, что пришли навестить, — сказала она, подавляя слезы. — С папой все то же. Ночь он провел довольно спокойно и даже скушал морковку вместо завтрака; но я боюсь, что он сейчас вспомнил, что сегодня вечером ему предстояло читать о «Восточном оккультизме» в Азиатском обществе и что это его тревожит. О, Гораций, — воскликнула она неожиданно, — как все это ужасно! Как можно это перенести?

— Не падай духом, дорогая! — сказал Гораций. — Недолго уже осталось терпеть.

— Все это очень хорошо, Гораций, но если тотчас же не будут приняты меры, то окажется уже поздно. Нельзя долее держать мула в кабинете без того, чтоб не возбудить подозрений прислуги, а куда же нам деть бедного милого папочку? Страшно подумать о том, чтоб отослать его в приют для увечных лошадей… А все-таки, что же с ним делать? Зачем вы пришли, если не можете помочь?

— Я не пришел бы, если бы не принес доброй

вести. Помните, что я вам рассказывал про джинна?

— Помню, — ответила Сильвия. — Как же я могла забыть! Неужели он на самом деле вернулся, Гораций?

— Да. Я, кажется, привел его к сознанию, что он сделал глупую ошибку, заколдовав вашего несчастного отца, и он согласен ее исправить на известных условиях. Он здесь недалеко и явится, как только я подам ему сигнал. Но он желает сначала поговорить с вами.

— Со мной? О нет, Гораций! — воскликнула Сильвия, отступая. — Лучше не надо. Я не люблю существ, вышедших из медных бутылок. Я не знаю, что говорить, и это меня очень смущает.

— Будьте храброй, дорогая! — сказал Гораций. — Помните, что от вас зависит, будет ли профессору оказана помощь или нет. Факраша пугаться нечего. Я его заставил надеть обыкновенное платье, и в нем он, право, не так плох. Он очень милый, кроткий старый простофиля и сделает все, что угодно, только бы гладить его по шерсти. Вы повидаетесь с ним ради вашего отца, не правда ли?

— Если это необходимо, — сказала Сильвия, вздрагивая, — я буду с ним как можно любезнее.

Гораций подошел к окну и сделал условленный знак, хотя никого не было видно. Однако сигнал был замечен, так как тотчас же раздался сильный удар по входной двери и несколько минут спустя горничная Джесси доложила: «Г-н Фатрашер Лармаш желает видеть г-на Вентимора». Джинн вошел важной походкой в высокой шляпе на голове.

— Вы, вероятно, не знаете, сударь, — сказал Гораций, — что здесь в обычае снимать шляпу в присутствии дамы.

Джинн снял шляпу обеими руками и продолжал стоять молча.

— Позвольте мне представить вас девице Сильвии Фютвой, — продолжал Вентимор, — барышне, о которой вы уже слышали.

В странных, вкось поставленных глазах Факраша мелькнул мгновенный странный блеск. Он ничем не реагировал на рекомендацию Горация.

— Девица не без миловидности, — заметил он Горацию, — но бывают много красивее.

— Я не прошу вас о критике и о сравнениях, — резко сказал Вентимор. — На мой взгляд, нет никого в мире, кто мог бы равняться с девицей Фютвой, и потрудитесь это запомнить. Она очень огорчена (как всякая любящая дочь) вашей же-

стокой и бессмысленной шуткой над ее отцом и просит вас загладить ее сейчас же. Не так ли, Сильвия?

— Да, разумеется, — сказала Сильвия почти шепотом, — если это вас не слишком затруднит.

— Я обдумал твои слова, — сказал Факраш Горацию, все еще игнорируя Сильвию, — и убедился, что ты прав. Если бы содержание надписи стало известно всем людям, они не подняли бы крика из-за дела, которое их не касается. Поэтому мне все равно, в чьи руки попадет печать. Не согласен ли ты со мной?

— Разумеется, согласен, — сказал Гораций. — И отсюда, естественно, следует…

— Естественно следует, как ты говоришь, — сказал джинн с притворным равнодушием, — что мне не будет пользы от получения печати и поэтому мне незачем возвращать отцу этой барышни его прежний вид. По мне, пусть остается мулом навеки, разве только ты согласишься подчиниться моим условиям.

— Условия? — воскликнул Гораций, не ожидавший такого оборота. — Чего вы хотите от меня? Объясните. Я согласен сделать, что возможно!

— Я требую, чтоб ты отказался от руки этой девицы.

— Это безумие, — сказал Гораций, — и вам это известно. Я никогда от нее не откажусь, пока она сама мне не откажет.

— Девица, — сказал джинн, обращаясь в первый раз к Сильвии, — дело зависит от тебя. Хочешь ли ты освободить от данного слова моего сына, так как ты для него — неподходящая жена.

— Как могу я, — со слезами в голосе вскричала Сильвия, — когда я люблю его и он любит меня? Какой же вы злой старый тиран, если требуете этого от меня! Я не могу его покинуть.

— Ты отдала бы только то, что никогда не будет твоим, — сказал Факраш. — И не тревожься о нем, я его вознагражу и утешу с лихвой за разлуку с тобой. Пройдет мало времени, и он уже забудет о тебе.

— Не верь ему, дорогая, — сказал Гораций, — ты знаешь меня лучше.

— Помни, — сказал джинн, — отказом ты обрекаешь твоего родителя пробыть мулом до конца его дней. Разве ты такая бездушная, жестокосердная дочь, чтобы так поступить?

— О, не могу! — вскричала Сильвия. — Я не могу оставить бедного отца мулом на всю жизнь, когда одно слово… и что же мне делать? Гораций, что мне сказать! Посоветуй мне… Посоветуй мне!..

— Да поможет нам Господь! — простонал Вентимор. — Если б я только знал, что делать! Послушайте, г-н Факраш, — прибавил он, — это требует размышлений. Не оставите ли вы нас на короткое время, пока мы его обсудим?

— Охотно, — любезно сказал джинн и в мгновенье ока исчез.

— Теперь, дорогая, — начал Гораций, когда тот удалился, — если этот нестерпимый старый негодяй говорит серьезно, то нельзя отрицать, что мы поставлены в очень тягостное положение. Но я не могу допустить, чтоб он был искренен и, думаю, что он только испытывает нас. Я об одном только попрошу вас: не принимать во внимание моих интересов в данном случае.

— Как же мне этого не делать? — сказала бедная Сильвия. — Гораций, вы, вы… не хотите освободиться?

— Я? — сказал Гораций. — Когда, кроме вас, у меня ничего нет на свете! Вот так придумали, Сильвия! Но мы вынуждены смотреть действительности в лицо. Если бы даже этого не случилось, ваши родные воспротивились бы нашему союзу, так как моя карьера опять разладилась, дорогая. Мое положение теперь хуже, чем было, когда мы встретились впервые. Джинну

заблагорассудилось лишить меня моего первого и единственного клиента, уничтожить единственное добро, которое он мне сделал.

И он рассказал ей о волшебном дворце и об отказе г-на Вакербаса.

— Так что видите, дорогая, — заключил он, — я даже не имею дома, который мог бы предложить вам, и если б я его имел, он был бы полон неудобств для вас, так как этот старик беспрерывно мешал бы нам, особенно, если он почувствовал, как мне кажется, безотчетную антипатию к вам.

— Но вы, конечно, можете его разубедить, — сказала Сильвия. — Вы сказали, что с ним можно сделать что угодно.

— Я прихожу к заключению, что им не так легко управлять, как мне казалось. И в настоящее время, — прибавил он с грустью, — если мы хотим спасти профессора, боюсь, что нужно покориться старому Факрашу.

— Так вы мне предлагаете порвать с вами? — воскликнула она. — Я никогда не думала, что так будет.

— Для вашего же блага, — сказал Гораций, — и ради вашего отца. Если вы этого не сделаете, тогда сделать это обязан я! Но вы меня избавите от этого? Мы оба должны согласиться на разлуку

и верить, что когда-нибудь сойдемся вновь.

— Не пытайтесь обмануть меня или себя, Гораций, — сказала она. — Если мы теперь расстанемся, то уж навсегда.

У него было тяжелое предчувствие, что она права.

— Мы должны надеяться на лучшее, — сказал он мрачно. — У Факраша может быть какая-нибудь причина, о которой мы и не подозреваем. Или он смягчится. Но в настоящий момент мы должны расстаться.

— Хорошо, — сказала она. — Если он поможет отцу, я от тебя откажусь. Но не иначе.

— Решила ли девица? — спросил джинн, внезапно появляясь опять. — Ибо срок для размышлений миновал.

— Девица Фютвой и я, — отвечал за нее Гораций, — согласны прервать наши отношения, пока вы не одобрите их возобновления, но под условием, чтоб мы сейчас расколдовали ее отца.

— Согласен! — сказал Факраш. — Ведите меня к нему, и мы устроим это дело не откладывая.

В коридоре они встретили г-жу Фютвой, которая шла от мужа.

— Вы здесь, Гораций? — воскликнула она. — Кто этот господин?

— Это… гм! гм! — сказал Гораций. — Это виновник несчастья с профессором, и он пришел сюда по моей просьбе, чтобы поправить дело.

— Это было бы так любезно с его стороны! — воскликнула опечаленная женщина, которая была уже за пределами удивления или злопамятства. — Я убеждена, если бы он знал, что мы все испытали… — И она повела всех в комнату мужа.

Как только отворилась дверь, профессор как будто узнал своего мучителя, несмотря на перемену одежды, и так сильно взволновался, что зашатался на всех четырех ногах и принял самый плачевный вид.

— О человек необычайных дарований, — начал джинн, — которого я заставил, по причинам тебе известным, принять образ мула! Говори, заклинаю тебя, и скажи мне, куда ты спрятал надпись на печати, которою ты владеешь?

Профессор заговорил, и впечатление внятной речи, исходившей изо рта, который, казалось, принадлежал обыкновенному мулу, до того было странно, что не поддается описанию:

— Сначала пусть тебя черт возьмет, — сказал он сердито. — Ты не можешь сделать мне больше зла, чем уже сделал.

— Как хочешь, — сказал Факраш, — но если я не получу обратно надпись, то не верну тебе прежнего вида.

— Если так, — с бешенством сказал мул. — то вы найдете ее в верхнем правом ящике моего письменного стола, ключ — в диоритовой чаше, на камине.

Джинн отпер ящик и вынул металлическую крышку, которую и положил во внутренний карман своего несуразного фрака.

— Так, — сказал он. — Теперь отдай мне истолкование, которое ты написал, и поклянись хранить в глубокой тайне его содержание.

— Знаете ли вы, о чем просите, сударь? — сказал мул, злобно прижимая уши. — Думаете ли вы, что я, для вашего удовольствия, уничтожу самое замечательное открытие во всей моей научной деятельности? Никогда, сударь, никогда!

— Раз ты мне отказываешь, я тебя опять лишу речи и оставлю тебя мулом гнусного вида, каков ты теперь, — сказал джинн. — К чему тебе открытие, о котором ты не можешь никому сообщить? Однако можешь выбирать!

Мул закатил свой единственный глаз, оскалил все зубы и злобно заскрежетал ими.

— Вы стали моим истязателем, — сказал он, — и

я вынужден уступить. Вон, в бюваре, лежит единственная копия, которую я сделал.

Факраш отыскал бумагу, которую растер между ладоней до полного исчезновения, как мог бы сделать всякий обыкновенный заклинатель.

— Теперь подыми твою переднюю правую ногу, — сказал он, — и клянись всем для тебя святым, что ты никогда не обнародуешь того, что узнал.

Профессор произнес клятву крайне неохотно и нетерпеливо.

— Хорошо, — сказал джинн с угрюмой усмешкой. — Теперь прикажи одной из твоих женщин принести мне чашку чистой воды.

Сильвия вышла и вернулась с чашкой воды.

— Она профильтрована, — сказала Сильвия с беспокойством, — я не знаю, годится ли?

— Этого достаточно, — сказал Факраш. — Пусть обе женщины удалятся.

— Вы, конечно, не думаете удалить из комнаты его жену и дочь в такой момент? — запротестовала г-жа Фютвой. — Мы будем сидеть тихо и можем даже помочь, если понадобится.

— Делайте, как приказано, моя милая, — рявкнул неблагодарный мул, — делайте, как приказано! Вы только будете мешать. Не думаете ли вы,

что он не знает своего свинского ремесла?

Они вышли. После этого Факраш взял чашку — обыкновенную бульонную чашку с бледно-голубым греческим узором по краям — и, обливая мула водою, воскликнул: «Покинь твой теперешний образ и прими свой прежний!»

Прошел жуткий момент, когда казалось, что слова не производят никакого действия: животное только стояло и вздрагивало. Вентимор почувствовал мучительное сомнение, не забыл ли действительно Факраш, как совершается именно это колдовское действие.

Вдруг мул попятился и начал бешено бить по воздуху передними ногами, после чего тяжело упал в ближайшее кресло, которое, к счастью, было прочно и просторно, и бессильно свесил передние ноги по бокам, наподобие человека. Тут произошли непродолжительные судороги, и затем начался какой-то особый, невыразимо-потрясающий для зрителя процесс, в течение которого человек как бы вылупливался из мула, а мул как бы растворялся в человеке. Наконец перед ними в кресле оказался еле дышащий и дрожащий профессор Фютвой в своем подлинном образе и одеянии.

Глава 14
Так как исхода нет, то поцелуемся да и расстанемся

Как только профессор овладел собой, Гораций отворил дверь и позвал Сильвию с матерью, которые были, как и следовало ожидать, вне себя от радости, увидав главу семейства избавленным от унизительного состояния четвероногого.

— Ну, — сказал профессор, принимая их объятия и бессвязные поздравления, — ну, не из-за чего поднимать такой шум! Я таков же, каким был, как видите. И, — прибавил он с неосновательным взрывом досады, — если б у кого-нибудь из вас хватило здравого смысла, чтобы сразу вспомнить о таком простом средстве, как обрызгивание холодной водой, я был бы избавлен от множества ненужных неудобств. Но это всегда так бывает с женщинами: они теряют голову, когда что-нибудь не в порядке. Если я сам не сохранил хладнокровия…

— Было очень, очень глупо с нашей стороны не подумать об этом, — сказала Сильвия, деликатно игнорируя тот факт, что в комнате решительно

все было перепорчено, — впрочем, знаешь, если бы ту же воду разбрызгали мы, она, пожалуй, не оказала бы такого действия.

— Теперь я не расположен спорить, — сказал отец. — Но вы не побеспокоились испробовать, так не о чем и толковать!

— Не о чем и толковать! — воскликнул Факраш. — О ты, чудовище неблагодарное! Ты не находишь слов признательности тому, кто тебя избавил от твоей кары?

— Я уж и так очень обязан вам, сударь, — сказал профессор, — за целые сутки самой острой угнетающей тоски и нестерпимой физической муки, причиненной без желания воспользоваться тайными силами. Поэтому признательность, какую я мог бы вам выразить, была бы весьма сомнительного свойства. Что же касается вас, Вентимор, — прибавил он, обращаясь к Горацию, — я не знаю… я могу только догадываться… о роли, которую вы сыграли в этом деле, во всяком случае, поймите раз и навсегда, что все сношения между нами должны прекратиться.

— Папа, — сказала Сильвия дрожащим голосом, — Гораций и я уже решили разойтись.

— По моему настоянию, — объяснил Факраш, — так как такой союз совершенно не соответствует

его достоинству и положению.

Эта откровенность окончательно разозлила профессора, характер которого далеко не улучшился, хоть он и подвергся недавним испытаниям.

— Никто не спрашивал вашего мнения, сударь! — огрызнулся он. — Личности, только недавно освобожденной от долгого и, как мне известно, вполне заслуженного заключения, едва ли подобает столь авторитетный тон. Будьте любезны не вмешиваться в мои домашние дела.

— Превосходно сказано, — заметил невозмутимый джинн. — Пусть крыса, которая находится в лапах леопарда, твердо помнит правила вежливости и воздерживается от вызывающих слов. Обратить тебя опять в мула не составит для меня затруднений.

— Я, пожалуй, неясно выразился, — поспешил заметить профессор. — Я… я только думал вас поздравить с тем, что вы счастливо избежали последствий того, что… что я считаю судебной ошибкой. Я… я убежден, что в будущем вы будете применять ваши выдающиеся способности для лучших целей, и я бы предложил вам оказать большую услугу этому несчастному молодому человеку, воздержавшись от дальнейших трудов

на его пользу.

— Слушайте, слушайте! — Гораций не мог не вставить этого восклицания, хоти так тихо, что никто и но услышал.

— Я далек от этого, — возразил Факраш. — Он стал мне любимым сыном, которого я намерен возвести на золотую вершину благополучия. Поэтому я избрал ему жену, в сравнении с которой эта дочь твоя есть светящийся червяк перед полной луной или неоперившийся воробей перед райской птицей. И свадьба будет отпразднована через несколько часов.

— Гораций, — воскликнула Сильвия, вся вспыхивая, — почему ты мне не сказал этого раньше?

— Потому что я в первый раз об этом слышу, — отвечал несчастный Гораций. — Он всегда огорашивает меня какой-нибудь неожиданностью, — прибавил он шепотом, — но это ни к чему никогда не приводит. И он не может женить меня насильно, это понятно!

— Нет, — сказала Сильвия, кусая губы. — Этого я никогда и не предполагала.

— Я покончу с этим сейчас, — ответил он. — Теперь послушайте, г-н джинн, — прибавил он, — я не знаю, с каким новым планом вы носитесь, но если вы думаете женить меня на ком-нибудь, в

особенности…

— Разве я тебе не сообщал, что имею в виду получить для тебя руку царской дочери необычайной красоты и совершенства?

— Вы отлично знаете, что никогда не упоминали об этом раньше, — сказал Гораций, в то же время успокаивая расстроенную Сильвию.

— Не ропщи, о дева, — посоветовал ей джинн, — ибо это ради его благополучия. Хотя он сейчас тому не верит, но когда увидит ослепительную красоту ее образа, то обомлеет от восторга и забудет про твое существование.

— Ничего подобного! — в диком гневе сказал Гораций. — Поймите, что я не намерен вступать в брак с принцессой. Вы можете (что вы уже сделали) помешать мне жениться на Сильвии, но вы не в силах заставить меня жениться на ком-нибудь другом. Попробуйте-ка!

— Когда ты увидишь совершенство твоей невесты, не придется тебя принуждать, — сказал Факраш. — И если ты откажешься, то знай: ты подвергнешь страшным бедствиям тех, кто тебе здесь дорог.

Ужасающая неопределенность угрозы окончательно сокрушила Горация. Он не мог придумать, не смел даже вообразить себе, какие последствия

для его любимой Сильвии и ее беспомощных родителей мог бы повлечь за собой его настойчивый отказ.

— Дайте мне срок, — сказал он со вздохом. — Я хочу еще переговорить с вами об этом.

— Простите меня, Вентимор, — сказал профессор с язвительной вежливостью, — но хотя обсуждение ваших брачных дел и интересно для вас и вашего покровителя, я бы, однако, предпочел, чтобы вы выбрали более подходящее место для переговоров, исход которых предрешен заранее. Я утомлен и измучен, почему и был бы признателен, если бы вы и этот господин уволили нас от дальнейшей беседы.

— Слышите, г-н Факраш? — сказал Гораций сквозь зубы. — Нам пора уходить. Если вы сейчас удалитесь, то я скоро последую за вами.

— Я тебя буду ожидать, — ответил джинн и, к ужасу г-жи Фютвой и Сильвии, исчез в одном из шкафов.

— Вот, — сказал Гораций уныло, — вы видите, в каком я положении?! Упрямый старый черт прижал меня к стене. Я погиб.

— Не говорите так, — сказал профессор. — Вы накануне блестящего союза, в котором мы желаем вам найти счастье, все мы желаем вам

счастья, — прибавил он колко.

— Сильвия, — сказал Гораций, все еще медля, — прежде чем я уйду, обещай мне помнить, что все, что я сделаю, будет ради твоего блага.

— Пожалуйста, не говорите так, — сказала она. — Мы можем никогда не увидаться более. Пусть же к моему последнему воспоминанию о вас не примешивается мысль о вашем лицемерии, Гораций!

— Лицемерии! — воскликнул он. — Сильвия, это слишком! Что я сказал или сделал такого, чтобы вы могли так обо мне подумать?

— Я вовсе не так наивна, как вы полагаете, Гораций, — возразила она. — Я теперь поднимаю, почему все это случилось, почему терзали моего бедного отца, почему вы настаивали на том, чтобы я вернула вам свободу. Но я бы вас освободила без всего этого. Право, все эти мудреные хитрости были лишними.

— Вы думаете, что я был сообщником этого старого дурака? — сказал он. — Вы считаете меня таким мерзавцем?

— Я не обвиняю вас, — сказала она. — Я не думаю, чтобы вы могли избегать этого. Он может заставить вас сделать все, что ему вздумается. Кроме того, вы теперь так богаты, что вам есте-

ственно желать жениться на ком-нибудь более подходящем… скажем, на вашей прекрасной царевне…

— Моей! — простонал в отчаянии Гораций. — Я вам говорю, что я никогда не видал ее! Как будто какая-нибудь принцесса может согласиться пойти за меня замуж в угоду джинну из медной бутылки?! И если б она и согласилась, Сильвия, вы не можете верить, чтобы я из-за какой-нибудь принцессы забыл вас!

— Это в большей степени зависит от принцессы, — вот все, что Сильвия могла сказать.

— Да, — сказал Гораций. — если таково ваше доверие ко мне, то бесполезно о чем-либо говорить. Прощайте, г-жа Фютвой, прощайте, профессор. Я не могу выразить, как глубоко сожалею о том, что причинил вам много горя моим безумием. Все, что я могу сказать, это то, что я готов перенести в будущем все, что угодно, только бы не подвергать ни малейшему риску вас или кого-нибудь из ваших.

— Надеюсь, конечно, — сказал профессор сухо, — что вы употребите все свое влияние для ограждения меня от повторения такого опыта, который мог обессилить менее уравновешенный дух, чем мой.

— Прощайте, Гораций, — сказала г-жа Фютвой более ласково. — Я думаю, вопреки мнениям других, что вы скорее заслуживаете жалости, чем осуждения. И я не забываю — хоть бы Антон и забыл — что, если бы не вы, то вместо того, чтобы сейчас удобно сидеть в кресле, он лягался бы задними ногами и разбивал бы все, что здесь есть.

— Я отрицаю, что я лягался, — сказал профессор. — Мои задние ноги, может быть, не поддавались моему контролю, но я ни на один момент не терял рассудка и хорошего настроения. Могу сказать это, не уклоняясь от истины.

Если профессор мог считать это правдой, сидя среди обломков, подобно Марию на развалинах Карфагена, то он всецело отдавался сладкому самообману, только было бесполезно ему противоречить в то время.

— Прощайте, Сильвия, — сказал Гораций и протянул руку.

— Прощайте, — сказала она, не подавая руки и на него не глядя.

После мучительной паузы он вышел из кабинета. Но не дойдя еще до передней, он услыхал шуршание портьеры позади себя и почувствовал ее легкую руку на своем плече.

— О нет! — сказала она, приникая к нему. — Я

не могу вас отпустить так. Я не думаю всего того, что сейчас говорила. Я верю вам, Гораций, по крайней мере, я буду стараться верить… И я всегда, всегда буду вас любить, Гораций. Я не буду очень злиться, если даже вы меня забудете, только бы вы были счастливы… Но не будьте слишком счастливы. Думайте обо мне иногда!

— Я не буду слишком счастлив, — сказал он, крепко прижимая ее к сердцу и целуя ее сжатые губки и пылающие щеки. — И буду думать о тебе всегда.

— И ты не влюбишься в свою принцессу? — умоляла Сильвия, альтруизм которой пришел к концу. — Обещай!

— Если меня и женят на принцессе, — ответил он, — я ее возненавижу за то, что она — не ты. Но не будем терять надежды, голубчик. Есть же какое-нибудь средство вытряхнуть вздор из старого идиота и привести его к здравым понятиям. Я ничуть еще не намерен уступать!

Это было сказано смело, но, как они оба чувствовали, мало соответствовало положению, и после долгих объятий они расстались. Едва успел он выйти на лестницу, как опять почувствовал себя схваченным и уносимым по воздуху с головокружительной быстротой, после чего каким-то

манером очутился в кресле в своей собственной гостиной на Викентьевой площади.

— Ну, — сказал он, глядя на джинна, который стоял против него с невыносимо-снисходительной улыбкой, — я думаю, вы очень довольны собой в этом деле?

— Оно получило благоприятное окончание, — сказал Факраш. — Недаром сказано у поэта…

— Я сегодня не могу слушать отрывков из хрестоматии, — прервал Гораций. — Поговорим о деле. По-видимому, — продолжал он, делая большие усилия, чтобы овладеть собой, — вы составили план женить меня на царевне. Не можете ли вы рассказать мне все подробности?

— Нет сана, нет почестей, слишком высоких для твоих заслуг, — ответил джинн.

— Очень любезно с вашей стороны… но вам, может быть, не известно, что при нынешнем устройстве общества препятствия к такому браку будут неодолимы.

— Для меня, — сказал джинн, — существует мало неодолимых препятствий. Но высказывай свое мнение свободно.

— Я выскажу, — подтвердил Гораций. — Начать с того, что ни одна европейская принцесса царской крови ни на минуту не допустит подобной

мысли. И если бы она это сделала, она лишилась бы своего сана, перестала бы быть принцессой, а меня, пожалуй, посадили бы в крепость за оскорбление величества или вроде того.

— Оставь боязнь, я не намерен сочетать тебя с царевной, рожденной от смертных. Невеста, которую я предлагаю тебе, — джиннья, несравненная Бидия-эль-Джемаль, дочь моего родственника Шаяля, властителя Синих джиннов.

— Ах вот как! — вяло сказал Гораций. — Чрезвычайно благодарен. Но каковы бы ни были прелести этой барышни…

— Ее нос, — воскликнул джинн с воодушевлением, — подобен лезвию отточенного меча, ее волосы напоминают самоцветные камни, а ее щеки румяны, как вино. Бедра пышны, а когда она взглянет сбоку, то посрамленными бывают дикие телки.

— Мой добрый, превосходный друг, — сказал Гораций, ничуть не тронутый этим перечислением красот, — разве женятся, чтобы оскорблять диких коров?

— Когда она ходит своей колеблющейся походкой, — продолжал Факраш, как будто бы его не прерывали, — ветка ивы зеленеет от зависти.

— Меня лично, — сказал Гораций, — не восхи-

щает ходьба вперевалку, это дело вкуса. Случалось ли вам недавно видеть эту волшебницу?

— Мои очи не освежались ее необычайной красотой с тех пор, как я был заключен Сулейманом — будь он проклят! — в медный сосуд, тебе известный. Зачем ты об этом спрашиваешь?

— Просто мне пришло в голову, что после трех тысяч лет ваша очаровательная родственница не могла, говоря вежливо, избежать всесильного влияния времени. Я думаю, что она, знаете ли, уж немолода.

— О неразумный! — сказал джинн с полупрезрительным упреком. — Разве ты не знаешь, что мы не похожи на смертных и не подвергаемся разрушительному действию времени?

— Простите мне указание на вашу личность, — сказал Гораций, — но ваши волосы и борода уже могут назваться седыми.

— Не от старости, — сказал Факраш. — Это происходит от долгого заключения.

— Понимаю, — сказал Гораций. — Подобно Шильонскому узнику!.. Ладно, допустим, что названная дама еще цветет юностью, все же я вижу роковое препятствие к тому, чтобы стать ее женихом.

— Несомненно, — сказал джинн, — ты име-

ешь в виду Джарджариса, сына Реджмуса, сына Иблиса?

— Нет, — сказал Гораций, — потому что я даже и не помню, слыхал ли о нем. Однако это уже новое препятствие. Вот уж их два.

— Я, наверное, говорил тебе о нем как о моем смертном враге? Правда, это — могущественный и мстительный эфрит, который долго преследовал прекрасную Бидию своими гнусными угождениями. Однако счастливый случай может дать победу и над ним.

— Отсюда я вывожу, что каждый искатель руки Бидии окажется соперником любезного Джарджариса.

— Он далек от того, чтобы быть любезным человеком, — простодушно заметил джинн, — и это привело бы его в бешеную ревность, так что он, наверное, вызвал бы тебя на смертный бой.

— Тогда вопрос решен, — сказал Гораций. — Никто не может меня назвать трусом, но я отказываюсь от борьбы с эфритом ради женщины, которую никогда не видал. Почем я знаю, будет ли он честно сражаться?

— Вероятно, он вначале явился бы в образе львином, затем, если бы не мог одолеть тебя, обернулся бы змеем, а потом — буйволом или

иным диким животным.

— И я должен был бы укротить весь зверинец? Нет, сударь, я не пошел бы далее льва!

— Я помог бы тебе совершать такие же превращения, — сказал джинн, — так что ты мог бы победить его. Я горю желанием испепелить моего врага.

— Гораздо вероятнее, что вам пришлось бы смести в кучку мою золу, — сказал Гораций, который был убежден, что джинн всегда осрамится, во что бы ни вмешался, — и если вы так жаждете уничтожить Джарджариса, то почему бы вам самому не вызвать его на поединок в тихом месте, в пустыне, и не покончить с ним? Это вам гораздо сподручнее, чем мне. — Он не терял надежды подзадорить Факраша и самому избавиться от него таким простым и легким способом, но все эти надежды, как обыкновенно, кончились разочарованием.

— Это было бы бесполезно, — сказал джинн, — так как от века суждено Джарджарису погибнуть только от руки смертного, и я убежден, что ты именно призван к этому, так как ты силен и смел, кроме того, предопределено, что Бидия выйдет замуж за сына людского племени.

— Тогда, — сказал Гораций, чувствуя, что этот

способ защиты приходится оставить, — тогда одно препятствие отпадает. Но даже если Джарджарис должен отступить в мою пользу, я все же отказываюсь стать супругом джинньи, которую никогда не видал и которую не люблю.

— Ты слыхал о ее несравненной красоте, и поистине ухо может пленяться прежде ока.

— Может быть, — ответил Гораций, — но из моих ушей не пленилось ни одно.

— Твои возражения неосновательны, — сказал Факраш, — и если у тебя нет более веских…

— Постойте, — сказал Вентимор, — я их имею. Вы твердите, будто стараетесь вознаградить ничтожную услугу, которую я вам оказал, хотя до сих пор, согласитесь, вы не достигли успеха. Но оставим прошлое, — продолжал он с внезапной сухостью в горле, — и прошу вас подумать о счастье, возможном в подобном браке; я боюсь, что вы не слушаете меня… — оборвал он, заметив, что глаза Факраша затягиваются пленкой, как у птиц.

— Продолжай, — сказал Факраш, на секунду открывая глаза, — я слушаю тебя.

— Мне кажется, — пролепетал Гораций бессвязно, — за время вашего пребывания в бутылке вы, наверное, забыли все, что знали о природе

женщин. Да, вы забыли!

— Такое знание не забывается, — сказал джинн, вполне по-человечески возмутившись этим предположением. — Твои слова мне кажутся лишенными смысла. Истолкуй их, прошу тебя.

— Неужели, — объяснил Гораций, — вы допускаете, что ваша юная и прелестная родственница, — бессмертная и гордая, как свойственно дьяволам, — будет довольна вашим предложением отдать свою руку незначительному и неудачливому лондонскому архитектору? Она отвернет свой острый точеный нос при одной мысли о такой неравной партии!

— Отличное положение доставляется богатством, — заметил джинн.

— Но я не богат и уже отклонил все ваши богатства, — сказал Гораций. — И что еще важнее: я совершенно и безнадежно неизвестен. Если бы у вас было хоть немного сообразительности — чего, я думаю, у вас нет, — вы бы поняли бессмысленность предположения соединить блестящее эфирное сверхчеловеческое существо с обыденным профессиональным ничтожеством в утреннем сюртуке и высокой шляпе. Это поистине слишком смешно!

— То, что ты сейчас сказал, не лишено мудро-

сти, — сказал Факраш, для которого эта точка зрения, очевидно, была нова. — Разве ты, в самом деле, так уж совершенно неизвестен?

— Неизвестен? — повторил Гораций. — Еще бы! Я — просто незначительная единица в населении колоссальнейшего из городов на земле, и даже скорее не единица, а нуль, а вы не понимаете, что человек, который был бы достоин вашей необыкновенной родственницы, должен быть знаменитостью. А таких здесь достаточно!

— Что ты разумеешь под знаменитостью? — спросил Факраш, попадая в ловушку скорее, чем Гораций мог надеяться.

— О, это — выдающаяся личность, чье имя у всех на устах, кого почитают и восхваляют все сограждане. Ну вот на такого человека никакая джиннья не может взглянуть свысока.

— Понимаю, — задумчиво сказал Факраш. — Да, я готов был совершить необдуманный поступок. Как ныне люди чествуют таких замечательных мужей?

— Их обыкновенно закармливают, — сказал Гораций. — Высший почет, которым герой может пользоваться в Лондоне, состоит в получении почетного гражданства, которое дается в исключительных случаях и за важные заслуги.

Конечно, есть еще иного рода знаменитости, что вы увидите, если просмотрите газеты.

— Я не могу поверить, чтобы ты, столь благообразный и даровитый юноша, мог быть так неизвестен, как ты мне изобразил.

— Почтеннейший! Любой из цветков, распустившихся в пустыне вдали от взоров людских, или из перлов, сокрытых в недрах океана и столь чудесно описанных одним из наших поэтов, могли бы дать мне несколько очков вперед и побить меня в смысле знаменитости. Да вот предлагаю вам сделать опыт. Тут у нас, в Лондоне, более пяти миллионов жителей. Если вы, выйдя на улицу, спросите у пятисот первых встречных, знают ли они меня, то готов держать пари на… ну, положим, на новую шляпу… что не найдется и полдюжины хотя бы слышавших о моем существовании. Попробуйте-ка пойти и проверить сами!

К его удивлению и удовольствию, джинн принял это предложение серьезно.

— Сейчас пойду и стану узнавать, — сказал он, — ибо желаю просветить себя касательно твоих утверждений. Но помни, — добавил он, — что если и потом я потребую от тебя вступления в брак с несравненной Бидией-эль-Джемаль, а ты

откажешь мне в повиновении, то этим навлечешь погибель не на собственную главу, но на тех, кого ты наиболее желаешь защитить.

— Да, это уже было сказано, — резко сказал Гораций. — Добрый вечер!

Но Факраша уж и след простыл. Несмотря на все пережитое Вентимором и ожидаемое им в грозном будущем, на него напал судорожный хохот при мысли о вероятных ответах, какие получит джинн на свои расспросы. «Боюсь, что он не будет восхищен вежливостью лондонской толпы, — подумал он, — зато, во всяком случае, вынесет убеждение, что я ничуть не знаменит среди моих сограждан. Тогда он откажется от своего идиотского сватовства. А впрочем, кто его знает? Это такой упорный старый дуралей, что, пожалуй, и тут не отстанет! И оглянуться не успею, как на шее у меня очутится супруга-джиннья, старше меня на несколько столетий… Ах, нет, забыл, ведь сначала надо отшить ревнивого Джарджариса. Что-то такое помню о поединке с превращениями из «Тысячи и одной ночи». Разве взглянуть, чтобы иметь понятие о том, что может меня ожидать!»

После обеда он полез на полки и достал «Арабские сказки» издания Лэна в трех томах, за

перечитывание которых и взялся с возобновившимся интересом. Давно не заглядывал он в эти чудные сказки, неисчислимо древние, но тем не менее даже и теперь более свежие, чем большинство новых популярных романов! Кроме того, ему хотелось думать, что и в историческом отношении они мало уступают многим другим сочинениям, более серьезно претендующим на точное воспроизведение истины.

Он нашел полный отчет о единоборстве с эфритом в «Истории Второго Царственного Нищего», в первом томе, и был неприятно удивлен, когда узнал, что эфрит на самом деле назван там «Джарджарисом, сыном Реджмуса, сына Иблиса», будучи, очевидно, тем именно лицом, о котором Факраш упоминал, как о своем злейшем враге. О нем сообщалось, что он был «образом гнусен» и не только, как видно, похитил дочь Владыки Эбенового Острова в ее брачную ночь, но еще, заставши ее в обществе Царственного Нищего, отомстил ей, отрубив ей руки, ноги и голову и превратив своего смертного соперника в обезьяну.

«С этим молодчиком и стариком Факрашем, — с прискорбием подумал Гораций, дойдя до этого места, — я, кажется не соскучусь!»

Он читал до тех пор, пока не дошел до памят-

ной встречи царской дочери с Джарджарисом, который явился «в самом гнусном образе: с руками, как вилы, ногами, как мачты, глазами, как горящие факелы», — в расчете на устрашение неопытного противника. Эфрит начал с того, что превратился изо льва в скорпиона, после чего царевна стала змеею, тогда он перекинулся в орла, а она — в коршуна; он — в черного кота, она — в волка; он — в лопнувший гранат, а она — в повара; он — в рыбу, а она — в более крупную рыбу.

«Если Факраш сумеет протащить меня через все это, нигде не зацепивши, то я буду приятно разочарован», — думал про себя Вентимор, но, прочитав еще несколько строк, он воспрянул духом. Ибо эфрит стал наконец пламенем, а царевна — костром. «И когда мы взглянули в его сторону, — продолжает повествователь, — то заметили, что от него осталась груда пепла».

— Ну, — сказал себе Гораций, — это, во всяком случае, выводит Джарджариса из строя! Чудно только, что Факраш так и не слыхал об этом.

Но по размышлении он нашел это не так уж странным, так как этот инцидент, вероятно, имел место после заключения джинна в его медную бутыль, куда к нему вряд ли могли дойти какие-либо слухи.

Не отдыхая, он одолел весь второй том и часть третьего, однако, хотя и приобрел некоторые знания относительно восточных нравов и тамошнего образа мыслей и речи, которые могли пригодиться в будущем, но интерес его подлинно воскрес только на 24-й главе третьего тома.

В 24-й главе содержится «История Сейф-эль-Мулука и Бидии-эль-Джемаль», и ему было естественно пожелать узнать все прошлое особы, которая вскоре могла оказаться его невестой. Он усердно стал читать далее.

Выяснилось, что Бидия была прелестная дочь Шаяля, одного из царей правоверных джиннов, ее отец (а не Факраш, как тот облыжно повествовал) предложил ее в жены ни много ни мало как самому царю Сулейману, который, однако, предпочел царицу Савскую. Впоследствии Сейф, сын египетского царя, безнадежно влюбился в Бидию, но она и ее бабушка единогласно заявили, что между родом человеческим и джинном не может быть союзов.

— А ведь Сейф был царский сын! — соображал Гораций. — Мне нечего бояться. Обо мне не может быть и речи. Точь-в-точь, как я говорил Факрашу.

У него стало еще легче на сердце, когда он до-

шел до конца, ибо он узнал, что после многих приключений, о которых здесь не стоит упоминать, преданный Сейф, наконец, успел добыть гордую Бидию себе в жены.

«Даже Факраш не может предложить мне жениться на особе, у которой уже есть муж, — подумал он. — Впрочем, она ведь могла овдоветь!»

К его облегчению, однако, в конце оказалось следующее: «Сейф-эль-Мулук прожил с Бидией-эль-Джемаль весьма счастливо и приятно… пока их не посетила просительница наслаждений и разлучительница близких».

— Если это имеет какой-либо смысл, — рассудил Гораций, — то означает, что Сейф и Бидия — покойники. Видно, и джинны бывают смертными. Или она стала такою вследствие брака со смертным? Полагаю, что и сам Факраш не протянул бы столько времени, если бы не был закупорен, как томат в жестянке. Но я рад, что проведал об этом, потому что Факраш, очевидно, не знает, и если станет настаивать на этой чепухе, то, я, кажется, сумею надуть его!

Так, с воскресшею надеждою и в гораздо лучшем расположении духа он лег в постель и вскоре крепко заснул.

Глава 15
Головокружительные почести

Было довольно поздно на следующее утро, когда Вентимор открыл глаза и увидел джинна, стоявшего в ногах его кровати.

— А, это вы? — спросил он лениво. — Ну, что вчера?

— Я добыл нужные мне сведения, — сдержанно ответил Факраш. — И вот теперь в последний раз прихожу спросить тебя, будешь ли ты настаивать на отказе жениться на лучезарной Бидии-эль-Джемаль? Но да будут слова твои обдуманны!

— Значит, вы не отказываетесь от вашей затеи? — сказал Гораций. — Раз это так занимает вас, я готов на следующую уступку: если вы предъявите эту даму и она согласится выйти за меня, я не уклонюсь от чести. Но есть одно условие, на котором не могу не настаивать.

— Не тебе ставить условия. Но все же на этот раз я выслушаю тебя.

— Я уверен, что вы найдете его справедливым. Предположим, что вы почему-либо не сможете убедить принцессу встретиться со мной в извест-

ный промежуток времени, — скажем, в течение недели.

— Не пройдет и суток, как ты предстанешь перед ней.

— Тем лучше. Итак, если я не увижу ее в продолжение суток, то могу считать договор нарушенным и вправе жениться на ком мне заблагорассудится. Идет?

— Да будет так, — сказал Факраш. — Ибо я убежден, что Бидия примет тебя с радостью.

— Это мы увидим, — сказал Гораций. — Но пожалуй, было бы недурно, если б вы пошли и подготовили ее немножко. Полагаю, вы знаете, как найти ее. И к тому же ведь у вас только двадцать четыре часа.

— Более, чем необходимо, — ответил джинн с такой детской уверенностью, что Горацию стало почти стыдно столь легкой победы.

— Но солнце уже высоко. Вставай, сын мой, облекись в эти ризы… — с этими словами он бросил на кровать роскошную одежду, которая была на Вентиморе в вечер злополучного обеда. — И, когда ты вкусишь пищи, приготовься следовать за мной.

— Но, — сказал Гораций, поднимаясь, — прежде всего я хотел бы знать, куда вы повезете меня.

— Повинуйся мне без колебаний, — сказал Факраш, — ибо последствия неповиновения тебе известны.

Горации подумал, что не стоит ему противоречить, и потому встал, умылся, побрился и, надев ослепительное платье из золотой парчи, богато расшитое драгоценными камнями, вышел в некотором недоумении в гостиную, где ожидал его Факраш, кстати сказать, в подобных же, хотя и менее великолепных одеждах.

— Спешите насытиться, — приказал джинн, — ибо время летит.

Быстро покончив с холодным яйцом и чашкой кофе, Гораций случайно подошел к окну.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Что это все означает?

И было чему дивиться! На противоположной стороне улицы, вдоль решетки сквера, собралась большая толпа, в нетерпеливом ожидании глядевших на его дом. Она громко приветствовала его появление, что заставило его отступить в замешательстве, но все же он успел заметить большую золотую колесницу с шестью великолепными черными конями и свиту из темнокожих невольников в восточных ливреях, ждавшую у его подъезда.

— Чей это выезд? — спросил он.

— Он принадлежит тебе, — сказал джинн. — Итак, спустись и проследуй в нем по городу.

— Я не согласен, — сказал Гораций. — Даже, чтоб доставить вам удовольствие, я положительно не могу показаться на улицах в экипаже, напоминающем фуру бродячего цирка.

— Это необходимо, — объявил Факраш. — Или опять я должен напомнить тебе о последствиях непослушания?..

— О, чудесно! — сказал Гораций с раздражением. — Если вы настаиваете на том, чтобы я разыграл дурака, должно быть, с этим ничего не поделаешь. Но куда мне ехать и зачем?

— Это, — сказал Факраш, — откроется тебе в должный час.

Итак, среди криков зрителей, Вентимор взобрался на странного вида колесницу, а джинн уселся рядом с ним. Взгляд Горация успел скользнуть по носам г-на и г-жи Рапкин, удивленно приплюснутым к оконному стеклу подвального этажа, после чего два смуглых раба вскочили на запятки колесницы и лошади величаво тронулись по направлению к Рочестер-роу.

— Я полагаю, вы объясните мне, что все это означает, — сказал он. — Вы не можете себе пред-

ставить, каким ослом я чувствую себя, торча здесь на выставке!

— Отстрани от себя застенчивость, ибо все это предназначено для того, чтобы сделать тебя более достойным в глазах принцессы Бидии, — сказал джинн.

Гораций замолчал, не переставая надеяться, что это должно же кончиться. Но когда они повернули на улицу Виктории и направились как будто прямо к аббатству, ужасная мысль пришла ему в голову! В конце концов, его сведения о замужестве и смерти Бидии основывались исключительно на «Арабских сказках», что не могло считаться неоспоримым доказательством. А если она жива и ждет прибытия жениха? Никому кроме Факраша не могла прийти в голову мысль обвенчать его с джинньей в Вестминстерском аббатстве. Но джинн был способен на всякое сумасбродство, и, по-видимому, не было пределов его могуществу.

— Факраш, — проговорил он хрипло, — право, не нынче может быть день… день моей свадьбы? Не будете же вы венчать нас там?

— О нет, — сказал джинн, — не будь нетерпелив. Это здание отнюдь не пригодно для празднования свадьбы, подобной твоей.

В то время, как он говорил, колесница повернула к набережной, и Гораций почувствовал такое облегчение, что настроение его сразу поднялось. Было бессмыслицей предполагать, чтобы даже Факраш мог подготовить свадебную церемонию в такой короткий срок. Он просто захотел прокатить его. И, к счастью, даже лучшие друзья не могли бы узнать его в этом восточном наряде.

А утро было такое прекрасное, слегка морозное, с бирюзовым небом и золотистыми облаками, широкая река сверкала на солнце, тротуары были усеяны восхищенной толпой и карета проезжала среди неистового восторга, подобно триумфальной колеснице.

— Как они приветствуют нас! — сказал Гораций. — Они не могли бы поднять большого шума для самого лорда-мэра.

— О каком лорде-мэре говоришь ты? — осведомился джинн.

— Лорд-мэр? — сказал Гораций. — О! Он единственный в своем роде. Нет никого на свете точно такого же, как он. Он следит за исполнением закона. И если в какой-нибудь части земли случится бедствие, он облегчает его. Он задает пиры монархам, принцам и всякого рода властелинам и, в общем, он страшно важный господин.

— Подвластны ли ему земля и воздух?

— В пределах его компетенции, я полагаю, что подвластны, — ответил Гораций несколько неопределенно. — Но, право, я не знаю точно, насколько неограниченна его власть. — Он тщетно пытался припомнить, состоят ли сигнальные огни, телефоны и телеграфы в ведении лорда-мэра или Городского совета. Факраш молчал. Когда они проезжали под мостом станции Черинг-Кросс, Факраш сильно вздрогнул от грома проносившихся над ними поездов и от пронзительных свистков локомотивов.

— Скажи мне, — вцепился он в руку Горация, — что это означает?

— Неужели вы хотите, чтобы я поверил, что вы пробыли в Лондоне столько дней и ни разу не заметили ничего подобного?

— До сего времени, — ответил джинн, — у меня не было досуга, чтоб наблюдать эти предметы и постигнуть их сущность.

— Так вот, — сказал Гораций, воспылав желанием доказать джинну, что не в его руках монополия чудесного, — со времени великого Сулеймана мы покорили и приручили могучие силы природы и научились заставлять их исполнять нашу волю. Мы управляем Духами

Земли, Воздуха, Огня и Воды и заставляем их давать нам свет и тепло, передавать нам вести, побеждать за нас наших врагов, переносить нас, куда мы пожелаем, с такой точностью и определенностью, перед которыми, почтеннейший, даже ваши выдумки бледнеют. Принимая во внимание, насколько большинство культурных людей бессильно построить даже элементарную машину, довольно странно, как любезно мы приписываем себе все новейшие изобретения нашего века. Большинство из нас принимает удивление простодушного дикаря при его первом знакомстве с современными изобретениями за должную дань нашим личным заслугам. Мы чувствуем известное превосходство, даже если великодушно воздерживаемся от хвастовства. А на самом деле наше личное участие в этих открытиях ограничивается пользованием ими, и то под руководством специалистов, что каждый дикарь, преодолев свой первый ужас, мог бы делать с таким же успехом.

Это довольно невинное тщеславие было особенно простительно в положении Вентимора, когда ему так захотелось умерить заносчивость джинна.

— Но распоряжается ли лорд-мэр этими сила-

ми по своей воле? — осведомился Факраш, на которого объяснение Вентимора, по-видимому, произвело некоторое впечатление.

— Конечно, — сказал Гораций, — в случае надобности.

Джинн, по-видимому, погрузился в собственные мысли, ибо на время умолк. Они подъехали к собору Св. Павла, и подозрения Горация вспыхнули с удвоенной силой.

— Г-н Факраш, умоляю вас, скажите, сегодня ли день моей свадьбы или нет! Если сегодня, то пора мне это объявить.

— Нет еще, — загадочно ответил джинн. И в самом деле, тревога опять оказалась напрасной: они повернули на Пушечную и направились к ратуше.

— Может быть, вы скажете мне, почему мы едем по улице Виктории и почему вся это толпа высыпала наружу?

А толпа действительно становилась все гуще и гуще; люди волновались, двигались тесными рядами за линией городской полиции и глядели с удивлением и благоговением, которые на этот раз даже победили привычное зубоскальство лондонской черни.

— Они здесь, чтоб приветствовать тебя, — от-

ветил Факраш.

— Какой вздор! — ответил Гораций. — Они, должно быть, принимают меня за шаха или еще кого-либо.

— О нет, — сказал джинн, — твое имя им хорошо известно.

Гораций взглянул на наскоро сооруженные украшения; на одной из широких полос, продернутых поперек улицы, он прочитал: «Да здравствует знатнейший из городских гостей».

«Не ко мне же это относится», — подумал он. Но тут же увидел другую надпись: «Браво, Вентимор!», а какой-то восторженный домовладелец даже излился в стихах:

Толпа шумит приветом, горит восторгом взор:

О, если б было двадцать таких, как Вентимор!

— Это несомненно относится ко мне! — воскликнул он. — А теперь, г-н Факраш, будьте столь любезны разъяснить, что это за дурачество вы затеяли. Ведь знаю же я, что это — ваша стряпня!

Ему показалось, что джинн был в некотором замешательстве.

— Не говорил ли ты, что лишь получивший

здесь почетное гражданство будет достоин Бидии-эль-Джемаль?

— Может быть, я и говорил нечто подобное, но, боже милостивый, неужели вы сумели добиться для меня этой чести?

— Ничего не было легче, — ответил джинн, избегая взгляда Горация.

— Так-таки и было легко? — спросил Гораций в диком бешенстве. — Я не хочу быть назойливым, но очень желал бы узнать, чем я заслужил все это?

— Зачем тревожиться о причинах? Да веселят твое сердце почести, которыми тебя осыпают.

В это время они проехали Чипсайд и въезжали на Королевскую улицу.

— Это ни на что не похоже! — говорил Гораций. — Это даже нечестно. Или я действительно что-нибудь сделал, или вы обманом внушили корпорации, будто я что-нибудь сделал. Иначе быть не могло. И так как мы будем в ратуше через несколько секунд, то вам не мешало бы сказать мне, в чем дело.

— О том, что ты спрашиваешь, — ответил джинн смущенно, — клянусь, я в таком же неведении, как и ты.

Они въехали через временные деревянные

ворота во двор, где почетный караул отдал им честь, и подъехали к большому шатру, украшенному щитами и группами знамен.

— Ну-с, г-н Факраш, — сказал Гораций, едва владея собой, — вы превзошли себя на этот раз. Вы впутали меня в грязную историю и обязаны помочь мне теперь.

— Не тревожь свою душу, — ответил джинн, сопровождая своего подопечного в палатку, которая блистала очаровательными женщинами в нарядных туалетах, офицерами в красных мундирах с султанами на касках и лакеями в парадных ливреях.

Их появление было встречено вежливо-заглушенным гулом аплодисментов и восторга, и какой-то чиновник, который отрекомендовался старшиной корпорации литейщиков, выступил вперед:

— Лорд-мэр примет вас в библиотеке, — сказал он, — если вы будете так любезны последовать за мной.

Гораций машинально повиновался.

«Теперь поздно отступать, — подумал он. — Пусть будет, что будет. Если бы только я мог рассчитывать, что Факраш поддержит меня. Но, черт его дери, он, кажется, трусит больше меня».

Когда они вошли в величественную думскую библиотеку, заиграл прекрасный струнный оркестр, и Гораций в сопровождении джинна пробрался сквозь толпу знатных гостей к эстраде, на ступеньках которой в своей мантии, обшитой золотыми галунами, и в шляпе с черным пером стоял лорд-мэр, имея своих меченосца и булавоносца по правую и по левую руку, а за ним виднелся ряд блестящих шерифов. Величественную и внушительную фигуру представлял собой глава города, избранный на этот год. Рослый, благородной наружности, с высоким лбом, орлиным носом и проницательными черными глазами под навесом белых бровей, с добрым румянцем на морщинистых щеках и волнистой серебряной бородой, еще чуть тронутой золотом под нижней губой, он казался достойным представителем величайшего и богатейшего города в мире.

Гораций подошел к эстраде с неприятным ощущением дрожи в коленях и в абсолютном неведении того, что от него требуется. В своем замешательстве он обернулся за поддержкой и руководством к своему самозваному ментору, но — увы! — джинн, своим невежеством поставивший его в это ложное положение, таинственно и вероломно исчез, предоставив ему выпутываться

собственными силами.

Глава 16
Убийственное положение

К счастью для Вентимора, внезапный ужас, охвативший его, когда он убедился, что непостижимый джинн покинул его в самом начале церемонии, остался незамеченным, так как старшина цеха литейщиков пришел к нему на помощь. Он представил его лорд-мэру, который с учтивостью, полной достоинства, сошел на нижнюю ступеньку эстрады, к нему навстречу.

— Г-н Вентимор, — приветливо сказал главный сановник города, пожимая руку Горация, — позвольте мне выразить вам, что я считаю это большой, если не величайшей честью, выпавшей мне на долю, хотя за время моей службы я имел счастье принять более чем обычное число знатных посетителей.

— Милорд, — сказал Гораций вполне искренне, — выслушайте меня, я… я всей душой желал бы чувствовать за собой заслуги, оправдывающие этот… этот блестящий комплимент.

— О, — ответил лорд-мэр отечески шутливым тоном. — Скромность, мой уважаемый, я пони-

маю! Как все истинно великие люди! Прекрасная черта! Позвольте представить вас шерифам.

Шерифы были в восторге. Гораций пожал им обоим руки и чуть было не сунул руку и булавоносцу с меченосцем; только у тех руки были заняты.

— Настоящая церемония, — сказал лорд-мэр, — будет иметь место в большом зале, что вам, без сомнения, известно.

— Я… мне это дали понять, — пробормотал Гораций с замиранием сердца. Он было надеялся, что худшее уже миновало.

— Но прежде чем мы последуем туда, — сказал хозяин, — вы позволите предложить вам легкую закуску, так, кое-что.

Гораций не был голоден. Но он думал, что, может быть, бокал шампанского поможет ему выдержать церемонию с большим достоинством. И потому он принял приглашение и позволил подвести себя к импровизированному буфету в конце библиотеки, где он подкрепился к предстоящему испытанию бутербродом с икрой и бокалом лучшего шампанского из думских погребов.

— Все собираются уничтожить гильдии, — сказал лорд-мэр, взяв себе тартинку с анчоусом, — но

я стою на том, г-н Вентимор, я стою на том, что наши древние обычаи, наши почтенные традиции являются связью с прошлым, и эту связь мудрый государственный муж всегда постарается сохранить неприкосновенною.

Гораций согласился, с горечью вспоминая о своей связи с гораздо более отдаленным прошлым, к которому он так неосторожно прикоснулся.

— Кстати, о древних обычаях, — продолжал лорд-мэр с оттенком гордости и как бы извинения, — вы скоро увидите образец наших устаревших обрядов, которые, пожалуй, покажутся вам странными.

Гораций, чувствуя себя совершенным идиотом, пробормотал, что он в этом не сомневается.

— Прежде нежели принять вас в число почетных граждан, старшина и пять чинов из корпорации литейщиков выступят свидетелями в вашу пользу и присягнут, что вы «человек с незапятнанным именем и репутацией» и что (вам будет смешно это слышать), что вы домогаетесь почетного гражданства не с целью обобрать королеву или город. Ха-ха! Удивительный способ выражения, не правда ли?

— Очень странный, — согласился Гораций с виноватым видом и несколько озабоченный

умственным состоянием сановника.

— Простая формальность! — сказал лорд-мэр. — Но я первый пожалел бы об исчезновении этих старинных живописных обычаев. По-моему, — прибавил он, кончая ломтик страсбургского пирога, — современное стремление уничтожить всю эту старину (обветшалую или нет) является одним из тревожнейших симптомов нашего века. Вам не угодно еще шампанского? В таком случае, не лучше ли нам будет отправиться в Большую залу, где произойдет событие дня.

— Я боюсь, — начал Гораций, внезапно вспоминая несоответственность своего восточного одеяния, — я боюсь, что надел не вполне подходящее платье для такой церемонии. Если бы я знал…

— Ни слова больше. Ваш костюм великолепен, ну право же, великолепен и… и очень кстати в данном случае, уверяю вас. Но я вижу, гофмаршал ждет, чтобы мы открыли шествие. Угодно вам тронуться в путь?

Оркестр грянул марш жрецов из «Гофолии», и Гораций с затуманенной головой двинулся вперед. За ними последовали члены Земельного комитета города, шерифы и прочие сановники. Через картинную галерею они прошли в Боль-

шую залу, где о приближении их возвещено было звуками труб. Зала была набита битком народом, и Гораций стал предметом всеобщего внимания, что наполнило его душу восторгом и гордостью, если бы он мог почувствовать, что действительно сделал что-нибудь полезное, но нелепо же было воображать себя благодетелем рода человеческого, освободив заключенного джинна и возвратив его обществу и жизни.

Его единственным утешением было сознание, что англичанам не свойственны излияния чувств без очень основательных причин и что, без сомнения, еще до окончания торжества ему удастся сообразить, какие особые его заслуги вызвали весь этот стремительный порыв энтузиазма.

А пока он стоял на эстраде, задрапированной пурпуром и разукрашенной цветами, беспрерывно кланялся и старался верить, что не кажется таким же безнадежным дураком, каким чувствует себя сам. Солнечные лучи, падая вниз, между готическими балками, пестрили темные каменные стены золотыми узорами; электрический свет в больших круглых люстрах казался бледным и слабым по сравнению со сверканием цветных стекол; воздух был наполнен ароматом цветов и духов. В толпе послышался шорох

ожидания, а потом наступила пауза. И тогда Горацию показалось, что всем на эстраде было так же неловко, как и ему, и что, как и он, никто не знает, что делать дальше.

Он желал всей душою, чтобы они как-нибудь наскоро покончили с церемонией и отпустили его.

Наконец процедура началась с того, что присутствующие сделали вид, будто собрались здесь для обычных повседневных дел, что в ту минуту показалось Горацию в высшей степени ребячливым. Было решено, что первые четыре пункта программы дня не требуют обсуждения, и это сразу привело к пункту пятому.

Пункт 5-й состоял в резолюции, прочитанной секретарем города, о предоставлении прав почетного гражданства Горацию Вентимору, эсквайру, гражданину и литейщику (последнее было новостью для Горация, но он смутно решил, что, должно быть, это как-нибудь устроили, пока он закусывал в библиотеке) за оказанные им услуги, продолжал секретарь, и Гораций стал внимательно прислушиваться, — особенно по отношению к… Увы! На этом месте с чиновником случился приступ кашля и можно было уловить только конец фразы:

— За что соотечественники справедливо выражают ему свои чувства благодарности и восхищения.

Потом шесть свидетелей выступили вперед и поручились за Вентимора. У него мелькнуло мучительное сомнение в том, ясно ли они сознают принимаемую на себя ответственность, но было поздно предупреждать их, и ему оставалось только надеяться, что они более знают об этом деле, чем он.

После этого городской казначей принялся читать ему адрес, и Гораций слушал с покорным недоумением. Казначей упомянул о единодушии и об энтузиазме, с которыми была принята резолюция, и сказал, что для него это приятная и почетная обязанность, как представителя древнего города, обратиться с «несколькими словами» (выражение, по-видимому, мало соответствовавшее истине) к виновнику торжества, внесение имени которого в список почетных граждан города Лондона является честью скорее для них, чем для него.

Это было лестно, но Горацию такие любезности показались преувеличенными почти до неприличия, хотя, конечно, это зависело от величины его заслуг, о которых ему еще предстояло узнать.

Оратор приступил к чтению «Почетного перечня славных лондонских граждан» и Гораций содрогнулся от священного ужаса.

Боже, что там были за имена! Какие геройские поступки! Как могло случиться, что он — самый обыкновенный Гораций Вентимор, перебивающийся архитектор, прозевавший свой единственный шанс, мог совершить (к тому же совершенно бессознательно) что-либо, не являющееся комично-незначительным в сравнении с теми великими деяниями?!

У него появилась болезненная фантазия, будто мраморные богини или те неведомые фигуры напротив него, которыми украшено подножие памятника Нельсону, глядят на него с леденящим презрением и негодованием, будто статуя Веллингтона признала в нем отъявленного обманщика и отвернула голову с холодной надменностью и будто изображение лорд-мэра Бэкфорда справа от эстрады вот-вот оживет и разоблачит ложь.

— Приступаю теперь к перечислению ваших собственных выдающихся заслуг, — услышал он вдруг. — Вы, должно быть, знаете, милостивый государь, что обычно упоминается только самая главная из них, которую сочли достойной всена-

родной признательности.

Гораций почувствовал облегчение и подумал, что это — самая разумная и, в данном случае, самая необходимая формальность.

— Но при данных обстоятельствах, — продолжал оратор, — я чувствую — и это чувство, несомненно, разделяется всеми присутствующими, — что было бы излишне, почти дерзко утомлять слух собрания сухим перечнем деяний, с которыми оно и так более чем знакомо. — Здесь его прервали оглушительными и длительными аплодисментами, после чего он продолжал: — И потому мне остается только пожать от имени Корпораций вашу руку как почетному гражданину города Лондона.

Говоря это, он протянул Горацию копию присяги на верноподданство, которую тот должен был прочитать вслух. Вентимор не имел ничего против того, чтобы присягнуть на верность и преданность «Великой Государыне нашей, Королеве Виктории», или на повиновение лорд-мэру и поклясться в готовности открывать ему всякие заговоры против королевы, если он узнает о таковых. И потому он довольно бодро принес присягу, в надежде, что теперь, уж наверно, церемония пришла к концу.

Однако, к его великому горю и ужасу, лорд-мэр встал с явным намерением произнести речь. Он сказал, что решение города почтить Горация Вентимора величайшей честью было принято — здесь он замялся, — было принято несколько поспешно. Лично он предпочел бы иметь больше времени для подготовки праздника, более соответствующего и достойного такого исключительного случая. Он уверен, что его чувство разделяют все (так, очевидно, и было, судя по громким, единодушным аплодисментам), однако, по причинам… по причинам, всем известным, срок подготовки был слишком недостаточен. Корпорация уступила (для нее всегда было и будет удовольствием и гордостью уступать) непреодолимому желанию народа и сделала все, что было возможно, в такой ограниченный, можно сказать, беспримерно ограниченный срок. Он осмеливается утверждать, что самый прекрасный лист в сегодняшнем лавровом венке г-на Вентимора — это необыкновенный энтузиазм и единодушие не только здесь, в этом величественном зале, но и на улицах обширной столицы. В данном случае это является достойной данью любви и восторга, которые г-н Вентимор сумел внушить всему великому народу, богатым и

бедным, знатным и простым. Он не задержит больше своих слушателей. Ему остается только попросить г-на Вентимора принять золотой ларец со списком почетных граждан, и он уверен, что их знаменитый гость, перед тем как вписать свое имя в список, почтит их изложением событий, в которых он играл такую замечательную и выдающуюся роль.

Гораций машинально взял ларец. Раздался единодушный крик: «Речь!», в ответ на который Гораций беспомощно и умоляюще покачал головой, но напрасно. Он очутился у перил эстрады, и гром аплодисментов избавил его почти на две минуты от необходимости всякой попытки заговорить.

Он воспользовался этим промежутком, чтобы привести в порядок свои мысли и подумать о том, что ему лучше всего сказать или сделать в данном затруднительном положении. Уже некоторое время в его мозгу зародилась мысль, которая теперь почти перешла в решение. Он чувствовал, что прежде чем скомпрометировать себя или позволить так любезно принявшим его властям погубить безвозвратно их репутацию, должен выяснить свое положение, и хотя бы только для этого ему необходимо произнести

какую-нибудь речь. Решившись, он почувствовал себя свободным от нервозности, замешательства и неловкости. Убежденный, что лучшим исходом будет полная откровенность, он обратился к собранию спокойно и неустрашимо.

— Милостивые государи и милостивые государыни, — начал он звонким голосом, который достиг до самой отдаленной галереи и сразу привлек внимание. — Если вы ожидаете от меня рассказа о том, что я совершил, чтобы удостоиться подобного приема, то боюсь, что вы будете разочарованы. Ибо лично я убежден, что абсолютно ничего не сделал.

Послышался общий крик: «Нет, нет!» — и возбужденный ропот протеста.

— Очень приятно слышать ваши приветствия, и я премного благодарен вам за все это. Но все-таки должен повторить, что не знаю за собой ни одной заслуги перед страной или нашим великим городом, которая достойна была бы хоть какой-нибудь признательности с вашей стороны. Я хотел бы сознавать обратное… но сущая правда заключается в том, что если я и сделал что-либо, то факт этот окончательно и безнадежно ускользнул из моей памяти.

Опять послышался ропот уже с некоторым от-

тенком раздражения, и он услышал, как лорд-мэр позади него заметил городскому казначею, что речь эта совсем не подходит к случаю.

— Я знаю, что вы думаете, — продолжал Гораций. — Вы думаете, что это ложная скромность с моей стороны. Но ничего подобного! Я не знаю, что я сделал, но ласкаю себя надеждой, что вы все лучше осведомлены. Потому что Городская дума не вручила бы мне этой прекрасной шкатулки… Вы не собрались бы сюда все, если бы вы не были твердо уверены, что я чем-нибудь заслужил это. — Новый взрыв аплодисментов. — Вот именно! — начал Гораций спокойно. — Теперь не будет ли кто из вас так любезен сказать мне в нескольких словах, в чем моя предполагаемая заслуга.

Его слова были встречены гробовым молчанием и каждый с бледной улыбкой смотрел на своего соседа.

— Ваша милость, — сказал Гораций лорд-мэру, — обращаюсь к вам с просьбой: объясните мне и этому достойному обществу, чего ради мы собрались сюда!

Лорд-мэр встал.

— Считаю достаточным сказать, — заявил он с достоинством. — что представители города

и я единодушно решили даровать вам это звание по причинам, которые излишне и гм… гм… неуместно разбирать здесь.

— Мне очень жаль, — продолжал Гораций, — но я должен настаивать, и не без цели… Может быть, городской казначей мне ответит?.. Нет? В таком случае, секретарь города?.. Тоже нет? Я так н думал. Никто из вас не может дать мне объяснений, а знаете ли, почему? Потому что объяснять нечего. Прошу вас, потерпите еще секунду. Я знаю, что вы чувствуете себя неловко, но поймите, что я чувствую себя бесконечно хуже. Никак не могу принять почетного гражданства, если есть хоть малейшее сомнение в действительности моих заслуг. Это было бы плохой благодарностью за ваше гостеприимство и к тому же низко и непатриотично, если б я позволил вам почтить недостойного столь высоким отличием, которое от этого утратило бы цену. Если после всего, что я вам скажу, вы все еще будете настаивать на том, чтоб я принял эту честь, я, конечно, не буду столь невежливым, чтоб отказываться. Но в самом деле я не чувствую за собою права вписать мое имя в ваш славный список безо всяких объяснений. Если я это допущу, то этим невольно подпишу, пожалуй, смертный приговор самому установ-

лению.

Все затаили дыхание, молчание стало до того напряженным, что можно было бы услышать падение булавки. Гораций прислонился к перилам боком так, чтобы видеть лицо лорд-мэра, а также часть своей аудитории.

— Прежде чем продолжать, — сказал он, — я предложил бы, с вашего позволения, немедленно удалить всех репортеров.

За репортерским столом тотчас послышался злобный ропот неудовольствия, к которому присоединились и многие из гостей.

— Мы, по крайней мере, — произнес красный от досады лорд-мэр, вставая, — не имеем оснований бояться огласки. Я отклоняю предложение и отказываюсь делать подобные распоряжения.

— Прекрасно, — согласился Гораций, когда замолк хор одобрений. — Мое предложение имело в виду настолько же интересы городского управления, насколько и мои собственные. Я только полагал, что когда вы ясно поймете, как грубо вы были обмануты, то вам будет приятнее по возможности избежать обнародования подробностей в газетах. Но если вам особенно хочется, чтобы вас расславили по всему свету, тогда, конечно…

Толпа зашумела, и лорд-мэр воспользовался этим, чтобы велеть закрыть двери до дальнейших распоряжений.

— Не осложняйте же того, что и так неприятно и затруднительно, — сказал Гораций, как только шум прекратился. — Неужели вы думаете, что я явился бы сюда в этом дурацком платье, злоупотребляя гостеприимством города, если бы мог этого избежать! И если вы были завлечены сюда обманом, то обманут был и я. Если вас поставили в несколько глупое положение, то что оно в сравнении с моим? Дело в том, что я жертва сверхъестественной силы, которую абсолютно не в силах побороть…

Опять толпа заволновалась и прервала его на некоторое время.

— Я прошу только справедливости и терпения! — попросил он. — Не откажите мне и этом, и я берусь вернуть вам хорошее настроение, прежде чем кончу.

Они вняли его мольбе и дали ему возможность продолжать.

— Дело вот в чем: некоторое время назад я случайно попал на аукцион и купил большой медный сосуд…

По необъяснимой причине его последние сло-

ва вызвали просто бешенство: никто не желал слышать о медном сосуде! И всякий раз, когда он пытался возвратиться к своей теме, его заставляли умолкнуть: выли, свистали, стонали, грозили кулаками, гам был положительно невыносим.

Не одни мужчины принимали участие в демонстрации; одна дама, очень известная в высшем обществе, но чье имя мы сохраним в тайне, до того увлеклась негодованием, что кинула в дерзкую голову Горация тяжелый граненый флакон с нюхательной солью. К счастью для него, флакон пролетел мимо и попал в кого-то из властей. Горацию было не до наблюдений, но все же ему показалось, что он попал городскому архивариусу чуть ли не в жилетный карман.

— Будете ли вы меня слушать? — крикнул Вентимор. — Я не шучу! Я еще не сказал вам, что оказалось в сосуде. Когда я открыл его, оттуда…

Он не мог продолжать. Как только эти слова слетели с его губ, он почувствовал, что кто-то схватил его за шиворот и приподнял над землей.

Его потащили вверх, мимо больших люстр, между резными и золочеными балками при всеобщем вопле недоумения и ужаса. Внизу он видел бледные лица, обращенные кверху, и слышал вскрикиванья и хохот нескольких высокопостав-

ленных дам в жестокой истерике. В следующую за тем минуту он очутился в стеклянном фонаре, решетчатые оконца которого подались, как пропускная бумага, когда он продвинулся сквозь них и оказался на крыше, где встревоженные голуби шумно вспорхнули и тотчас улетели прочь.

Конечно, он знал, что это сенсационное похищение — дело рук джинна, и чувствовал скорее облегчение, чем беспокойство от этого упомянутого метода, примененного Факрашем, ибо на этот раз последний, по-видимому, нашел лучший выход из положения, которое с каждой минутой становилось нестерпимее.

Глава 17
Объяснение на вышке

Очутившись на воздухе, джинн «завертелся турманом» как подстреленный фазан, а Гораций закрыл глаза со смешанным ощущением качки на качелях и от переезда по Ла-Маншу, причем ему казалось, будто они летят уже целые часы, хотя в действительности не могло пройти больше нескольких секунд. Его беспокойство усиливалось невозможностью отгадать, куда его тащат, потому что он инстинктивно чувствовал, что направляются они не домой.

Наконец его поставили на что-то твердое, и он решился открыть глаза. Когда он понял, где находится, у него подкосились ноги, закружилась голова и он чуть не потерял равновесие. Он помещался на узком краю карниза на самой вышке собора Св. Павла.

На много футов ниже виднелась тусклая свинцовая поверхность купола, по выпуклости которого спаянные ребра листов тянулись как гигантские змеи, из-за купола мелькала зеленая крыша нижней части собора и две его западные

башни со своими серыми колоннами, урнами на верхушках и золочеными шишками, которые краснели на солнце.

Еще ниже Лудгетский холм и Флотская улица производили впечатление глубокого извилистого оврага, частями погруженного в тень, длинная цепь труб и крыш резко выделялась среди клубов серого дыма, широкая река жемчужного цвета подергивалась маслянистою рябью и отливала золотом под прикосновением солнца, ярко блестел грязный откос под верфями и амбарами на Суррейской стороне, баржи и пароходы стояли черными роями, а маленький буксирик шумно плыл по реке, оставляя за собой расползающийся след.

Он осторожно повернулся к востоку, где палевые, темно-серые, синие, тускло-красные и коричневые дома образовали затейливую мозаику, над которой стройные розоватые шпили и башни вырисовывались из туманной дымки, испещренной бесчисленными столбами черного, серого и янтарного дыма, а также легкими султанами и струйками серебристого пара, причем все это мало-помалу сливалось с нежно-золотистым и прозрачно-лазоревым небом.

Вид был великолепный и ничуть не терял от

того, что более отдаленные его планы вырисовывались смутно, почему громадный город представлялся не только таинственным, но даже и беспредельным. Однако хотя все это отчетливо доходило до сознания Вентимора, но в тот миг он мало был способен к наслаждению этим величественным зрелищем. Его слишком занимал вопрос, зачем понадобилось Факрашу затащить его на такое небезопасное место и как ему спастись теперь, когда джинн, очевидно, исчез.

Однако тот оказался поблизости, так как Гораций увидел его выступающим по карнизу с видом человека, который чувствует себя вполне дома.

— А, вот вы где! — воскликнул Вентимор. — А я подумал, что вы опять покинули меня. Для чего вы меня сюда вознесли?

— Мне нужно было побеседовать с тобой с глазу на глаз, — ответил джинн.

— Нам, конечно, здесь не помешает никто. Но не кажется ли вам, что место несколько открытое, как-то бросается в глаза. Если нас здесь заметят, то это, несомненно, вызовет настоящую сенсацию.

— Я положил заклятье на всех, кто внизу, и никто не подымет головы. Поэтому сядь и выслушай мои слова.

Гораций осторожно принял сидячее положение так, что ноги его повисли в пространстве, и Факраш уселся рядом с ним.

— О болтливейший из смертных! — начал он огорченным тоном. — Ты был близок к совершению величайшей ошибки и причинению зла себе и мне!

— Ну, это мне нравится! Ведь сами же вы впутали меня в этот скандал с почетным гражданством, а потом улизнули, предоставив мне выпутываться, как придется; вернулись же вы именно тогда, когда я собирался все объяснить, и потащили меня сквозь крышу, точно мешок с мукой. Полагаете ли вы, что это… это тактично с вашей стороны?

— Ты выпил вина и дал ему проникнуть туда, где хранятся тайны.

— Один только стакан, и он мне был нужен, уверяю вас. А потом меня заставили говорить речь, между тем, благодаря вам, я был в таком безвыходном положении, что мне оставалось одно: сказать правду.

— Правдивость, — ответил джинн, — как ты со временем узнаешь, не всегда бывает кораблем спасения. Ты едва не выдал благодетеля, приведшего тебя к такой славе и почестям, от которых с

зависти зарычали бы львы.

— Если бы какой-нибудь лев с малейшим чутьем комичного мог наблюдать происходящее, — ответил Вентимор, — то он лопнул бы со смеху, а никак не от зависти. Великий боже! — воскликнул он с негодованием. — Факраш! Я никогда в жизни еще не чувствовал себя таким совершеннейшим ослом! И если ничто другое не могло удовлетворить вас, по крайней мере, вы могли бы выдумать приличный предлог! Но нет! Вы пропустили самое главное… И все это зачем?..

— Неважно, почему весь народ вышел приветствовать тебя и воздал тебе честь, важно то, что это совершилось, — сказал Факраш угрюмо. — Ибо вести о твоей славе дошли бы до Бидии-эль-Джемаль.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, — ответил Гораций. — Если бы вы так дьявольски не торопились и навели некоторые справки, то увидали бы, что напрасно хлопочете.

— Что означают твои слова?

— Вы узнали бы тогда, что принцесса избегла соблазна выходить замуж за незнатного, так как уже вступила в брак тридцать столетий тому назад. Она вышла за смертного, за некоего Сейфа-эль-Мулука, царского сына, и оба они давно уже

умерли — вот и другое препятствие к осуществлению ваших планов.

— Это ложь! — объявил Факраш.

— Если вы доставите меня домой, на Викентьеву площадь, я буду счастлив представить вам доказательства в хронике вашего народа, — сказал Гораций, — и вам, должно быть, приятно услышать, что ваш старинный враг г-н Джарджарис погиб насильственной смертью после очень рыцарственного поединка с царской дочерью, которая несмотря на свои глубокие познания в черной магии, к несчастью, сама кончила жизнь, бедняжка, в последней схватке.

— Я тебя предназначал для его уничтожения! — сказал Факраш.

— Я знаю. Это было весьма предупредительно с вашей стороны. Но сомневаюсь, сумел ли бы я выполнить задачу с таким успехом. И потом, это, наверное, стоило бы мне по крайней мере одного глаза. Нет, уж лучше так, как оно есть.

— Как давно обладаешь ты этими сведениями?

— Только со вчерашнего дня.

— Со вчерашнего дня? И ты до сего часа не раскрыл передо мной свитка своих знаний?

— У меня было столько хлопот все утро, вы понимаете, — объяснил Гораций. — Я не успел.

— О, я — негодный бородатый дурень! — воскликнул джинн. — Я осмелился привести этого незаконнорожденного песьего сына перед августейшее лицо самого великого лорд-мэра, над коим да будет мир!

— Я протестую против того, чтобы меня называли незаконнорожденным песьим сыном, — ответил Гораций, — но в остальном я с вами совершенно согласен. Боюсь, что лорд-мэр сейчас очень далек от мира. — Он указал на крутую крышу ратуши с ее слуховыми окнами, резными башенками и легким бельведером, сквозь которую он так недавно учинил постыдное бегство. — Там, внизу, господин Факраш, идет сейчас дьявольская кутерьма, можете быть уверены! Теперь там сидят при закрытых дверях вплоть до принятия какого-нибудь решения, что потребует немало времени. И все по вашей милости!

— Это твоя работа! Как дерзнул ты… открыть лорд-мэру, что он был обманут?

— А что? Я думал, что ему это надо знать. Ведь я был обязан, особенно после присяги, предупреждать его обо всяких кознях. Наконец у меня не было исхода. Все это он поймет и во всяком случае обвинит не меня.

— Счастье, что я унес тебя, прежде чем уста твои

успели произнести мое имя! — заметил джинн.

— Все равно вы уже выдали себя. Все видели вас, это несомненно. Вы не так уж быстро летели. Они узнают вас. Раз вы из-под носа у лорд-мэра выхватываете человека и, взвившись с ним, точно ракета, прошибаете крышу, то не можете рассчитывать, что вас никто не заметит. К тому же ведь вы единственный в городе джинн, гуляющий на свободе.

Факраш заерзал на карнизе.

— Я ничем не высказал непочтения к лорд-мэру, — сказал он, — и посему у него нет справедливой причины, чтобы на меня прогневаться.

Гораций заметил, что джинну не совсем по себе, и воспользовался своим преимуществом:

— Мой драгоценный старый друг! Вы, по-видимому, еще не вполне сознаете, какой ужасный поступок вы совершили. Ради каких-то своих ошибочных целей вы поставили в безнадежно дурацкое положение правителя величайшего в мире города и состоящий при нем совет. Они никогда этого не забудут. Взгляните-ка вот на народ, ожидающий внизу! Взгляните на флаги! Вспомните о вашем великолепном выезде, что стоит у ратуши. Подумайте обо всех, собравшихся в этом здании; самые аристократические, знатные

и выдающиеся люди со всей страны съехались сюда, — продолжал Гораций, не стесняясь преувеличения, — и для чего же? Чтобы их одурачил какой-то джинн из медной бутыли!

— Ради собственного блага, они умолчат о происшедшем, — сказал Факраш с проблеском необычной сообразительности.

— Вероятно, они замяли бы все дело, если бы могли — согласился Гораций. — Но ради бога, как им это сделать? Что они могут сказать? Какие дать объяснения? К тому же ведь существует пресса; вы не знаете, что значит пресса! Но уверяю вас, ее власть беспредельна — прямо-таки невозможно скрыть от нее что-либо в наши дни. У нее повсюду глаза, уши и тысячи языков. Не пройдет и пяти минут после открытия этих дверей (а их отпереть придется очень скоро), как репортеры передадут, каждый — своему изданию, специальные корреспонденции о вас и ваших последних чудачествах. Через полчаса во всех частях Лондона появятся бюллетени с огромными надписями: «Необыкновенное происшествие в ратуше», «Неожиданное окончание гражданского торжества», «Потрясающее появление восточного гения в столице», «Похищение гостя у лорд-мэра», «Сенсационное известие», «Все подробности». И тотчас

история разлетится по всему свету. «Умолчать»! Как же! Неужели вы можете думать, что лорд-мэр или кто-либо из сколько-нибудь замешанных в историю сумеют забыть, или что им дадут забыть об этом позорном происшествии? Если да, то боюсь, вы жестоко ошибаетесь.

— Поистине ужасно навлечь па себя гнев лорд-мэра, — произнес джинн дрогнувшим голосом.

— Ужасно! — повторил Гораций. — Но, как видно, вы этого добились.

— У него на шее драгоценный талисман, который дает ему власть над темными силами, не так ли?

— Вам лучше знать, — ответил Гораций.

— Блеск его талисмана и величавость его осанки внушили мне страх предстать перед ним. Я боялся, как бы он не признал меня и не призвал к повиновению. Ибо поистине его могущество превосходит мощь Сулеймана и рука его сильнее тяготеет на тех из джиннов, кто подпал под его власть.

— Если так, — сказал Гораций, — то я бы всячески советовал вам как-нибудь выяснить положение, пока не поздно… Не теряйте же времени!

— Слова твои справедливы, — сказал Факраш, вскочив на ноги и поворачиваясь к Чипсайду.

Гораций, сидя, подвинулся за ним и, взглянув вниз, увидал под собою верхушки тощих и пыльных деревьев на кладбище, макушки черной и густой толпы людей на улицах и красные закраины труб на черепичных крышах.

— Есть только одно средство, — сказал джинн, — и может случиться, что я утратил способность применять его. Но я сделаю попытку. — И, протянув правую руку по направлению к востоку, он произнес что-то вроде приказания или призыва.

Гораций чуть не свалился с карниза со страха перед тем, что могло последовать. Он боялся грома, чумы, землетрясения. Он был уверен, что джинн не отступит перед самыми жестокими способами, лишь бы уничтожить следы своего промаха, и мало надеялся на то, чтобы дальнейшие выдумки Факраша оказались удачнее прежних.

К счастью, ни одна из этих крайних мер не пришла в голову джинну, хотя и то, что последовало, было достаточно странно и поразительно.

Внезапно, как бы повинуясь чародейской жестикуляции джинна, темная полоса тумана стала надвигаться от Королевской биржи, быстро поглощая здание за зданием. Поочередно исчезали ратуша, ближняя колокольня, весь квартал Чип-

сайда и кладбище, и, повернув голову налево, Гораций увидел, как темный поток, стремясь на запад, скрыл Лудгетский холм, Странд, Черинг-Кросс и Вестминстер, так, что наконец они с Факрашем очутились одни над беспредельной плоскостью асфальтово-серой тучи, как бы единственные живые существа среди пустого и безмолвного мира.

— Взгляни, — сказал Факраш.

И Гораций, повернувшись к востоку, увидел, как снова порозовел шпиль колокольни, как ясно, отчетливо выступила ратуша и постепенно выплывали из тумана улицы и крыши домов. Исчезли только развевавшиеся флаги, ожидавшая толпа и конная полиция.

Обычное движение ломовиков, омнибусов и экипажей как будто никогда не прерывалось, шум и грохот колес, крики кучеров и щелканье бичей выделялись поразительно звонко среди непрерывно грохочущего рева волн человеческого океана.

— Это облако, которое ты видел, — сказал Факраш, — унесло с собой память о сегодняшнем событии, и ни один из смертных, собиравшихся почтить тебя, не сохранит о нем воспоминания. Взгляни, они идут по своим делам как ни в чем

не бывало!

Горацию не часто приходилось искренне восхищаться джинном, но теперь он не мог удержаться от похвалы.

— Черт возьми! Это начисто выпутывает лорд-мэра и всех прочих из глупой истории. Я должен сознаться, г-н Факраш, это лучшее из всего, что вы до сих пор сделали.

— Повремени, — сказал джинн, — ибо сейчас ты увидишь нечто еще более прекрасное.

В его глазах мелькал зловещий зеленый огонек, и его жиденькая бородка ощетинилась. Гораций почувствовал беспокойство: ему вовсе не понравился вид джинна.

— Право, мне думается, вы достаточно потрудились на сегодняшний день, — сказал он. — К тому же здесь довольно-таки ветрено. Я ничего не имел бы против того, чтобы спуститься на землю.

— Нет сомнения в том, что ты вскоре будешь внизу, о дерзкое и лживое ничтожество!

И джинн положил ему на плечо свою длинную, узкую руку. «Он что-то затевает, — подумал Вентимор, — но что?»

— Почтеннейший, — сказал он вслух, — я не понимаю вашего тона. Чем я обидел вас?

— Вдохновлен Богом был тот, кто сказал: «Бере-

гитесь оскорблять, ибо легко потерять сердце и трудно вернуть его обратно».

— Чудесно! — сказал Гораций. — Но при чем это тут?

— При том, — объяснил джинн, — что я намерен собственной рукой сбросить тебя вниз с высоты.

На одну секунду Гораций почувствовал, что силы изменяют ему. Но огромным напряжением воли он взял себя в руки.

— Полно! — сказал он. — Вы сами знаете, что глупите. При вашей доброте вы не способны на такую жестокость!

— Жалость с корнем вырвана из моего сердца, — возразил Факраш. — И потому приготовься к смерти, ибо близится время твоей злополучной погибели.

Вентимор не сумел скрыть дрожи. До сих пор он относился к Факрашу несерьезно, несмотря на его сверхъестественное могущество, а с какой-то полудружественной, полупрезрительной терпимостью, как к доброжелательному, но безнадежно-бестолковому старичишке. Ему никогда не приходило в голову, что джинн может проявить по отношению к нему злую волю. И теперь он недоумевал, как ему обойти и обезоружить

это грозное существо? Следовало действовать быстро и хладнокровно, или же навеки расстаться с Сильвией.

И вот, сидя на узком карнизе и вдыхая в себя слабый, но довольно приятный запах хмеля, доносившийся с какой-то отдаленной пивоварни, он всячески пытался собраться с мыслями, но не мог. Вместо того взгляд его лениво следил за оживленно суетившемся толпой, которая не подозревала об ужасной драме, что разыгрывалась так высоко над ней. Под самым краем купола он увидел матово-белое стекло фонаря, у которого стоял крошечный полисмен, наблюдавший за уличным движением. Услышит ли он крик о помощи? Но если и услышит, чем может он помочь? Только разгонит толпу и пошлет за каретой «Скорой помощи». Нет, Гораций решил не думать об этих ужасах, а сосредоточиться и изобрести способ перехитрить Факраша.

Как поступали герои «Тысячи и одной ночи»?.. Например, хотя бы рыбак? Он убедил своего джинна вернуться в бутылку, притворившись, будто сомневается, действительно ли он в ней помещался. Но Факраш, хотя простоватый во многих отношениях, все же не был таким дураком. Иногда джиннов можно бывало смягчить

и добиться отсрочки приговора, рассказывая сказку за сказкой, будто открывая одну за другой вложенные друг в дружку восточные шкатулки. К несчастью, Факраш не казался расположенным слушать басни, да и Гораций не сумел бы припомнить или сочинить что-либо в данный момент. «Сверх того, — подумал он, — не могу же я без конца сидеть здесь и рассказывать ему анекдоты. Я предпочитаю умереть». Но он вспомнил, что арабского эфрита почти всегда можно было вовлечь в спор. Они очень любили препирательства и не чужды были элементарных понятий о справедливости.

— Я полагаю, г-н Факраш, — сказал он, — что, как и всякий осужденный, я имею право знать, чем я оскорбил вас.

— Перечень твоих проступков, — ответил джинн, — занял бы слишком много времени.

— Это ничего, — любезно ответил Гораций. — Я могу уделить столько времени, сколько вам понадобится. Я совсем не тороплюсь.

— Со мной дело обстоит иначе, — ответил джинн, — а потому не цепляйся за жизнь, ибо смерть твоя неизбежна.

— Но прежде чем мы расстанемся, — сказал Гораций, — вы не откажетесь ответить мне на

один или два вопроса?

— Не давал ли ты обещания никогда не просить у меня никакой милости? К тому же это ничего не изменит, ибо я бесповоротно решил уничтожить тебя.

— Я требую этого во имя великого лорд-мэра (мир и молитва над ним).

Это была отчаянная попытка, но она имела успех. Джинн заметно поколебался.

— Спрашивай, — сказал он, — но будь краток, ибо время летит.

Гораций решился в последний раз обратиться к чувству благодарности Факраша, так как, по-видимому, оно было главной чертой его характера.

— Ведь если бы не я, — сказал он, — то вы до сих пор сидели бы в бутыли, не так ли?

— Это и есть причина, по которой я решил истребить тебя, — ответил джинн.

— О! — мог только воскликнуть Гораций при столь неожиданном ответе. Последняя надежда изменила ему, и он быстро приближался к гибели.

— Желаешь ли ты задать мне еще вопросы, — осведомился джинн зловеще-снисходительным тоном, — или же готов встретить судьбу свою без дальнейшего промедления?

Гораций решил не сдаваться. Пока ему не везло, но почему бы не продолжать игру, надеясь на шальную удачу?

— Я еще далеко не все сказал, — ответил он. — И помните, что вы обещали мне отвечать во имя лорд-мэра.

— Я отвечу тебе еще на один вопрос, не больше, — сказал джинн твердым голосом. И Вентимор понял, что теперь его участь всецело зависит от слов, которые он сейчас произнесет.

Глава 18
Кривая вывезла

— Ну, каков твой второй вопрос, о дерзновенный? — нетерпеливо проговорил джинн. Он стоял, скрестивши руки, и смотрел сверху вниз на Горация, который все сидел на узком карнизе, не решаясь взглянуть вниз, чтобы не закружилась голова.

— Сейчас, — ответил Вентимор. — Я хочу знать, почему вы намерены разбить меня вдребезги таким варварским манером в оплату за то, что я вас выпустил из бутыли? Разве вам там было хорошо?

— Там я, по крайней мере, имел покой, и никто не тревожил меня. Но, освободивши меня, ты коварно скрыл, что Сулейман давно уже умер и что вместо него царит владыка, в тысячу раз более могучий, угнетающий род наш трудами и муками, перед которыми ничтожны все казни Сулеймана.

— Что такое вы еще вбили себе в голову? Неужели вы имеете в виду лорд-мэра?

— А кого же кроме? — торжественно ответил

джинн, — Хотя на этот раз я хитростью избег его мщения, однако хорошо знаю, что он скоро захватит меня в свою власть при помощи ли драгоценного талисмана, который висит у него на груди, или силою того коварного чудовища с мириадами ушей, глаз и языков, которое ты зовешь «прессою».

Несмотря на свое отчаянное положение, Гораций не мог удержаться от хохота.

— Простите, пожалуйста, г-н Факраш, — сказал он, как скоро к нему вернулся дар слова, — но... лорд-мэр! Это уж чересчур нелепо! Да ведь он и мухи не обидит!

— Не стремись более обманывать меня, — с бешенством возразил Факраш. — Разве не из твоих уст узнал я, что духи земли, воздуха, воды и огня покорны его воле? Разве у меня нет глаз? Разве я не вижу отсюда, как трудятся мои пленные братья? Кто же, как не порабощенные джинны, стонут и визжат, звеня оковами и выдыхая пар тащат по мостам страшные тяжести, поставленные на колеса? А другие разве не трудятся таким же образом на грязных водах, задыхаясь от усилий, равно как и третьи, запертые в высокие башни, откуда их дыхание дымом восходит до вышних небес? Разве самый воздух не трепещет

и не содрогается от их неустанных усилий, когда они извиваются во мраке и в муках? А ты с бесстыдством утверждаешь, будто такие дела совершаются во владениях лорд-мэра без его ведома? Поистине, ты считаешь меня за глупца!

«Во всяком случае, — рассудил Вентимор, — если ему угодно воображать, что в паровозах, пароходах и всяких машинах скрываются джинны, отбывающие свой срок, то не в моих интересах разуверять его… А даже совсем напротив!»

— Я как-то не уяснял себе, чтобы у лорд-мэра было столько власти, — сказал он, — но, вероятно, ваша правда. И если вам так хочется быть у него в милости, то будет большой ошибкой убить меня. Это его прогневает.

— Нет, — ответил джинн, — ибо я объявлю, что ты легкомысленно говорил о нем в моем присутствии и что за это я убил тебя.

— Вам бы следовало, — сказал Гораций, — передать меня ему и предоставить ему расправиться со мной. Это гораздо правильнее.

— Может быть, и так, — сказал Факраш, — но я возымел к тебе столь пламенную ненависть по причине твоей дерзости и коварства, что не могу отказать себе в наслаждении убить тебя собственной рукой.

— Неужели не можете? — сказал Гораций, доходя до пределов отчаяния. — А потом что вы сделаете?

— Потом, — отвечал джинн, — я перенесусь в Аравию, где буду в безопасности.

— Не слишком-то на это надейтесь! — заметил Гораций. — Видите вот эти проволоки, протянутые от столба к столбу? Это — пути неких джиннов, называемых электрическими токами, и лорд-мэр может через них послать весть в Багдад, прежде чем вы долетите до Фолькстона. Кстати, скажу вам и то, что теперь Аравия находится более или менее под властью англичан.

Он, конечно, врал, так как знал отлично, что если бы и существовали трактаты о выдаче, то все же нелегко было бы арестовать джинна.

— Итак, ты полагаешь, что и у себя на родине я не буду огражден? — спросил Факраш.

— Свидетельствую именем лорд-мэра (которому воздаю всяческое почтение), — сказал Гораций, — что нигде, куда бы вы ни улетели, вы не будете в большой безопасности, чем здесь.

— Но если бы опять я очутился в запечатанном сосуде, — сказал джинн, — то разве и сам лорд-мэр не ощутил бы благоговения перед печатью Сулеймана и не оставил бы намерение трево-

жить меня?

— О, разумеется, — сказал Гораций, едва решаясь верить ушам. — Вот поистине блестящая идея, дорогой г-н Факраш.

— А в сосуде я не буду принужден работать, — продолжал джинн. — Ибо труд всякого рода был мне ненавистен.

— Я вполне это понимаю, — сочувственно произнес Гораций. — Только вообразите, что вам пришлось бы тащить дачный поезд на взморье в неприсутственный день или что вас заставили бы печатать дешевый юмористический листок, а то и «Военный клич», когда можно удобно и праздно сидеть в кувшине! На вашем месте я бы полез в него сейчас же. Не вернуться ли нам на Викентьеву площадь и не разыскать ли его?

— Я вернусь в сосуд, если нигде нельзя быть в безопасности, — сказал джинн, — но я вернусь туда один.

— Один! — воскликнул Гораций, — Ведь не оставите же вы меня торчать здесь, на краю?

— Ни в коем случае, — ответил джинн. — Разве я не сказал, что низвергну тебя на погибель? Я и то слишком медлю с исполнением этого долга.

Опять Гораций решил, что все пропало, и на этот раз с удвоенным горем, ибо он уже начинал

надеяться, что удалось отвратить опасность. Однако он все-таки решил бороться до конца.

— Постойте минутку, — сказал он. — Конечно, раз уж вам так хочется сковырнуть меня, то ничего не поделаешь! Только… если не ошибаюсь… не знаю, как вы без меня исполните конец вашей программы — вот и все!

— О малоумный! — воскликнул джинн. — Какую же помощь можешь ты оказать мне?

— Ну, — сказал Гораций. — влезть в бутыль вы, конечно, сумеете сами, это довольно просто. Но я вижу затруднение вот в чем: уверены ли вы, что сумеете себя закупорить, понимаете? Изнутри-то?

«Если он может, — подумал он про себя, — то я пропал!»

— Это, — начал джинн с обычною самоуверенностью, — будет легче… Нет, — поправился он, — есть вещи, которых не в состоянии исполнить даже джинны, и в том числе нельзя заткнуть сосуд, когда сам находишься в нем. Я у тебя в долгу за то, что ты напомнил мне об этом.

— Нисколько, — ответил Вентпмор. — Я с восторгом сам возьмусь закупорить вас.

— Снова ты говоришь неразумно! — воскликнул джинн. — Как можешь ты запечатать меня,

будучи разбит на тысячу кусков?

— Вот это-то затруднение я и стараюсь обойти, — ответил Гораций со всей вежливостью, к какой мог себя принудить.

— Не будет никакого затруднения, ибо как скоро я окажусь в сосуде, так вызову неких подвластных мне эфритов, и они возложат на меня печать.

— Очутившись уже в бутыли, — сказал Гораций наугад, — вы навряд ли будете в состоянии вызвать кого-либо.

— Итак, прежде чем я войду в сосуд! — нетерпеливо ответил джинн. — Ты только играешь словами.

— Кстати, об эфритах, — продолжал Гораций. — Вы знаете, что такое эфриты! Как же вы можете быть уверены, что, заткнувши вас в бутыли, они не отнесут вас к лорд-мэру? Я никак не доверился бы им… Но вам, конечно, лучше знать!

— Тогда кому же мне довериться? — нахмурился Факраш.

— Уж право, не знаю. Жаль, что вы так твердо решились уничтожить меня, потому что кроме меня никто не может закупорить вас и сохранить это в тайне. Однако дело ваше! Зачем мне тревожиться о том, что с вами будет? Ведь я уже

перестану существовать.

— Даже и в сей час, — нерешительно произнес джинн, — мое сердце склонилось бы к пощаде, будь я уверен, что ты не окажешься предателем!

— Полагаю, что на меня скорее можно рассчитывать, чем на ваших скверных эфритов, — сказал Гораций с хорошо разыгранным равнодушием. — Но ладно! Мне ведь все равно. Мне теперь совсем незачем жить. Вы лишили меня всего и можете теперь кончать ваше дело. Я даже склонен к тому, чтобы спрыгнуть самому и избавить вас от труда. Когда увидите, как я полечу, то, пожалуй, пожалеете.

— Воздержись от опрометчивости! — торопливо скачал джинн, ничуть не подозревая, что угроза Вентимора вовсе не серьезна. — Если ты исполнишь мои повеления, то я не только прощу тебя, но и осуществлю все твои желания.

— Сначала отнесите меня назад на Викентьеву площадь, — сказал Гораций. — Здесь не место толковать о делах.

— Ты говоришь правильно, — ответил джинн. — Держись крепко за мой рукав, и я перенесу тебя в твое жилище.

— Нет, сначала обещайте, что не надуете, — сказал Гораций, задерживаясь на краю. — Помните,

что если вы меня уроните, то лишитесь единственного друга, который у вас есть на свете.

— Даю тебе клятву, — ответил Факраш, — ни единый волос не спадет с головы твоей.

Но и теперь Гораций был не чужд подозрений, однако не было иного средства сойти с этого карниза, и он решился на риск. Оказалось, что он поступил разумно, так как джинн с добросовестной точностью принес его на Викентьеву площадь и осторожно опустил в кресло, сидеть в котором уже не надеялся наш герой.

— Я принес тебя сюда, — сказал Факраш, — хотя питаю уверенность, что даже сейчас ты замышляешь измену и обманешь меня, если найдешь возможность.

Гораций был готов опять пуститься в уверения, что никто сильнее его не желает обратного водворения джинна в бутыль, но вспомнил, что было бы неполитично выказывать чрезмерное усердие.

— После того, что вы себе позволили, — сказал он, — я вовсе не уверен, что обязан помогать вам. Однако я обещал вам это и на известных условиях сдержу слово.

— Условиях? — загремел джинн. — Ты еще пускаешься со мною в торг?

— Мой превосходный друг, — спокойно сказал Гораций, — вы отлично знаете, что без моей помощи не запечатаетесь как следует в бутылке. Если вы не одобряете моих условий и предпочитаете искать эфрита, который согласен прогневить лорд-мэра, то я не стану вам мешать.

— Я наградил тебя богатствами и почестями, но больше ничего не дам тебе, — мрачно сказал джинн. — Даже в знак моей немилости я лишу тебя тех из моих даров, какими ты еще обладаешь.

Он уставил свой серый указательный палец на Вентимора, на котором чалма и украшенная драгоценностями одежда сразу превратились в паутину и сор и посыпались на ковер, так что он остался в одном белье.

— Это только показывает, что вы сильно не в духе, — кротко заметил Гораций, — а меня не огорчает ничуть. Если позволите, я схожу и оденусь как-нибудь поудобнее. Может быть, к моему возвращению вы успеете успокоиться.

Он торопливо накинул кое-какое платье и вернулся в кабинет.

— Ну, г-н Факраш, — сказал он, — теперь объяснитесь. Вы говорите, будто осыпали меня благодеяниями? Вы, очевидно, убеждены, что я обязан вам благодарностью. Но, ради бога, за что?

Все это время я был снисходителен в пределах возможного, так как верил, что вы желаете мне добра. Но сейчас хочу высказаться откровенно. Я говорил вам с самого начала и повторяю теперь, что мне не нужно от вас ни богатства, ни почестей. Единственное настоящее добро, которое вы мне сделали, заключалось в том, что вы привели ко мне клиента, но и это вы испортили, так как непременно захотели выстроить дворец сами вместо того, чтобы предоставить это мне! Что же до остального… я теперь осрамлен и разорен. Клиент, конечно, воображает, будто я в стычке с дьяволом, девушка, которую я люблю и на которой хотел жениться, уверена, будто я бросил ее ради какой-то принцессы, отец же ее век не простит мне того, что я видел его в образе одноглазого мула. Словом, я попал в такую кашу, что теперь мне все равно, жить или умереть.

— А что до всего этого мне?

— Только то, что вы обязаны как-нибудь все это поправить. Иначе пусть меня повесят, если я стану запечатывать вас в бутыли!

— Как же могу я поправить это? — испуганно воскликнул джинн.

— Если вы могли отнять у всех жителей Лондона память обо всем, что было в ратуше, то можете

заставить и моих друзей забыть обо всем, что связано с медной бутылью. Не так ли?

— Это совсем не трудно, — согласился Факраш.

— Так вот, сделайте это. Тогда клянусь, что закупорю вас в бутыли так, как будто вы никогда оттуда и не выходили, и спущу вас в Темзу, где поглубже и где никогда никто не потревожит вас.

— Так сначала покажи сосуд, — сказал Факраш, — ибо не могу поверить, что ты не таишь в сердце какого-нибудь коварного замысла.

— Сейчас позвоню хозяйке и прикажу принести бутыль, — сказал Гораций. — Может быть, это удовлетворит вас? Только лучше не показывайтесь ей.

— Я сделаюсь невидимкой, — сказал джинн, тут же исполняя свои слова, — Но смотри, не обманывай меня, ибо я все буду слышать.

— Так вы вернулись, г-н Вентимор? — сказала, входя, г-жа Рапкин. — И без того господина? Ах, как я удивилась, и муж мой тоже, когда вы утром уехали в такой роскошной карете и прекрасном наряде. «Будь уверен, — сказала я мужу, — будь уверен, что за г-ном Вентимором прислали из Букингемского дворца, а пожалуй, и из Виндзорского замка!»

— Оставим это пока, — с нетерпением сказал

Гораций. — Мне нужна та медная бутыль, которую я купил на днях. Принесите ее, пожалуйста.

— Вы, кажется, тогда сказали, что больше не желаете ее видеть и пусть я дену ее куда угодно?

— Ну, теперь я передумал. Так, пожалуйста, принесите, да поскорее.

— Ах, право, как мне жалко, сударь! Только никак не могу, потому что Рапкин, не желая заваливать квартиру хламом, только вчера продал ее господину, который торгует костями и тряпьем тут, за мостом, и взял-то за нее всего полкроны.

— А как зовут этого торговца? — спросил Гораций.

— Дильджер, Эммануиль Дильджер. Когда вернется Рапкин, то, конечно, сбегает за нею с удовольствием, если только вам требуется.

— Я схожу сам, — сказал Гораций. — Не беспокойтесь, г-жа Рапкин, ваша ошибка была весьма естественна, только… только этот кувшин мне понадобился опять. Можете идти.

— О лицемер со лживыми речами! — сказал джинн, становясь видимым после ее ухода. — Разве я не предвидел твоего коварства? Верни меня в мой сосуд!

— Пойду и постараюсь добыть его, — сказал Гораций. — Не задержусь и пяти минут.

И он собрался идти.

— Ты не покинешь этого дома! — крикнул Факраш. — Ибо мне весьма ясно, что ты употребляешь эту хитрость с целью убежать и выдать меня Демону Прессы.

— Если вы не видите, — сердито ответил Гораций, — что я не меньше вашего хочу засунуть вас в эту проклятую бутыль, то вы довольно крепколобы. Неужели не можете понять? Бутыль эту продали, и я не могу ее выкупить, не выходя из дома. Не будьте же так чертовски неразумны!

— Если так, иди, — сказал джинн, — а я здесь дождусь твоего возвращения. Но знай, что если ты долго промедлишь или вернешься без моего сосуда, то этим обличишь свое вероломство и я покараю всякими казнями тебя и тех, кто тебе дорог.

— Я вернусь не позже, как через полчаса, — сказал Гораций, чувствуя, что такого срока вполне достаточно и благодаря судьбу за то, что Факраш не вздумал идти с ним сам.

Он надел шляпу и убежал, чтобы поскорее выкупить бутыль.

Не так легко оказалось найти лавчонку Дильджера, грязную и пыльную, помещавшуюся в каком-то маленьком закоулке, с выставкой из

нескольких жалких старых стульев, хромых умывальников и ржавых решеток, а внутри набитую грязными матрацами, пустыми футлярами от часов, тусклыми и растрескавшимися зеркалами, сломанными лампами, исцарапанными рамами от картин и вообще такими предметами, которые не могли иметь ценности ни для какого человеческого существа. Но среди этой коллекции ненужного хлама не было видно медного кувшина.

Вентимор вошел и увидел юношу лет тринадцати, который в сумерках портил себе глаза над одним из тех полукопеечных юмористических листков, какие теперь, благодаря усовершенствованной системе воспитания, стали доступны, по крайней мере, восьмидесяти процентам нашего молодого поколения.

— Мне нужен господин Дильджер, — сказал он.

— Его нет, — ответил юноша. — Нет дома. Ушел на аукцион.

— Так не знаете ли, когда он будет?

— Может вернуться к чаю, только сказал, чтобы я не ждал его раньше ужина.

— Не найдется ли у вас старой металлической бутыли, медной… или бронзовой… не продадите

ли?

— На этом меня не поймаешь! Бутыли бывают стеклянные.

— Ну, так кувшин, что ли... Большой медный горшок... Что-нибудь в этом роде.

— Таких не держим, — сказал мальчик и опять погрузился в своих «Молодцов-Удальцов».

— Вот я сам посмотрю, — сказал Гораций и с замиранием сердца принялся искать, страшно боясь, что зашел не в ту лавку, так как пузатого кувшина здесь, очевидно, не было. Наконец, к своей невыразимой радости, он усмотрел его под куском подъеденного молью плиса.

— Вот я хотел чего-нибудь подобного, — сказал он, щупая карманы и убеждаясь, что при нем как раз соверен. — Что вы за него просите?

— Не знаю, — сказал мальчик.

— Я дал бы три шиллинга, — сказал Гораций, не хотевший сразу проявлять особой щедрости.

— Скажу хозяину, когда придет, — был ответ.

— Я взял бы ее сейчас, — настаивал Гораций. — Ну я дам вам три с половиной.

— Да она того и не стоит, — возразил простодушно юноша.

— Может быть, — сказал Гораций, — но я спешу. Дайте мне сдачи, вот, с соверена, и я возьму

ее с собой.

— Вам что-то уж очень хочется забрать ее, сударь! — сказал мальчик, вдруг ставший подозрительным.

— Вздор! — сказал Гораций. — Мне недалеко нести, вот и все.

— Если все, то можете дождаться хозяина.

— Мне… сейчас не время, а в другой раз, пожалуй, не попаду к вам, — сказал Гораций.

— Непременно попадете, если живете близко, — и юноша снова вернулся к своим «Удальцам».

— Так-то вы делаете хозяйское дело? — сказал Гораций. — Послушайте, молодой негодяй, я вам дам пять шиллингов. Неужели будете таким дураком, что откажетесь?

— Не буду так глуп, чтобы отказаться, и не буду так глуп, чтобы взять, потому, что меня оставили здесь только стеречь, чтобы ничего не стащили. Продавать мне ничего не приказано, да я и цен-то не знаю. Вот вам и весь сказ.

— Берите пять шиллингов, — сказал Гораций, — и если мало, так я потом зайду и сторгуюсь с хозяином.

— Вы, кажется, сказали, что не скоро сюда попадете? Нет, сударь, меня так не проведешь!

Горацию безумно захотелось тут же схватить

драгоценный кувшин и удрать с ним. Он уступил бы искушению и навлек бы на себя самые бедственные последствия, если бы в эту минуту в лавчонку не вошел пожилой человек. Фигура его была сгорблена и во всей осанке было что-то более размашистое, чем считается нужным у благовоспитанных людей, однако он вошел с авторитетным видом.

— Господин Дильджер, — пропищал юноша, — вот этому сударю приглянулся вон тот медный горшок. Непременно хочет купить его. Пять шиллингов давал, но я сказал, чтобы дождался вас.

— Умно сделал, мой мальчик! — сказал г-н Дильджер, устремляя на Горация свои проницательные, хотя и водянистые, старые глаза. — Пять шиллингов! Ах, сударь, мало же вы знаете толку в старинной меди, чтобы столько давать!

— Знаю не меньше всякого другого, — сказал Гораций. — Но готов дать и шесть шиллингов.

— Никак нельзя, сударь. Ей-же-ей, не могу! Сам я дал за него фунт у Кристи, это верно, как то, что я стою здесь перед Творцом моим, а вы — грешник! — заявил он воодушевленно, хотя двусмысленно.

— У вас немножко слаба память, — сказал Гораций. — Вы купили его вчера у некоего Рапкина,

который сдает квартиры на Викентьевой площади, и заплатили ровнехонько полкроны.

— Не смею противоречить вам, сударь, — сказал г-н Дильджер, не выказывая ни малейшего смущения. — И если я купил у г-на Рапкина, то он — человек почтенный и, конечно, добыл эту вещь не бесчестным путем.

— Я этого и не говорил. Что же вы за нее хотите?

— Да вы хоть взгляните на работу! Теперь уж так не сделают. Голландская посуда! Они там держат молоко и все такое.

— Черт побери! — сказал Гораций, окончательно выйдя из терпения. — Уж я-то знаю, что в ней держали! Скажете ли вы мне, что вам за нее нужно?

— Такую редкость не могу уступить дешевле, чем за тридцать шиллингов, — любовным тоном ответил г-н Дильджер. — Иначе продал бы себе в убыток.

— Я дам вам соверен, вот! — сказал Гораций. — Вы сами знаете, сколько тут лишку, это мое последнее слово!

— А мое последнее слово, сударь, что я желаю вам доброго вечера, — сказал достойный торговец.

— Итак, доброго вечера, — сказал Гораций и вышел из лавки скорее с целью заставить уступить, чем отказываясь от кувшина, без которого он вернуться не смел; между тем у него не было с собой ничего такого, что можно бы продать хоть за десять шиллингов в случае, если бы торговец отказался отпустить ему в кредит. А время все шло да шло.

К счастью, эта старая уловка удалась, так как г-н Дильджер выбежал вслед за ним и схватился грязными руками за рукав его пальто.

— Не уходите, сударь, — сказал он. — Я не люблю упускать покупателей. Хотя, даю вам честное слово, невозможно взять соверен за такое произведение искусства! Ну так и быть! Тем более сегодня — мое рождение. Ударим по рукам.

Гораций отдал ему монету и сам остался при нескольких копейках.

— Тут бы должна быть крышка или пробка! — сказал он вдруг. — Куда вы ее дели?

— Нет, сударь, в этом вы ошибаетесь! Уверяю вас, у горшков такого образца никогда не бывает крышек. Никогда!

— Вы так думаете, да? — сказал Гораций. — Ну а я лучше знаю. Впрочем, все равно, — прибавил он, вспомнив, что печать осталась у Факраша. — Я

возьму ее, как есть, завертывать не беспокойтесь. Я спешу.

Было почти темно, когда он вернулся домой, где джинн дрожал от бешенства и страха.

— Нет тебе привета! — крикнул он. — Лживая ты собака! Промедли ты еще хоть минуту, я бы наслал на тебя какое-нибудь бедствие.

— Ну, теперь можете не трудиться, — отозвался Вентимор. — Вот ваша бутыль и полезайте в нее когда угодно.

— А печать! — взвизгнул джинн. — Что сделал ты с печатью, которая была на сосуде?

— Да ведь она у вас, конечно, — сказал Гораций. — Лежит у вас в кармане.

— Ах ты, сын гнусных предков! — завыл Факраш, потрясая своими широкими одеждами. — Как она попадет ко мне? Это новая хитрость, чтобы погубить меня.

— Не болтайте вздора! — огрызнулся Гораций. — Вчера вы заставили профессора отдать ее вам. Сами где-нибудь потеряли. Да уж ладно! Достану где-нибудь большую пробку или втулку и выйдет все то же. А сургуча у меня сколько угодно.

— Не хочу иной печати, кроме Сулеймановой, — провозгласил джинн. — Ибо никакая иная

не даст мне безопасности. Поистине полагаю, что этот проклятый мудрец, твой приятель, ухитрился как-нибудь опять вернуть ее в свои руки. Пойду сейчас в его жилище и прикажу отдать ее.

— Не стоит, — сказал Гораций, чувствуя себя весьма скверно, так как было ясно, что гораздо проще выпустить джинна из бутыли, чем запрятать его назад. — Он совершенно неспособен вернуть ее. И если вы к нему явитесь, то только устроите скандал и привлечете внимание Прессы, чего вам, кажется, следует избегать.

— Я облекусь в одеяние смертного, в то самое, в котором уже являлся, — сказал Факраш, и при этих словах его одежда превратилась во фрачную пару. — В таком виде я не привлеку внимания.

— Постойте минутку! — сказал Гораций. — Что это за шишка у вас в кармане?

— Поистине… — проговорил джинн, с глуповатым, хотя и облегченным видом вытаскивая указанный предмет… — поистине, это — печать!

— Вы так спешите думать дурно обо всех, вот видите! — сказал Гораций. — Постарайтесь теперь, сидя в затворе, иметь лучшее мнение о человеческой природе.

— Да погибнет весь род века сего! — вскричал Факраш, вновь оказываясь в зеленом бурнусе и

в чалме. — Теперь я не возлагаю надежды на род людской и покарал бы его, не будь лорд-мэр (с которым да будет мир!) могущественнее меня. Поэтому, пока еще есть время, возьми пробку и клянись, что когда я войду в сосуд, ты запечатаешь его, как он был, и утопишь в пучине водной, куда не досягнет ничей взор.

— С величайшим удовольствием, — сказал Гораций, — только уж и вы исполните свой долг по условию. Потрудитесь покрыть забвением вас самих и медную бутыль в умах всех человеческих существ, какие сталкивались с вами или с нею.

— Не так, — возразил джинн, — ибо тогда ты забыл бы свое обещание.

— Ах, отлично! В таком случае исключите меня, — сказал Гораций. — Разве возможно заставить меня забыть вас!

Факраш провел правой рукой вокруг себя полукруг.

— Это исполнено, — сказал он. — Всякое воспоминание обо мне и том сосуде изглажено теперь из памяти людей, кроме тебя.

— А как же мой заказчик?! — сказал Гораций, — Ведь мне нельзя его терять, понимаете?

— Он вернется к тебе, — сказал джинн, дрожа от нетерпения. — Теперь делай свое.

Гораций торжествовал. Пришел к концу этот долгий и отчаянный поединок с этим странным существом, столь хитрым и ребячливым, столь доверчивым и подозрительным, столь благодушным и злобным. Не раз он терял надежду на победу, но, наконец, достиг ее. Через одну или две минуты этот грозный джинн будет крепко закупорен в бутыли и навек лишится возможности вмешиваться в его жизнь и мучить.

Однако в самый момент торжества у Вентимора проснулась совесть, хотя подобные колебания можно бы назвать достойными Дон-Кихота. Он не мог подавить некоторой жалости к этому старику, который конвульсивно подергивался, готовый вернуться в свою тюрьму, чтобы избежать воображаемых бедствий.

За последний час Факраш заметно постарел, теперь ему можно было дать, пожалуй, более, чем его три тысячи с лишком лет. Правда, за последнее время он отравлял Горацию жизнь, но, по крайней мере, сначала его намерения были добрыми. Хотя его признательность выразилась в уродливой форме, однако она показывала в нем склонность к великодушию. Несомненно, не каждый джинн постарался бы осыпать его многочисленными почестями, миллионами и

всякими благами за услугу, за которую большинство смертных отблагодарило бы присылкою пары птичек и приглашением на вечер.

А он, Гораций, что делал с ним? Он совершал то, что в глубине души признавал низостью: пользовался неосведомленностью джинна о современной жизни, чтобы убедить его вернуться в тюрьму! Почему не дать ему прожить на свободе краткий остаток его дней (ведь он едва ли протянул бы более столетия или двух)? Теперь Факрашу дан урок: вряд ли он захотел бы опять вмешаться в людские дела, он мог бы пробраться в Чертог Облачной горы и кончить там жизнь, мирно наслаждаясь обществом тех из джиннов, какие не рассажены по бутылям.

Таким образом, повинуясь доброму побуждению, вопреки собственной выгоде, Гораций попытался отговорить джинна, который уже порхал в воздухе над горлышком бутыли, в вихре крутящихся одежд, напоминая толстую старую пчелу, которая напрасно старается попасть в отверстие улья.

— Г-н Факраш! — воскликнул он. — Прежде, чем идти далее, послушайте меня. Ведь вам вовсе нет необходимости возвращаться в бутыль. Если вы только повремените немножко…

Но джинн, который уже раздулся до исполинских размеров и очертания которого лишь смутно виднелись в клубах черного дыма, его окутавшего, ответил ему грозным голосом из своего дымового столба:

— Ты еще хочешь заставить меня медлить? Умолкни и будь готов исполнить твое предприятие.

— Но послушайте, — настаивал Гораций. — Я бы признал бы себя скотиной, если бы закупорил вас, не сказав…

Крутящийся и ревущий столб, видом подобный воронке, быстро всасывался в сосуд, над горлышком которого, наконец, осталась лишь полупрозрачная голова с выражением крайнего бешенства на лице.

— Не медлить ли мне, — кричал джинн, — до пришествия лорд-мэра с его мамелюками, когда уже минует час безопасности? Клянусь головой моей, если ты пропустишь еще минуту, я лишу тебя твоего доверия! Я снова выйду из сосуда и покараю ужаснейшими и неслыханнейшими казнями тебя, твоих ближних и всех, живущих в этом проклятом городе!

С этими словами голова провалилась в бутыль с громким звуком, похожим на удар грома. Го-

раций не колебался более: сам джинн положил конец его сомнениям. Ясно, что подвергать опасности Сильвию с родителями, не говоря уже обо всем Лондоне, из сострадания к упрямому и вредоносному старому черту значило бы слишком далеко зайти в области чувства.

Поэтому он кинулся к бутыли и прикрыл металлическою крышкою ее горло, которое было так горячо, что обожгло ему пальцы, затем, схватив каминные щипцы, он до тех пор колотил по крышке, пока она не пришлась на свою зарубку и закрылась так плотно, как только мог пожелать сам Сулейман.

Потом он запихал флягу в саквояж, прибавив для веса несколько кусков угля, и потащился с ним к ближайшей пароходной пристани, где на последние копейки купил билет.

На другой день появилась следующая заметка в одной из вечерних газет, в которой, вероятно, нашлось лишнее место:

«СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
НА РЕЧНОМ ПАРОХОДЕ»

«С пассажиром одного из пароходиков, плавающих по Темзе, случилось (как нам передает очевидец) приключение несколько комичного

характера. Он имел с собой маленький чемодан или большой саквояж, который поддерживал, положив его на перила кормовой части судна. Когда последнее поравнялось с отелем «Савойя», он необдуманно поднял руку к шляпе и таким образом выпустил саквояж, который свалился в самую глубокую часть реки, где моментально потонул. Его владелец (немало позабавивший окружающих пассажиров своею необдуманностью) казался раздосадованным и довольно естественно умолчал о значении своей потери, хотя, кажется, высказал, что в мешке не заключалось ничего особенно ценного. Как бы то ни было, урок, вероятно, не пройдет ему даром и сделает его более осмотрительным в будущем».

Эпилог

Однажды вечером Гораций Вентимор обедал в отдельном кабинете отеля «Савойя» в качестве гостя г-на Самуэля Вакербаса. Можно было даже назвать его главным гостем, так как обед давался в честь окончания новой дачи хозяина в Липсфильде, которую строил Гораций, а также с целью поздравить послед него по поводу его близкой свадьбы (долженствовавшей произойти в первых числах июня) с девицей Сильвией Фютвой.

— Совсем маленькое и дружеское собрание! — сказал г-н Вакербас, обводя взором своих многочисленных сыновей и дочерей и приветствуя Горация в гостиной. — Только свои, как видите, да еще девица Фютвой, барышня, с которой вы несколько знакомы, и ее родители, а затем скоро приедет один мой старый однокашник с женой. Он — человек довольно значительный, — прибавил он с басовыми нотами в голосе для важности, — и вам стоит завести с ним знакомство. Его зовут сэр Лаврентий Паунтней. Не знаю, помните ли вы, что он исполнял тяжелые обязанности лондонского лорд-мэра в позапрошлом

году, и притом весьма удовлетворительно, даже был награжден за это титулом баронета.

Так как позапрошлый год ознаменовался невольным визитом Горация в ратушу, то последний не отступил от истины, ответив, что хорошо помнит сэра Лаврентия.

Он чувствовал себя не особенно спокойным, когда доложили о бывшем лорд-мэре, так как вышла бы большая неловкость, если бы сэр Лаврентий случайно вспомнил о нем. К счастью, тот ничем этого не высказал, хотя был с ним — сама любезность.

— Я в восторге, дорогой господин Вентимор, — сказал он, пожимая руку Горацию, почти так же горячо, как в тот октябрьский день на эстраде, — я в восторге, что могу познакомиться с вами! Я всегда рад видеть восходящую звезду и даже слышал, что дом, который вы построили моему старому приятелю, можно назвать дворцом, истинным чудом, сударь!

— Я знал, кого беру, — заявил г-н Вакербас, когда Гораций скромно отклонил комплименты лорда Паунтнея. — Помните, Паунтней, как мы вместе шли по Вестминстерскому мосту и я сообщил вам, что думаю строиться? «Ступайте к какой-нибудь знаменитости, к академику или вроде

того, — сказали вы. — Тогда не даром потратите деньги». Но я сказал: «Нет, я люблю выбирать сам, доверяю… э… собственному суждению в таких делах. И у меня есть в виду молодчик, который побьет их всех, если представится случай. Вот я сейчас иду к нему». И пошел на Большую Монастырскую (ведь тогда у него не было таких палат, как теперь, на улице Виктории), пошел, не теряя ни минуты, и дал ему мое маленькое поручение. Разве не так, Вентимор?

— Именно так, — ответил Гораций, недоумевая, как далеко зайдут эти воспоминания.

— С того дня, — продолжал г-н Вакербас, похлопывая Горация по плечу, — и вплоть до нынешнего я ни на минуту не пожалел об этом. Мы трудились в полном единодушии. Все его мысли совпадали с моими. Я думаю, он признает, что я, так сказать, лез к нему навстречу.

Вентимор согласился, хотя ему показалось, что можно употребить более удачное выражение и что его клиент так бы и сделал, если бы припомнил одно их свидание, в котором сыграл не очень выигрышную роль.

Они перешли в столовую, комнату, пышно отделанную серо-зеленым штофом, нежно затененными лампами и ширмочками из золоченой

кожи; через центр стола была пропущена высокая пальма, с ветвей которой свешивались, подобно волшебным плодам, шарообразные электрические фонарики.

— Эта пальма, — сказал профессор, бывший в превосходнейшем настроении, — положительно придает столу восточный вид. Я лично думаю, что мы весьма удачно могли бы воспроизводить арабский стиль в убранстве наших жилищ. Я часто недоумеваю, как моему будущему зятю до сих пор не пришло в голову направить свой талант в эту сторону и набросать для себя обстановку в восточном вкусе. Нет ничего удобнее и роскошнее… для квартиры холостяка.

— А по-моему, — сказала его жена, — Гораций и так сумел устроиться отлично. Его комнаты на Викентьевой площади просто восхитительны.

Затем Вентимор услышал, как она сказала сэру Лаврентию:

— Никогда не забуду, как мы в первый раз обедали там, вскоре после того, как моя дочь дала ему слово. Я даже удивилась: все было так превосходно, знаете, совершенно просто, но так остроумно устроено, и его хозяйка так чудесно стряпает! Но, конечно, жить своим хозяйством ему будет удобнее во многих отношениях.

— Да еще с такой пленительной супругой, — сказал сэр Лаврентий своим наиболее цветистым словом. — С нею… э… самое бедное жилище может показаться раем. Полагаю, что теперь, милая барышня, — прибавил он, повышая голос при обращении к Сильвии, — вы хлопочете, стремясь сделать ваше будущее обиталище настолько изящным, насколько того требует ваш изысканный вкус: посещаете все мебельные магазины Лондона, ходите по аукционам, разыскивая сокровища… или… вы уполномочили на эти дела г-на Вентимора?

— Я хожу по лавкам за старой мебелью, сэр Лаврентий, — сказала она, — а на аукционах не бываю. Боюсь, что вздумай я торговаться, мне достанется именно то, чего я не хочу… И, кажется, — прибавила она потише, обернувшись к Горацию, — что и вас постигла бы такая же участь.

— Почему вы это говорите, Сильвия? — спросил он, вздрогнув.

— Как? Неужели вы забыли ваше путешествие на аукцион ради папы, когда вам не удалось добыть ни одной вещицы? — ответила она. — Какая у вас плохая память!

Ее взгляд светился только нежной насмешкой:

у нее не осталось ни малейшего воспоминания о его роковой покупке и о том, что она чуть не разлучила их навек. Он поспешил сознаться, что, действительно, упомянутый аукцион был для него неудачен.

Затем сэр Лаврентий через стол обратился к нему.

— Я только что выражал г-же Фютвой, — сказал он, — сожаление о том, что мне не выпало на долю честь познакомиться с вами в год моей службы. Вы, без сомнения, знаете, что лорд-мэру особенно удобно принимать гостей и мне было бы чрезвычайно приятно, если бы ваше первое появление в ратуше произошло в моем... гм... э... присутствии.

— Вы очень любезны, — сказал Гораций, весь насторожившись. — Я ничего не мог бы желать лучшего.

— Льщу себя мыслью, — сказал бывший лорд-мэр, — что, находясь при должности, я делал все возможное в пределах моих скромных сил для поддержания городских традиций и был настолько счастлив, что имел честь принять в качестве гостей больше обычного числа знаменитостей. Но признаюсь, что в одном меня постигла неудача: я всегда мечтал, что мне выпадет на долю

даровать почетное гражданство какому-нибудь отличившемуся соотечественнику, однако, по любопытной случайности, как только предстояло это сделать, церемония откладывалась и мне не приходилось в ней участвовать, не приходилось из-за сущих пустяков.

— Ах, сэр Лаврентий, — сказал Вентимор, — ведь нельзя же иметь в жизни все!

— Что до меня, — вставила леди Паунтней, до которой долетело всего два-три слова из речей мужа, — то я всего более жалею о том, что теперь часовые не отдают мне чести, когда я езжу кататься. Они это делали так мило и почтительно. Сознаюсь, мне это нравилось! А муж всегда относился равнодушно. Он даже не любил ездить в казенной карете, кроме как в случае полной неизбежности. В этом он бывал упрям, как мул.

— Я вижу, леди Паунтней, — заметил профессор, — что вы разделяете всеобщее предубеждение против мулов. Но ведь оно неосновательно. У нас никогда не ценили мулов как следует, на самом же деле это самые кроткие и послушные существа.

— Не могу сказать, чтобы я их любила, — ответила леди Паунтней. — Они какой-то смешанной породы и всегда как-то ни то ни се!

— И наружность у них отталкивающая, Антон, — прибавила его жена. — К тому же они неумны!

— Вот в этом ты ошибаешься, моя милая! — сказал профессор. — Сообразительность их почти равна человеческой. Я знаю по личному опыту, на что способен мул, — сообщил он г-же Паунтней, которая все еще смотрела недоверчиво. — Многие люди того не могут! И уверяю вас, дорогая леди Паунтней, что они удивительно умеют приспособиться почти ко всякой обстановке, причем переносят величайшие бедствия, ничем не выражая своих страданий. Вижу по вашему лицу, Вентимор, что вы со мною согласны, а?

Горацию на минуту пришлось крепко сжать зубы, чтобы не осрамить себя взрывом несвоевременного хохота, но усилием воли он сдержал свое желание.

— Ну, — сказал он, — мне за всю жизнь пришлось столкнуться только с одним мулом, и прямо скажу, что я не имею желания повторить эту встречу.

— Вам случилось наткнуться на неприятное исключение, вот и все, — сказал профессор. — Нет правила без исключений.

— Это животное, — сказал Гораций, — было

довольно исключительным во всех отношениях.

— Расскажите нам про него, — попросила одна из девиц Вакербас, и все дамы присоединились к ней, так что Горацию пришлось тут же выдумать историю, которая вышла у него весьма плоской.

Когда это испытание окончилось, он умолк и задумчиво продолжал сидеть рядом с Сильвией, глядя сквозь стекла галереи на весеннюю листву вдоль набережной, на опаловые отблески на реке, на башни и здания противоположного берега, отливающие теплой бронзой на фоне серебристо-голубого вечернего неба.

Не в первый уже раз ему казалось странным, почти невероятным, что у всех этих людей не сохранилось ни малейшего воспоминания о событиях, которые непременно должны были оставить след даже в самой невосприимчивой памяти, однако это только доказывало, как основательно и добросовестно исполнил свое последнее обещание старый джинн, ныне мирно покоящийся в своей бутыли на глубоком и грязном дне против того самого места, где они обедали.

Факраш, его медный кувшин и все его фантастические и неудобные выходки были настолько всецело позабыты, как если бы и не существова-

ли никогда.

Весьма вероятно, что даже этот скромный и правдивый отчет о тех событиях окажется включенным в общее забвение, хотя автор, пока возможно, хочет надеяться, что Факраш-эль-Аамаш упустил из виду этот частный случай и поэтому история медного кувшина просуществует хоть некоторое время в памяти кое-кого из читателей.

Шиворот-навыворот

Глава 1
Черный понедельник

Дело было вечером в понедельник в конце января 1881 года. Пол Балтитьюд, эсквайр, глава торговой фирмы «Колониальные товары», расположенной на Минсинг-лейн, сидел в столовой своего дома на Вестборн-террас после плотного обеда.

Мистер Балтитьюд был высоким и статным господином, с манерами властными и слегка напыщенными. Ему было лет пятьдесят, хотя выглядел он гораздо старше.

Мистер Балтитьюд откинулся в удобном кожаном кресле. У его локтя стоял стакан кларета, а ноги он вытянул к весело горящему камину. На первый взгляд казалось, что он достиг той высшей степени послеобеденного блаженства, каковое возможно благодаря сочетанию хорошей кухни, чистой совести и отменного пищеварения.

Увы, блаженство это было обманчивым. Выражение лица мистера Балтитьюда никак не подтверждало столь скоропалительный вывод.

Хозяин был явно чем-то обеспокоен и даже слегка напуган, словно в любой момент ожидал кого-то, чье вторжение был бессилен предотвратить.

При малейшем шуме в холле он привставал в кресле и смотрел на дверь со смесью тревоги и покорности судьбе, но как только шаги затихали, а дверь оставалась закрытой, он снова откидывался в кресле с явным облегчением.

Завзятые любители романов, прочитав это, боюсь, выскажут догадку, что вот-вот у мистера Балтитьюда появится верный бухгалтер и сообщит, что их фирма разорена, или циничный и таинственный незнакомец с угрозой разоблачить то, о чем мистер Балтитьюд хотел бы любой ценой умолчать.

Ничего подобного. Мистер Вультон и в самом деле был коммерсант, но дела его шли очень неплохо, что находится в полном противоречии с законами романного жанра, где занятия такого рода неминуемо ведут героя к краху в одном из трех томов повествования.

Мистер Балтитьюд отличался безупречным прошлым и настоящим, и над его лысеющей головой не висел дамоклов меч ужасных разоблачений. Ему не приходилось опасаться финансового краха, да и скрывать от мира было

решительно нечего Он вовсе не годился в герои мелодрамы — жанра, к которому он не питал ни малейшего уважения.

Секрет его тревоги на самом деле был прост до смешного, и мне, право, неловко делать из этого тайну хотя бы на короткое время.

Этим вечером его сын Дик должен был возвращаться в школу-интернат, и мистер Балтитьюд с минуты на минуту ждал наступления сцены прощания, что и не давало ему покоя.

Это вполне могло бы послужить доказательством нежности отцовского сердца мистера Балтитьюда, ибо очень многие родители сносят подобные разлуки по окончании школьных каникул с такой завидной стойкостью, что за ней подчас хочется заподозрить скрытое ликование.

Но мистер Балтитьюд пребывал в расстройстве отнюдь не по мягкосердечию и не опасался, что прощание слишком пагубно подействует на его здоровье. Он был совершенно чужд сантиментов и не раз писал в газеты негодующие до трогательности письма с требованием сократить школьные каникулы, дабы не увеличивать родительские расходы на обучение своих чад.

Мистер Балтитьюд был одной из тех нервных и беспокойных натур, что не в состоянии понять

своих детей, и рассматривают их как малоприятные и совершенно непредсказуемые создания, испытывая к ним примерно те же чувства, что Франкенштейн к своему чудовищу.

Мистер Балтитьюд с трудом сносил присутствие сына в доме и буквально изнывал от его бессмысленных и бесконечных вопросов, шума, грохота, смеха и прочих громких проявлений хорошего настроения, против которого не годились никакие средства. Общество сына было для него тяжким бременем, и он не чаял, как от него избавиться с первого же дня каникул. Мистер Балтитьюд овдовел три года назад, и несомненно, отсутствие материнского такта и тепла, которое способно вовремя погасить излишний мальчишеский пыл, а также отвести от ребенка чрезмерные отцовские упреки, во многом способствовало тому, что отношения между отцом и детьми в семье Балтитьюдов сделались куда более напряженными, чем следовало бы.

Что касается Дика, то он боялся отца настолько, что не испытывал к нему никаких сердечных чувств, но это не удерживало его от привычных возрасту шалостей, и потому неудивительно, что необходимость возвращаться под начало доктора Гримстона в работный дом, именуемый школой

«Крайтон-хауз», расположенной в Родвелл-Маркете, не вызвала у его отца никаких горестных переживаний.

И хотя час свободы мистера Балтитьюда был близок, ему еще предстояло пройти через тревожные минуты прощания, а потому он не мог позволить себе полчасика подремать или отправиться в бильярдную выпить чашечку кофе и выкурить некрепкую сигару, как он непременно сделал бы в иных обстоятельствах. Но теперь его в любой момент могли потревожить.

Беспокоило мистера Балтитьюда и еще одно соображение, превратившееся в навязчивую идею. Он боялся, что стрясется что-то непредвиденное, из-за чего отъезд сына не сможет состояться. Справедливости ради заметим: это беспокойство имело под собой основания. Всего неделю тому назад внезапный и обильный снегопад разрушил его надежды. Когда до счастья было рукой подать, доктор Гримстон решил отложить из-за непогоды начало семестра, и теперь мистер Балтитьюд знал, что не будет ему покоя, пока он воочию не убедится, что его сын все-таки отбыл для продолжения обучения.

Пока отец беспокойно ворочался в своем кресле, причина его терзаний — сын Дик — стояла на

коврике у двери в столовую и пыталась собраться с мужеством, дабы войти к отцу как ни в чем не бывало.

На сей раз он не выглядел слишком жизнерадостным. Напротив, его щеки были бледны, а глаза покраснели куда более сильнее, чем он хотел бы, чтобы со спокойной душой показаться ребятам из «Крайтон-хауза». Бодрость духа покинула его, казалось бы, безвозвратно. В горле у него пересохло, он чувствовал легкий озноб — короче, на душе у него, по его собственному, хоть и не академичному, но достаточно выразительному описанию, «творилось черт те что».

Даже самые закаленные юноши, возвращаясь в лучшие из наших школ, не всегда способны изгнать из сердца печаль, когда время в песочных часах, отмечающих каникулы, осыпалось до последней золотой крупицы, когда коробки стоят в прихожей перевязанные и с соответствующими наклейками и когда кто-то из домашних уже пошел за роковым кебом. Дик только что обошел в последний раз дом, грустно прощаясь с прислугой — пренеприятнейший обряд, которого он с удовольствием бы избежал, если бы только мог, и который, естественно, не улучшил его настроения.

Наверху в ярко освещенной детской он застал свою няню, сидевшую с вязаньем у камина. Это была суровая особа с непреклонным выражением лица, которая частенько шлепала его за различные провинности в детстве и с которой за эти недели у него не раз случались бурные объяснения. Но на сей раз, прощаясь, она вдруг настолько подобрела, что сообщила ему, какой он, в сущности, милый в достойный юный джентльмен, несмотря на его отдельные шалости и проступки. После чего она высказала убеждение, поспешное до безответственности, — что в этот семестр он станет лучшим учеником в классе, будет старательно учить уроки и привезет домой награду. Но все эти слова только сильнее ранили сердце Дика, усугубляли подступавшее отчаяние.

Затем внизу он повстречал кухарку, которая вышла из теплой, приятно пахнущей кухни в вечернем коричневом ситцевом платье с чистым воротничком и весело воскликнула, что в наши-то времена со всеми этими телеграфами и прочими штучками время летит так быстро, что не успеешь оглянуться, как Дик снова будет дома. Ее слова на время утешили Дика, хотя он довольно быстро вспомнил, что телеграфы и прочие штучки тут ни при чем.

После этого Дик распрощался со старшей сестрой Барбарой и младшим братом Роли и оказался там, где мы его с вами и застали — на коврике возле двери в столовую в зябком темном холле.

Дик никак не мог заставить себя открыть дверь и войти. Он прекрасно знал, что сейчас чувствует его отец, а разлука — штука особенно неприятная, когда все печальные чувства испытывает лишь одна сторона.

Но больше оттягивать прощание было нельзя, и Дик открыл дверь. Как уютно и тепло было в столовой, гораздо уютнее, чем казалось ему раньше даже в первый день каникул.

Пройдет еще четверть часа, и отец по-прежнему останется нежиться в тепле и уюте, а он, Дик, будет трястись в кебе через холод и туман на вокзал.

Как прекрасно, подумал Дик, быть взрослым и выкинуть из головы все мысли о школе и учебниках, изо дня в день возвращаться после работы в теплый родной дом и не страшиться, что опять настанет черный понедельник.

Увидев, что вошел сын, Пол Балтитьюд просветлел лицом.

— А вот и ты, — сказал он, поворачиваясь в кресле, вознамерившись по возможности сокра-

тить предстоящую сцену. — Значит, все-таки уезжаешь? Что ж, каникулам рано или поздно приходит конец — и слава богу. Прощай, веди себя хорошо и больше не шали. А теперь беги одевайся. Нельзя, чтобы извозчик ждал.

— Он не ждет, — возразил Дик. — Боулер еще за ним не ходил.

— Не ходил?! — с явной тревогой воскликнул Пол. — Господи, да о чем же он думает? Ты опоздаешь на поезд! Непременно опоздаешь. И упустишь еще один день учебы — это после того, что каникулы и так затянулись на неделю из-за снегопада. Придется мне самому этим заняться! Звони в звонок и вели Боулеру сию же минуту идти за кебом!

— Я не виноват, — пробормотал Дик, которому вовсе не льстило отцовское беспокойство. — Но кажется, Боулер уже ушел. Я слышал, как хлопнули ворота.

— То-то же, — сказал с облегчением отец. — А теперь беги попрощайся со слугами и с сестрой. Время не ждет.

— Я уже попрощался, — сказал Дик. — Можно, я побуду здесь, пока не вернется Боулер?

За этой просьбой скрывалось не столько сыновняя привязанность, сколько желание отведать

десерта, каковое не смогли заглушить даже грусть и уныние. Мистер Балтитьюд согласился с большой неохотой.

— Сделай милость! — нетерпеливо произнес он, — только одно из двух: либо входи и закрой за собой дверь, либо оставайся в холле. Я не могу сидеть на таком сквозняке.

Дик вошел, закрыл дверь и с кислым выражением лица принялся за десерт.

Его отец почувствовал себя еще менее уютно. Общение с сыном, как он опасался, грозило затянуться. Надо было что-то говорить, но он решительно не мог взять в толк, что сказать рыжеволосому угрюмому мальчику, усиленно поглощавшему десерт, а в промежутках бросавшему на отца мрачные взгляды. Ситуация становилась с каждой минутой все невыносимее.

Наконец, решив, что ничего лучше порицаний он придумать не может, мистер Балтитьюд нарушил молчание.

— Пока ты не уехал, я хотел бы тебе сказать вот что. В этот семестр я опять получил крайне неутешительный отзыв о тебе от доктора Гримстона. Где же его письмо? Ах, вот оно. Слушай, и перестань набивать себе живот сладким — тебе

будет нехорошо! «У вашего сына, — пишет доктор Гримстон, — прекрасные задатки и отменные способности, но, к сожалению, вместо того, чтобы прилежно учиться, он впустую растрачивает свою энергию, и если в чем и преуспевает, то в умении подать дурной пример сверстникам, подчас сбивая их с пути истинного!» — Ничего не скажешь, порадовал, сынок! Я посылаю тебя в дорогую школу, обеспечиваю всем необходимым, дабы ты мог проявить унаследованные от отца отличные задатки и отменные способности, а ты подаешь дурной пример соученикам. В твоем-то возрасте! Да это они должны подавать тебе дурной пример… Нет, я хотел сказать совсем не то. Короче, я написал письмо доктору Гримстону, где сообщил, как больно было мне читать его послание, и попросил его действовать по совету царя Соломона, как только он еще раз заметит, что ты подаешь соученикам любой — подчеркиваю, любой — пример. Поэтому я сильно советую тебе как следует поразмыслить над своим поведением.

Возможно, отцовское назидание прозвучало не слишком ободряюще, но Дика оно никак не расстроило. Ему уже не раз случалось выслушивать подобное, и он был вполне к этому готов.

Он пытался отвлечься от мрачных мыслей изю-

мом и миндалем, но ягоды и орехи застревали в горле, и он перестал угощаться, а вместо этого погрузился в грустные размышления о своей печальной судьбе. Его охватило такое безысходное уныние, которое прекрасно поймут читатели со схожим школьным опытом. Если же другим, ученические годы которых представляли вереницу радостных дней, чувства Дика останутся непонятными, нам остается лишь за них порадоваться.

Наверху его сестра Барбара тихо наигрывала арию из «Пиратов», и музыка, явно комического содержания, обрела нежность и грусть, отчего меланхолия Дика только усилилась.

Тайком от мистера Балтитьюда, не одобрявшего подобные развлечения, Дик сходил на эту оперу во время каникул, и теперь звуки пианино воскресили приятные воспоминания, а с ними напомнили о том печальном факте, что теперь не скоро еще суждено ему побывать в театре.

К этому времени мистер Балтитьюд почувствовал гнетущую тяжесть установившейся в столовой тишины и, зевнув, сказал:

— Господи, что это Боулер так запропастился!

Дик почувствовал себя совсем несчастным и попытался изобразить вздох огорчения. Увы, отец истолковал это совсем иначе.

— Сколько раз я тебе говорил, — сердито сказал он, — чтобы ты бросил эту привычку сопеть. Это никого не радует, а многих, в том числе и меня, раздражает. Кроме того, не колоти ногой по ножке стола, ты же знаешь, я этого терпеть не могу. Зачем ты это делаешь? Почему бы тебе не научиться сидеть за столом, как подобает джентльмену?

Дик пробормотал извинения, а затем, вспомнив нечто важное, спросил нервным срывающимся голосом:

— Папа, пожалуйста, дай мне денег на карманные расходы.

Мистер Балтитьюд так посмотрел на него, словно его попросили отдать ключ от дома.

— Деньги на карманные расходы? Помилуй, но разве бабушка не подарила тебе на Рождество соверен? Да и я дал тебе десять шиллингов.

— Но я уже все потратил. И вообще ты мне всегда давал деньги с собой в школу.

— Если я тебе дам денег, ты их выкинешь на ветер, — отозвался мистер Балтитьюд, словно речь шла о произведениях искусства.

— Я буду экономить. А кроме того, мне придется класть что-то в тарелку для пожертвований в церкви по воскресеньям. Нам всегда велят это

делать. И еще надо платить извозчику.

— Ты сам знаешь, что за извозчика заплатит Боулер, — сухо отозвался отец. — Но я все-таки дам тебе немного денег, хотя ты и так обходишься мне недешево.

С этими словами он извлек из карманов брюк горсть серебряных и золотых монеток и рассыпал их по столу перед собой сияющей кучкой.

Увидев такое богатство, Дик оживился. На мгновение он даже позабыл о всех своих страданиях, вообразив, какое благополучие и уважение сверстников сулит ему каждый из этих новеньких соверенов.

Пока у него будут эти монетки, ему обеспечены и тайные удовольствия, и благорасположение школьников. Даже Типпинг, старший ученик, уже одевавшийся как взрослый, не привозил из дома больших сумм. Кроме того, эти деньги помогут ему с честью выйти из затруднительного финансового положения.

Между тем мистер Балтитьюд тщательно и аккуратно отобрал из сверкающей кучки флорин, два шиллинга и два шестипенсовика, каковые и пододвинул Дику, уставившемуся на монеты с нескрываемым разочарованием.

— Весьма щедрое вспомоществование для

твоих лет, — изрек мистер Балтитьюд, — только не трать деньги на глупости, ну а если к концу семестра тебе понадобится небольшая добавка и ты внятно изложишь в письме, зачем она тебе нужна, то не исключено, что я удовлетворю твою просьбу.

Как ни хотелось Дику попросить еще, он счел за благо промолчать и, пробормотав что-то отдаленно напоминающее большое спасибо, спрятал деньги в свой кошелек. Там он обнаружил нечто, о чем явно успел позабыть, ибо извлек оттуда маленький пакетик и стал разворачивать его с легкой нерешительностью.

— Чуть было не забыл, — сказал он чуть веселее, чем прежде. — Я не хотел брать это без разрешения, но, наверное, он тебе не нужен. Можно, я возьму его в школу?

— Что еще тебе нужно? — резко спросил мистер Балтитьюд. — Что там у тебя?

— Камень, который дядя Мармадюк привез маме из Индии. Его называли «Пагода» или как-то в этом роде.

— Какая еще «Пагода»? Его называют камень Гаруда. Как это он попал к тебе? Ты опять рылся у меня в столе? Я уже говорил, что этого не потерплю!

— Нет, не рылся, — отвечал Дик. — Он лежал на подносе в гостиной, и Барбара сказала, что если я попрошу, ты мне его отдашь. Он тебе не нужен.

— Барбара не имела права говорить такие вещи.

— Но можно я возьму его? Можно, папа? — не отставал Дик.

— Нет, конечно. Зачем тебе он? Ну-ка, отдай.

Дик неохотно отдал камень отцу. Это был невзрачного вида серо-зеленый плоский камень с дырочкой, а его плоские части были покрыты полустершимися знаками.

Вид у него был вполне безобидный, и мистер Балтитьюд взял его в руку. Увы, не нашлось дружеской длани, которая удержала бы его от этого, не раздался голос, посоветовавший бы оставить камень в покое, ибо в нем таились скрытые колдовские чары Востока, готовые пробудиться при условных словах.

Такого советчика не оказалось рядом, да если бы он и нашелся, то мистер Балтитьюд, человек трезвый и прозаический, скорее всего отнесся бы к предупреждению как к смехотворному предрассудку.

Так или иначе, он был в шаге от страшной опасности, совершенно не подозревая об этом.

Глава 2
Великое превращение

Пол Балтитьюд надел очки, чтобы получше разглядеть камень, который давно не попадался ему на глаза. Затем он поглядел на сына и еще раз осведомился:

— Зачем тебе это?

Дик считал камень весьма ценной вещью и собирался демонстрировать его друзьям — разумеется, во время уроков, в виде приятного отвлечения от скучных материй. Он собирался с ним играть и, вертя в руках, придумывать легенды о его чудодейственных свойствах. Наконец, когда камень ему надоест, Дик мог обменять его на что-то новое и интересное. Все эти возможности вертелись в его голове, но он не мог найти силы и поведать о них отцу. Он лишь пробормотал:

— Он мне нравится, вот и все!

— Нечего! — осадил его отец. — Пусть камень хранится в доме — это единственная вещь, которую дядя Мармадюк кому-то подарил.

Брат покойной жены мистера Балтитьюда,

Мармадюк Парадайн, был не из тех, знакомством с которым можно гордиться. Обладая «вкрадчивыми манерами», он после неудачных попыток поступить в армию был послан в Бомбей агентом манчестерской фирмы, где оказался замешан в ряде весьма сомнительных сделок с местными торговцами и представителями конкурирующих организаций, после чего был со скандалом уволен своими работодателями.

Он привез из Индии этот камень в виде сувенира, прельстившись тем, что по размерам и стоимости он выгодно отличался от лакированных шкатулок, поделок из меди, тканей, словом, всего того, что ожидают друзья от тех, кто приезжает домой из Индии. Прошлое было забыто, и его снова приняли в доме Пола, но в самом скором времени Парадайн опять оказался вовлечен в еще более сомнительные сделки, что заставило мистера Балтитьюда запретить ему появляться на Вестборн-террас.

С тех пор о Мармадюке было мало что известно, но и те сведения, что достигали слуха мистера Балтитьюда, не вызывали у него ни малейшего желания возобновлять знакомство.

— Может, это талисман, — сказал Дик в тщетной надежде убедить отца отдать ему желанное

сокровище.

— Понятия не имею, — зевнув, сказал Пол. — Почему ты так думаешь?

— Не знаю, просто дядя Дюк что-то говорил на этот счет. Барбара слышала, как он рассказывал об этом маме. Может, так оно и есть, и камень исцеляет людей от болезней. Хотя я сильно в этом сомневаюсь. Я пытался сводить им бородавки, но напрасно. Если бы я мог взять его с собой, я бы все выяснил.

— Боюсь, тебе не предоставится такой возможности, — сухо возразил отец. — Если у камня и есть секрет, я сам выясню, в чем он состоит. — Если бы Пол только знал, что судьба поймает его на этих словах и очень быстро! — А вот и твой кеб. Наконец-то!

С улицы послышался стук колес, отчего Дик пришел в полное уныние. Тайная мечта, о которой он недавно не мог и помыслить, признаться, теперь настоятельно рвалась наружу. Дик встал и робко подошел к отцу.

— Папа, — сказал он, — я хотел бы попросить об одной вещи. Можно?

— Ну что такое? Быстрее, времени у нас в обрез.

— Я… я хочу, чтобы ты забрал меня от Гримсто-

на по окончании этого семестра.

Пол уставился на него в гневе и недоумении.

— Забрать тебя от доктора Гримстона? — повторил он, прибавив: — Будь так добр называть его доктором. Это еще почему? У него отличная школа. В жизни не читал более убедительно изложенной программы. А мой старый друг сэр Бенджамин Бэнгл, который является членом Школьного совета и знает кое-что о школах, весьма настоятельно рекомендовал мне это учебное заведение. Он говорил, что непременно отправил бы туда своего сына, если бы не записал его в Итон. К тому же, я дополнительно плачу за уроки танцев и мясо на завтрак. Так что я не знаю, чего ты хочешь?

— Я хочу учиться в Мальборо или Харроу или где-нибудь еще, — захныкал Дик. — Джолланд, например, после Пасхи переходит в Харроу. Что понимает старик Бэнгл в нашей школе? Ему-то не надо там учиться. Гримстон хорош только со своими любимчиками, но меня он не любит и вечно ко мне придирается. Там масса противных типов и вообще мне там плохо. Разреши мне перейти куда-нибудь в другое место! Я даже могу остаться дома и заниматься с частным преподавателем, как Джо Твиттерли.

— Все это чепуха! — сердито возразил Балтитьюд-старший. — Курам на смех! Я не желаю больше ничего слышать. Частный преподаватель — надо же такое выдумать! Будешь учиться в «Крайтон-хаузе», пока я считаю это необходимым. Вот и все!

Услышав о крушении своих надежд, Дик зарыдал так горько, что у отца заныло сердце. Справедливости ради отметим, что он не собирался проявлять такую строгость в час отъезда сына и, слегка устыдившись своей раздражительности, решил пояснить, почему он выбрал именно «Крайтон-хауз». Он решил произнести короткий панегирик школе, дабы заставить Дика взглянуть на ситуацию в спокойном свете разума и здравого смысла. Общие места стали всплывать на поверхность из мутных глубин сознания, где до этого пребывали.

Избитые истины он важно излагал сыну, не успевая удивляться собственной прозорливости и красноречию.

— Не надо плакать, сын мой, школьникам часто кажется, что с ними обходятся плохо, учат не тому и так далее, словно люди моего положения дают детям образование не из лучших, а из худших побуждений.

Через эти мелкие неприятности проходят все дети. Но попомни мои слова, когда они начинают взрослую жизнь и сталкиваются с настоящими трудностями, а потом становятся пожилыми людьми, как, например, я, то понимают, какими были тогда глупцами. Они вспоминают… гм… невинные забавы детства и убеждаются, что годы, проведенные в школе, были самым счастливым временем в их жизни.

— Ну что ж, — сказал Дик. — Надеюсь, что в моей жизни будут времена посчастливее. Может, тебе и было хорошо в твоей школе, но я не верю, что тебе очень хотелось бы снова стать мальчиком и отправиться в школу Гримстона.

Эти слова задели Пола за живое. Он вошел во вкус и не мог пропустить такой вызов. Слишком уж эффектный напрашивался ответ.

Он откинулся в кресле и, сложив кончики пальцев вместе, заулыбался с чувством снисходительного превосходства.

— Мне очень хотелось бы, чтобы ты поверил: несмотря на мой возраст и положение, чему ты, как я погляжу, очень завидуешь, я бы хотел снова стать мальчиком твоего возраста и иметь возможность опять вернуться в школу. Уверяю тебя, я был бы просто счастлив.

К несчастью, ради вашего впечатления, мы порой говорим далеко не то, что думаем. Только большинство из нас, в отличие от несчастного мистера Балтитьюда, делает это без риска оказаться пойманным на слове.

Не успел он произнести эту фразу, как почувствовал странный озноб, и ему показалось, что он вдруг уменьшился в размерах. Как ни странно, ему померещилось, что кресло, в котором он сидел, вдруг сделалось гораздо просторнее. Но он подавил в себе это удивление, решив, что все это лишь игра воображения и продолжил с той же самоуверенностью в голосе:

— Я бы очень хотел этого, друг мой, но что толку желать понапрасну? Я уже стар, а ты юн, и поскольку тут уж ничего не поделаешь… Черт побери, что ты хохочешь?

Ибо Дик, после недолгого изумленного вглядывания в отца с разинутым ртом, внезапно разразился диким хохотом, с которым тщетно пытался совладать.

Это естественно, вызвало неудовольствие мистера Балтитьюда, который с достоинством спросил:

— Не могу понять, что я сказал такого смешного…

— Ой, караул! — простонал Дик. — Дело не в том, что ты говоришь, а в том… Господи, неужели ты не чувствуешь разницу?

— Чем скорее ты уедешь в школу, тем лучше, — сердито проговорил Пол. — Я умываю руки. Когда я пытаюсь дать тебе полезный совет, ты встречаешь это хохотом. Ты всегда отличался дурными манерами. Сию же минуту убирайся из комнаты!

Колесами стучал, видно, совсем другой кеб, но мистер Балтитьюд так рассердился, что не желал больше видеть сына. Дик, однако, и не подумал встать со стула. Он умирал со смеха, а его отец окаменел в своем кресле, пытаясь игнорировать недостойное поведение своего отпрыска. Впрочем, нельзя сказать, чтобы это ему особенно удавалось.

Мы не в состоянии вынести, чтобы над нами покатывались со смеху, а нам было непонятно, в чем заключается причина веселья. Да и когда это становится понятно, все равно непросто заставить себя юмористически взглянуть на ситуацию, главным героем которой являешься ты.

Наконец терпению мистера Балтитьюда пришел конец, и он холодно сказал:

— Теперь, может, ты все-таки объяснишь мне, что так тебя развеселило.

Дик, раскрасневшийся и немного смущенный, попытался что-то сказать, но у него ничего не вышло. Так повторялось несколько раз. Когда же он обрел дар речи, голос его был хриплый в немного осевший от смеха.

— Разве ты сам не понял? Посмотри на себя в зеркало — ты же обхохочешься!

В буфете была узкая полоска зеркального стекла. Туда-то с большой неохотой и холодным достоинством и направился мистер Балтитьюд.

Он решил, что, возможно, чем-то запачкал лицо или у него развязался галстук, или приключилось что-то еще в том же роде, вызвавшее неоправданное и возмутительное веселье сына. Он еще не знал об ужасной правде.

Дик же, хихикая, следил за ним, как человек, предвкушающий потеху, когда и другие поймут смысл отличной шутки, пока известной лишь ему.

Но не успел его отец глянуть на себя в зеркало, как в ужасе отшатнулся, а затем посмотрел снова — и снова отшатнулся.

Неужели это он?!

Он ожидал увидеть свое знакомое полное лицо, но вместо этого зеркало почему-то отразило физиономию его сына Дика. Неужели случилось

чудо, и он, Пол, потерял возможность отражаться в зеркалах — иначе чем же объяснить, что там был виден лишь его сын?

Но почему, обернувшись к Дику, он увидел его сидящим? Значит, зеркало отражало не Дика? К тому же отражение шевелилось, когда шевелился он, Пол, исчезало и появлялось снова, когда мистер Балтитьюд отходил и возвращался к зеркалу.

Он обернулся к сыну, охваченный новым подозрением.

— Ты что-то сделал с зеркалом? — крикнул он сердито. — Признавайся, это твои фокусы?

— Как я могу что-то с ним сделать? — удивился сын.

— Тогда, — заикаясь выговорил Балтитьюд, готовясь услышать самое страшное, — скажи мне правду: я не изменился?

— Изменился, — отвечал сын. — Вот умора! Посмотри сам, — и он подошел к зеркалу и стал рядом с перепуганным отцом. — Мы похожи, как две горошины… хи-хи-хи.

Так оно и было. В зеркале отразились две рыжеволосые пухлощекие мальчишеские физиономии. Оба мальчика были одеты в одинаковые итонские костюмчики с белыми воротничками.

Единственное различие между ними заключалось в том, что на одном из лиц было написано полнейшее удовольствие, а другое, которое, как опасался мистер Балтитьюд, принадлежало ему — было вытянуто от страха и смятения.

— Дик, — слабо осведомился Балтитьюд. — Кто посмел выкинуть со мной такую шутку?

— Не знаю, только не я. Это ты сам сделал.

— Сам?! — вознегодовал мастер Балтитьюд. — Не может быть! Это какие-то козни, заговор! И самое ужасное, — плаксиво добавил он, — я вообще не понимаю, кто я такой. Дик, кто я?

— Ты не можешь быть мной, — авторитетно заметил сын, — потому что я тут, рядом. Но ты уже не ты. Но все равно ты кто-то.

— Знаю без тебя, — рявкнул отец, — Но главное, я чувствую себя самим собой. Скажи, когда ты впервые заметил перемену? И вообще, заметил ли ты, как это произошло?

— Это случилось в один миг — когда ты рассуждал о школе. Ты сказал, что очень хотел бы… Слушай, так это же, наверное, камень…

— Камень? Какой камень? О чем ты?

— Камень Гаруда. Он у тебя и сейчас в руке. Да это же талисман. Как здорово!

— Я не сделал ничего, чтобы привести его в

действие… Да и как он мог подействовать. В наши дни это невозможно.

— Но с тобой что-то произошло, так? Не могло же это случиться ни с того ни с сего? — упорствовал Дик.

— У меня в руке и впрямь была эта чертова штука, — признал отец. — Но что я такого сказал? За что она меня так?

— Я все понял! — вскричал Дик. — Ты не помнишь? Ты сказал, что очень хотел бы стать мальчиком, таким, как я. Вот ты им и стал. Здорово! Но слушай, ты же не можешь пойти на работу. Лучше поехали со мной вместе к Гримстону, тебе там понравится. Представляю, какая будет у старика физиономия, когда он увидит нас вместе!

— Это чепуха, и ты сам это прекрасно знаешь, — парировал Балтитьюд-старший. — Что мне делать в школе в мои-то годы? Говорю тебе, я такой же, как и раньше, внутренне, хотя внешне и превратился в мальчишку-сорванца. Как это жутко некстати! А все ты, Дик! Если бы ты не приставал ко мне с этим камнем, ничего не случилось бы. Я страдаю из-за тебя.

— Но ты же сам так пожелал! — сказал Дик.

— Пожелал! — горестно повторил Пол Балтитьюд. — Ну да, пожелал, — и в его голосе

появилась надежда. — Этот камень исполняет желания! Стоит взять его в руку, произнести желание — и порядок! Если это так, то я все верну на свои места, пожелав опять стать взрослым. То-то я посмеюсь над этим дурацким превращением!

Он взял в руку камень, отошел в угол и зашептал:

— Хочу стать самим собой. Хочу стать тем, кем я был пять минут назад. Хочу, чтобы все это отменилось…

Он бормотал, пока не выдохся и не покраснел. Он брал камень то в правую, то в левую руку, то садился, то вставал, но все без толку. Он сохранял ту же мальчишескую наружность, что и раньше.

— Мне это не нравится, — наконец уныло сообщил он сыну. — Эта дьявольская штука испортилась. Не могу заставить ее работать.

— Может, — вставил Дик, наблюдавший за стараниями отца с самой непочтительной веселостью, — это из тех талисманов, что выполняют лишь одно желание?

— Тогда мне конец! — воскликнул Пол Балтитьюд. — Ну что мне делать? Придумай что-нибудь вместо того, чтобы стоять и мерзко хихикать! Не видишь, какая со мной стряслась беда? Представляешь, что будет, если сюда войдет твоя сестра

или кто-то из прислуги?

Эта мысль привела Дика в восторг. Он весело крикнул:

— Давай созовем их всех. Пусть посмотрят. Вот умора! — И он бросился к звонку.

— Только попробуй! — крикнул Пол. — В таком виде я не покажусь никому! Дернула же нелегкая твоего дядюшку привезти такой подарочек! Ну и ну! Не оставаться же мне так на всю жизнь! Может послать за доктором Бустардом? Может, он даст каких-нибудь пилюль? Но тогда об этом узнает вся округа? Если я сейчас же не найду выхода, я сойду с ума!

И он лихорадочно заходил взад-вперед по столовой.

Наконец, когда мысли в его голове пришли в относительный порядок, он увидел шанс на спасение — при всей своей призрачности, это был все-таки шанс. Приходилось признать, что камень Гаруда — как это ни удивительно в наш рациональный век — все же обладал магическими свойствами. Было также ясно, что талисман решительно не желал исполнять его новые желания. Но это не значило, что он навсегда утратил свою силу. Возможно, в других руках он снова заработает. Так или иначе, попытка не пытка.

Пол Балтитьюд сбивчиво объяснил все это Дику, у которого в глазах заблистали веселые искорки.

— Можно попробовать, — сказал он. — Давай камень.

— Возьми, дружок, — сказал Пол таким покровительственным тоном, который неприятно резанул ухо Дика, настолько он не вязался с новым обликом отца. — Возьми, мой мальчик, и поскорее пожелай, чтобы твой старый отец опять стал самим собой.

Дик взял камень и застыл в задумчивости, а Пол Балтитьюд не находил себе места от волнения.

— Не работает? — испуганно осведомился наконец.

— Не знаю, — спокойно отвечал Дик. — Я еще не пробовал.

— Так попробуй! — вспыхнул отец. — Нельзя терять время. Каждая минута дорога. Вот-вот прибудет твой кеб. И хотя мой облик изменился самым нелепым образом, я по-прежнему не утратил свою отцовскую власть и потому требую, чтобы ты меня слушался.

— Пожалуйста, — сухо отозвался Дик. — Сохраняй свою отцовскую власть на здоровье.

— Тогда делай, что велено! Неужели тебе невдомек, что может приключиться большой скандал?

Я не стану посмешищем всего Лондона! О случившемся не должен знать никто. Понимаешь, никто!

— Понимаю, — сказал Дик, сидя на краю стола и болтая ногами. — Очень даже понимаю. Через минуту я попрошу камень и все будет в порядке.

— Молодец! — с облегчением воскликнул Пол. — Я знал, что у тебя хорошее сердце. Только не мешкай!

— Но когда ты снова станешь собой, все будет по-прежнему, да? — осведомился Дик.

— Ну да.

— То есть ты останешься здесь, а я поеду к Гримстону?

— Конечно. Не задавай лишних вопросов. Ты все прекрасно понимаешь. Действуй. Не хватало, чтобы нас здесь застали.

— Ясно, — сказал Дик. — Самое время действовать.

— Но что же ты тогда медлишь?

— Поспешишь, людей насмешишь, — сказал Дик. — Тебе может не понравиться то, что я сделаю.

— Что, что ты сделаешь? — поспешно спросил Пол, уловив в интонациях сына что-то зловещее.

— Признаться, — сказал тот, — так даже лучше.

Ты же сам хотел стать мальчиком, верно?

— Я вовсе не имел это в виду, — простонал Пол.

— Но откуда это знать камню? Так или иначе он мигом исполнил твое желание. Ну а если я пожелаю стать взрослым, каким был ты десять минут назад, все встанет на свои места, так?

— Ты что, рехнулся? — вскричал Пол, ужасаясь такой перспективе. — Все станет еще хуже!

— Сомневаюсь, — возразил Дик. — Некто не догадается.

— Пойми же, юный осел, так не пойдет! Обменявшись обликами, мы оба окажемся в дурацком положении.

— Это неизвестно, — сухо сказал Дик.

— Ты уж мне поверь. Я решительно возражаю против такого плана. Я этого не потерплю. Слышишь? Я запрещаю тебе даже думать об этом. Верни камень. После сказанного я не могу допустить, чтобы он оставался в твоих руках.

— Нет уж, — стоял на своем Дик. — Ты исполнил свое желание. Теперь почему бы мне не сделать то же самое?

— Ах ты негодяй! — вскричал в праведном гневе отец. — Так ты не слушаешься?! Отдай сейчас же камень! Я тебе приказываю. — И он шагнул к

сыну, собираясь силой отнять талисман.

Но Дик был начеку. Проворно соскочив со стола, он оказался на коврике у камина. Руку с камнем он спрятал за спину, а вторую выставил вперед.

— Мне очень не хотелось бы драться, потому что как-никак ты мой отец, — сказал Дик, — но если ты мне будешь мешать, я дам тебе по башке.

Мистер Балтитьюд испуганно отступил назад, понимая, что преимущество будет на стороне сына, хотя они и были с ним одного роста и веса. Некоторое время отец и сын стояли, тяжело дыша, друг против друга, внимательно следя, не готовит ли неприятель какой-то подвох.

Наверху, словно в насмешку над происходящей сценой, весело играла полька, в фортепьяно смеялось над драматическим столкновением между отцом и сыном.

Внезапно Дик вышел из оцепенения.

— Отойди! — крикнул он. — Я это сделаю. Хочу стать взрослым, каким был ты.

Не успел он закрыть рот, как мистер Балтитьюд с большим неудовольствием увидел метаморфозу, приключившуюся с его непослушным и бессовестным сыном. Сначала Дик вдруг раздулся, словно лягушка, и затем превратился в точную копию мистера Балтитьюда. Новопревращенный

Дик стал прыгать и плясать по комнате с проворством, какое позволяли его новые габариты.

— Отлично! — восклицал он. — Камень не подкачал! Никто и не заподозрит подвоха!

А затем он упал в кресло и вволю нахохотался, радуясь своему нахальному поступку. Пол же настолько разъярился тем, как с ним обошелся ребенок, что, с трудом обретя дар речи, свирепо воскликнул:

— Ну что ж, все вышло по-твоему, и мы оба в дурацком положении. Надеюсь, ты теперь натешился вдосталь. Только неужели ты собираешься в таком виде ехать в «Крайтон-хауз?»

— Нет, — решительно сказал Дик. — В таком виде — нет!

— Ничем не могу тебе помочь. Если доктор согласится принять тебя в таком виде, я не буду препятствовать твоему отъезду.

Пол лишь хотел припугнуть Дика, ибо считал, что если посвятить в их тайну Боулера, все станет на свои места. Но угроза заставила Дика принять решение, на которое он иначе вряд ли решился бы.

— Неужели? — воскликнул он. — Но не кажется ли тебе, что мы с тобой поменялись местами?

— В известном смысле, — признал Пол. — Моя

опрометчивость и твое коварство… но если я коротко объясню суть дела…

— Вряд ли у тебя получится коротко, — усомнился Дик, — но попробуй. Когда приедешь к Гримстону.

— Когда? Что, что? — ахнул Пол.

— Видишь ли, нет смысла нам ехать туда вдвоем. Ребята не дадут нам покоя. Ну а поскольку мне там осточертело, а тебе хочется вернуться в школу, почему бы тебе не отправиться туда одному.

— Ни за что! Я не выйду из этой комнаты! Тотчас же за окном послышался стук колес. Они затихли у дома, и раздался пронзительный звонок. Долгожданный кеб приехал.

— Нечего тратить время попусту, — сказал Дик. — Одевайся.

Мистер Балтитьюд решил обратить все в шутку и, нервно усмехнувшись, сказал:

— Да, на сей раз ты загнал беднягу отца в угол. Я неправ. Я действительно сказал не то, что думал. Но хватит. Хорошенького понемножку! Пожмем друг другу руки и попробуем найти выход.

Но Дик, уютно устроившись у камина, отвечал с отцовскими интонациями:

— Ты отправляешься в отличное заведение, где будешь окружен всеми домашними радостями

— особенно рекомендую тянучку, не пропусти ее — по вторникам и пятницам. Ты снова получишь возможность предаться детским трудам и досугам. Тебе особенно понравится «охота». Ты в детстве не играл в охоту? И со сверстниками ты поладишь, если только не станешь задаваться. Этого они не потерпят. А теперь прощай, сын мой, и да благословит тебя Господь!

Пол оцепенело выслушал эту речь, не смея поверить, что сын вовсе не шутит. Не успел он что-то ответить, как отворилась дверь и вошел Боулер.

— Еле нашел кеб — погода жуткая, — объяснил он лжеДику, — но вещи уже там, и извозчик говорит, что успеем.

— Прощай же, сын мой, — сказал Дик с притворной нежностью, но опасными искорками в глазах. — И не забудь передать привет доктору.

Пол обернулся к дворецкому, надеясь на поддержку. Боулер не допустит, чтобы хозяина, который всегда был с ним справедлив, если не снисходителен, так вот безжалостно выпроводить из дома.

Он попытался что-то сказать, но в голове его все перемешалось. Он хотел гневно изобличить обманщика, заклеймить его позором, оповестить

весь дом, что в его облике разгуливает самозванец. Пусть они соберутся и решат, кто есть кто.

Сумей он сделать это быстро и с толком, он скорее всего избежал бы неприятных переживаний, изменил бы события в свою пользу, ибо Дик еще не свыкся со своим новым положением, но как это часто бывает, самые нужные слова так и не слетают с наших губ в необходимый момент.

В таком положении оказался и мистер Балтитьюд. Он сделал еще одну отчаянную попытку объясниться, но нависшая над ним угроза отупляла, а не стимулировала его ум. Но тут судьба избавила его от новых мучений. Глаза Пола застлала темная пелена, стены комнаты отступили, в ушах зазвенело, и он стал падать. Ему казалось, что он проваливается сквозь землю и летит вниз, к антиподам. Затем его окутала чернота, и он потерял сознание.

Глава 3
Неожиданные осложнения

Когда мистер Балтитьюд пришел в себя, то обнаружил, что его куда-то везут по широкой, ярко освещенной улице в тряском экипаже.

В голове у него по-прежнему был туман, и какое-то время он лежал, прислушиваясь к дребезжанию стекол кеба.

Его первое ясное ощущение было связано с едой. Он пытался понять, что подаст на обед ему Барбара. Есть ему совершенно не хотелось, и лишь нечто изысканное могло возбудить аппетит.

Мысль об обеде вызвали образ столовой, а затем внезапно на него нахлынули воспоминания о камне Гаруда. Мистер Балтитьюд содрогнулся, до того ясны, отчетливы и ужасны были эти воспоминания. Но чувство страха вдруг уступило место ощущению того, что сейчас он в безопасности.

Поскольку, до того как упасть в обморок, он был в столовой, то, обнаружив, что едет в кебе, незадачливый мистер Балтитьюд вдруг совершенно успокоился, ибо он часто возвращался домой

именно этой дорогой.

Окончательно придя в себя, он лишь усмехнулся, вспомнив померещившуюся ему сцену с талисманом, — что за шутки способно выкидывать наше воображение.

«Как это мне такое приснилось?» — удивленно спросил он себя, ибо и в сновидениях мистер Балтитьюд никогда не переступал черту вероятного. Впрочем, он быстро приписал эту фантазию влиянию тушеных почек, которыми угощался в клубе на ланч, а также странного коричневого шерри, поданного Робинсоном в конторе.

— Сильно же все это на меня подействовало! — воскликнул мистер Балтитьюд. — До сих пор не могу прийти в себя!

Как правило, пробуждаясь от кошмара, мы испытываем нарастающее облегчение, по мере того как детали ужасного сна постепенно исчезают из нашей памяти, которая без сожаления расстается с ними. Но Пол Балтитьюд, напротив, очнувшись, ощущал нарастающую тревогу.

Первым предвестником беды, пожалуй, послужило странное ощущение, что он занимает в кебе куда меньше пространства, чем обычно.

Дабы успокоиться, Пол начал восстанавливать в памяти день по минутам, до того самого

момента, когда он сел в кеб. Это должно было окончательно подтвердить нереальность событий, якобы случившихся с ним дома. Но беда состояла в том, что все его воспоминания заканчивались на том, что он оставил свою контору, — он решительно не мог припомнить, что садился в кеб.

Может быть, он очень спешил и отправился домой поездом подземки? Нет, это было накануне, а что у нас сегодня — суббота, воскресенье? Но воспоминания были совсем свежими, а в субботу он помнил, как ушел из фирмы в два часа, а потом отправился с Барбарой в театр.

Медленно и неотвратимо подкралось воспоминание, что он уже сегодня обедал, и причем обедал довольно плотно.

«Если это так, — размышлял Пол, — то я вовсе не еду домой обедать, но в таком случае куда я вообще еду?»

Простая мысль, что с ним что-то стряслось, заставила его призвать все силы рассудка, чтобы положить конец неразберихе.

Кеб миновал кварталы ярко освещенных магазинов и теперь проезжал через район частных особняков, поэтому Полу пришлось ждать, пока бледный свет уличного фонаря не осветил каре-

ту. Тогда он положил ноги на противоположное сиденье и осмотрел брюки и башмаки.

Он никогда не носил ничего подобного. Всегда подтянутый и аккуратный, он особенно следил за чистотой и фасоном обуви и покроем брюк. Но на нем невесть откуда оказались грубые ботинки на толстой подошве с широкими носами. У одного даже на боку была заплатка. Брюки были из грубой тяжелой материи, которая рекламировалась как «обладающая повышенной прочностью и особо рекомендуемая учащимся». Внизу у них была бахрома, и они лоснились, подумать только, лоснились на коленках!

В приступе отчаяния мистер Балтитьюд стал лихорадочно ощупывать себя. Он был какой-то маленький и худенький! Мистер Балтитьюд имел небольшой животик, но теперь он обнаружил, что у него впервые за двадцать лет появилась талия — и никакой, казалось бы вполне естественной, радости от этого открытия не испытал.

Его последняя надежда рухнула, когда, сняв шляпу, он стал ощупывать макушку. Там, где прежде была широкая гладкая яйцевидная поверхность, с редкими кустиками растительности по бокам, он обнаружил кудрявую густую шевелюру. Это открытие совершенно его подкосило.

Правда оказалась слишком горькой. Он чуть не разрыдался в голос.

Да, это был не сон, навеянный плохим пищеварением, но страшная реальность! Ужасная сцена в столовой вовсе не приснилась, а имела место на самом деле. Теперь его, Пола Балтитьюда, владельца фирмы на Минсинг-лейн, человека уважаемого и состоятельного, везли в школу, словно он всегда был мальчиком, в которого его превратили колдовским манером.

Ему пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы иметь возможность продумать свои дальнейшие действия.

«Хладнокровие и спокойствие, — внушал он себе дрожащим голосом. — Все зависит только от этого».

Он немного утешился, увидев в окошечке широкую спину Клегга, кебмена, державшего своих двух лошадей в конюшне на Пред-стрит. Пол иногда нанимал его в плохую погоду.

Клегг обязательно узнает его, несмотря на колдовство!

Пол решил, что сейчас же велит поворачивать и ехать домой. Пусть домашние знают, что от него так легко не избавиться. Если Дик считает, что сбагрил его, и дело с концом, то он сильно

ошибается. Он еще покажет, где раки зимуют!

Любой разумный человек поймет, кто он такой, несмотря на дурацкую внешность. Главное, предоставить неопровержимые доказательства. Дети, клерки, слуги — все они быстро свыкнутся с его новым обликом, научатся не обращать внимание на видимости. К тому же есть возможность все вернуть на свои места с помощью волшебного камня!

— Не буду терять времени! — произнес Пол и, опустив окно, высунулся наружу и стал кричать: «Стой! Стой!»

Но Клегг то ли не услышал, то ли не захотел услышать. Он вовсю гнал лошадей. Вообще, среди извозчиков он всегда славился лихачеством.

Теперь они проезжали мимо Юстона. Вечер был холодный и слякотный, над домами висел коричневый туман, а выше виднелось сине-черное небо. Мокрая улица напоминала черный канал, и по ее чернильной глади двигались экипажи, больше походившие на лодки. В туманном сумраке краснели отблески уличных фонарей. В такой вечер очень не хочется выходить из дома.

Пол собирался открыть дверь экипажа и спрыгнуть, но у него не хватило мужества. Впрочем, кеб летел так быстро, что и для более проворного

пассажира прыжок мог бы оказаться опасным. Поэтому Пол решил подождать, когда они приедут на вокзал, а там уж он растолкует Клеггу, что к чему.

«Надо заплатить ему побольше, — размышлял, мистер Балтитьюд, — я дам ему соверен, только пусть отвезет меня домой». И он стал рыться в карманах в поисках мелочи, которую обычно имел в изобилии. Обнаружил он, однако, совсем иные и загадочные предметы, выуживая их поочередно из карманных глубин. Он увидел пенальчик для карандашей, отломанный кусочек хрустальной подвески для люстры, маленькую книжечку, в которой была изображена мельница, и при быстром перелистывании страниц она как бы начинала вращать крыльями, позолоченный сломанный варган, оловянного солдатика, монеты из Гонконга с дырками посередине, зубчатые колесики от часов. Новые поиски вознаградили Пола куском тянучки, завернутой в коричневую бумагу.

Морщась от отвращения, Пол швырнул находки в окно, а затем, нащупав в боковом кармане кошелек, быстро вынул и раскрыл его.

Там было ровно пять шиллингов — именно эту сумму составили монетки, выданные им Дику в

столовой. Теперь уже эта сумма не показалась ему столь щедрой. Проклятый камень выполнил его желание с полной и безоговорочной точностью. Пол стал точной копией Дика и даже содержимое карманов точно соответствовало запасам, сделанным его сыном. Внешне он был как две капли воды похож на сына, но самое ужасное заключалось в том, что внутренне он остался самим собой и томился в своем новом обличье как в темнице. К этому времени кеб, преодолев подъем, въехал под высокую, украшенную шпилем арку вокзала Сент-Панкрас, и, дернувшись, застыл у ступенек входа в помещение касс.

Пол выпрыгнул из экипажа и закричал:

— Клегг, почему, черт возьми, ты не остановился! Я же тебе приказывал!

Клегг был дюжий краснолицый детина с хриплым голосом. Он производил впечатление убежденного противника трезвого образа жизни.

— Почему я не остановился? — переспросил он, наклоняясь со своего кучерского места. — А потому что не хочу терять хорошего клиента, вот почему.

— Ты что, меня не знаешь?

— Не знаю? — снова переспросил Клегг с намеком на сентиментальность. — Я знаю вас с пеле-

нок, я знавал вашу первую няньку — отличная была молодая особа, жаль только пристрастилась к зеленому змию и плохо кончила, как это часто случается. Я помню вас в детстве и в отрочестве. Я возил вас на этот вокзал уже дважды. Мне ли вас не знать?!

Пол осознал бессмысленность дальнейших объяснений.

— Тогда везите меня скорее назад. Коробки можете оставить. У меня… важное дело. Совсем о нем забыл.

Клегг мерзко подмигнул.

— Вот это да! — сказал он чуть не с восхищением. — Опять за старое! Но только этот номер со стариной Клеггом не пройдет.

— Какой номер? — удивился Пол.

— Отвозить назад с вокзала юных джентльменов, которых родители отправили учиться, — пояснил Клегг. — В прошлый раз вам стало так нехорошо в моем кебе, что я сдуру повернул лошадей и поехал назад. За это мне не заплатили ни пенса. Ваш папаша страшно рассердился и сказал, что если это повторится, он больше не станет меня нанимать. А я не хочу ссориться с вашим папашей. Зачем терять хорошего клиента?

— Я дам вам за это соверен, — пообещал Пол.

— Если бы вы об этом помалкивали, я бы, глядишь, мог вас ссадить на углу, — неуверенно заговорил Клегг, что вселило в сердце Пола надежду. — Надо поглядеть, как ваше самочувствие. Надо же! — воскликнул он с презрением, поняв по выражению лица Пола, что тот и не собирается платить. — Да вы здоровехоньки! Поезжайте в школу и не сбивайте с пути истинного честного извозчика, которому надо зарабатывать на жизнь. Что ты на это скажешь, дружище носильщик, — осведомился он. — Этот молодой джентльмен отлынивает от школы, хотя должен благодарить небеса, что его посылают учиться. Вот я, например, трудящийся человек. Мои дети грызут всякую премудрость и французский язык в интернате, а я плачу за них раз в неделю и радуюсь. Почему, скажите на милость, носильщик и юный джентльмен? А потому что я знаю, как это важно, хоть и сам человек необразованный. Но когда я вижу, что юноша не ценит прекрасные возможности, дарованные ему провидением и папашей, я болею душой. Клеггу противно видеть такую черную неблагодарность!

Клегг громко произнес этот монолог, бурно жестикулируя, к просвещению носильщиков и огорчению мистера Балтитьюда, только и ска-

завшего:

— Езжайте своей дорогой. Вы пьяны.

— Пьян?! — гневно возопил Клегг, вставая с козел. — Вы только полюбуйтесь на этого юношу, который смеет упрекать отличного семьянина в пьянстве! Это после того, как он возил его папашу в дождь и стужу добрых пятнадцать лет! Он еще скажет, что эта вот лошадь тоже пьяна! С него станется! Чтобы ноги вашей отныне не ступало в мой кеб. Я так и скажу вашему папаше. Юный негодяй и коварный змей! Пьян! Это же надо такое сказануть!

Продолжая ругаться и ворчать, Клегг взял в руки вожжи и отбыл восвояси, поскольку Боулер заранее ему заплатил.

— Куда прикажете, сэр? — осведомился носильщик, успевший за это время положить коробки Пола на тележку.

— Никуда, — отрезал мистер Балтитьюд. — Я не еду. Найдите мне кеб с трезвым извозчиком.

Носильщик оглянулся. Еще недавно у вокзала разгружалось несколько экипажей. Сейчас, как назло, укатил пустым последний из них.

— Вы найдете извозчика внутри, у платформы прибытия, — сказал носильщик, — но если вы готовы немного подождать, то и сюда вот-вот

кто-нибудь подъедет.

Пол решил подождать. Он вошел в зал, где находились кассы и стал слушать, не раздастся ли стук колес кеба, расположившись возле большого жаркого камина.

Зал был полон отъезжающими. В нем царила обычная вокзальная суматоха. Пол заметил, что из этой толпы за ним следит маленький мальчик в костюме из толстого синего сукна и несоразмерном с его ростом цилиндре. Наконец мальчуган решился и подошел к Полу.

— Привет, Балтитьюд, — развязно проговорил он. — Значит, опять все сначала, а? — и мерзко захихикал.

У него было бледное лицо с веснушками, зеленые глаза, длинные, плохо расчесанные черные волосы, неуклюжая походка и глуповато-нахальная ухмылка.

Мистеру Балтитьюду пришлась очень не по душе фамильярность юнца, и он счел за благо промолчать.

— Тебе нечего сказать товарищу, — укоризненно продолжал мальчишка. — Послушай, тебе надо сдать багаж.

— Не надо, — сухо отозвался Пол, поскольку больше молчать было нельзя. — Я еду домой.

Его собеседник громко присвистнул.

— Снова, значит, на каникулы? Короткий же у тебя семестр. Ну ты даешь, Балтитьюд! Если бы я заявился домой вот так, мой папаша устроил бы дикий скандал! А ты не разыгрываешь?

Сохраняя невозмутимость, Пол отошел от приставучего мальчишки. Еще не хватало ему общаться с соучениками сына!

— Скверно себя чувствуешь? — не унимался тот, следуя за Полом и взяв его за руку. — Расстроился, что надо возвращаться к старику Гримстону? Конечно, приятного мало. Хорошо хоть из-за снегопада мы задержались дома. Вот было бы здорово, если бы сейчас был первый день каникул! Но что с тобой? Чем я тебя обидел?

— Пока ничем, — отвечал Пол. — Я молчу просто потому, что не имею удовольствия быть с вами знакомым.

— Ну как знаешь, — обиженно проговорил школьник. — Просто я решил, что раз мы с тобой дружили и сидели на одной парте… Ты меня что, не помнишь?

— Нет, — сказал Пол. — Говорю вам, что понятия не имею, кто вы такой. Произошла ошибка, о которой мне некогда распространяться. Но вот подошел кеб, а потому прошу извинить меня,

любезнейший…

Он попытался освободить свою руку от объятий мальчика, смотревшего на него с неподдельным восхищением.

— Ну и молодчина ты, Балтитьюд, — сказал он. — Всегда выдумываешь что-нибудь такое! Ты же меня прекрасно помнишь. Я Джолланд. Ладно, повеселились и хватит валять дурака. Давай лучше поговорим. Много жратвы везешь с собой, а?

Совет перестать валять дурака и неуместный вопрос насчет «жратвы» окончательно взбелени-ли несчастного мистера Балтитьюда. К вокзалу подъехал кеб и нужно было торопиться, а не объясняться с этим несносным типом.

Он двинулся к выходу, волоча на буксире Джолланда, по-прежнему державшего его за руку. К счастью, кеб еще не уехал, а его недавний пассажир, высокий и широкоплечий, стоял спиной к Полу, расплачиваясь с извозчиком. Пол успел вовремя.

— Носильщик! — крикнул он. — Где носильщик? Поставьте мой багаж в кеб. Да бог с ним с багажом! Займите кеб! А ты, юный нахал, перестань держать меня за руку. Не видишь, мне некогда.

— Ну ты вообще! — одобрительно воскликнул

он. — Давай, бери кеб.

Получив свободу, Пол подбежал к кебу как раз, когда пассажир рассчитался с извозчиком и резко обернулся. Свет газового фонаря упал на его лицо, и Пол узнал знакомые черты человека, которого он менее всего желал бы сейчас встретить — это был директор школы его сына доктор Гримстон.

Неожиданная встреча ошеломила его. В обычных обстоятельствах в такой встрече не было бы ничего ужасного, но теперь Пол отдал бы все на свете за возможность успеть забраться в кеб и обрести свободу, прежде чем доктор поймет его намерения, — или же дружески поздороваться с ним, отвести в сторонку и спокойно поведать ему о приключившемся.

Но оба варианта оказались невозможными. Пол стоял перед доктором Гримстоном и испуганно глядел на него, дрожа всем телом, напоминая скорее морскую свинку, увидевшую удава, нежели британского коммерсанта, встретившего учителя своего сына. Он еле стоял на ногах, у него от страха кружилась голова, и он чувствовал, что его вид не внушает никакого доверия. В появлении доктора на вокзале не было ничего неожиданного. Пол Балтитьюд вполне мог бы предположить, что такая встреча более чем веро-

ятна, ибо доктор имел обыкновение в последний день каникул появляться в Лондоне и забирать учеников, ехавших тем поездом, который был рекомендован на доске объявлений. Пол и сам настаивал, чтобы Дик возвращался в школу под присмотром директора и не озорничал в пути.

Беда кажется нам особенно тяжкой, когда по размышлении мы сознаем, как легко было бы избежать ее, прояви мы необходимый минимум благоразумия, а потому мистер Балтитьюд стоял и мысленно ругал себя на чем свет стоит за собственную глупость, наблюдая как экипаж — корабль свободы — уехал, а он остался один на один с несчастьем.

Доктор воззрился на него и подошедшего тем временем Джолланда. Это был высокий внушительного вида джентльмен с окладистой черной бородой и сердитыми серыми глазками с кровяными прожилками. По манере одеваться он походил на священника, хотя и не имел сана. Он поочередно пожал руку каждому из них с видом весьма доброжелательным.

— Балтитьюд, мой мальчик, как дела? Как поживаешь, Джолланд? Отдохнули душой и телом и снова за науку, а? Очень хорошо. Билеты купили? Нет еще? Тогда за мной. Так, держите. Не

потеряйте.

И не успел Пол опомниться, как доктор купил и вручил каждому по билету, а потом, положив властную руку на плечо мистеру Балтитьюду, повел его через билетный зал к платформе. «Ужас, — думал Пол, страдая всем сердцем. Сущий кошмар! Если я еще промешкаю, то и оглянуться не успею, как окажусь в Крайтоне. Как бы мне улучить момент и объясниться с ним наедине?»

Словно угадав его желание, доктор сказал Джолланду: «Я бы хотел поговорить с Ричардом с глазу на глаз. А ты пока пойди к газетному киоску и, если увидишь там наших учеников, скажи, пусть ждут меня там».

Они остались одни. Доктор некоторое время шагал, сохраняя мрачное молчание, а Пол, привыкший в любых обстоятельствах рассматривать себя хозяином положения, испытал неведомое ранее чувство своей полнейшей незначительности на огромном коричневом поле платформы под высокими сводами крыши, фермы которой терялись в тумане и паре.

Но в душе Пола еще теплилась надежда. А вдруг доктор угадал его секрет и теперь обдумывал, как бы тактичнее выразить соболезнования?

— Я хотел сказать тебе, Балтитьюд, следую-

щее, — начал доктор, и первая же его фраза уничтожила все надежды Пола. — Я бы очень хотел, чтобы ты в этом семестре наконец взялся за ум и не огорчал, как прежде, своего достойнейшего отца. Ты не представляешь, какие огорчения доставляет нерадивый ученик своим родителям.

«Очень даже представляю», — подумал Пол, но промолчал.

— Надеюсь, ты оставил его в добром здравии, Ричард? У тебя заботливый отец, золотое сердце!

В другое время мистер Балтитьюд весьма обрадовался бы столь лестному отзыву, но теперь все изменилось. Золотое сердце перешло к Дику, а он сам никак не походил на заботливого отца.

— Во время каникул я получил от него письмо, — продолжал доктор Гримстон. — Прекрасное письмо, проникнутое родительской заботой.

Это сильно удивило Пола. Письмо его никак не заслуживало эпитета «прекрасное». Он всего-навсего вложил в конверт чек за обучение сына и записку с возражением по поводу счета за место в церкви и научные лекции с диорамой, сочтя эти расходы лишними.

— Но я хочу особо подчеркнуть, Балтитьюд, его родительская любовь не слепа. Он просил меня ради твоего же блага не проявлять ненужной

снисходительности, если ты покинешь стезю долга и обязанностей, и я с ним согласен.

Еще недавно Полу казалось несложным изложить доктору Гримстону обстоятельства, приключившиеся с ним в этот вечер. Но слова почему-то застряли у него в горле. Учитель выглядел таким грозным и могучим, а он, Пол, маленьким и беззащитным, что он решил: общественное место вроде вокзала не годится для обсуждения столь деликатного вопроса. Пол решил оставить мысль о сопротивлении на некоторое время. «Пожалуй, я не буду ни в чем убеждать его, пока мы не сядем в поезд, — подумалось ему, — там мы избавимся от докучливого мальчишки, и я смогу спокойно растолковать доктору, что к чему».

— Ну а теперь, — молвил доктор, взглянув на большие станционные часы, на которых отразился желтый отблеск фонаря, — нам нора в путь. Но помни, о чем я тебя предупредил.

И они двинулись мимо газетных киосков, витрины которых пестрели разноцветными обложками книг и журналов, мимо сияющего буфета на платформу, где под фонарем уныло стояло полдюжины школьников разного возраста и роста.

— Ага, — сказал доктор Гримстон с радостью

людоеда. — Вот и еще мои питомцы! Неплохая подбирается компания. Как поживаете, дети? Приятно снова видеть вас отдохнувшими.

Все шестеро, пребывавших в удрученном состоянии, шагнули ему навстречу и приподняли свои цилиндры с заученной учтивостью.

— Встречай старых знакомых, Балтитьюд, — сказал доктор, подталкивая Пола к мальчикам. — Ты прекрасно знаешь их — вот Типпинг, Кокер, Коггс. Как дела, Сиггерс? Выглядишь ты неплохо. А вот и новое лицо. Киффин, если не ошибаюсь? Киффин, это Балтитьюд, который будет теперь твоим наставником и познакомит с нашими обычаями и традициями.

К своему ужасу, мистер Балтитьюд обнаружил, что его приветствуют какие-то сорванцы с фамильярностью поистине невыносимой. Ему страшно захотелось вознегодовать и прямо объявить, кто он такой на самом деле; если это не получилось наедине с доктором, под часами, то теперь об этом и вовсе нечего было мечтать, и ему пришлось волей-неволей выслушать их глупости.

Типпинг, высокий, рыжий, костлявый, в костюме, из которого он вырос давным-давно, и огромных ботинках, сжал, как клещами, руку

Балтитьюда и гаркнул «здорово» с интонациями грубо-покровительственным, но и отчасти глуповатыми.

Коггс и Кокер приветствовали его как равного, а Сиггерс, невысокий, худенький и остролицый, в щегольской шляпе, рубашке с воротничком и подковообразной заколкой, протянул: «Как дела, старина?» с томными интонациями завзятого денди.

Кроме того, там еще были Биллком, мальчик с розовыми щеками и сладким голосом, и Киффин, который чувствовал себя в обществе школьников столь же неуютно, что и мистер Балтитьюд. Он держался в стороне и сильно нервничал.

Пол понял, что если он не сделает над собой усилие, его так и будут считать Диком, и эта угроза заставила его принять такое решение. Хотя его внешность и фигура могут сбивать с толку окружающих, он должен вести себя и говорить, как и подобает джентльмену его лет и положения. Следовательно, он должен преодолеть страх перед доктором и вести себя во время путешествия в Родвелл-Маркет так, словно он по-прежнему Пол Балтитьюд, коммерсант, дабы подготовить доктора к тем признаниям, что он услышит от Пола по приезде. Купе вагона с мальчишками, ко-

торые будут глазеть и подслушивать — не самое удобное место для таких признаний.

Станционный служащий попросил пассажиров занять свои места. Возник и Джолланд, все это время неизвестно где пропадавший. Появился он со стороны буфета и украдкой смахивал с себя крошки. Ему удалось присоединиться к товарищам незаметно для доктора, после чего все сели в вагон первого класса — в том числе и Пол.

Глава 4
Минога среди тритонов

Поезд набирал скорость. Доктор читал вечернюю газету с видом сурового неодобрения. Пол Балтитьюд, сидевший как раз напротив наставника, вдруг испытал прилив нового и весьма неприятного чувства робости.

Он понимал, что если хочет обрести свободу, то должен побороть в себе это чувство. Теперь или никогда он обязан доказать, что является вовсе не зеленым юнцом, как может показаться на первый взгляд. Надо было говорить и действовать. Слова и поступки должны полностью соответствовать его внутреннему «я», спрятанному под столь нелепой наружностью. И все же с каждым новым телеграфным столбом, пробегавшим в окне, сердце опускалось в пятки.

«Пусть сначала он что-то скажет сам, — подумал про себя Пол, — а я уж пойму, что ответить». Но в этом его решении было куда больше страха, чем осторожности.

Наконец доктор доложил газету и, по-хозяйски оглядев своих питомцев, заметил:

— На сей раз, дети, каникулы у вас получились необычайно длинными, погода оказалась на редкость неблагоприятной. Теперь придется трудиться изо всех сил, чтобы наверстать упущенное. Я намерен сократить пасхальные каникулы на неделю, чтобы компенсировать потерю.

Это сообщение было выслушано школьниками с явным унынием, а Полом с удовлетворением. Он даже на время забыл о своих горестях.

— Я в высшей степени рад это слышать, — сказал он самым искренним тоном. — Отлично придумано. У школьников и так слишком большие каникулы. Ума не приложу, почему родители должны страдать из-за какого-то снегопада. Приятного мало, когда здоровый верзила слоняется по дому, не знает, чем заняться, и только ест в три горла.

Грабитель, горячо отстаивающий частную собственность, или овца, осуждающая вегетарианство, не произвели бы на слушателей более ошеломляющего эффекта.

Дети пробудились от своих грустных мыслей и не поверили своим ушам: исходи эти речи не от старого и верного соратника, они вызвали бы презрение и отпор. Но теперь этот монолог был воспринят с явным восхищением. Затаив

дыхание, школьники следили, к чему же клонит их приятель.

Доктор не сразу оправился от потрясения, в которое его привели эти слова. Затем он сказал с мрачной улыбкой:

— Саул среди пророков! Твои чувства, Балтитьюд, похвальны, если они, конечно, искренни. Повторяю — если они искренни. Но я вынужден отнестись к ним с подозрением. — Затем, как бы желая сменить опасную тему, он спросил: — Как вы провели каникулы, дети?

Никто и не попытался ответить на этот вопрос, воспринятый школьниками в качестве чего-то вроде «как поживаете», когда собеседник вовсе не интересуется вашими делами. Тем более, что доктор, не ожидая ответов, продолжал:

— Я возил сына Тома в Лондон. За неделю до Рождества мы посмотрели постановку «Агамемнона» в театре «Сент Джордж Холл». Как вам, должно быть, известно, это трагедия знаменитого греческого поэта Эсхила. Мне было очень приятно, что Том выказал интерес к постановке пьесы, отрывки из которой он читал в хрестоматии.

Никто не отозвался, за исключением мистера Балтитьюда, который буквально ринулся вперед, отчаянно стараясь показать свою обычную

покорность.

— Возможно, я покажусь старомодным, — сказал он. — Скорее всего, так оно и есть, но я решительно против того, чтобы детям показывали драматические представления любого рода. Это выбивает их из колеи, сэр.

Доктор Гримстон промолчал, но, оперевшись руками о колени и поджав губы, некоторое время испепелял взглядом своего юного критика. Затем, многозначительно кашлянув, снова углубился в газету.

«Я его обидел, — мелькнуло у Пола. — Впредь надо быть осторожнее. Ничего, я с ним еще успею объясниться». Поэтому при первом же удобном моменте он сказал:

— У вас, я вижу, вечерняя газета. Нет ли важных новостей?

— Нет, сэр, — коротко отозвался доктор.

— Сегодня я читал в «Таймс», — говорил Пол, изо всех сил стараясь сочетать общительность с информативностью, — что урожай камфары в этом году будет очень скудным. Что касается камфары, то самое любопытное заключается в том, что японцы… — он решил постепенно перевести разговор на тему колониальных товаров, дабы открыть глаза доктора на то, что с ним приклю-

чилось, но успеха не имел.

— Благодарю вас, Балтитьюд, но я знаю, как добывается камфара, — с леденящей вежливостью отозвался доктор.

— Я лишь хотел заметить, когда вы меня перебили, — не унимался Пол, — ибо скорее всего об этом вы не знаете, что японцы… никогда не…

— Хорошо, хорошо, — с нетерпением в голосе снова прервал его Гримстон. — Может быть, японцы и впрямь никогда чего-то там не делают, но я надеюсь найти способ сам ознакомиться с вашими познаниями о японцах.

Прежде чем опять углубиться в чтение, он посмотрел поверх газеты на негодующего Пола, вовсе не привыкшего, чтобы его не слушали, не столько с подозрительностью, сколько с нарастающим удивлением: что случилось с этим учеником за время каникул, почему шалун и озорник вдруг превратился в первостатейного педанта и резонера.

«Он не вежлив, даже просто груб, — думал Пол, — но я не сдамся. Я уже пробудил его любопытство. Это шаг вперед. Он уже понял, что-то не так». И Пол снова подал голос.

— Вы, кажется, курите, доктор Гримстон. Поезд нигде не останавливается, а сигара после обеда

— великая вещь. Я мог бы предложить вам сигару, если желаете.

И он стал нашаривать в карманах портсигар, упустив из вида, что последний, как и прочие атрибуты его прошлого существования, исчезли. Джолланд фыркнул, не в силах сдержать свое восхищение перед такой неописуемой наглостью.

— Если бы я не знал, что это крайне неудачная шутка, а не преднамеренное оскорбление, я бы сильно рассердился, — сказал доктор. — Но я готов извинить излишнюю веселость, вполне простительную, коль скоро она вызвана мыслью о возвращении к радостным школьным будням. Но будь внимателен впредь, Балтитьюд!

«Почему он так рассердился, — недоумевал про себя Пол. — Откуда мне знать, что он не курит? Боюсь, что пока он еще не понял, кто я такой». И он начал снова:

— Насколько я понял, доктор, среди ваших учеников есть некто Киффин. Не сын ли это, часом, Джорджа Киффина из Колледж-Хилла? Господи, мы с твоим отцом старинные приятели и познакомились еще, когда тебя и на свете не было. Тогда он еле сводил концы с концами… Вам нехорошо, доктор?

— Я вижу, к чему ты ведешь. Ты хочешь, чтобы

я признал, что ошибся, оценивая твое поведение.

— Именно, — признал Пол с облегчением. — Вы меня верно поняли, доктор. Вы правильно со мной разобрались.

— Если так и дальше будет продолжаться, — пробормотал доктор, — я и впрямь разберусь с тобой вполне определенным способом, — а громко сказал: — Со временем я с тобой разберусь, а пока прошу помалкивать.

«Не очень-то церемонно он выразился, — размышлял Пол, — но, по крайней мере, он явно почувствовал что-то неладное, ну а его манера говорить — может, он сделал это, чтобы сбить с толку школьников. Если это и впрямь так, то он большой молодец. Буду нем как рыба».

Но через некоторое время его обеспокоило открытое окно в купе, и он нарушил обет молчания.

— Прошу прощения, доктор, — сказал он с интонациями человека, привыкшего ставить на своем, — но я бы попросил вас либо закрыть окно, либо поменяться со мной местами. Вечерняя прохлада, как говорит мой доктор, совершенно пагубна для человека моих лет.

Доктор нахмурился, удивленно вскинул брови, закрыл окно и сказал:

— Напоминаю тебе, Балтитьюд, ты ведешь себя неразумно.

«Верно, верно, — подумал Пол. — Хорошо, что он мне напомнил. Не надо подавать вида этим мальчишкам. Зачем лишняя огласка? Попридержу-ка я пока язык. Ну а потом Гримстон отправит меня в Лондон первым же поездом, а заодно и одолжит денег на гостиницу. Я ведь прибуду на Сент-Панкрас уже поздно ночью. А может, он предложит мне переночевать в школе. Там будет даже лучше. Я, пожалуй, не стану отказываться».

И он откинулся на сиденье в лучшем настроении. Разумеется, глупо было покинуть уютную столовую дома и прокатиться бог знает зачем до Родвелл-Маркета, но можно смириться со временными неудобствами, если все хорошо кончится.

По крайней мере, слава богу, что не возникла необходимость мучительных объяснений.

Школьники украдкой посматривали на Балтитьюда. Они были в восторге, что выражалось в перешептываниях и хихиканье. Они пытались поймать его взгляд и дать понять, как хотелось бы им увидеть и услышать продолжение, но мистер Балтитьюд глядел на них так отстраненно-холодно, что они одновременно почувствовали обиду и любопытство.

Впрочем, его выходки вскоре приняли направление, остудившее их восхищение. Рядом с Полом сидел новичок Киффин. Это был бледный мальчик с большими жалобными карими глазами, как у тюленя. В том, как он был одет, чувствовалась заботливая материнская рука. Брюки и пиджак были вычищены и отглажены так, словно предназначались не для живого мальчика, а для манекена в витрине магазина готового платья.

Это был домашний ребенок, начисто лишенный того компанейского озорного духа, что был так присущ его соседям по купе. У него не было того умения ловко приспосабливаться к новым обычаям, что позволяет домашним детям быстро находить общий язык с самыми большими сорванцами.

Киффина не снедало веселое любопытство на пороге новой жизни, его не распирала гордость от первого шага к самостоятельности. Он чувствовал себя одиноким путником в чужой и недружелюбной стране.

А потому неудивительно, что при мыслях о доме, который он покинул всего несколько часов назад и который теперь казался далеким, призрачным и недоступным, его глаза защипало,

грудь стала предательски подниматься и опускаться, и он понял, что надо дать какой-то выход эмоциям, пока они не хлынули в три ручья, сделав его посмешищем окружающих.

На свою беду, он выбрал не самый удачный способ, а именно — довольно громко засопел. Некоторое время мистер Балтитьюд сносил это безропотно, если не считать мрачных взглядов, которые он время от времени бросал на соседа, нервно подергиваясь на диване, но наконец его терпение, и без того истощенное сегодняшними треволнениями, лопнуло.

— Доктор Гримстон, — сказал он с вежливой непреклонностью. — Я не из тех, кто жалуется попусту, но я убедительно прошу вас вмешаться. Я был бы признателен, если бы вы посоветовали моему соседу справа либо взять себя в руки, либо плакать в платок, как это принято у всех нормальных людей. Я могу понять и простить громкое честное рыдание, но с этим сопением и пыхтением я не намерен мириться. Это даже противоестественно для столь мелкого ребенка.

— Киффин, ты плачешь? — спросил доктор.

— Н-нет, сэр, — пробормотал тот. — Я в-вроде п-простудился.

— Надеюсь, что так оно и есть. Я был бы огорчен

узнать, что ты начинаешь новую жизнь в состоянии уныния и недовольства. В моем войске нет и не будет изменников! Я добьюсь того, чтобы в моей школе царил дух радости и единодушного согласия, даже если мне придется пороть каждого из учеников, пока меня держат ноги. Что же до тебя, Ричард Балтитьюд, то у меня нет слов, чтобы выразить ту боль и то отвращение, что вызывает во мне твое неуемное желание пародировать своего заботливого и любящего отца. Если в самое ближайшее время я не увижу, что ты осознал недопустимость такого поведения, мое неудовольствие примет вполне осязаемые формы.

Мистер Балтитьюд, тихо охнув, упал на сиденье. Было неприятно услышать обвинение в пародировании самого себя, особенно когда это не входит в твои намерения, но это сущие пустяки по сравнению с ужасным открытием, насколько он обманывался насчет доктора. Доктор явно не увидел, что скрывается за его внешним обликом, а значит, впереди еще ужасная сцена объяснений.

Школьники же, за исключением Киффина, все еще получали удовольствие от разыгрывавшегося перед их глазами спектакля и с нетерпением ожидали новых попыток своего товарища испы-

тывать терпение доктора.

Вскоре они были вознаграждены с лихвой. Если Пол и впрямь чего-то не переносил, то это был запах мятных леденцов. Он уволил троих младших клерков за то, что, по его мнению, из-за них контора провоняла этим отвратительным лакомством. Теперь же ненавистный запах мало-помалу стал прокрадываться в купе.

Пол посмотрел на Коггса, сидевшего напротив, и увидел, как его губы и щеки мерно движутся, а на лице написано блаженство. Похоже, Коггс и был источником запаха.

— Неужели вы поощряете нарушение вашими питомцами правил поведения в общественных местах? — спросил он гневно доктора.

— Иные из них и не нуждаются в поощрении, — ядовито заметил тот. — Но кого ты имеешь в виду?

— Если он делает это в лечебных целях, — продолжал Пол, — то должен выбрать для этого иное время и место. Если же он просто утоляет свою неумеренную любовь к сладостям, бога ради, не позволяйте ему делать это там, где это может доставить неприятные ощущения окружающим.

— Что и кого ты имеешь в виду?

— Мальчика напротив, — сказал Пол и напра-

вил указующий перст на изумленного Коггса. — Он сосет леденец, от которого пахнет так, что поезд может сойти с рельсов.

— Это правда, Коггс? — спросил доктор страшным голосом.

После ряда неудачных попыток проглотить леденец Коггс закашлялся и побагровел от натуги и смущения, пробормотал, что купил леденец в аптеке, считая это смягчающим обстоятельством.

— У тебя есть еще при себе эта гадость? — спросил доктор.

Медленно и неохотно Коггс вытащил из кармана три или четыре маленьких белых пакетика, каковые доктор один за другим развернул, осмотрел содержимое и выбросил в окно.

Затем он обернулся к Полу с куда более милостивым видом.

— Балтитьюд, я тебе весьма обязан. Сильная простуда помешала мне вовремя распознать это вопиющее проявление послушания и потакания собственным слабостям. Об этом, впрочем, мы еще поговорим отдельно. Твое мужество, с которым ты, не раздумывая, изобличил скверный проступок, заслуживает всяческих похвал.

— Что вы, сэр, — отозвался Пол. — Не стоит об этом. Просто я не мог умолчать, ибо на редкость

чувствителен к... — Тут он громко вскрикнул и стал тереть лодыжку. — Меня только что ударил по ноге вот этот юнец в синем галстуке, я не давал ему повода к такому обращению. Прошу вас вмешаться, сэр!

— Значит, Кокер, — молвил доктор, — ты подражаешь ослу не только в смысле тупости и упрямства, так? Ты пускаешь в ход задние конечности против вашего же товарища, который не сделал тебе ничего плохого, с неистовостью кенгуру? Отлично. Перепиши двенадцать раз все, что сказано в «Естественной истории» Буффона об этих двух животных и покажи мне завтра вечером. Если у меня завелись дикие животные, буду их укрощать!

Остаток путешествия шесть пар глаз неотступно следили за ничего не подозревавшим Полом, и под шум и грохот колес с губ его новых товарищей слетали тихие, но недвусмысленные угрозы. Но Пол грелся в лучах одобрения доктора и решил открыться ему прямо на станции.

Наконец поезд стал замедлять ход, заскрежетали тормоза, вагон затрясло на стрелках, и показалась освещенная платформа, по которой расхаживали меланхоличные носильщики, каркая «Родвелл-Маркет», словно предвещая беду.

Пол вышел вместе со всеми и теперь стоял на холоде и сырости у багажного вагона, откуда выгружали чемоданы и коробки.

«Надо бы рассказать доктору все прямо сейчас, — крутилось у него в голове, — только он очень занят! Хорошо бы оказаться в одном с ним кебе и все ему выложить по дороге».

Но доктор был сейчас менее всего расположен выслушивать признания. Отсутствие кебов у вокзала он воспринял как личное оскорбление и гневно обрушился на начальника станции.

— Это безобразие! Форменное безобразие! — бушевал он. — К поезду не подано ни одного экипажа. Сегодня собираются все мои ученики. Я заказал кебы, а их нет и в помине. Нет даже омнибуса. Я так этого не оставлю. Я буду жаловаться. Пусть кто-нибудь сейчас же найдет экипаж. Дети, быстро в зал ожидания. Так, стойте — вы все в один экипаж не поместитесь. Кокер, Коггс… ну да, Балтитьюд… вы знаете дорогу. Отправляйтесь и скажите миссис Гримстон, что мы скоро будем.

Пол скорее обрадовался, чем огорчился такому распоряжению, ибо никак не мог собраться с духом, чтобы сделать свое признание. Однако, если бы он видел, как Кокер пихнул локтем Коггса и они торжествующе захихикали, он бы ни за что

не доверился бы этой парочке.

Напротив, он решил рассказать им свой секрет.

«Они будут ценными свидетелями, — убеждал он себя, — что кто бы я ни был, по крайней мере я не Дик».

Поэтому он не мешкая перешел через пути по мостику, спустился по крутым ступенькам и вышел через воротца на огражденное пространство, где обычно стояли экипажи, но сейчас было пусто и лишь белый туман крадучись наползал по земле.

Тут-то к нему присоединились его спутники. Чуть пошептавшись, они подошли к нему и взяли под руки.

— Ну что ж, — начал Пол, решив проявить снисходительность к мальчуганам, — как дела, молодежь? Каникулы позади, впереди учеба? Ничего, учиться надо смолоду, а потом… Эй! Куда вы так несетесь. Погодите, я не так юн…

— Грим отсюда нас не видит, верно, Кокер? — спросил Коггс, когда они оказались за пределами станции.

— Нет, конечно, — отвечал Кокер.

— Отлично. Слушай, Балтитьюд, ты же был приличным парнем, хотя иногда и проявлял на-

хальство. Но объясни, что на тебя сейчас нашло?

— Потому что, — вставил Кокер, — если у тебя не все в порядке с башкой, оттого что твой старик простоял у тебя над душой все каникулы, как это бывало и раньше, ты нам скажи, а мы все поймем.

— Я… Нет, он отличный отец, — пробормотал Пол. — Что я вам должен объяснять?

— Зачем ты наябедничал на него насчет леденцов? — спросил Кокер.

— И завопил, когда он съездил тебе по ноге? — добавил Коггс. — И еще сказал, что новичок хныкает. Чего тут такого смешного? А?

— Почему я должен терпеть, когда мальчишка сидит и под самым моим носом сосет гадость? — вознегодовал Пол. — И почему мне не пожаловаться, если один школьник сопит, а другой бьет меня по ноге? Ну а если у моего соседа лает собака или дымит дымоход — я и это должен сносить безропотно?..

Но его доводы при всей своей убедительности не возымели никакого эффекта. Кокер внезапно положил конец его жалобам, зайдя ему за спину и нанеся короткий удар в область копчика, отчего Пола пронзила жгучая боль.

— Ах ты негодяй! — вскричал Пол. — Я посажу

тебя за хулиганство!

На это Коггс повторил проделанное его товарищем и заметил:

— В прошлом семестре, Балтитьюд, ты бы этого так не оставил, — и снова дал ему пинка.

— Ну ладно, впредь тебе будет наука, — сказал наконец Кокер. — Мы тебе даем последний шанс. Это Чонер может безнаказанно ябедничать — он слишком здоровый и сильный. Но у тебя этот номер не пройдет. Дай же нам честное благородное слово, что ты будешь вести себя прилично — как и раньше.

Хотя мистер Балтитьюд и жаждал мира и покоя, он не был намерен говорить или делать что-то такое, что укрепило бы всех в убеждении, что он школьник. К несчастью, у него не хватило умения и такта найти общий язык с этими грубиянами.

— Вы не понимаете, — слабо запротестовал он, — если бы только я мог вам все объяснить…

— Никаких объяснений! — перебил его Коггс. — Да или нет? Будешь вести себя, как раньше?

— Я бы рад, — вздохнул Балтитьюд, — но я не могу.

— Отлично, — сказал Коггс, — Кокер, подержи-ка его за руки, а я покажу ему, как делают ячменный сахар. — После чего он стал демон-

стрировать Полу этот вид производства, заведя ему за спину правую руку, так что она чуть не выскочила из плечевого сустава. А Кокер тем временем крепко схватил его за левую руку и лупил по ней костяшками указательного пальца, заставив бедного Пола вопить о пощаде.

Наконец он вырвался из рук своих мучителей и побежал что есть ночи по пустой дороге к дому доктора Гримстона, известному ему по предыдущим визитам.

За ним организовали довольно вялую погоню, и он успел добежать до ворот, на штукатуренных столбах которых он прочитал при свете фонаря слова «Крайтон-хауз».

Он тяжело дышал, дрожал всем телом и думал, что это необычный способ для отца посетить школу, где учится его сын.

Он надеялся попасть в убежище до того, как его догонят те двое, но ворота оказались крепко запертыми, а попытки позвонить ни к чему не привели — он был слишком мал ростом, чтобы дотянуться до звонка.

Поэтому мистер Балтитьюд сел на землю и со смирением великомученика стал ждать появления ненавистной парочки. За воротами виднелся большой дом со многими окнами и вы-

соким крыльцом. На гимнастической площадке справа из тумана проступало черное и мрачное сооружение, похожее на виселицу. Ночной ветер усиливал это сходство, раскачивая веревки так, что крепления наверху скрипели, а металлические стремена внизу время от времени звякали друг о друга.

Больше Пол не заметил ничего, ибо подоспели Кокер и Коггс, которые, сообразив, что тот еще не успел позвонить, не упустили случая вволю отколошматить его и лишь потом заявили о своем приходе.

Ворота открылись, школьники вошли, поднялись по ступенькам и, войдя в дом, оказались в холле, где их приветствовала миссис Гримстон, причем оба злодея мгновенно напустили на себя вид кротких голубков.

— Вот вы наконец! — воскликнула жена директора, от души обнимая и целуя вновь прибывших. — У вас такой продрогший вид! Неужели вам пришлось тащиться пешком? Экипажи, конечно, как ветром сдуло! Входите и грейтесь, бедняжки. Ваши приятели уже в классной комнате.

Мистер Балтитьюд крайне неохотно снес поцелуи миссис Грим стоя. Это был весьма щепетильный пожилой господин, и он очень надеялся,

что доктор Гримстон не узнает об этом эпизоде.

Миссис Гримстон была полной, светловолосой женщиной без каких-либо претензий на интеллектуальность. Зато у нее было доброе сердце, и она так говорила с детьми и о детях, что их матери проникались к ней безграничным доверием, каковое не приобрести изысканными манерами и красивыми речами.

В отличие от многих директорских жен, она проявляла свои материнские чувства отнюдь не только в день приема школьников с каникул, и потому, увидев ее, самый крошечный ученик начинал меньше тосковать по дому.

Она открыла дверь, обитую зеленым сукном, потом другую, расположенную сразу за ней же, и провела троицу в комнату с высоким потолком, вдоль стен которой стояли столы и парты, а в середине письменный стол учителя и ряд коричневых, закапанных чернилами столов. Напротив окон стояло старое устройство, напоминающее стеллаж — полки были разделены на секции, заполненные старыми, видавшими виды учебниками.

Первоначально комната была задумана как гостиная, о чем свидетельствовали традиционные белые с золотом обои и поблекшая позолоченная

отделка дверей и оконных переплетов ставен. Камин был из белого мрамора, а газовая люстра была оснащена тусклыми хрустальными подвесками. Но унылые географические карты, развешанные по запачканным чернилами стенам, и часы с глуповатым циферблатом тикали над позолоченным трюмо. Ковров на полу не было, и он был покрыт опять же чернильными пятнами всех размеров и очертаний. Несмотря на ярко горящий камин, типично школьное сочетание мыла, воды, чернил и грифеля создавали печальное, леденящее настроение.

Напротив камина на скамейках расположились десять-двенадцать школьников. Кое-кто довольно живо обменивался впечатлениями о прошедших каникулах, прочие же, сунув руки в карманы и вытянув ноги к огню, погрузились в меланхолические размышления.

— Ну вот вам будет что обсудить! — весело молвила миссис Гримстон. Сейчас пришлю вам Тома. — И, весело кивнув, она удалилась, хотя перспектива общения с Томом не обрадовала некого из присутствующих.

Мистеру Балтитьюду казалось, что его швырнули в яму с медведями, и, избегая приветствий и изучающих взглядов, он забился в угол, откуда с

самыми мрачными предчувствиями стал наблюдать за учениками.

— Послушайте, — сказал один, продолжая прерванный разговор, — а вы не ходили в театр на Друри-лейн? Правда, здорово? Этот гусь и лев, и вообще все деревянные животные из Ноева ковчега…

— Что же вы не пришли к нам на Крещение? — спросил другой. — Мы здорово повеселились.

— Мне пришлось идти в гости к Скидмору, — отвечал бледный ученик с ехидным выражением лица и аккуратным пробором посередине. — С его стороны было неслыханной наглостью позвать меня, но я все равно решил сходить. Посмотреть, что там у него творится.

— Ну и как? — томно спросил его сосед.

— Скукотища! У них домишко где-то в Бромптоне. Танцев не было, только глупые игры, да еще фокусник. И никаких подарков. А на ужин подали пирог, только не нарезали, потому что его взяли напрокат. Они бедные как церковные мыши. Папаша Скидмора — мелкий клерк. А если бы вы видели его сестричек!

— Они хорошенькие?

— Черта с два. Похожи на Скидмора, только еще уродливее. А мамаша меня спросила, правда ли,

что я его лучший друг и он помогает мне делать уроки.

Бедняга Скидмор, вернувшись из дома, имел все основания горько пожалеть о своем гостеприимстве, ибо история о пироге пересказывалась весь семестр, хотя он был куплен самым обычным способом.

Абсурдность вопроса миссис Скидмор вызвала приступ хохота, а затем наступила пауза. Потом кто-то спросил:

— А правда ли, что Чонера больше у нас не будет?

— Надеюсь, — сказал крупный мальчик, и его надежда явно получила всеобщий отклик, — Чонер грозился сменить школу уже давно, но на этот раз, похоже, он действительно к нам не вернется. Он написал мне письмо, где сообщил, что покидает «Крайтон-хауз».

— Слава богу! — наперебой заговорили сразу несколько учеников, но не успел кто-то заметить, что им надоели ябеды, как за окном раздался стук колес экипажа, зазвенел звонок, и школьники, мигом утратив раскованность, впали в тягостное ожидание.

— Гримстон приехал, — зашептали они, услышав шаги и голоса в холле.

Дверь в классную комнату открылась, и вошел еще один ученик. Как оказалось, это он приехал на извозчике. Он был высок, узкоплеч, сутул, с желтым нездоровым лицом, тонкими губами и маленькими запавшими карими глазками. На губах его играла отчасти ехидная, отчасти неловкая усмешка, и передвигался он как-то по-кошачьи.

— Как дела, друзья? — спросил он.

Все разом повставали с мест и стали горячо пожимать руку вновь прибывшему.

— Чонер, старина! — восклицала они. — А мы-то думали, ты нас бросил!

Радушие это решительно не сочеталось с их недавними репликами, но, несомненно, у них имелись свои причины быть столь непоследовательными.

— Ведите ли, — отозвался Чонер мягким тихим голосом, в котором было что-то по-женски коварное, — я собирался вас бросить, но потом решил, что без меня вы совсем разбалуетесь. За Аплтоном, Ленчем, Кокером нужен глаз да глаз. Так что я решил остаться.

Говорил он, вкрадчиво посмеиваясь, и те, кого он называл по имени, тоже отвечали смехом, в котором, однако, не было особого веселья, и неловко ерзали на скамейках.

После этого разговор угас и снова разгорелся, лишь когда появился Том Гримстон. Он вошел с весьма деловым видом и стал дружески обмениваться рукопожатиями.

Том был пухлый светловолосый коротыш, не пользовавшийся особым расположением товарищей, и его первые слова были: «Ну что, ребята, сделали домашнее задание? Папа обещал оставить без прогулок тех, кто не выполнил. Я свое сделал». Если этим сообщением он пытался повысить общее настроение, то потерпел безусловную неудачу.

Разумеется, домашнее задание на каникулы было сперва отложено, потом позабыто, а затем о нем вспомнили, когда было слишком поздно, и махнули рукой в самоуверенности, порожденной атмосферой родного очага.

Пока все уныло молчали, Чонер заприметил в углу мистера Балтитьюда и подошел к нему.

— Оказывается, Дики Балтитьюд просидел все это время тут и не подошел пожать мне руку. Ты со мной не разговариваешь?

Пол пробормотал что-то нечленораздельное, чувствуя себя крайне неловко.

— Что с ним? — спросил Чонер. — Никто не в курсе? Он, часом, не проглотил язык.

— В поезде он у него был, — заметил Кокер. — Лучше бы он тогда его проглотил. У меня идея, ребята. Нет, вроде бы приехал Грим. Попозже я вам ее расскажу.

На сей раз и впрямь прибыл доктор Гримстон, отчего Пол облегченно вздохнул. Доктор заглянул поздороваться с теми, кого сегодня не видел.

С доктором приехали Бидлкомб, Типпинг и все остальные. Вскоре прибыло и новое пополнение в лице тех, кто приехал более поздним поездом. Последними появились два преподавателя, мистер Блинкхорн и мистер Тинклер. Комната наполнилась гулом голосов, но вскоре доктор позвонил в маленький звоночек и велел всем рассаживаться по местам к ужину.

Это сообщение мистер Балтитьюд встретил с удовлетворением. Он ослабел и телом и духом и, хотя отобедал сравнительно недавно, но полагал, что немного холодного мяса с пивом или что-то горячее придаст ему силы, необходимые для объяснения.

Он был уверен в одном. Ни в коем случае он не должен оставаться на ночь в спальне с мстительными и драчливыми подростками. Удастся ему объяснить, кто он или нет, все равно он потребует себе отдельную спальню. Пока же он надеялся,

что ужин поможет ему восстановить бодрость духа и уверенность в себе.

Но трапеза, громко названная ужином, состояла из двух больших тарелок, на каждой из которых высилась гора кусков хлеба, тонко намазанных маслом. Кроме того, каждому полагалось по стакану воды. Расстроенный Пол отказался от угощения скорее с непреклонностью, чем с учтивостью. Это не прошло незамеченным.

— В прошлом семестре, Балтитьюд, — строго заметил доктор Гримстон, — у нас были конфликты из-за твоей привередливости. Твой достойный отец сообщил мне о твоей склонности к чревоугодию за его обильным столом. Не заставляй меня снова читать нотации по этому поводу.

Чувствуя необходимость поскорее исправиться в глазах доктора, мистер Балтитьюд поспешно схватил два самых больших куска хлеба, но они оказались такими толстыми и плохо пропеченными, что он испытал немалые сложности, пытаясь прожевать и проглотить их, а поскольку он торопился, то единственной наградой стала для него реплика «ест, как свинья» из уст одного из подростков.

«Надо поскорее бежать отсюда — уныло размышлял он. — Дика здесь явно недолюбливают.

Господи, как же мне скверно! Ну почему я не могу отнестись к происходящему как… как к шутке? До чего же твердые здесь скамейки и как болит спина после этих тумаков!»

Наконец настало время отхода ко сну. Мальчики по одному проходили мимо доктора, который, пожимая им руки, желал спокойной ночи.

Мистер Балтитьюд пропустил вперед всех школьников, ибо твердо вознамерился немедленно открыть глаза доктора на ошибку, им совершаемую. Но он невероятно нервничал. Дипломатичное, тщательно продуманное вступление, которое он сочинил, в самый нужный момент начисто вылетело у него из памяти. Мозг перестал работать, и Пол подошел к директору школы, сам не зная, что сейчас скажет.

— Доктор Гримстон, — начал он, — прежде чем отправиться ко сну… я хотел бы… я желал бы…

— Понимаю, — резко подхватил доктор. — Ты желал бы извиниться за странное поведение в поезде? Ну что ж, коль скоро ты затем нашел способ исправиться, извинение принято. Ни слова больше об этом!

— Я не о том, — удрученно протянул Пол. — Я хотел объяснить…

— Объяснить обращение с бутербродами? Если

все дело в отсутствии аппетита, у меня нет вопросов, но я терпеть не могу…

— Согласен, — перебил его Пол, немного придя в себя. — Я и сам терпеть не могу недоеденную пищу, но есть кое-что, о чем я хотел бы с вами поговорить…

— Если это возмутительное поведение Кокера, — сказал доктор, — то я внимательно слушаю. Я займусь им завтра. Может быть, до тебя дошли сведения о подобном поведении кого-то еще из учеников? Неужели еще кто-то украдкой привез в школу сладости?

— Господи, да нет же! — воскликнул Пол, теряя терпение. — Неужели вы думаете, что я рыскал по школе в поисках леденцов. Меня занимают проблемы поважнее! И я наконец требую, чтобы меня выслушали! Есть семейные тайны, доктор Гримстон, которые могут быть поведаны лишь при соблюдении строжайшей секретности. Я вижу, один из ваших помощников что-то пишет там за столом. Не могли бы мы пойти туда, где нам никто не помешал бы. У вас есть кабинет?

— Есть, — мрачно подтвердил доктор. — И розга тоже. Если угодно, я могу предъявить и то и другое. Собственно, так и будет, если ты не перестанешь паясничать. Сейчас же ступай в

спальню, пока я не наказал тебя. Все, никаких объяснений!

И к удивлению тех, кто никогда не бывал в положении мистера Балтитьюда, он покорно пошел. Он отдавал себе отчет, что идет на предательство по отношению к самому себе, совершает постыдное самоотречение. Он прекрасно понимал, что в этот критический момент жизненно важно проявить твердость. Но его храбрость растаяла без следа, и он послушно стал подниматься по деревянной лестнице в спальню.

— Спокойной ночи, мистер Балтитьюд, — сказала горничная, встретив его на лестнице. — Вы знаете нашу спальню. Вы в шестом номере с мистером Кокером, мистером Бидлкомбом и остальными.

Пол взобрался на самый верх лестницы и с мучительным чувством открыл дверь, на которой была выведена цифра «6».

Это была большая пустая комната, обклеенная простыми обоями. Шторы на окнах были опущены. Обстановка состояла из сосновой стойки с тазиками для умывания и восьми небольших белых кроватей по стенам.

По причине начала семестра был зажжен камин, и вокруг него скопились ученики, ожив-

ленно беседуя.

— Вот он! Наверное, задержался, чтобы еще поябедничать! — закричали они наперебой, когда Пол вошел. — Ну, Балтитьюд, что ты скажешь в свое оправдание?

Мистер Балтитьюд почувствовал себя совершенно беззащитным среди этих волчат. Он плохо знал, что такое мальчишки, и понятия не имел, как добиться у них авторитета. До сих пор он рассматривал их как печальную неизбежность, как существа, которые надо держать в ежовых рукавицах. Теперь же он только и мог недоуменно таращиться на них и тупо молчать.

— Ему нечего сказать в свое оправдание, — подал голос Типпинг. — Что же будем с ним делать? Может, попробуем покачать его в одеяле? Если не подбрасывать слишком высоко или не уронить на пол, никакой беды с ним не приключится.

— Нет, не надо качать его в одеяле, — вмешался Бидлкомб, и не успел Пол испытать к нему прилив благодарности, как тот продолжал: — Лучше попробуем постегать его полотенцами.

— Прошу иметь в виду, — заговорил Пол, не без оснований сочтя, что это может оказаться весьма болезненным, — что я не позволю стегать себя полотенцами! В жизни никто со мной не обращался

подобным образом. У меня и так хватает проблем, чтобы еще объясняться с вами, юные варвары!

Поскольку в этой тираде подростки не услышали просьбы о помиловании, а скорее даже наоборот, они образовали кружок вокруг жертвы и стали охаживать Пола мокрыми полотенцами с таким дьявольским искусством, что острые концы обжигали, словно тонкие плети, и он вертелся, как волчок, изрыгая, как это ни прискорбно, жуткие проклятья.

Когда мистер Балтитьюд дошел до полного исступления, Бидлкомб подал свой сладкий голосок:

— Внимание, друзья, я слышу Грима. Пусть он разденется и ложится, а мы потом добавим ему тапочками.

Когда в дверном проеме показалась крупная фигура директора, дети, быстро раздевшись, уже лежали под одеялами. Мистер Балтитьюд тоже старался не мешкать, но это ему не удалось, и он получил выговор от доктора. Затем Гримстон прикрутил газовые светильники и стал обходить другие спальни. Когда же тяжкие звуки его шагов стихли, веселые обитатели спальни номер шесть стали лупить мистера Балтитьюда тапочками, пока не выбились из сил, после чего дрожавшему

от гнева и страха Полу было позволено залезть в холодную жесткую постель. Затем, после небольшого и довольно мрачного обмена репликами, школьники стали один за другим погружаться в сон. Тишина вскоре стала сменяться храпом, а Пол лежал без сна, слушал, как потрескивает, догорая, камин, и мрачно размышлял о том ужасном повороте судьбы, который так круто изменил его жизнь за последние несколько часов, и лихорадочно пытался придумать, что же сказать доктору, чтобы тот ему поверил.

Глава 5
В опале

Наконец к мистеру Балтитьюду пришел сон, а с ним и краткое забытье. Не успел сквозь ставни забрезжить серый рассвет, как мистер Балтитьюд проснулся и сразу вспомнил свои беды.

В комнате было жутко холодно, и он лежал в кровати, дрожа от холода и готовясь к новым испытаниям.

Не спал только он. Время от времени на одной из кроватей кто-то начинал говорить во сне или смеяться, возможно, вспоминая что-то из клоунады, что смотрел в театре на каникулах.

Один раз пробудился новичок Киффин, издал глубокий вздох и, тихо всхлипывая, снова заснул.

Мистер Балтитьюд не мог далее бездействовать. Он решил, что если встанет, то, возможно, его несчастья покажутся ему менее ужасными. Кроме того, он счел благоразумным завершить свой утренний туалет до того, как проснутся его новые товарищи.

Осторожно, страшась даже мысли, что кто-то

из них может проснуться и снова напасть на него с тапочками, он разбил тонкий ледок в одном из умывальных тазиков и, цепенея от холода, умыл лицо и руки. Он расчесал волосы и сделал пробор — занятие, по естественным причинам давно сделавшееся для него излишним, а потому доставившее ему ныне немалые хлопоты. Затем он тихо спустился по поскрипывающей лестнице, как раз когда дворецкий стал звонить в большой вокзальный колокол, Чтобы явь поскорее вытеснила сон из ушей школьников.

В классной комнате позевывающая горничная только-только разжигала камин, из-за чего желтые клубы дыма наполнили помещение, вынудив ее приоткрыть окна, отчего температура, каковая и так была не высока, еще более понизилась.

Некоторое время Пол стоял у камина, пытаясь унять озноб и собраться с духом. Если бы в этот момент вошел доктор Гримстон, он бы бурно заявил протест насчет всего происходящего и потребовал бы свободу. Но доктор не вошел.

Дверь, однако, отворилась, и в комнате появилась хорошенькая девочка в темном платье и белом передничке. У нее были большие серые глаза и каштановые волосы, спадавшие челкой на лоб и мягкими длинными прядями на плечи.

У нее было чуть овальное, довольно серьезное лицо, хотя оно удивительно менялось, когда она улыбалась.

Испустив радостный крик, девочка бросилась к мистеру Балтитьюду:

— Дик, дорогой! — крикнула она. — Я так рада! Я думала, ты приедешь вчера пораньше. Я бы дождалась тебя, но мама не разрешила…

Кое-кто, возможно, был бы рад услышать такие слова, хотя бы и обращенные к нему по ошибке. Для учеников «Крайтон-хауза» школа была бы и вовсе несносной, если бы не присутствие Дульси Гримстон, избавлявшее ее от многих ужасов.

Мистер Балтитьюд, однако, как уже говорилось, терпеть не мог детей. Когда видишь их пустяковые ссоры и обиды, слышишь их вечные крики, а также платишь за их проказы, даже самые очаровательные создания могут показаться исчадиями ада. Мистер Балтитьюд был порядком раздражен этим появлением, хотя постарался и виду не подать.

— А! — сказал он снисходительно. — Ты, значит, дочка мистера Гримстона, так? Как поживаешь, милочка?

Дульси остановилась и, сдвинув брови, удивленно посмотрела на него. Ее рот задрожал.

— Почему ты так со мной разговариваешь? — спросила она.

— Как же мне иначе разговаривать? — удивился Пол.

— Раньше ты говорил иначе, — жалобно отвечала Дульси. — Мне просто подумалось, что тебе будет приятно снова увидеть меня. Когда ты уезжал на каникулы, ты попросил меня поцеловать тебя. Я поцеловала и теперь понимаю, что напрасно. Ты подарил мне имбирный леденец, на котором свинцовым карандашом было написано мое имя, а я тебе — лепешку от кашля с моим. Это означало, что отныне мы возлюбленные. Но похоже, ты съел свой леденец.

«Ужасно, — думал мистер Балтитьюд. — Что мне ей сказать? Девочка явно принимает меня за этого негодяя Дика».

— М-да, — сказал он вслух. — Ты еще слишком молода для таких глупостей. Тебе следует думать о куклах, вышивании, а не о возлюбленных.

— Что ты говоришь! — вознегодовала Дульси. — Ты знаешь, что я не маленькая и уже не играю в куклы — разве что изредка. Дик, почему ты такой злой? Ты изменил мнение обо мне?

— Я изменил облик, — сказал Пол. — Но это не важно. Ты не поймешь. А теперь беги и поиграй,

как подобает хорошей девочке!

— Я все поняла, — сказала Дульси. — Ты был на какой-то вечеринке и там встретил противную девчонку! И она тебе понравилась больше, чем я.

— Это абсурд! — сказал мистер Балтитьюд. — Сущая чепуха. Зачем ты плачешь? Это просто глупо! Ты ошиблась. Я вовсе не Дик, которого ты знала.

— Еще бы! — всхлипывая, проговорила Дульси. — Но, Дик, ты снова станешь таким, как прежде? Обещай!

И к ужасу и тревоге Пола, она обняла его за шею и, уткнувшись в плечо, горько заплакала.

— Господи! — возопил он. — Что это! Не надо! Отпусти меня! Кто-то идет. Если это твой папа, мне конец!

Но было поздно. Поверх ее головки он увидел Типпинга, который вошел в комнату и грозно уставился на них. Дульси тоже увидела его, отскочила к окну, кое-как вытерла слезы и затем, пробормотав «доброе утро», прошмыгнула в дверь, оставив Пола один на один с разъяренным Типпингом. После долгой неловкой паузы тот сказал:

— Что ты ей наговорил? Почему она плачет?

— А тебе что за дело? — отвечал Пол, стараясь

говорить твердым голосом.

— А то, что Дульси мне уже давно нравится, но она мне не сказала еще ни одного теплого слова. Я все не мог взять в толк, почему бы это. Ну а теперь все ясно. Значит, ты мне встал поперек дороги, да? Я слышал, как она называла тебя милым Диком.

— Не будьте ослом, сэр! — сердито буркнул Пол.

— А ты мне не груби! — молвил Типпинг, двинувшись вперед с явным намерением сначала пихнуть противника как следует, а затем и отколошматить. — Заруби себе на носу: я не потерплю, чтобы Дульси кружил голову какой-то щенок. Она заслуживает кавалера получше. И если я еще застану тебя в ее обществе, если ты будешь говорить с ней, как сегодня, и если она отдаст тебе предпочтение перед другими ребятами, я отлуплю тебя так, как тебе и не снилось. Так что берегись!

Тут в комнату вошли другие школьники и расположились возле огня. Пол отошел от сердитого Типпинга к окну и стал смотреть на голые деревья и промерзшую дорогу.

«Я должен рассказать доктору все, как есть, — размышлял он. — Но стоит мне открыть рот, он

начинает угрожать мне поркой. Если я останусь здесь, ко мне будет приставать с разговорами девчонка, а этот рыжий малый станет меня лупить. Только бы мне удалось поговорить с доктором после завтрака!»

Не без удовлетворения Пол припомнил, что дополнительно платил за «мясо на завтрак» к счету за содержание Дика, — его теперешний молодой и растущий организм настоятельно требовал пищи.

В восемь вошел доктор и, возвестив о завтраке, первым двинулся в так называемый Обеденный зал. Последний вовсе не заслуживал столь громкого названия, — длинная узкая комната на первом этаже, где были краны и печи, наводила на подозрения насчет того, что ранее здесь помещалась черная кухня.

Доктор уселся за стол, соединявший два ряда параллельно поставленных столов, на которых были тарелки с бутербродами и белые чашки с блюдцами, а миссис Гримстон, Дульси и Том сели на противоположном конце, там, где высились два отвратительных оловянных кофейника.

Когда мистер Балтитьюд сел за стол, он испытывал такой голод, какого не знавал уже многие годы. Но он с отвращением увидел на тарелке, во-

преки всем своим надеждам, не пару сваренных вкрутую яиц, не аппетитно поджаренную колбасу с румяной корочкой, не омлет и даже не кусок домашнего бекона, но пару холодных обезглавленных сардин в лужице зеленоватого масла.

Мистер Балтитьюд терпеть не мог эту рыбу, к тому же ее питательные и вкусовые свойства никак не способствовали повышению настроения, необходимого для объяснений.

Он, однако, заставил себя проглотить сардины, запив жутким безвкусным кофе. Эта трапеза так разительно отличалась от обильных, отменно приготовленных завтраков, к которым он привык за многие годы, что ему сделалось очень нехорошо.

Во время еды школьникам запрещалось разговаривать. Время от времени доктор отрывался от тарелки с почками на поджаренном хлебе, вызывавшими завистливые взоры школьников, чтобы сказать что-то жене на другом конце стола, но в основном завтрак шел под аккомпанемент звяканья чашек и блюдец, а также жеванья воспитанников.

Затем, когда тарелки очистились и дети, насытившись, стали вяло переглядываться, появился младший учитель, мистер Тинклер. Недавно он

закончил маленький и малоизвестный колледж в Кембридже, где оказался лишь на два места выше нежеланной деревянной ложки [1].

Это не помешало доктору Гримстону сообщить во всеуслышание, что его ассистент — выпускник Кембриджа, допущенный к экзамену по математике для особо преуспевающих. Это был невзрачного вида человечек, похоже, не очень радовавшийся подобной рекламе.

— Мистер Тинклер, — произнес доктор не предвещавшим ничего хорошего голосом, — если бы у меня была привычка делать замечания преподавателям перед всей школой, чего, к счастью, я никогда не делал, — то я бы сказал, что поздно встающий учитель подает плохой пример учащимся и не успевает сделать все намеченное на день.

Мистер Тинклер пробормотал что-то нечленораздельное, сел с пристыженным выражением и набросился на хлеб с маслом с деловитостью, каковая, похоже, скрывала его смущение.

Вскоре доктор взглянул на часы и сказал:

— Ну а теперь, дети, у вас есть полчаса, чтобы

---

[1] Примечания: 1

Деревянная ложка в Кембридже присуждается студенту, занявшему последнее место на выпускном экзамене по математике. — Здесь и далее — *Примеч. пер.*

поиграть в охоту, порезвитесь. Потом я сделаю объявление. Не вставайте, мистер Тинклер, если вы еще не позавтракали!

Мистер Тинклер, однако, предпочел завершить трапезу, нежели продолжать ее под надзором своего начальника. Поэтому, пробормотав, что он отлично поел, — что никак не соответствовало действительности, — он двинулся за учениками. Они пошли надевать ботинки, чтобы потом двинуться на гимнастическую площадку.

Перспектива игры в охоту не вызвала у питомцев доктора Гримстона того энтузиазма, какой вполне можно было бы ожидать от детей, получивших разрешение немного порезвиться. Но игра в охоту, более известная под названием «лагерь пленных», не была у них в чести, поскольку отличалась монотонностью и не требовала большого искусства. Кроме того, был у нее еще один недостаток, оказавшийся бы фатальным и для более волнующего развлечения: игра эта носила обязательный характер. В футбол и крикет играли в неучебное время, для чего доктор арендовал площадку неподалеку от школы. На школьной же площадке разрешалось играть в охоту и только — это, по мнению доктора, давало необходимую разрядку и уберегало школьников от неприятно-

стей. И если кто-то по своеволию затевал что-то непредусмотренное, это развлечение быстро приходилось сворачивать по приказу начальства, каковой выполнялся неукоснительно.

Благие намерения доктора, короче, заставили учеников невзлюбить игру, которая игралась по нескольку часов в день неделю за неделей и навсегда утратила свою свежесть и привлекательность.

Утро выдалось солнечное и морозное. Земля промерзла за ночь, покрылась инеем и поскрипывала под ногами. Воздух освежал и бодрил, а голые черные ветви деревьев рельефно выступали на голубом утреннем небе.

В такую погоду хорошо кататься на коньках по темно-зеленому льду или отправиться в долгую прогулку в какой-нибудь городок, где проводится ярмарка. Но сейчас это солнце, эта свежесть никакой радости не вызывали: слишком печальным был контраст между обещанием безграничной свободы и унылой необходимостью учебы и зубрежки.

Поэтому ученики вяло разгуливали по площадке, а потом собрались в ее дальнем конце, где была прочерчена глубокая борозда, отмечавшая границу «лагеря». Никто и не собирался начинать

игру. Дети сбились в кучки и тихо судачили, притоптывая ногами, чтобы согреться. Постепенно к ним присоединились и приходящие ученики. Кто-то бестактно выказал радость, что наконец-то начинаются занятия и можно будет развеять скуку — заявление, решительно не сочетавшееся с общей атмосферой уныния, охватившего обитателей интерната.

Если мистер Тинклер, вскоре подошедший к своим воспитанникам, не очень отличился за завтраком, то теперь он решил вовсю наверстывать упущенное. Своим лихим мужским разговором он вызвал явное уважение младших учеников.

— Недостаток жизни в этом месте, — рассуждал он с великолепным презрением в голосе, — состоит в том, что человек не может выкурить утреннюю трубку. Я так к этому привык, что этого страшно не хватает. Конечно, прояви я настойчивость, Гримстон не стал бы возражать, но когда вокруг столько малышей, это было бы неважным примером…

Зрелище и впрямь было бы неважное, если бы мистер Тинклер позволил себе что-то крепче самой слабенькой сигаретки. Он был курильщик, у которого любовь к табаку сочеталась со страхом перед пагубными последствиями курения. К

счастью, сейчас он мог не опасаться, что об этом узнают окружающие, и потому не видел смысла признаваться в своих слабостях.

— Кстати о курении, — продолжал он с мягкой усмешкой, словно воскрешая в памяти нечто дьявольски порочное, — я не рассказывал вам, друзья, о переплете, в который чуть не угодил в университете? У них есть дурацкое правило, запрещающее курить на улицах. Правда, мы не больно-то обращали на это внимание. Так вот, как-то вечером, в десятом часу, шли мы по улице и курили — я, а также Бошер и Пиблз, оба известные забияки и большие мои приятели. И вдруг откуда ни возьмись нам навстречу проктор [2] и два его бульдога — я имею в виду не собак, а двух крепких парней, помогающих проктору. Бошер сказал: «Бежим!» и они с Пиблзом дали деру. Ребята не трусы, просто немного растерялись. Я же пошел дальше, как ни в чем не бывало, попыхивая сигарой. Проктор буквально полез на стенку. «Что вы хотите этим сказать, сэр? — спрашивает он меня, побледнев от ярости. Он славился своей настырностью и непреклонностью, потому-то его и сделали проктором. — Почему вы наруша-

[2] Примечания: 2
В Кембридже и Оксфорде инспектор, надзирающий за дисциплиной.

ете правила университета?» — «Вечер сегодня прекрасный», — отвечаю ему я, решив, что спокойствие — лучшее оружие. «Вы хотите меня оскорбить?» — спрашивает он. «Ни в коем разе, старина, — отвечаю. — Не желаете ли сигару?» Тут его терпение лопнуло, и он подозвал бульдогов. «Заберите его! — истошно завопил он. — Я добьюсь его отчисления!» «Сначала я отчислю вас», — говорю я на это и легонько его так толкаю — я не хотел ничего плохого, но если бы видели, как он полетел вверх тормашками! Потом я отправил туда же бульдога, чтобы наш проктор не скучал, а его напарник не стал дожидаться своей очереди и почтительно посторонился, пропуская меня. Я докурил сигару и закончил прогулку.

— Проктор сильно ушибся? — почтительно осведомился кто-то из малышей.

— Больше перепугался, — весело отозвался мистер Тинклер. — Но так или иначе после того случая он подал в отставку — это оказалось слишком сильным потрясением. Над ним по этому поводу сильно подшучивали, но никто не догадался, что в этом был замешан я.

Подобные героические легенды, напоминавшие поэмы Гомера, должны были, по мысли Тинклера, внушать учащимся уважение.

На самом деле он и впрямь однажды повстречался с проктором вечером, но их взаимоотношения носили самый мирный характер и он напрасно наговорил на себя, изображая разбойника и сорвиголову. И хотя на следующий день состоялась финансовая операция, в ходе которой одна сторона уплатила другой шесть шиллингов восемь пенсов, проктор и бульдоги продолжали исполнять свои обязанности, а мистер Тинклер, и всегда-то испытывавший благоговение перед ними, стал относиться к ним прямо-таки с трепетом.

На этом шатком фундаменте он впоследствии и воздвиг причудливое здание вымысла, и порой сам начинал верить, что в свое время был жутким повесой, что было, признаться, далеко от истины.

Возможно, он продолжал бы в том же духе, очерняя себя немилосердно и внушая зависть и восхищение малышам, если бы в этот момент на лестнице, ведущей к площадке, не показался доктор Гримстон, отчего мистер Тинклер загорелся живейшим интересом к игре, каковая, в свою очередь, как по волшебству сделалась куда более интенсивной.

Но доктор некоторое время хмуро оглядывал

своих питомцев, а потом внезапно крикнул: «Все в школу!»

Гримстон произносил эту фразу на разные лады. Иногда он делал это с интонациями человека, вынужденного напомнить, что делу время, а потехе, увы, только час, иногда добродушно наблюдал за невинными забавами школьников и лишь потом призывал их заняться учебой, давая понять, что он делает это отнюдь не по жестокосердию, но как человек, сам подчиняющийся закону. Иногда же он появлялся внезапно и резким голосом отдавал команду прекратить игру. В такие моменты школьники знали, что нависла беда.

Похоже, так обстояло дело и сейчас, и как очередную дурную примету они отметили появление мистера Блинкхорна, который, обменявшись репликами с мистером Тинклером, удалился вместе с последним.

— Он отправил их погулять, — сообщил Сиггерс, собаку съевший на дурных предзнаменованиях. — Значит, будет скандал.

Скандалы, хоть случавшиеся в Крайтоне часто, а потому вроде бы выработавшие у школьников защитные рефлексы, тем не менее переносились ими трудно. Доктор Гримстон был вспыльчив

и не умел сдерживать себя в минуты гнева. Он болезненно воспринимал даже те малейшие нарушения дисциплины, которые другие на его месте сочли бы сущими пустяками, и если бы обнаруживал нарушение, то не знал покоя до тех пор, пока не устанавливал точное число нарушителей и степень их вины.

В таких случаях он собирал учащихся в зале и обращался к ним с длинной речью, постепенно доводя себя до такой степени негодования, что несчастные слушатели готовы были от ужаса провалиться сквозь землю. Бывало, нарушители приходили к скоропалительному выводу, что запираться бессмысленно и их уже вывели на чистую воду, после чего они сознавались в преступлениях, о которых доктор понятия не имел. Похожим образом в рыбацкий невод попадают рыбы всех размеров и пород или тяжелый артиллерийский обстрел в морских сражениях заставляет всплывать тела ранее утонувших моряков.

Пол, разумеется, обо всем и не догадывался. По обыкновению, он держался в сторонке, собираясь с силами, чтобы сделать признание при первом же удобном случае. Он двинулся вслед за остальными и, поднимаясь по лестнице, задался

вопросом, не засадят ли его за зубрежку.

Мальчики проходили в классную комнату в угрюмом молчании и усаживались за парты и столы. Доктор уже был там. Он стоял, опершись одной рукой на кафедру, и глядел на них с таким грозным видом, что от его взгляда и мертвой тишины многим стало решительно не по себе.

Доктор начал речь. Он сообщил, что теперь, когда все снова собрались здесь, он сделал открытие, касающееся одного из учеников, которое хоть и удивило и огорчило его, но тем не менее должно быть доведено до всеобщего сведения.

Мистер Балтитьюд не верил своим ушам. Его тайна разгадана, негодный трюк Дика будет предан гласности, а пострадавшему принесут извинения. Возможно, со стороны доктора не совсем тактично заявлять об этом во всеуслышание, но хорошо все, что хорошо кончается, и он, Пол, вполне готов закрыть на это глаза.

Поэтому он устроился поудобнее, откинувшись на спинку, скрестив ноги и показывая всем своим видом, что он наперед знает, о чем будет речь.

— С тех пор как я посвятил себя воспитанию юношества, — говорил доктор, — я всегда заботился о том, чтобы мои ученики получали обильное питание, чтобы у них не было повода

тайком добывать разнообразные лакомства. Я всегда присутствовал при их трапезах, я отечески следил за их играми…

Тут он сделал паузу и так отечески посмотрел на учеников в первых рядах, что те не знали, куда деться от смущения.

«Он отклоняется от сути», — озадаченно отметил про себя Пол.

— Я сделал это в убеждении, что простая, здоровая и обильная пища за моим столом окажется достаточно сытной для юных организмов, чтобы не возникало соблазна в сладостях разного рода. Таковые раз и навсегда запрещены в моей школе, и все школьники это прекрасно знают. И тем не менее что я вижу! — тут постепенно Гримстон стал ослаблять контроль за своими эмоциями, все больше и больше поддаваясь праведному гневу. — Находятся натуры столь низкие, столь неспособные ценить доброту, столь лишенные даже намека на честь и совесть, что они готовы бросить вызов разумным предосторожностям, введенным ради их же блага. Сейчас я не стану называть их по именам, пусть лучше они заглянут себе в сердца и осознают свою вину.

При этих словах каждый ученик в отдельности, смекнув, к чему клонит наставник, попытался

принять вид искренней невинности, как правило, неудачно.

— Мне не хотелось бы думать, — говорил доктор, — что порок этот распространился гораздо шире, чем мне представляется. Впрочем, если я не прав, то ничего удивительного! Возможно, кое-кто в этой комнате трепещет от тайно содеянного. Если это так, то у него есть один достойный выход, а именно: честно и открыто во всем признаться.

На это приглашение никто не откликнулся.

Школьники предпочли придерживаться выжидательной тактики.

— В таком случае пусть это недостойное существо — ибо он не заслуживает другого слова — имя которого мне известно, выйдет вперед и публично признается в проступке и попросит прощения, — грохотал доктор, разошедшийся вовсю.

Но скромное существо отказалось сделать такое признание в слабой надежде, что, может быть, доктор имеет в виду кого-то другого.

— Тогда я сам назову его, — бушевал доктор. — Корнелиус Коггс, прошу встать.

Коггс приподнялся со своего места, слабо прошептав:

— Я, сэр? Нет, нет, это не я, сэр.

— Да, да, это ты, и пусть твои товарищи окружат тебя подобающим презрением.

Разумеется, все собравшиеся уставились на беднягу Коггса, изображая ту степень презрения, которой можно достичь при столь неожиданном уведомлении. Презрение, вообще, вещь весьма заразительная, когда исходит сверху.

— Значит, Коггс, — молвил доктор гневно и медленно, — ты попытался обманно протащить заразу в мою школу, надеясь остаться безнаказанным? Ты льстил себя надеждой, что, коль я конфисковал запрещенную мерзость, на этом все и кончится? Ты жестоко обманулся. Запомни раз и навсегда: тебе не удастся отравлять себя и твоих товарищей недозволенными сладостями: мерзкими мятными леденцами, скверными финиками и отвратительным рахат-лукумом. Я перекрою каналы распространения гадости, тайно внесенной в мои стены одним из учеников. Предателю воздастся по заслугам.

Дело было в том, что однажды кто-то из самых маленьких питомцев доктора Гримстона сильно расстроил желудок, объевшись сладостями, и доктор решил обезопасить себя на будущее от подобных инцидентов.

— Благодаря бесстрашию одного из ваших соучеников, — продолжал Гримстон, — который хоть и в эксцентрической манере, но, безусловно, из лучших побуждений раскрыл мои глаза на это зло, я смог справиться с ним в зародыше. Ричард Балтитьюд, пользуюсь случаем, чтобы публично похвалить тебя за благородное поведение.

Мистер Балтитьюд так расстроился и рассердился, что утратил дар речи. Он было решил, что дорога к свободе открыта, а доктор устроил этот спектакль из-за дурацких мятных лепешек. Он подумал, что вообще зря упомянул об их существовании. Впрочем, он раскаивался в этом не в последний раз.

— Что же касается тебя, Коггс, — продолжал доктор, — внезапно вынув небольшую коричневую трость. — Я хочу преподнести тебе наглядный урок.

Коггс глупо уставился на доктора и запротестовал, но после короткой и болезненной порки был отослан в спальню, куда и удалился, скуля, как побитый щенок.

— И последнее, — сказал доктор, уже совершенно успокоившись. — Я убежден, что вы вместе со мной содрогнулись при одной мысли об измене, которую я обнаружил. Я знаю, что вы ни за что

на свете не согласились бы принять в ней участие. — По залу прокатился ропот солидарности с директором. — Несомненно, вы готовы доказать это. — Снова гул. — Я представляю вам такую возможность. Пусть каждый из вас пройдет в кладовую, возьмет свой ящик для игрушек и откроет его в моем присутствии.

От такого предложения у школьников вытянулись лица и отвисли челюсти, но, дабы скрыть смятение, они поспешили выйти из класса и через площадку для игр прошли в кладовую. Пол был в их числе. Ученики открывали свои ящики и с благоразумием, столь похвальным в их лета, решительно убирали из них все те излишества, что могли бы вызвать огорчение, а то и гнев их руководителя.

Мистер Балтитьюд отыскал соответствующий ключ и стал открывать ящик с инициалами Дика на крышке, не испытывая никаких дурных предчувствий, поскольку дал самые суровые распоряжения своей дочери насчет содержимого. Но не успел он поднять крышку, как отшатнулся в ужасе. Ящик был набит пирожными, карамелью, тянучками, баночками с джемом. Там была даже бутылочка имбирного вина. Этого с лихвой хватало, чтобы доносчика опозорить на всю школу.

С лихорадочной поспешностью он принялся выбрасывать эти сокровища, но Типпинг оказался тут как тут.

— Эй, ребята! — крикнул он. — А ну-ка, сюда! Полюбуйтесь. Этот подлец наябедничал на старину Коггса за какие-то там мятные лепешки и чуть было не подвел нас всех под монастырь, а сам, оказывается, неплохо запасся. Тянучки, джем, винцо! А ну-ка, клади все обратно, юный притворщик!

— Это вы про меня, сэр? — сердито осведомился Пол, не переносивший, когда его называли обманщиком.

— Да, сэр, виноват, сэр, — издевался Типпинг. — Я взял на себя такую смелость, сэр.

— Неслыханная наглость! — бушевал Пол. — Прошу не соваться в мои дела. Уму непостижимо, что за молодежь у нас растет!

— Будешь класть обратно или нет? — нетерпеливо спросил Типпинг.

— Нет. И прошу вас не судить о том, в чем вы не разбираетесь.

— Не хочешь, как хочешь, — сказал Типпинг. — Значит, придется нам самим заняться этим. — Бидлкомб, будь так добр, повали его на пол и посиди у него на голове, а я приведу в порядок

его ящик.

Его просьба была быстро и ловко исполнена. Бидлкомб подножкой свалил Пола на пол и крепко держал его, а Типпинг аккуратно положил лакомства обратно в ящик Пола, запер его и учтиво вернул ключ хозяину.

— Ящик-то тяжелый, — заметил он, — а потому я помогу тебе донести его. — И двинулся назад в школу.

Пол тащился за ним полумертвый от страха, не способный вымолвить ни слова.

— У Балтитьюда больно тяжелый ящик, — пояснил Типпинг доктору, а тот, пришедший в хорошее расположение духа, одобрительно покивал головой, заметив, что хорошо, когда сильные помогают слабым.

К тому времени все ящики уже стояли на столах. Доктор стал обходить их, делая чисто формальную проверку, словно таможенный инспектор, досматривающий багаж соотечественников.

По мере того, как в очередном ящике не обнаруживалось ничего крамольного, он делался все снисходительнее.

Надвигался черед Пола, и его сердце съежилось, как лопнувший воздушный шарик. Он нашарил в кармане ключ и думал, не выкинуть ли его

потихоньку. Ужасно выступать в роли человека, который по доброй воле подносит спичку к бочонку с порохом, чтобы взорвать себя к чертям! Неужели — нет, об этом даже и помыслить было страшно — неужели он, уважаемый в Лондоне коммерсант, разделит участь этого жалкого обжоры Коггса!

В этот момент к нему подошел доктор.

— Что у тебя, друг мой, стряслось, — добродушно осведомился он. — Я уверен, у тебя-то уж все в порядке.

Пол, совершенно не разделявший этой уверенности, сделал вид, что ключ никак не поворачивается в замочной скважине.

— Так-так? Ну-ка, поскорее открывай! Что там у тебя? — вдруг подозрительно спросил доктор. — Дай, я сам это сделаю.

Он взял у Пола ключ, отпер замок, поднял крышку и уставился на пирожные, конфеты и вино. Затем он драматически отступил на шаг.

— Карамель? Вино? Банки с клубничным джемом? — удивленно перечислял он. — М-да, Балтитьюд, это сюрприз! Стало быть, я согрел у себя на груди еще одну змею? Ползучую тварь, которая доносом пытается скрыть похожий проступок. Балтитьюд, такого я от тебя не ожидал.

— Клянусь, я этого не клал, — залепетал несчастный Пол. — Я в рот не беру ничего подобного. От них у меня мигом начинается подагра. Это просто смешно обвинять меня в этом. Я понятия не имел, что в ящике.

— Почему же тогда ты никак не хотел его отпереть? — поинтересовался доктор. — Нет, любезнейший, ты хитер, но вина твоя очевидна. Шагом марш в спальню и жди меня.

В горе и печали Пол двинулся наверх. Обмолвись он хоть словом, кто он такой на самом деле, глядишь, все встало бы на свои места. Но он не сказал ничего и самое ужасное, знал, что не скажет.

«Меня сейчас выпорют, — думал он, и при мысли об этом ему стало просто дурно. — Но что же мне делать?»

Он открыл дверь спальни. Коггс лежал на кровати в углу и скулил. Он посмотрел на Пола красными злобными глазами.

— Что тебе здесь надо? — злобно спросил он. — Уходи! Убирайся!

— Я бы рад, но не могу, — сказал он и смущенно добавил: — Меня… тоже сюда прислали.

— Что?! — воскликнул Коггс и слез с кровати. — Ты хочешь сказать, что и тебе влетит?

— У меня есть все основания опасаться, что мне и впрямь, как ты выразился, влетит, — сухо отозвался мистер Балтитьюд.

— Ура-а! — воскликнул Коггс. — Теперь мне все равно. Ну а теперь я отомщу за себя сам. Не страшно, если меня еще раз выпорют. Главное, ты попался. Ну что, будешь драться? Отвечай!

— Я тебя не понимаю, — сказал Пол. — Не подходи! Прочь от меня, исчадье ада! — крикнул он, видя, что Коггс, доведенный до исступления своими горестями, стал приближаться с враждебными намерениями. — Не сердись, друг мой! — крикнул он, хватая стул как щит. — Случилось недоразумение. Я не желал тебе зла. Мой юный друг, погоди!

Юный друг между тем вцепился в стул, пытаясь вырвать его у Пола.

— Сейчас я до тебя доберусь, — прошипел он, и его горячее дыхание обдало Пола, — я начну тебя фискалить.

— Убивают, — прошептал Пол, чувствуя, что у него уходят силы. — На помощь!

Они медленно кружились вокруг стула, пристально глядя друг другу в глаза, словно гладиаторы, когда вдруг увидели неожиданную пустоту во взгляде противника. Обернувшись, он увидел

в дверях грозную фигуру доктора Гримстона и понял, что пропал.

Глава 6
Учение – свет

— Что это? — выждав некоторое время на пороге спальни, осведомился доктор голосом, от которого у Пола кровь застыла в жилах.

Мистер Балтитьюд промолчал. Он продолжал держать перед собой стул, словно щит, в то время как Коггс застыл в центре комнаты, сгорбившись и беспомощно свесив руки.

— Кто из вас готов объяснить, почему я застаю в спальне такую безобразную потасовку? Я послал вас сюда, чтобы вы могли обдумать ваше поведение.

— Я был бы только рад сделать это, сэр, — заявил Пол, опустив стул, ибо понял, что непосредственная угроза его жизни отступила. — Если бы этот кровожадный хулиган предоставил мне такую возможность. Я боюсь его, доктор Гримстон. Его надо связать. Я решительно отказываюсь оставаться с ним наедине. Он опасен.

— Это так, Коггс? Неужели у тебя хватает низости сводить счеты с юношей, нашедшим в себе мужество разоблачить твои хитрости — во имя

твоего же собственного блага — с юношей, неспособным защитить себя.

— Когда надо, он прекрасно может защитить себя, — сказал Коггс. — В прошлом семестре он поставил мне фонарь под глазом, сэр.

— Уверяю вас, — как можно более убедительнее сказал Пол, — что за всю свою жизнь я не поставил никому ни одного фонаря. Я не драчун. Мои годы и положение в обществе — лучшее тому доказательство.

— После каникул, — сказал доктор Гримстон, — ты вернулся с очень странной манерой изъясняться. В высшей степени странной. Пока ты не оставишь ее и не станешь вести себя как подобает в твоем возрасте, я буду вынужден считать, что ты просто проявляешь неуважение к старшим и даже бросаешь им открытый вызов.

— Если позволите мне объясниться, — отвечал Пол, — я бы рискнул развеять такие ужасные предположения. Просто я пытаюсь напомнить о моих правах, доктор, о правах гражданина и домовладельца. Эта школа неподобающее место для меня. Я прошу вас освободить меня от обязанностей учащегося. Если бы вы услышали одну десятую часть…

— Давай договоримся, Балтитьюд, — перебил

его доктор. — Такой тон тебе явно кажется очень остроумным, но учти, в какой-то момент шутка превращается в оскорбление. Пока я проявлял снисхождение ради твоего достойнейшего отца, который мечтает видеть в тебе образец. Но если ты будешь упорствовать и рассуждать о правах, то мне придется прибегнуть к моему праву — подвергнуть нарушителя дисциплины порке, каковое, кстати, я недавно на твоих глазах осуществил.

— О! — только и сказал удрученный мистер Балтитьюд.

— Что же касается незаконных лакомств в твоем ящике, — продолжал доктор, — то тебя спасает, что ты сам принес этот ящик для моего обозрения, и я готов оставить это без последствий, если ты подтвердишь, что сласти были положены туда без твоего ведома.

— Напротив, — отозвался Пол, — я дал строжайшие указания, чтобы там не было ничего подобного. Я решительно против того, чтобы кухня и кладовка в моем доме опустошались, а потом озорники-школьники объедались бы за мой счет две недели и страдали животами.

Доктор слегка вздрогнул, услышав такую вроде бы вполне разумную, но не совсем естественную

в устах школьника тираду. Но поскольку трудно было что-либо возразить против чувств, он решил оставить способ их выражения без комментариев и, приговорив Коггса к двухдневному лишению свободы и переписыванию бесконечного количества немецких глаголов, велел парочке противников отправляться по своим классам.

Пол кротко спустился по лестнице и оказался в классной комнате, где увидел во главе длинного стола мистера Блинкхорна, а с ним десяток школьников.

— Бери своего Ливия и латинскую хрестоматию, — кротко молвил Блинкхорн, — и садись.

Это был высокий угловатый человек, с длинной шеей и всегда опущенной головой. У него были редкие жесткие каштановые волосы, простое лицо и близорукие карие глаза. Это был кроткий и совестливый человек, не позволявший себе делить учеников на любимчиков и постылых. Возможно, в глубине души он всех одинаково недолюбливал, хотя ни словом, ни поступком не показал этого.

Пол взял книгу — первую попавшуюся, ибо он не мог отличить один учебник от другого, — и сел за дальний конец стола, негодуя про себя, что на старости лет ему приходится вновь заниматься

учебой.

«Во время обеда, — размышлял он, — я все-таки откроюсь им, но пока есть смысл помалкивать».

Остальные ученики демонстративно отодвинулись от него, и когда мистер Блинкхорн этого не видел, приветствовали его мимикой и словами, смысл которых хоть и не был до конца понятен Полу, явно не имел ничего общего с одобрением.

Любовь к дисциплине сочеталась у мистера Блинкхорна с понятиями честной игры, что воспрещало допекать школьника, которому и так не поздоровилось. И потому, видя трудное положение Балтитьюда, он, по сути дела, освободил его от участия в работе класса.

Тем самым мистер Балтитьюд был избавлен от признания полного незнакомства с переводимым древним автором. Он сидел в отупении на жесткой скамье, нетерпеливо поглядывая на минутную стрелку, еле переползавшую с деления на деление на дурацком циферблате часов над камином, а рядом с ним ученик за учеником монотонно переводили, время от времени поправляемые учителем.

Абсурдное существование, решительно ничего общего не имевшее с его обычными буднями! В этот самый час, всего сутки назад, мистер Бал-

титьюд величественной поступью шествовал к омнибусу, который почтительно ожидал своего постоянного пассажира. Он забирался в него и выслушивал почтительные приветствия кондуктора и веселые своих попутчиков, видевших в нем человека, занимающего самое респектабельное положение в обществе.

Сегодня же омнибус будет напрасно ожидать его на углу Вестборн-террас, и двинется в путь без него. Он же мается там, где его никто и не подумал бы искать — выполняет роль мальчика для порки при своем коварном сыне.

Случалось ли человеку его уровня бывать в более нелепом положении?

Если бы он держал этот чертов камень запертым в ящике стола подальше от пронырливого Дика, если бы он не читал ему мораль, если бы Боулер так долго не ходил за кебом и, наконец, если бы он не упал в обморок в самый решающий момент, господи, от каких ужасных приключений избавило бы его любое из этих вроде бы незначительных «если».

Ну а теперь как ему выбраться из этого нелепого места? Хорошо, конечно, надеяться, чтобы доктор выслушал его, но что если тот, как Пол не без оснований опасался, наотрез откажется?

Что если он выполнит свою страшную угрозу? Неужели придется ему, Полу, дожидаться новых каникул? А что если Дик решительно откажется принять его на каникулы, а именно так он и поступит! Ведь не настолько же Дик глуп, чтобы действовать иначе? Нет, надо возвращаться не мешкая — каждый лишний час, проведенный здесь, делает все более призрачными шансы на свободу.

Время от времени мистер Балтитьюд отвлекался от мрачных раздумий и смотрел на учеников. Мальчики, сидевшие ближе к мистеру Блинкхорну, проявляли известное усердие, а один из них, маленький, с самоуверенным лицом, выкрикивал всякий раз, когда кто-то из его товарищей не мог ответить на вопрос: «Я знаю, сэр, спросите меня». Он из кожи вон лез, дабы во всеуслышание заявить о своих познаниях.

Ближе к Полу, однако, располагались ученики, менее расположенные к учению, что в первый день занятий выглядело вполне естественно. Один из них, длинноволосый и с безумным взором, извлек из кармана маленькую фарфоровую статуэтку, с помощью которой, а также ручки без пера стал разыгрывать кукольное представление на манер Джуди и Панча, к неописуемой радости

соседей.

Мистер Балтитьюд попытался избежать всеобщего внимания, вознамерившись держаться в тени, но, к несчастью, его уныло-равнодушная физиономия была воспринята соседями как выражение упрека, а будучи в этом смысле людьми крайне чувствительными, они в отместку стали колотить его под столом ногами. Он несказанно обрадовался перерыву на обед, хотя и был настолько плох, что лишь самая изысканная кухня могла возбудить его аппетит.

Но в столовой он с отвращением обнаружил, что ему нужно проглотить толстый кусок вареной баранины, отрезанный и выложенный на тарелку так давно, что вонючая подливка успела уже застыть и покрыться комками белого жира. В конце концов, преодолевая отвращение, он справился с этим блюдом, но после этого получил тарелку светло-коричневого пудинга на сале, политого липкой черной патокой.

Эта обильная и полезная пища для растущих молодых организмов, однако, так разительно отличалась от привычного рациона мистера Балтитьюда, что после этого обеда он отяжелел настолько, что и речи не могло быть об объяснении с доктором. Поэтому он медленно и печально

прогуливался по гимнастической площадке в отведенные для проклятой «охоты» полчаса, пока наверху не появился доктор.

Историки регистрируют отступления своих персонажей от принципов не без огорчения, и мне тоже не без горечи приходится признать, что, поймав на себе взор доктора и желая завоевать его расположение, мистер Балтитьюд ринулся в игру с таким пылом, что заслужил и одобрение и пожелание продолжать в том же духе.

«Я порадовал его, — размышлял Пол. — Если мне удастся так продержаться до вечера, то я смело могу рассказать ему, в какую дурацкую историю угодил. В конце концов, чего мне бояться? Я не сделал ничего дурного. Такое может случиться с каждым!»

Самое странное и неприятное, однако, состояло в том, что как бы удачно мы не убеждали себя насчет неопровержимости наших аргументов, они редко сохраняют свою действительность вне пределов сознания, их породившего. Когда мы оказываемся в неприятной ситуации, то обеспокоены столь же неразумно, как если бы никогда не убеждали себя, что все это пустяки.

Самоуверенность мистера Балтитьюда улетучилась, как только он снова оказался в классе.

Мистер Тинклер объяснял какое-то алгебраическое правило, приводя в смятение тех, кто не занимался рисованием на грифельных досках.

Хотя Пол и не занимался рисованием, его полное незнакомство с предметом не позволило ему расширить свои познания. Мистер Тинклер рисовал на доске какие-то каббалистические знаки и стирал их с такой поспешностью, словно стыдился их. Пол решил подготовить себя к предстоящему объяснению, подсматривая исподтишка за доктором, который в другой половине класса штудировал с учащимися Ксенофонта. Он был в хорошем настроении и поэтому сопровождал поучения шутливыми отступлениями.

Время от времени он прерывал ученика, разбиравшего предложение, и иллюстрировал слово или абзац анекдотом, или, оживляя перевод, подбрасывал весьма разговорный синоним. Он великодушно воздерживался от каверзных вопросов и вообще источал добродушие, которое, впрочем, в любой момент могло перейти в нечто совсем иное. Мистеру Балтитьюду подумалось, что это довольно жутковатая веселость, но, в конце концов, это все лучше, чем террор.

Вдруг доктору подали на подносе голубой конверт. Он прочитал письмо, и на его чело набе-

жала тень. Ученик продолжал переводить в той сбивчиво неуклюжей манере, каковая доселе вызывала лишь шутливые замечания и поправки. Теперь же на него обрушился град упреков, и он получил в наказание дополнительное задание, прежде чем успел смекнуть, что его ошибки перестали забавлять.

Для учеников настали времена тяжких испытаний. Доктор утратил лучезарность, на небосводе появились грозовые тучи, задул ветер, и на море образования поднялось такое волнение, что утлым суденышкам учеников пришлось туго. Доктор обозвал нерадивых переводчиков обманщиками и лентяями, и вскоре половина класса сидела, глотая слезы.

Лишь немногие выдержали канонаду, сражаясь до конца, словно остатки старой гвардии. Побледнев, они отвечали дрожащими голосами на самые каверзные вопросы доктора о спряжении греческих глаголов, которые казались неправильными до абсурда.

Пола вновь охватили самые дурные предчувствия. Если бы я оказался там, то меня бы давным-давно выгнали, а затем, глядишь, высекли. До чего же разозлили его эти юные болваны! Разве можно после этого объясняться с докто-

ром? Я сижу на бочке с порохом. Как только меня спросят что-то из учебника, мне придет конец! Почему я не учился как следует, когда был в их возрасте, почему я лучше не распорядился возможностями?! Обидно будет, если мне достанется за то, что знаю меньше Дика. Доктор идет к нам. Все, моя песенка спета!

Несмотря на потери, греческий класс сумел отбить неприятеля, и теперь доктор двинулся туда, где, дрожа как осиновый лист, сидел Пол.

Буря, однако, на время стихла, и доктор лишь спросил:

— Кто из вас брал уроки танцев в прошлом семестре?

Когда несколько учеников признались в этом, доктор продолжил:

— Мистер Бердкин не смог дать последний урок до каникул и теперь намерен сделать это сегодня, благо будет по соседству. Поэтому отправляйтесь сейчас же к миссис Гримстон и смените обувь. Балтитьюд, ты тоже учился танцам. Ступай с остальными.

Мистер Балтитьюд был застигнут врасплох этой неожиданной атакой и не сумел оказать сопротивления. Впрочем, тогда ему пришлось бы во всем признаться, а он не был уверен, что

сейчас для этого подходящее время и место.

Пусть те, кто готовы осудить его за нерешительность, подумают, в какой сложной ситуации он оказался, вынужденный наперекор всем доводам здравого смысла утверждать, что произошла ошибка и он не свой собственный сын, но свой собственный отец.

«Придется ехать, — думал он. — Я не буду танцевать, ибо не танцевал с юности. Но сейчас нельзя сердить доктора».

И он поплелся вслед за остальными в гардероб, где на полках стояли белые коробки, а в них цилиндры, которые воспитанники надевали по воскресеньям. Полу выдали пару тесных лаковых туфель и лайковые перчатки.

Урок танцев должен был состояться в Обеденном зале, откуда еще не выветрился запах баранины. Пол обнаружил, что столы сдвинуты к стенам, так что центр был свободен.

Там уже были Бидлкомб, Типпинг и кое-кто из младших учеников, весьма смущавшихся своих перчаток и сверкающих туфель и пытавшихся затушевать чувство неловкости пародией на учтивость.

Сиггерс рассказывал о танцах, которые он посещал в Лондоне, а Типпинг, прислонившись к

стене, мрачно внимал тому, что шептал ему на ухо Чонер.

На лестнице зашуршали платья, и в зал вошли две худые девицы, выглядевшие в высшей степени чопорно, а с ними гувернантка в пенсне, похоже, призванном засвидетельствовать ее интеллект. Юные мисс Матлоу были сестрами одного из приходящих школьников и посещали уроки как подруги Дульси, которая вошла за ними, поблескивая глазками в предвкушении приятного времяпрепровождения.

Юные мисс чопорно уселись на скамейку по обе стороны от гувернантки, и все трое уставились на мальчиков, которые, тотчас же залившись краской, стали расстегивать и застегивать перчатки, а также смущенно переминаться с ноги на ногу.

Дульси быстро заприметила Пола, который, помня о предупреждении Теппинга, старался держаться в тени.

Но она подбежала к нему, положила руку на плечо и, просительно заглянув ему в лицо, спросила:

— Дик, ты не сердишься?

Мистер Балтитьюд и так уже порядком хлебнул горя и, не отличаясь особой мягкостью и в лучшие времена, теперь сердито стряхнул ее руку,

сказав:

— Я очень прошу не делать этого на людях. Вы меня ставите в неловкое положение!

Дульси широко раскрыла свои серые глаза, покраснела и гордо вскинула кверху подбородок.

— Когда-то ты ничего не имел против, — напомнила она. — Я думала, тебе будет приятно потанцевать со мной. Как в прошлом семестре. Но если тебе хочется быть противным, на здоровье. Можешь танцевать с Мэри Матлоу, хотя ты говорил, что она танцует, как циркуль, и я передам ей твои слова. Ты и сам танцор так себе. Ну что, будешь танцевать с Мэри?

Пол топнул ногой.

— Я танцую как уличный фонарь. Ты вполне симпатичная девочка, но почему бы тебе не оставить меня в покое.

— Противный мальчишка, — тихо сказала Дульси, сверкнув глазками. Весь разговор, кстати, велся полушепотом. — Я больше никогда и слова тебе не скажу. И в твою сторону не посмотрю! Ты самый противный мальчишка в школе и самый уродливый!

И она гордо отвернулась от Пола, хотя сторонний наблюдатель заметил бы, что, как только она это сделала, злые огоньки в ее глазах тотчас

же потухли. Похоже, это не укрылось от внимания Типпинга, злобно косившегося на парочку из угла.

За дверями послышались новые звуки — словно кто-то пальцем перебирал струны скрипки. Мальчики поспешно выстроились в две шеренги, а обе мисс Матлоу и Дульси приготовились сделать реверанс. В зал вошел маленький толстый человечек с бакенбардами-котлетками и белым лицом, на котором было написано убеждение, что манеры его обладателя — верх совершенства.

Мальчики в шеренгах отвесили поклон, не сгибая спины, на что мистер Бердкин величественно склонил голову.

— Добрый день, мадам. Ну что, юные леди, как поживаете? Чуть ниже реверанс, мисс Матлоу, ногу чуть назад! Прекрасно! Ногу приставить ближе. Отлично! Здравствуйте, джентльмены! Занимайте обычные позиции для наших разминочных упражнений. Итак, шассе [3] по залу! Начинает Даммер! Руки слегка касаются плеч! Голову беззаботно забросить назад, осанка свободная, но не небрежная! Прошу!

Приговаривая в такт, он заиграл на скрипке

---

[3] Примечания: 3

Па в танцах и вольных гимнастических упражнениях.

джигу, а Даммер возглавил кавалькаду, которая прыгала по залу с разной степенью скованности. Мистер Балтитьюд скакал вместе со всеми, внутренне кипя от гнева и унижения. «Вот бы посмотрели на меня мои клерки», — вертелось у него в голове.

Через несколько минут мистер Бердкин прекратил разминку и велел разбираться на пары для лансье [4].

— Балтитьюд, — распорядился он, — будьте добры взять мисс Матлоу.

— Благодарю, — отозвался Пол, — но… но я не танцую.

— Чепуха, чепуха, вы из моих лучших учеников! Ни слова больше! Выбирайте себе партнершу.

Полу ничего не оставалось делать. Ему придали в пару высокую угловатую девицу, а Дульси сердито насупилась и осадила Типпинга, когда тот робко попросил оказать ему честь станцевать с ней. Она сообщила, что намерена танцевать с Томом.

Танец начался под аккомпанемент инструкций мистера Бердкина, восклицавшего: «Туловище вперед, отступить, поменяться местами! Балан-

---

[4] Примечания: 4
Старинная форма кадрили.

се! [5] Отлично, мисс Матлоу! Больше непринужденности, Чонер! Выше отрывайте ноги от пола. Но не так высоко. Последнюю фигуру еще раз. Плавно, плавно! Балтитьюд, вы пропускаете!»

Пола протащила через все это его партнерша, которая старательно дергалась под музыку, не произнося ни единого слова. Судя по всему, ей было строго-настрого приказано гувернанткой ни в коем случае не разговаривать с мальчиками.

После танца парочки устроили променад по залу под звуки скрипки, игравшей нечто вроде похоронного марша. Мальчики, исполнявшие роль дам, двигались совсем не по-дамски, а ученик, которому в пару досталась младшая мисс Матлоу, шествовал, сгорая от смущения.

«Пожалуй, Дику это все показалось бы смешным, случись ему увидеть меня, — размышлял Пол, двигаясь рука об руку с мисс Мэри Матлоу. — Господи, только бы в конце концов вышло по-моему! Сколько времени мне еще валять дурака под эту чертову скрипку?!»

Но худшее ждало его впереди.

Во время наступившей паузы мистер Бердкин провозгласил:

---

[5] Примечания: 5
Танцевальное па.

— У меня такое подозрение, что вы позабыли хорнпайп. Может, Балтитьюд докажет, что я ошибаюсь? Если я правильно помню, он танцевал этот танец на редкость точно. Прошу вас, сэр, окажите нам любезность, станцуйте соло.

Это была последняя капля. Балтитьюд не собирался пасть так низко. Кроме того, он не знал, как плясать хорнпайп. А потому он произнес:

— Ни за что! С меня хватит этого… шутовства!

— Это очень невежливая форма отказа, Балтитьюд, невежливая и неприличная. Теперь я просто настаиваю, чтобы вы станцевали хорнпайп. Нехорошо устраивать сцену. Будьте джентльменом.

— Говорят вам, не могу! — сердито пробормотал Пол. — Я никогда не делал ничего подобного. В мои годы для меня это просто смерть!

— Неправда, сэр. Итак, вы решительно не желаете танцевать?

— Нет, — отрезал Пол. — Не желаю, черт побери!

Слово «черт» прозвучало так отчетливо, что на этот счет ни у кого не могло возникнуть никаких заблуждений. Гувернантка взвизгнула и призвала к себе своих воспитанниц. Дульси спрятала лицо в руках, а кое-кто из учеников захихикал.

Мистер Бердкин порозовел.

— После этих грязных слов, сэр, да еще в присутствии прекрасного пола, я отказываюсь иметь с вами дело. Прошу встать на эту скамейку. Джентльмены, выбирайте партнеров для шотландки!

Мистер Балтитьюд, никоим образом не огорченный от того, что его освободили от дурацких танцев, взобрался на скамейку, откуда угрюмо взирал на происходящее. Время от времени гувернантка испепеляла его взором, видя в нем демона порока, а ее воспитанницы, исподтишка косились на него с любопытством, к которому примешивалось восхищение. Дульси же упрямо не смотрела в его сторону.

Не успел Пол поздравить себя с избавлением, как дверь распахнулась, и в зал важной походкой вошел доктор Гримстон.

Он время от времени совершал такие посещения, отчасти чтобы проверить, как идут дела, отчасти в знак поощрения танцоров. Сначала он окинул питомцев благожелательным взглядом, но потом, когда его взор упал на торчавшего как перст Пола, в его глазах засверкали молнии.

Да, Пола застали не в том положении, в каком следует находиться тем, кто надеется заслужить

милость начальства. Сердце Пола ушло в пятки, и он стоял, беспомощно глядя на доктора Гримстона.

Наступило ужасное молчание. Доктор вообще был большой любитель ужасных молчаний, и если, согласно пословице, молчание золото, то у него это скорее была сталь. Наконец он осведомился:

— Могу ли я узнать, что вы там делаете, сэр?

— Честно говоря, сам не знаю, — упавшим голосом отвечал Пол. — Спросите у джентльмена со скрипкой.

Мистер Бердкин был хоть и вспыльчивый, но добродушный человек. Он уже забыл нанесенную ему обиду и не хотел, чтобы у его ученика возникли новые неприятности.

— Балтитьюд был не совсем внимательным и не очень учтивым, доктор Гримстон, — сказал он, пытаясь изложить суть дела как можно мягче. — Поэтому я поставил его там в наказание.

— И правильно сделали, мистер Бердкин, — отвечал доктор. — Мне жаль, что мой ученик вынудил вас поступить таким образом. А вы, значит, снова пустились по стезе непослушания, сэр? А ну, отправляйтесь в класс и до чая напишите двенадцать раз положенное в таких случаях

задание. Если же я еще замечу непослушание и фокусничанье с твоей стороны, Балтитьюд, то ты получишь за него сполна!

Итак, мистер Балтитьюд был с позором изгнан с уроков танцев. Само по себе это никак не огорчило бы его, даже наоборот, но ужас состоял в том, что его желание начистоту объясниться с доктором рухнуло как карточный домик. Теперь этот разговор придется отложить на сутки, а может, и навсегда.

Пол грустно размышлял над случившимся, одновременно выводя на бумаге бесконечные фразы, вроде «Развивайте учтивость и самоконтроль», «Истинное счастье — в довольстве обстоятельствами». Перспективы порки делались все более и более отчетливыми, и мистер Балтитьюд не знал, как сможет вернуться в родной дом, выдержав подобное унижение. Родной дом! Что там творится в его отсутствие? Суждено ли ему вновь оказаться в его уютных стенах?

Настало время чая, а за ним вечерняя подготовка уроков под руководством мистера Тинклера, который, подозревая, что все смешки и перешептывания направлены против его персоны, то и дело заставлял ни в чем не повинных школьников держать ответ.

Пол сидел рядом с Джолландом и, поскольку никогда в жизни не писал сочинения по-немецки или латыни, нещадно списывал у соседа. Джолланд, ожидавший обратного, однако, легко согласился предоставить свой труд для ознакомления, хотя и выразил сомнение, что дословное переписывание окажется плодотворным. Предупреждая, он руководствовался скорее заботой о себе, нежели о своем товарище.

В свободные минуты Джолланд поглощенно сочинял роман с иллюстрациями, озаглавленный им «Приключения Бена Беттеркина в школе». Роман носил отчетливо автобиографический характер, а эпизоды, где главного героя подвергали порке, — весьма, надо сказать, многочисленные, — отличались живостью и убедительностью изложения. В течение семестра Джолланду удалось создать немалое количество страниц, украшенных изображением физиономий с высунутыми языками и выпученными глазами, каковые он предлагал для ознакомления наиболее испытанным друзьям, смущенно хихикая.

В таком вот обществе и в таких вот занятиях провел Пол на жесткой скамье вечерние часы. Наконец настало время отхода ко сну. Мистер Балтитьюд страшился темной спальни, но делать

было нечего, протест был бы чистым безумием, и он был вынужден провести еще одну ночь под крышей «Крайтонхауза».

Она оказалась хуже, чем первая, хотя виноват в этом был не кто иной, как сам Пол.

Ученики на сей раз были куда в лучшем настроении, чем накануне, и не имели желания продолжать вчерашнюю вражду. Как только первый костер недовольства угас, они были готовы забыть недавнее нарушение правил школьной чести и дать возможность нарушителю искупить прошлую вину.

Но он отказался пойти им навстречу. Постоянные неудачи во взаимоотношениях с доктором Гримстоном и невозможность обрести свободу сильно испортили ему настроение. Ему не хватало ни терпения, ни желания приспособиться к манерам школьников и ответить взаимностью на мирные инициативы, что, естественно, заметно охладило их добродушные, хоть и грубоватые натуры.

Когда были потушены огни, кто-то потребовал историю. В каждой спальне имелся свой профессиональный рассказчик, а в одной был юный романист, который начал рассказывать какой-то завлекательный сюжет в первый же

вечер семестра и развивал его до последнего дня перед каникулами, и, если его слушатели и стали позевывать на шестой неделе, сам он получал от своего рассказа огромное удовольствие и переживал вымышленные события всей душой.

Дик Балтитьюд весьма ценился в этом качестве, и его отец был неприятно поражен, узнав, что от него ждут историю на сон грядущий. Когда он понял, что от него требуется, то отказался с такой сварливостью, что вынужден был спрятаться под одеяло, чтобы не слышать возмущенного гула.

Увидев, что сопротивляется он довольно пассивно, соученики немедленно этим воспользовались, а именно: окружили его кровать со всех сторон и колошматили подушками по его измученной голове, пока не сочли, что грубиян достаточно наказан.

Мистер Балтитьюд лежал в полуобморочном состоянии на узкой и жесткой кровати, пока соседи не погрузились в сон и не стихли голоса в других спальнях. Затем и он окунулся в тяжелый, беспокойный сон. Ему снились какие-то кошмары, и он просыпался, судорожно хватаясь за пустоту, и лежал, дрожа на своем неудобном ложе.

«Землетрясение, — бормотал он, — взрыв, ди-

намит… Надо позвать детей. Боулер…»

Но реальность оказалась хуже яви.

Типпинг и Кокер долго щипали себя, чтобы не заснуть, пока их противник не забудется достаточно крепким сном, чтобы как следует поразвлечься. Стащив из-под него матрас, они весело наблюдали, как перепуганный и не осмеливающийся даже выругаться Пол подбирает одеяло и простыни и пытается, завернувшись в них, продолжить сон, переставший быть спасительным убежищем.

Камень Гаруда сыграл мрачную и жестокую шутку.

Глава 7
Разрубить узел

Снова мистер Балтитьюд проснулся раньше положенного, бесшумно оделся и, крадучись, проследовал в классную комнату, где уныло горел один-единственный газовый рожок. Утро было холодное и туманное.

На сей раз, однако, он оказался не один. За столиком в углу сидел мистер Блинкхорн и, надев шерстяные перчатки с отрезанными пальцами, проверял тетради. Он посмотрел на вошедшего Пола и добродушно кивнул ему.

Пол подошел к огню и безучастно уставился на рожок. Он совсем пал духом, ибо просветить доктора оказалось делом невозможным, и он начал опасаться, что если свободу можно получить только так, то ему, видно, нужно философски приспособиться к новому положению и пробыть в школе до конца семестра.

Эта перспектива оказалась такой удручающе тоскливой, что он не смог сдержать тяжелого вздоха.

Мистер Блинкхорн услышал вздох и, неловко

встав из-за чахлого письменного стола и свалив на пол несколько тетрадок, переплетенных в мраморную бумагу, подошел к Полу и положил ему на плечо руку.

— Послушай, — сказал он, — почему ты не доверяешь мне? Неужели я не понимаю, что с тобой произошло? Нет, я вижу то, чего не видят другие. Ты смело можешь мне доверять.

Мистер Балтитьюд заглянул в глаза преподавателя и, увидев в его взгляде неподдельные интерес и сострадание, почувствовал, как вновь в нем затеплилась надежда. Если этот молодой человек сумел разгадать его секрет, быть может, он замолвит за него словечко доктору. У него вполне добродушный вид, ему можно доверять.

— Не хотите ли вы сказать, — произнес Балтитьюд с теплотой, которая давно не звучала в его голосе, — что вы… заметили перемену?

— Заметил сразу же, — с тихим торжеством провозгласил мистер Блинкхорн.

— Удивительно, — отозвался Пол, — хотя и вполне естественно. Но нет, неужели вы поняли все до конца?

— Слушай меня и останови, если я ошибусь. За последние несколько дней ты сильно изменился. Ты не тот ленивый, озорной и бездумный маль-

чишка, что уехал от нас на каникулы.

— Нет, — сказал Пол. — Чего нет, того нет, черт побери. Я действительно не тот!

— Не надо пользоваться такими выражениями! Так или иначе ты вернулся совсем другим. Я прав?

— Абсолютно! — воскликнул Пол, радуясь, что его наконец раскусили. — Вы очень проницательный молодой человек. Разрешите пожать вам руку. Я не удивлюсь, если вы догадались, как именно это произошло.

— Ну конечно, — улыбнулся мистер Блинкхорн. — Несомненно. Ты просто выразил желание…

— Ну да, — вскричал Пол. — Снова в точку! Вы просто волшебник. Ей-богу!

— Не надо говорить «ей-богу!», это ни к чему! Все началось, как я сказал, с желания — может, полуосознанного — с желания стать другим человеком.

— Я свалял дурака, — простонал мистер Балтитьюд. — Да, все началось именно так.

— Затем желание привело к постепенной трансформации в твоем характере — ты ведь достаточно взрослый, чтобы следить за ходом моей мысли?

«Достаточно взрослый, чтобы следить за ходом моей мысли?» — в голове у Пола мелькнуло тревожное подозрение, но он был слишком обрадован, чтобы придать этому значение.

— Я бы не назвал ее постепенной, — сказал он, — но прошу продолжать, сэр! Я вижу, вы разобрались в сути.

— Поначалу часть твоей натуры сопротивлялась новым чувствам, ты пытался подавить их, ты даже пытался вернуться к прежним привычкам, прежнему образу жизни, но неудачно. Вернувшись сюда, ты не встретил понимания у сверстников.

— Никакого, — сказал Пол.

— То, что радует их, вызывает у тебя неприязнь.

— Именно.

— Они же неверно истолковали твое прохладное к ним отношение. Они не понимают — и немудрено — что ты переменил образ жизни, а когда они видят разницу между тобой и прежним Диком Балтитьюдом, то выказывают неудовольствие…

— Еще как! Причем самым отвратительным образом! Уверяю вас, что вчера вечером, например…

— Т-с! — поднял руку мистер Блинкхорн. — Жаловаться не по-мужски. Но ты удивлен, как я догадался?

— Весьма.

— Просто в свое время со мной произошло нечто подобное.

— Неужели есть два камня Гаруда?! — изумленно воскликнул Пол.

— Не знаю, о чем ты, но поверь — у меня были трудности, мучения. Но я предвидел эту перемену в тебе еще несколько месяцев назад.

— В таком случае как честный человек вы могли бы предупредить меня. Короткого письма хватило бы вполне. Тогда я не был бы застигнут врасплох.

— Вмешиваться на той стадии было бы бессмысленно. Это могло бы помешать переменам, о которых я лишь мечтал.

— Лишь мечтали? — удивился Пол. — Вы говорите загадками, сэр.

— Да, — сказал мистер Блинкхорн. — Я помню прежнего Дика. Это был озорной, импульсивный, проказливый ученик. Но под всем этим скрывалась цельная натура.

— Цельная натура? — вскричал Пол. — Это отпетый негодяй! Называйте вещи своими именами!

— Нет, нет, — возразил мистер Блинкхорн. — Такое самоунижение пагубно. В нем не было порока.

— Не было порока? А что такое неблагодарность, низкая, предательская, неподобающая сыну — это ли не порок? Вы достойный молодой человек, но если будете смотреть сквозь пальцы на подобное, ваши моральные устои окажутся подточены.

— Были ошибки с обеих сторон, — признал мистер Блинкхорн, слегка удивленный такой вспышкой. — Я кое-что слышал о твоей домашней жизни. С одной стороны, отец — строгий, сухой, вспыльчивый. С другой стороны, сын бездумный, опрометчивый, порой злонравный. Но ты слишком впечатлителен, ты много думаешь о том, что мне представляется вполне естественным, хоть и не всегда уместным протестом против холода и бездушия. Я последний человек, способный настраивать сына против отца, но чтобы успокоить тебя, скажу: на мой взгляд, эта вспышка вполне объяснима.

— Правда? — переспросил Пол. — Объяснима? Что, черт побери, вы имеете в виду, сэр? Теперь вы принимаете другую сторону?

— В твоих словах нет раскаяния, Балтитьюд, —

заметил сбитый с толку и расстроившийся мистер Блинкхорн. — Помни, ты рассердил старика!

— Как такое позабыть! — фыркнул Пол. — Хотелось бы знать, как умиротворить его.

— Ты снова хочешь стать прежним собой? — ахнул мистер Блинкхорн.

— Ну да, — сердито отозвался Пол. — Я же не идиот!

— Ты так устал бороться? — с упреком спросил учитель.

— Устал? Меня тошнит от этого! Если бы я только знал, что меня ждет, я бы не свалял такого дурака!

— Ужасно! Мне не следует тебя слушать!

— Но вы должны! Говорю вам, у меня больше нет сил так жить. В мои годы это просто мука. Вы обязаны это понять и убедить Гримстона.

— Ни за что! — отрезал мистер Блинкхорн. — К тому же я не уверен, что это тебе поможет. Ты должен найти силы идти по избранной стезе. Ты должен заставить товарищей уважать твое новое естество. Мужайся! Несмотря на все перемены, ты можешь по-прежнему быть искренним и счастливым мальчиком.

— Искренняя и счастливая ерунда! — грубо отозвался Пол, так возмутила его эта идея. —

Не говорите глупостей, сэр. Я-то надеялся, вы поможете мне найти выход, а вместо этого вы, видя мое положение, спокойно советуете мне жить здесь дальше и оставаться счастливым и искренним.

— Успокойся, Балтитьюд, иначе я уйду. Прислушайся к доводам разума. Ты здесь ради собственного же блага! Прекрасно сказано: юность — весна жизни. Ты никогда не будешь счастливее, чем теперь. Наши школьные годы…

Но мистеру Балтитьюду было невмоготу выслушивать те пошлости, произнося которые он навлек на себя такое горе, и он перебил учителя воплем:

— Хватит! Меня этой чушью не пронять! Я вижу, что происходит. Это заговор, чтобы удержать меня здесь, и вы в нем тоже замешаны. Меня держат здесь силком, и я напишу об этом в «Таймс». Я выведу вас всех на чистую воду!

— Твое поведение нелепо! — возразил учитель. — Если бы оно меня искренно не огорчало, я бы счел своим долгом поставить в известность директора. Ты сильно меня разочаровал. Ума не приложу, в чем дело. Еще недавно ты был такой тихий, мягкий… Но пока ты не принесешь мне извинения, я отказываюсь иметь с тобой дело.

Возьми свою тетрадь и сядь на место.

И мистер Блинкхорн снова вернулся к проверке тетрадей. Вид у него был удивленный и огорченный. Он верил в легенду о Хорошем Ученике, которого в один прекрасный день охватывает ощущение неправедности его образа жизни, который порывает с прежними приятелями и привычками (причем последние вовсе не отличаются явной порочностью), чтобы усвоить прописные истины раз и навсегда.

Такой Хороший Ученик — редкость в английских школах, но, получив соответствующее воспитание в колледже, мистер Блинкхорн все ждал его появления. Он верил, что рано или поздно найдется ученик, который обратится к нему с признанием собственной никчемности и обещанием стать образцом во всех отношениях. Мистеру Блинкхорну, человеку слишком наивному, серьезному и добропорядочному, было невдомек, что подобные настроения в юном существе нередко носят нездоровый, истерический характер и часто переходят в ханжество и лицемерие.

Поэтому, увидев, что мистер Балтитьюд уныл, молчалив, что он потерял общий язык со сверстниками и их проблемы не вызывают у него

сочувствия, мистер Блинкхорн сгоряча решил, что это работает совесть и наконец-то явился долгожданный Хороший Ученик.

Это недоразумение было тем более огорчительно, что в его результате Пол утратил контакт с единственным человеком в школе, способным уверовать в его невероятную историю и содействовать освобождению.

Эта беседа еще больше огорчила и рассердила мистера Балтитьюда. Он понял, что все идет решительно не так, и его истинное «я» остается для всех по-прежнему скрытым. Этот молодой человек, несмотря на свои красивые речи и сочувствие, оказался вовсе не маг и чародей. Пол понял, что должен полагаться лишь на собственные силы, а их явно не хватало, чтобы выпутаться из беды.

Пока он грустил, в класс стали заходить ученики и уныло листать учебники, готовясь к занятиям. Затем последовал холодный скверный завтрак и полчаса «охоты», после чего Полу предстоял урок немецкого под учительством герра Штовассера.

Мистер Балтитьюд было снова попытался взять себя в руки и поговорить с доктором, но как только приблизился к директору, сердце снова

ушло в пятки, а он стоял с учащенно бьющимся сердцем, осипший и решительно не знающий, что сказать.

Делать было нечего, и мистер Балтитьюд смирился с неизбежностью еще одного дня бессмысленной учебы.

Урок был в комнате на первом этаже, где у одной стены разместился шкаф для белья, на других стенах висели какие-то немецкие гравюры, а столы и скамейки были сосновые. Школьники сидели и весело болтали, не обращая на мистера Балтитьюда никакого внимания. Тут появился учитель немецкого языка.

В его облике не было ничего угрожающего, хотя он был полным и высоким господином. У него были большие круглые очки, а его бледное лицо, длинный нос, светлая шевелюра и буйная борода придавали его облику нечто противоречивое — словно овечья морда выглядывала из пушечного жерла. Он сел за стол с твердым намерением как следует поработать с книгой, которую они штудировали. Это была пьеса Шиллера, о содержании которой ученики не имели и не желали иметь ни малейшего представления, давным-давно осудив предмет мистера Штовассера как «чушь»!

— Итак, — говорил герр Штовассер, — на чем

мы остановились в прошлом семестре? Третий акт, первая сцена. *Твор* тома Телля. Телль с плотницким топором. Хедвиг хлопочет по *тому*. В глубине сцены Вальтер и Вильгельм упражняются в стрельбе из лука. Бидлкомб, начинай. Вальтер поет…

Но Бидлкомб был настроен поговорить, и потому, желая отложить переводческий труд, осведомился, как поживает немецкая грамматика герра Штовассера.

Это был предмет, против которого ни один немец не мог устоять. Как и все прочие преподаватели немецкого, герр Штовассер работал над новой, несравненной грамматикой, которая своей простотой и доходчивостью должна была затмить все предшествующие.

— А, — сказал он, — *тела* идут! Я только что закончил свод неправильных глаголов, а также упражнения. А кроме того, составил таблицу, где указываются все случаи *икры слоф*… Но это потом, давайте займемся переводом.

— Что такое икра слоф? — осведомился Бидлкомб, вознамерившись не спешить с переводом.

— Икра слоф? Это нечто вроде каламбурра в английском.

— Вы придумали в молодости каламбур, да? —

выкрикнул с места Джолланд.

— Расскажите, расскажите, пожалуйста, — стали наперебой упрашивать ученики.

Вспоминая свою удачную находку, герр Штовассер удовлетворенно засмеялся.

— Помните? — добродушно спросил он. — Как ше, как ше, я придумал это совсем юношшей. Но то пил не калампурр, то пил шутка! Я говорил вам об этом!

— А мы забыли! Расскажите еще! — попросил Бидлкомб.

По правде сказать, эта шутка была хорошо известна ученикам, но то ли потому, что она получилась очень уж удачной, то ли потому, что избавляла от менее приятной обязанности переводить Шиллера, но она постоянно пользовалась спросом, каковой всегда охотно удовлетворялся.

Герр Штовассер горделиво улыбнулся. Как и великий шотландец, он «шутил с трудом», и потому плод его великих усилий был неизменно дорог его сердцу.

— Я послал его в «Кладдерадач», это вроде *фаш* «Панч», — пояснил он. — Шутка пил посвящен проплеме Шлезвиг-Голштинии…

И он подробно и обстоятельно поведал им, как родилась его шутка. Затем стал цитировать сам

шедевр, а потом философски проанализировал данные творения, что, похоже, позволило ученикам ухватить самую соль, ибо они покатывались со смеху.

— Я рассказал вам это, — закончил, — не штоп научить вас легкофесность, но как пример устройстфа ясик. Если вы мошете шутить по-немецки, вы мошете коворить по-немецки.

— А эта самая немецкая газета напечатала вашу шутку? — поинтересовался Коггс.

— Пока нет, — признался мистер Штовассер. — Такую вашную шутку нелься сразу опупликовать. Но я шду, шду, и кашдую неделю пишу ретактору.

— А почему бы вам не поместить ее в вашей грамматике? — полюбопытствовал Коггс.

— Я поместил — часть. Шутка длинный, но я ее ушал. Если будет время, я, мошет пить, сочиню новый шутка, потому што хочу мой грамматики пить хороший. А теперь наш Телль. Ваш черед!

Этот разговор решительно не интересовал мистера Балтитьюда, но позволил ему погрузиться в свои думы. Урок немецкого не был бы описан нами вообще, не случись во время него двух событий, оказавших немалое воздействие на судьбу нашего героя.

Пол сидел у окна и смотрел на сморщенный поникший лавровый кустарник, мокрый от инея, серебрившегося под февральским солнцем. Над оградой он видел верхушки проходящих по дороге экипажей, фургон местного рассыльного, фургон, везущий посылки со станции, кеб со станции. Он завидовал даже извозчикам: у них было куда больше свободы, чем у него.

Он думал о Дике. Как ни странно, он только сейчас задался мыслью о том, что может делать сын в его отсутствие. До этого он думал лишь о себе. Но когда он вспомнил о сыне, его охватили новые страхи. Что сталось с его отлаженным хозяйством, если теперь там всем заправляет несносный мальчишка? А фирма — во что превратит ее негодяй, прикрываясь благопристойным обличьем?

А вдруг ему взбредет в голову разбить камень Гаруда, после чего уже нельзя будет восстановить все как было? Нельзя было терять ни минуты, но он продолжал оставаться трусом и глупцом, не находящим сил произнести те слова, что могли бы принести ему освобождение.

И вдруг мистера Балтитьюда осенила мысль столь блестящая, что благодаря ей урок немецкого и стал достойным упоминанием в нашем

повествовании.

Кое-кто, узнав в чем дело, выразил бы удивление: почему, дескать, ему не пришло это в голову раньше. Наверное, это так, хотя подобное случается. Артемус Уорд рассказал о грабителе, который провел в одиночном заключении шестнадцать лет, прежде чем ему пришла мысль о побеге. Тогда он открыл окно, и был таков.

Похожая пассивность со стороны мистера Балтитьюда, возможно, объяснялась его желанием действовать на строго законных основаниях, без скандала и покинуть школу вполне официально. Возможно, это было проявлением неразумия. Так или иначе лишь на уроке немецкого он понял, что есть способ получить свободу без объяснений с доктором.

К счастью, у него было пять шиллингов, что он выдал Дику. Хорошо, что он не выбросил их сгоряча тогда в окошко кеба вместе с ерундой, обнаруженной им в карманах. Пять шиллингов — не бог весть какая сумма, но на них можно купить билет третьего класса до Лондона. Надо лишь улучить момент, добраться до станции, а потом явиться к себе домой и разоблачить самозванца до того, как в школе поднимется переполох.

Это можно сделать сегодня же, и переход от тоски к надежде доставил мистеру Балтитьюду такое удовольствие, что он стал радостно потирать руки под столом и весело хихикать, радуясь своей изобретательности.

Но когда мы предаемся ликованию, всегда находится кто-то или что-то, возвращающее нас с небес на грешную землю, если не в преисподнюю. Рядом с Балтитьюдом сидел маленький светловолосый мальчик, на вид совершенно безобидный, но именно он и сыграл роковую роль, пропищав ему в ухо:

— Слушай, Балтитьюд. Я совсем забыл: где мои кролики?

Бессмысленность вопроса заставила Пола сердито проворчать:

— Сейчас не время говорить о кроликах. Лучше смотрите в учебник, сэр.

— При чем тут учебник, — возразил маленький Портер, — где мои кролики?

— Отстань от меня, любезнейший, — сердито отозвался Балтитьюд. — Ты думаешь, я сижу на кроликах?

— Ты обещал привезти мне кролика, — не унимался Портер. — Значит, ты меня обманул? Как тебе не стыдно! Или давай кролика, или объясни,

почему ты его не привез.

На другом конце стола Бидлкомб искусно заманил герра Штовассера в новые тенета беседы, на сей раз об уличных представлениях.

— Фот какой случай приключился со мной на тнях, когда я шел по Стренду. Я увидел маленького мальчишку-оборвиша, в цилиндре. Он фстал посрети переулка, снял шляп, поставил на семлю и уставился в него. Я тоше останофился посмотреть, што путет тальше. Он вынул лист пумаги, разорфал на четыре шасти, сунул их в шляпу, и снова отел ее на себя. Потом снова снял, поставил на семлю и устафился. Я стоял и смотрел, што произойтет. Сопралась польшая толпа, все стояли и смотрели, мальшик фынул пумагу, отел шляпу и уталился, тихо хохоча над чем-то, чего я не понял. Я фсе думаю: ну зачем он фсе это телал? И тот же тень в Лондоне со мной случился тругой случай. Кеп переехал кошку и отин топрий челофек наступил ей на колову, чтобы прекратить мучения. Но трукой топрий челофек видел это, но не снал, что кошка мертва. И он подошел к первому и отним утаром сбил его на семлю за плохое опрашение с шивотными. Это пило ошень странно витеть, а потом полисмен арестовал обоих за траку. Коггс, просклоняй

«Катце», и скаши, как путет перфект и причасти от кампфен, траться?

Этот неожиданный переход к науке был вызван внезапным появлением доктора Гримстона, который некоторое время поглядывал на собравшихся с видом человека, близко знакомого с Шиллером, а потом сообщил, что пора заканчивать урок.

В среду занятия были только до обеда, и после трапезы Пола и его товарищей отправили играть в футбол. Они шли по двое, а шествие возглавлял Чонер с мячом и трое других старших учеников со стойками ворот, украшенными разноцветными флажками. Замыкали процессию мистер Тинклер и мистер Блинкхорн.

Мистер Балтитьюд был в паре с Томом Гримстоном, который некоторое время исподтишка оглядывал его, а затем, будучи не в силах скрыть любопытство, спросил:

— Слушай, Дик, что с тобой в этом семестре?

— Меня зовут не Дик, — отрезал Пол.

— Как скажешь, — отозвался Том, — но все равно: что случилось?

— Ты видишь перемену? — осведомился Пол.

— Еще бы! — воскликнул Том. — Ты вернулся жуткой ябедой. Ребята недовольны. Они скоро вообще перестанут с тобой общаться. Ты и гово-

ришь не как все. Изъясняешься так замысловато и все время дуешься, но когда тебя прижимают, не можешь постоять за себя, как раньше. Мы всегда с тобой были приятелями, скажи — это такая шутка?

— Шутка? — переспросил Пол. — Нет, мне не до шуток.

— Просто, может, твой старикан очень уж тебя допекал, и это на тебя произвело такое впечатление…

— Прошу не говорить о нем в моем присутствии таким образом.

— Подумаешь, — проворчал Том, — ты сам о нем говорил в прошлом семестре и похлеще. По-моему, ты ему подражаешь.

— Правда? Почему ты так думаешь? — осведомился Пол.

— Ты ходишь, задрав нос, прямо как он, когда приезжал сюда с тобой. Знаешь, что сказала о нем мама?

— Нет, — отвечал Пол и добавил: — Твоя матушка показалась мне разумной и доброй женщиной.

— Так вот она сказала, что твой старик оставил тебя примерно так, как забывают зонтики в картинных галереях. И еще она сказала, что у него

вместо сердца большой денежный кошелек.

— Правда?! — удивленно ахнул Пол, бывший более высокого мнения о миссис Гримстон. — Значит, она так и сказала? Очень занятно. Ему будет приятно услышать такое.

— Ну так сообщи ему, — посоветовал Том. — Он с тобой обращается по-свински, да?

— Если, — прошипел мистер Балтитьюд, — работать с утра до вечера, чтобы дать образование выводку неблагодарных поросят — это обращаться с ними по-свински, значит, так оно и есть!

— Ты его защищаешь, а он с тобой не очень-то миндальничал, — сказал Том. — Он же тебе не давал повеселиться дома и не пускал на пантомимы.

— И правильно делал! И правильно делал! С какой стати человеку покидать уютное кресло после заслуженного обеда и тащиться в театр, где сидеть в духоте или на сквозняке и зевать, глядя на ту нелепицу, которую дирекция театра решила назвать пантомимой. Вот в мои годы были пантомимы, я вам доложу…

— Ну, дело твое, — сказал Том, удивленный такой переменой тактики. — Можешь делать, что тебе заблагорассудится. Только если бы ты знал, что говорит о тебе Спрул.

— И знать не хочу, — перебил его Пол. — Это меня не касается.

— Тогда, может, тебя касается то, что говорит о тебе мой отец? Так вот, он вчера сказал мне, что просто не знает, что с тобой делать, такой ты теперь странный и неуправляемый. И что еще он сказал? Ах да, он сказал, что если в самое ближайшее время не заметит перемен к лучшему, то будет вынужден прибегнутъ к сильнодействующему средству. А это в переводе с латыни означает порку.

«Господи, — подумал Пол, — надо поскорее убираться отсюда, а то он может прибегнуть к сильнодействующему средству сегодня же вечером. Я же не могу переменить свою натуру. Надо бежать!»

Вслух он сказал:

— Не мог бы ты сказать, мой юный друг, что делать, если ученик захочет получить освобождение от этого футбола, — по причине, скажем, неважного самочувствия — отпустят ли его домой?

— Разумеется, — сказал Том, — и тебе пора бы это знать. Надо обратиться к Тинклеру или Блинкхорну, и все будет в порядке.

Поняв, как ему действовать, Пол исполнился

облегчения и благодарности к собеседнику. Он с чувством пожал руку удивленному Тому и сказал:

— Спасибо. Премного обязан. Ты удивительно смышленый юноша. Я хочу подарить тебе шесть пенсов.

Но хотя Том не высказал никаких возражений, мистер Балтитьюд вспомнил свое нынешнее положение, и вовремя отказался от такой неуместной ныне щедрости. Шестипенсовиками никак нельзя было бросаться, коль скоро он задумал долгое и опасное путешествие.

Они дошли до футбольного поля, и мистер Балтитьюд решил предпринять отчаянную попытку обрести дом и свободу. Мысли об этом скорее возбуждали, чем пугали. На сей раз все складывалось благоприятно, и если опять ничего у него не получится, то это значит, что удача отвернулась от него навсегда и ему суждено оставаться в «Крайтон-хаузе» до скончания века.

Глава 8
Роковые кролики

Большое футбольное поле было огорожено с двух сторон высоким дощатым частоколом, а с двух других живой изгородью. От поля начиналась новая гравийная дорога.

Двое учеников поменьше, гордясь поручением, побежали на дальний конец поля устанавливать ворота. Остальные лениво слонялись по газону, не собираясь преступать к игре. Новый ученик Киффин, отойдя в сторонку, прилежно изучал футбольные правила, изложенные в «Карманной книге спортивных игр для мальчиков», которой он предусмотрительно запасся.

Наконец Типпинг сказал, что пора начинать, и предложил мистеру Блинкхорну разыграть монетой ворота. Когда это произошло, мистер Балтитьюд, к своему ужасу, услышал свое имя.

— Я возьму к себе юного Балтитьюда, — провозгласил Типпинг. — Он неплохо играл. Эй, юный негодяй, учти — ты в моей команде, и если не будешь стараться, я тебе покажу!

Сейчас не было никакого смысла протестовать

— ведь еще немного, и он навсегда избавится от общества Типпинга и всех прочих, поэтому мистер Балтитьюд безропотно последовал за капитаном, и игра началась.

Зрелище получилось не слишком впечатляющим. Мистер Тинклер, которого никак нельзя было назвать спортсменом, устроился на шлагбауме и углубился в роман с завлекательной обложкой. Более сознательный мистер Блинкхорн, напротив, вовсю бегал по полю и творил с мячом чудеса — впрочем, скорее из чувства долга, чем из желания поразвлечься.

Время от времени Типпинг вступал с ним в вынужденное единоборство, и эти двое, сопровождаемые малым числом энтузиастов, вели сражение на разных участках поля, а остальные просто бродили по полю, обменивались ценными, по школьным представлениям, предметами и судачили о жизни.

Пол не понял, что значит «стараться». В футбол он не играл с далекого детства, да и тогда не испытывал к игре никакой любви. Но теперь, будучи, по крайней мере душой, почтенным пожилым джентльменом, решительно настроенным заботиться о своем здоровье, он не собирался даже по приказу Типпинга вступать в контакт с корич-

невым шаром, который, словно пушечное ядро, просвистел мимо его уха, а потом чуть было не угодил ему в живот.

Ему на память пришли истории телесных повреждений, полученных при игре в футбол, что лишний раз укрепило его в нежелательности единоборств со школьниками, которые вполне могли воспользоваться удобным случаем, дабы надавать ему по ногам, наставив синяков. Поэтому он держался на таком расстоянии от мяча, чтобы, с одной стороны, не возбудить ненужных подозрений, а с другой — иметь возможность претворить в жизнь свой замысел. Наконец, его терпению пришел конец. Пол понял, что если промешкает, то доктор, который, как он знал по рассказам, имеет обыкновение если не разделить эту забаву с питомцами, то, по крайней мере, понаблюдать за ними, может в любой момент появиться, и тогда его планы рухнут, ибо он ни за что на свете не заставит себя обратиться к нему с просьбой отпустить домой.

С неистово колотящимся сердцем он подошел к шлагбауму, на котором сидел с романом мистер Тинклер, и заговорил с тем смирением, на которое только был способен:

— Не могли бы вы, сэр, разрешить мне отпра-

виться домой? Я… я неважно себя чувствую.

— Неважно? А что с тобой? — спросил Тинклер, не отрываясь от книги.

Пол не был готов к этому вопросу и замешкался.

— Приступ печени, — наконец выдавил он из себя. — Со мной это иногда бывает после еды.

— Печень? В твои-то годы? Это тебе еще не положено. Не говори ерунды, беги играй, и все будет в порядке.

— Это опасно для жизни, — сказал Пол. — Мой доктор предупреждал: никаких физических нагрузок после принятия пищи. Если бы вы знали, что такое печень, то не говорили бы такого!

Мистер Тинклер пристально посмотрел на ученика, но, ничего не увидев и желая поскорее вернуться к чтению, сказал:

— Ну ладно. Не приставай ко мне. Можешь отправляться.

Путь к свободе был открыт. Правда, Пол не очень представлял, как добраться до станции, да и долго ли ждать поезда, но это все пустяки.

«Как я ловко все придумал, — думал он, пустившись во полю бегом точь-в-точь как мальчишка. — Все прошло без сучка без задоринки! Теперь даже богини судьбы не могут остановить меня».

Но богини — дамы своенравные, и весьма опрометчиво бросать им вызов. Они всегда готовы его принять.

Не успел мистер Балтитьюд покинуть поле, как с ним столкнулся тот светловолосый мальчик, что сидел рядом с ним на уроке немецкого. Он где-то задержался и теперь бежал догонять своих товарищей.

— Ты-то мне и нужен, Балтитьюд, — пропищал он.

— В другой раз, — сказал Пол. — Я спешу.

— Так не пойдет, — сказал Портер, хватая его за рукав. — Где мой кролик?

Это наглое требование возмутило Пола. Он понятия не имел, что это за кролик и почему он должен ни с того ни с сего предъявить это животное. Настырный мальчишка уже второй раз пытался воспрепятствовать его побегу. Нет, этот номер у него не пройдет. Мистер Балтитьюд попытался освободить рукав от хватки мальчишки.

— Уверяю тебя, мой юный друг, у меня нет никакого кролика. Понятия не имею, о чем ты.

Этот отказ вывел Портера из себя.

— Ребята, сюда! — заверещал он. — Пусть Балтитьюд отдаст мне кролика. А то он говорит, что

первый раз об этом слышит.

На этот призыв откликнулось несколько учеников, готовых поразвлечься.

— Что случилось? — спросил один из них.

— Он обещал мне привезти кролика, — скулил Портер, — а теперь говорит, что ничего об этом не знает. Пусть объяснит, что он с ним сделал.

Мистер Балтитьюд, вообще-то не отличавшийся быстрой сообразительностью, на сей раз смекнул, как себя вести.

— Господи, ну конечно! — изобразил он припоминание. — Ну конечно, как же я запамятовал! Кролик есть — и преотличный. Сейчас я его принесу!

— Правда? — облегченно спросил Портер. — Где же он?

— Где? — переспросил Пол, которого снова осенила блестящая мысль. — В моем ящике. Где же еще?

— Там его не было, — возразил Сиггерс. — Я вчера видел, как его открывали. Кроме того, разве может кролик жить в запертом ящике. Он врет. По лицу видно, что врет. Нет там никакого кролика.

— Ну конечно, нет, — сказал Балтитьюд. — Я же не фокусник. Я же не прячу кроликов в карманах.

Что вы от меня хотите? Это же абсурд!

Вокруг Балтитьюда и возмущенного Портера образовался плотный кружок. Подошел и Типпинг.

— Что за шум? — осведомился он. — Опять Балтитьюд? Что он теперь натворил?

— Он обещал мне кролика, — объяснил Портер. — А теперь говорит, что никакого кролика нет. Пусть скажет, куда он его подевал.

— Он и нам обещал мышей, — подали голос еще двое, протискиваясь вперед.

Хотя мистера Балтитьюда порядком раздражали эти помехи, на пути к свободе принявшие форму необоснованных претензий, он надеялся быстро растолковать, что произошло недоразумение, никаких животных у него нет, и делу конец. Он уже начал отрицать свою причастность к кроликам и мышам, когда его остановил Сиггерс.

— Погоди, — сказал он. — Надо во всем как следует разобраться. Устроим над ним суд. Вон там, у шлагбаума.

Это предложение понравилось, и двое учеников, взяв Пола за шиворот, потащили к воротам с флажками. Сиггерс следовал за ним важно, как подобает судье, и получал от этого удовольствие.

Пол кипел от негодования, но не сопротивлял-

ся. Он решил не перечить. Когда страсти улягутся, можно будет спокойно довести до конца задуманное.

У ворот Сиггерс велел друзьям стать кругом, в центре которого оказались виновник, судья и истцы.

— Вы, ребята, будете присяжными, — сообщил Сиггерс школьникам, — а я судьей. Если он не признается чистосердечно, мы постановим оторвать его нахальную башку.

Отец Сиггерса был барристером [6] в «Олд Бейли» [7] с неплохой практикой, и никто из школьников не оспаривал право Сиггерса быть судьей. Увы, его судейство оказалось недолгим. Мистер Блинкхорн, обнаружив, что ряды футболистов совсем поредели, а у дальних ворот собралась толпа, засеменил верблюжьей походкой разобраться. Его шляпа сбилась на затылок, лицо раскраснелось, а очки сверкали под февральским солнцем.

— Что вы тут делаете? Почему не играете? Я

---

[6] Примечания: 6

Барристер — адвокат, выступающий в высших судах Великобритании.

[7] Примечания: 7

«Олд Бейли» — Центральный уголовный суд в Лондоне, назван по улице, где находится.

пришел играть с вами, но вы отлыниваете! — жалобно проговорил он.

— Извините, сэр, — поспешил объяснить Сиггерс, видя, что его судейство под угрозой, — но у нас идет процесс, и я судья.

— Да, сэр, мы судим Балтитьюда, сэр, — наперебой заговорили остальные.

Мистер Балтитьюд, в общем-то, даже обрадовался случившемуся. По крайней мере, сейчас восторжествует справедливость, хотя утром этот учитель и натворил ошибок.

— Это ребячество, — говорил меж тем мистер Блинкхорн, — а надо играть в футбол. Доктор будет очень недоволен, если придет и увидит, что вы не играете. Оставьте мальчика в покое.

— Но он надул товарищей, сэр, — проворчали в один голос Сиггерс и Типпинг.

— Даже если это так, вы не имеете права наказывать его. Предоставьте это мне.

— Но вы проследите, чтобы все было честно? Нельзя, чтобы ему сошел с рук обман.

— Раз между вами и Балтитьюдом возникло недоразумение, — сказал мистер Блинкхорн, — я готов разрешить его, если, конечно, это в пределах моих обязанностей учителя.

— Только решайте без меня, — сказал Пол. —

Мне разрешено поехать домой. Я болен.

— Кто разрешил тебе поехать домой? — спросил учитель.

— Вон тот молодой человек, что сидит на шлагбауме.

— Ты прекрасно знаешь, что обращаться с такими просьбами надлежит ко мне, — холодно проговорил мистер Блинкхорн. — Объясни мне, Портер, в чем дело?

— В прошлом семестре, сэр, он сказал мне, что у него дома видимо-невидимо кроликов, и что если я хочу, он привезет мне одного, вислоухого. И что я могу купить его по дешевке. И я заплатил ему, сэр, два шиллинга и шесть пенсов за кролика и клетку, а теперь он говорит, что ничего об этом не знает. И никаких кроликов у него нет.

К ужасу Пола, еще несколько учеников вышли и рассказали нечто подобное. Тут он вспомнил, что на каникулах Дик устроил в своей спальне нечто вроде зверинца, а он, отец, обнаружив это, велел избавиться от всей живности, а точнее, уничтожить ее немедленно.

Теперь он понял, что негодяй Дик предназначал зверинец для продажи своим приятелям, и более того, предусмотрительно взял с них плату вперед. Впервые мистер Балтитьюд осудил себя

за чрезмерную суровость к сыну. Он чувствовал себя львом из басни, угодившим в сеть, и пара белых мышей освободила бы его, но, в отличие от басни, мышей как раз не было.

— Мне крайне неудобно, — забормотал он извиняющимся тоном, — но в данный момент я никак не могу соответствовать… Может, в другой раз… мне удастся удовлетворить…

— Хватит длинных слов, — оборвал его Типпинг. — Где кролики? Отвечай!

— Да, — поддакнул мистер Блинкхорн. — Почему ты не выполнил свое обещание? Где кролики?

— Дело в том, что… — смущенно забормотал мистер Балтитьюд. — Я, то есть мой отец, обнаружив, что мой негодяй сын… то есть его негодяй сын, в общем, он, несмотря на все строжайшие распоряжения, держал в спальне пару кроликов и мерзких белых мышей, которых он пытался научить лазить по перилам. Когда я обнаружил, что эти твари ползают по моей ванной, то решил положить этому конец, и по моему распоряжению их утопили в ведре.

Кто-то может сказать, что Пол имел отличный шанс раскрыть свое «я», но он не сделал этого, опасаясь, что мистер Блинкхорн ему не поверит,

да и присутствия мальчишек он побаивался. Притворство хорошо срабатывает разве что в книгах, а неуклюжие попытки мистера Балтитьюда изобразить из себя своего сына только усугубили его и без того незавидное положение.

Обманутые издали вопль гнева и разочарования. До этого они все еще лелеяли надежду, что Балтитьюд просто припрятал где-то обещанное, ибо не в силах расстаться со своим добром. Ну а поскольку презрение к окружающим сильно повышает наше самомнение, даже те, кто не вступал в договор с Балтитьюдом, с удовольствием присоединились к осуждающему хору.

— Почему ты позволил сделать это? Они наши, а не его! Какое право твой папаша имел топить наших кроликов? — звенели гневные детские голоса.

— Какое право? — отозвался Пол. — Но разве человек не вправе поступать, как ему нравится, в своем собственном доме? Он ведь не обязан сносить всю эту гадость?

Но это только еще больше рассердило школьников, и они осыпали его проклятьями, свистом и шиканьем.

Между тем мистер Блинкхорн добросовестно обдумывал случившееся. Наконец он сказал:

— Видите ли, доктор все равно не разрешил бы держать в школе животных, даже если бы Балтитьюд и привез их. Все это против правил, и я не могу вмешиваться.

— Да, но он обещал их приходящим ученикам, — возразил Чонер. — Тут доктор не стал бы возражать, сэр.

— Верно, — признал мистер Блинкхорн. — Я об этом не подумал. В таком случае, Балтитьюд, коль скоро ты не смог выполнить обещание, тебе остается лишь поступить по справедливости, не так ли?

— Боюсь, что я не понимаю, к чему вы клоните, сэр, — сказал Балтитьюд, приготовившись, однако, к худшему.

— Все очень просто. Коль скоро ты взял деньги у товарищей и не можешь обеспечить их ценностями, надо вернуть деньги. Ты и сам это понимаешь.

— Я ничего им не должен, — возразил Пол, — а сейчас я вообще не в состоянии расплачиваться с кем бы то ни было.

— Если у тебя не хватает чести, — сказал мистер Блинкхорн, — мне придется взять дело в свои руки. Пусть каждый, кому ты задолжал, выйдет и скажет об этом.

Один за другим школьники предъявили финансовые претензии. Один, как выяснилось, дал Дику шиллинг в надежде получить мышь с фиолетовым седлом, другие внесли по шесть пенсов за белых мышей. Если добавить полкроны Портера, долги в целом составляли ровно пять шиллингов, что были у Пола. Это была та ниточка, за которую он надеялся ухватиться и вскарабкаться на прежние высоты благополучия.

Мистер Блинкхорн решил, что нет причин откладывать расплату и сказал:

— Дай мне деньги, Балтитьюд, которые у тебя при себе, и я попробую удовлетворить кредиторов.

Пол судорожно схватил его за руку.

— Нет! — хрипло вскричал он. — Только не сейчас! Не надо! Я сейчас не могу… Они не понимают… Дайте мне время, и я заплачу вдвойне, на эти деньги можно будет приобрести отборных кроликов — только пусть они подождут! Велите им подождать! Дорогой сэр, помогите мне. Я не могу заплатить сейчас!

— Они и так долго ждали, — напомнил мистер Блинкхорн. — Пора платить.

— Не буду! — закричал Пол. — Ни за что! Если бы вы знали об этом камне! Что за глупцы люди!

В отчаянии он решился на роковой поступок — он рванулся и бросился что есть мочи к шлагбауму, за которым начиналась дорога.

Тотчас же школьники, радуясь потехе, кинулись вдогонку. Несчастный пожилой коммерсант несся как заяц. Так ему не случалось бегать уже четверть столетия. Даже когда он удирал от Коггса и Кокера в первый вечер, он не бежал так быстро. Но погоня оказалась короткой. Вскоре Чонер и Типпинг схватили его за шиворот и упирающегося и лягающегося приволокли назад, к мистеру Блинкхорну, благорасположение которого Пол теперь утратил бесповоротно.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Чонер, — но в кармане у него что-то вроде кошелька. Можно, я его выну, сэр?

— Раз он отказывается вести себя как подобает, то вынь, — разрешил учитель.

Это был кошелек Дика, и, несмотря на сопротивление Пола, сей предмет был у него конфискован, а содержимое разделено между пострадавшими, после чего пустой кошелек вернулся к хозяину.

— Ну, а теперь, Балтитьюд, — сказал мистер Блинкхорн, — если ты по-прежнему желаешь покинуть поле, то ступай.

Мистер Балтитьюд, лишившийся остатков

терпения, швырнул пустой кошелек в сторону и отбежал от мучителей в состоянии, близком к исступлению. «Покинуть поле!» Какая жуткая насмешка! Как же ему добраться до дома, отстоящего от школы на пятьдесят миль, без гроша в кармане? Еще десять минут назад до желанной свободы было рукой подать, но теперь все рухнуло.

Никто не жалел его, никто не понимал! Мистер Блинкхорн и несколько энтузиастов возобновили игру, а остальные, разбившись на группки, приняли обсуждать случившееся, исполняясь все большим негодованием.

Оно могло принять определенные и неприятные формы, если бы вдруг кто-то не крикнул: «Внимание, Грим!» И в самом деле, у края поля показалась внушительная фигура доктора.

Мистер Балтитьюд чуть не возликовал. Раз доктор решил посмотреть на футбол, значит, он в неплохом настроении. Пол даже попробовал обмануть себя, пообещав набраться сил и в перерыве подойти к доктору и поделиться своими бедами.

Игра же, до того еле теплившаяся, вдруг как по волшебству приобрела размах и энергию. Даже мистер Тинклер, доселе не расставшийся со

своим романом, быстро сунул книгу в карман, и, очертя голову, ринулся в гущу борьбы, поощряя то одну, то другую сторону, пока, наконец, не выяснил, за какую команду играет.

Доктор приближался величественной походкой, на ходу подбадривая футболистов:

— Молодец, Матлоу! Отлично сыграно, сэр! Вперед, вперед! Не бойся! Не хватай мяч руками, Сиггерс! Соблюдай правила или выйди из игры!

Когда же мяч подкатился к нему, доктор Гримстон подбросил его ногой вверх и, сохраняя невозмутимость и достоинство, двинулся в атаку сквозь почтительно расступающиеся ряды защитников.

Оказавшись в непосредственной близости от ворот, он забил гол под слабые и, приходится опасаться, не очень искренние аплодисменты, после чего повернул к центру с видом человека, уставшего от побед.

— За какую команду я сыграл? — осведомился он и, получив разъяснения от Типпинга и Чонера, сообщил соратникам: — Ну что ж, друзья, старайтесь и впредь, иначе я не буду за вас играть. — И ввел мяч с центра.

Игроки упомянутой команды вовсе не обрадовались такой чести. Это требовало от них лишних

усилий и означало немилость, если таковые не увенчались бы успехом. Их противники, однако, тоже оказались в достаточно щекотливом положении. Если они сыграют с блеском, то рискуют либо вызвать гнев доктора, либо заполучить его к себе в команду. Если же они позволят соперникам слишком легко разгромить себя, доктор живо уличит их в строптивости и симуляции.

Доктор Гримстон же получал от игры большое удовольствие, не подозревая, что его терпели как вынужденную помеху. Участие директора школы в играх своих питомцев могло бы кому-то показаться занятием похвальным, но сами школьники были далеко не в восторге.

Мистер Балтитьюд, оказавшись в команде доктора, вскоре понял, что ему придется пошевеливаться. Желающий угодить более, чем прежде, он подавил в себе естественное отвращение к футболу, и сделал вид, что скорее приветствует, нежели страшится столкновения с мячом. Но он был быстро выведен на чистую воду товарищами по команде, ибо его сын имел репутацию ловкого и бесстрашного футболиста.

Ему было тяжело покорно трусить по полю и слушать в свой адрес уничижительные реплики и саркастические замечания. Они окончательно

прикончили остатки его самоуважения, но он не смел и пикнуть, дабы не вызвать неудовольствие доктора.

На его беду, всякий раз, когда доктор отворачивался, кто-то из учеников пользовался случаем напомнить Полу, как он низко пал в глазах коллектива, исподтишка стукнув его по ноге, или заехав локтем в бок, или прошептав ему на ухо что-нибудь обидное. Особенно преуспел в этом Чонер.

Так тянулись мучения Пола, пока не стемнело настолько, что не стало видно ни ворот, ни мяча и не зажглись фонари. Игра закончилась, и дети построились, чтобы идти домой. Мистер Балтитьюд был готов вернуться к учебе, лишь бы не участвовать в подобных забавах. Пожалуй, это был самый горький день во всей его доселе благополучной жизни. От светлой надежды он перешел к черному унынию. Перед ним было две дороги: либо постараться убедить доктора в своей истории, на что у него не было сил, или попытаться отправиться домой без денег, где его скорее всего поймали бы в дороге и вернули бы в школу.

Да не окажется ни один из читателей перед той дилеммой, что возникла перед незадачливым

мистером Балтитьюдом!

Глава 9
Письмо из дома

Если бы того не требовало повествование, я бы опустил занавес над страданиями мистера Балтитьюда в школе «Крайтон-хауз» в ту несчастную неделю.

Его положение делалось все хуже и хуже. Настоящий Дик, даже в худших своих проявлениях, не смог бы так единодушно восстановить против себя всю школу — и учеников, и учителей. Причем виноват был сам мистер Балтитьюд. Для обычного школьника учебные будни хоть и не отличались особой занимательностью, в то же время не выглядели чем-то совершенно невыносимым. Но Пол не желал приспособиться к обстоятельствам и попытаться провести время вынужденного заточения если не с радостью, то с пользой. Правда, от него было бы, наверное, трудно этого ожидать, но ему и в голову не приходило попробовать. Он лишь сердился, роптал на судьбу и проклинал невозможность разрушить колдовские чары.

Иногда, однако, он не выдерживал и делал по-

пытку поделиться своими несчастьями с кем-то из старших, только не с доктором — идею объясниться с ним он оставил, похоже, раз и навсегда. Но всякий раз, когда он подходил к решающему моменту, слова застревали в горле и он пользовался любым предлогом, чтобы ретироваться, так и не раскрыв своего секрета.

Это заставило преподавателей относиться к нему с подозрением, ибо в подобном поведении они различали признаки систематической издевки. Даже самые беспристрастные учителя порой приходят к неблагоприятному мнению о том или ином ученике на достаточно шатких основаниях и в дальнейшем видят подкрепление своей точки зрения вполне невинных поступках.

Что же касается учеников, то его кислый, надутый вид, полное отсутствие веселой удали, чем славился Дик, а главное, его удивительный талант навлекать на их головы неприятности — он редко сносил несправедливое с ним обращение, не обратившись с официальной жалобой, — все это сделало его, пожалуй, самым популярным учеником за всю историю школ-интернатов.

Только Джолланд сохранил к нему тайную симпатию, памятуя о прежнем Дике. Он утверждал, что все это лишь затянувшаяся шутка со стороны

Балтитьюда, смысл которой тот рано или поздно раскроет товарищам, когда она зайдет слишком далеко. Он страшно докучал Полу, требуя, чтобы он прекратил свой непопулярный эксперимент, и объяснил, с какой целью он его ставит.

Без помощи Джолланда, каковую тот не прекращал, несмотря на упреки и угрозы со стороны сверстников, мистер Балтитьюд не смог бы даже кое-как выполнять школьные задания.

От него требовали знакомства с греческими неправильными глаголами, немецкими диалогами, теоремами из Евклида и латинскими герундиями, о которых он, получив коммерческое образование, и слыхом не слыхивал. Но аккуратно списывая упражнения из тетрадей Джолланда и добавляя для достоверности собственных ошибок, ему удалось избежать разоблачения в полном невежестве, каковое, разумеется, было бы отнесено за счет упрямства и лентяйничанья.

Он жил в постоянном страхе перед таким разоблачением, и мысль о том, что он всецело зависит от какого-то маленького паршивца, приятеля сына, была страшным унижением для человека, который до этого пребывал в уверенности, что знания, которыми он не владеет, не имеют никакой реальной ценности.

Несколько дней Пол жил как в кошмаре, пока не произошло событие, заставившее его снова попытаться воспротестовать.

Было субботнее утро, и он спустился на завтрак после уже привычной ночи с тумаками и колотушками. Он вяло размышлял, долго ли все это может длиться, как увидел на своей тарелке конверт с лондонским штемпелем, надписанный рукой его дочери Барбары.

Его вдруг снова охватила надежда. Неужели самозванца вывели на чистую воду и в письме содержится приглашение вернуться домой и продолжить прежний образ жизни? Такое письмо можно будет показать доктору как лучшее объяснение того невообразимого положения, в котором он оказался.

Но когда он увидел, что письмо адресовано «Мистеру Ричарду Балтитьюду», его охватила тревога. Вряд ли Барбара так написала бы, знай она правду. Он поколебался, прежде чем открывать конверт.

Затем, решив, что дочь сделала это для вида, ради его же блага, мистер Балтитьюд стал разрывать конверт дрожащими пальцами.

Первые же слова мигом развеяли все его надежды.

Он читал не отрываясь, пока комната не закачалась, словно пакетбот на волнах, а буквы, выведенные крупным ученическим почерком дочери, не превратились в огненные словеса. Мы приводим письмо полностью, дабы читатели могли сами сделать все необходимые выводы.

«Дорогой-дорогой Дик!

Ты, наверное, не ожидал получить от меня письмо, но мне так много нужно рассказать тебе, что я выбрала время и решила выложить все сразу. У меня для тебя новости — и по-моему, очень хорошие. Я даже не знаю, с чего начать — все так странно и приятно — это похоже на сон, только очень не хотелось бы просыпаться!

Но все по порядку. Ты уехал, причем даже не зашел к нам попрощаться. Мы просто не поверили своим ушам, когда входная дверь хлопнула и ты укатил, не сказав нам ни словечка. Так о чем я? Ах да. С твоего отъезда наш дорогой папа совершенно переменился. Ты просто не поверишь, но он сделался веселым и озорным — ты только представь. Мы говорим, что он самый большой ребенок в нашей семье, но он только хохочет. А раньше от одного намека на такое он бы страшно рассердился и нам бы досталось на орехи!

Я теперь поняла, почему он был такой серди-

тый и придирчивый на той неделе. Он не хотел, чтобы ты уезжал в школу. Когда же горечь от разлуки рассеялась, он снова повеселел. Ты же знаешь, он не любит показывать свои чувства…

Папа изменился до неузнаваемости. После твоего отъезда он только один раз ходил на работу и вернулся в четыре часа. Ему нравится, когда вокруг крутимся все мы. Обычно он проводит все утро дома и играет в солдатики с Роли в столовой. Ты бы обхохотался, если бы видел, как он заряжает пушки порохом и дробью. Он ничуточки не расстроился, когда в буфете появились дырки и разбилось зеркало.

Вчера мы страшно повеселились — играли с папой в разбойников. Верхнюю оранжерею он превратил в разбойничью пещеру, и охранял ее, вооружившись твоим пугачом. Он не пропускал мимо никого из прислуги, если они не показывали пропуск, подписанный кем-то из нас.

В разгар веселья появилась мисс Макфадден, но увидев, как резвится папа, сказала, что не останется в доме ни минуты. Боулер подал заявление об уходе, не могу взять в толк, почему. Почти каждый вечер мы ходим в театр. Вчера, например, смотрели пантомиму, и папе так понравился клоун, что он прислал ему приглашение отобедать у

нас в воскресенье, когда придут сэр Бенджамин и леди Бэнгл, а также олдермен Фишвик. Вот будет здорово увидеть клоуна за столом! Интересно, он придет в вечернем костюме или как? Мисс Макгналл отправили в месячный отпуск — папе не понравилось, что мы все время учимся! Ты представляешь?!

Наконец, у нас в доме начнется переоборудование. Папа вчера выбрал мебель для гостиной. Она обита желтым атласом, что, по-моему, ярковато. Большой ковер я пока что не видела, и только знаю, что он будет в тон мебели, зато коврик для камина прелесть — на нем изображена охота на львов.

Но это еще не все. У нас будет детский праздник! Приглашены только дети, и они будут делать все, что им заблагорассудится! Я так хотела, чтобы ты тоже пришел, но папа говорит, это выбьет тебя из колеи и отобьет вкус к учебе.

Не забыла ли тебя Дульси? Я так хотела бы взглянуть на нее. Но пора кончать. Мы с папой идем в „Аквариум“. Напиши мне такое же подробное письмо, если конечно, позволит старик-доктор. Минни и Роли целуют и обнимают тебя, и папа тоже шлет привет. Он надеется, что ты хорошо учишься.

Твоя любящая сестра Барбара.

P. S. Чуть было не забыла. На днях нас посетил дядя Дюк и остался жить у нас. Он хочет сделать папу страшным богачом. У него есть где-то золотая шахта и еще проект парового трамвая в Лапландии. Но мне он не нравится. Слишком уж он вежливый!»

Вдаваться в объяснения, какой эффект произвело письмо на мистера Балтитьюда, было бы просто неуважением к читателям. Он постепенно усваивал информацию, переделанную ничего не подозревающей Барбарой, успокаивая свои нервы пахнущим оловом кофе. Но когда он дошел до постскриптума, то закашлялся и разлил кофе. Доктор Гримстон не замедлил откликнуться на это нарушение этикета.

— Такое поведение за столом недопустимо, решительно недопустимо для цивилизованного человека. За долгие годы работы в школе я впервые вижу, чтобы мой ученик так жадно набрасывался на завтрак и давился. Это самая настоящая жадность, сэр! Прошу на будущее не так стремительно набрасываться на еду. Твой достойный отец со слезами на глазах жаловался мне — и не раз, что никак не может научить тебя хорошим манерам за столом.

По столам прокатился легкий смешок, и кое-кто из учеников стал отхлебывать кофе с подчеркнутым изяществом — то ли в виде упрека Дику, то ли демонстрируя свои манеры. Но Полу было не до упреков. Он возбужденно вскочил с места, размахивая письмом.

— Доктор Гримстон! — возопил он. — Дело не в моем поведении! Я хочу вам сказать что-то важное! Я так больше не могу! Мне надо срочно вернуться домой — срочно!

Он говорил властно, почти диктаторским тоном, и школьники решили, что за это его ожидает порка — многие очень на это надеялись. Но доктор велел всем отправляться на площадку, а Полу приказал остаться.

На другом конце стола миссис Гримстон нервно вертела в руках кусочек тоста — она не любила, когда школьнику доставалось от мужа и опасалась неприятной сцены, а Дульси смотрела на происходящее, широко открыв глаза.

— Объясни мне, друг мой, — сказал доктор, отрываясь от своего мармелада, — почему тебе надо вернуться домой?

— Я… получил письмо, — пробормотал Пол.

— Надеюсь, дома все здоровы?

— Нет, нет, все гораздо хуже, — сказал Пол. —

Она просто не понимает, о каких ужасных вещах рассказала.

— Кто такая «она»? — спросил доктор, а Дульси еще шире раскрыла глаза и побледнела.

— Я не буду уточнять, — сказал Пол. Он чувствовал, насколько абсурдно прозвучали бы слова «моя дочь», а в голове у него творился такой кавардак, что он не мог придумать ничего другого. — Но мне необходимо быть дома.

— Что случилось?

— Все! — выпалил Пол. — Если я не вернусь, дом рухнет.

— Ерунда! — возразил доктор. — Ты не такая важная особа, Балтитьюд. Но дай мне взглянуть на письмо.

Показать ему письмо — значит предать огласке все безумства Дика, ни за что! Он сам будет нести это бремя! И вообще, что толку показывать письмо? Оно не поможет отправить его домой, скорее наоборот, и Пол был вынужден пробормотать:

— Простите, доктор Гримстон, но письмо сугубо личное, и я не имею права показывать его посторонним.

— В таком случае, — не без оснований сказал доктор, — если ты не можешь сообщить мне, что или кто требует твоего присутствия дома и

отказываешься показать мне письмо, которое, возможно, внесло бы некоторую ясность, было бы странно полагать, что я должен выполнить столь нелепую просьбу, не так ли?

Снова Пол отдал бы что угодно за присутствие духа, позволившее бы ему изложить суть дела коротко и ясно, тем более что момент был благоприятный. Школьные наставники не способны всегда играть роль тиранов, и доктор, несмотря на стремление проявить строгость, скорее развеселился, чем рассердился от подобного нахальства.

Но Пол ощущал ужасную абсурдность своего положения. Только правда могла принести ему избавление от всех бед, но именно правду он никак не мог решиться рассказать. Он понурил голову и молчал.

— Пф! — наконец фыркнул доктор. — Чтобы я больше не слышал ничего подобного! Не приставай ко мне с этими смехотворными историями, Балтитьюд, иначе в один прекрасный день я сильно рассержусь. А теперь иди, веди себя как все нормальные школьники и перестань выпендриваться!

«Веди себя как все нормальные школьники, — бурчал себе под нос Пол, бредя на гимнастическую площадку. — М-да, видно, этим все и кончится. Но

дом перевернут вверх дном. Бэнгла усадят за стол с клоуном. Дюк всучит мне мифические золотые прииски и трамваи! Это же чистый кошмар! Я же вынужден оставаться здесь и вести себя как все нормальные школьники! Черт знает что!»

Мистер Балтитьюд, стоял, облокотясь на параллельные брусья, как услышал легкое шуршание за живой изгородью, что отделяла гимнастическую площадку от сада. Он поднял голову и увидел, как Дульси протиснулась через изгородь и двинулась к нему с решительным видом.

Серая шляпка и черная меховая муфточка делали ее еще очаровательнее, чем прежде, но ни возраст, ни настроение Пола не позволяли ему отвлекаться на такие пустяки — и он раздраженно отвернулся.

— Не надо, Дик, — сказала она. — Я устала дуться. И если ты мне все объяснишь, я никогда не стану сердиться.

Пол издал что-то вроде: «Тьфу!»

— Ты должен мне все рассказать. Я пойму. Дик, я всегда все рассказывала тебе. И это я сказала маме, что разбила абажур в прошлом семестре, хотя это сделал ты… Мне надо о чем-то тебя спросить…

— Нет смысла обращаться ко мне, — оборвал ее

Пол. — Я ничем помочь не смогу.

— Можешь, можешь, — пылко проговорила Дульси. — Я хочу знать, что было в том письме, что ты получил за завтраком.

— Ты очень любопытная девочка, — сказал Пол нравоучительным тоном. — Маленьким девочкам не к лицу такое любопытство. Эго производит дурное впечатление.

— Я так и знала! — вскричала Дульси, — Ты не хочешь мне ничего рассказывать. Потому что это письмо от какой-то другой девочки — от противной девчонки, которая нравится тебе больше, чем я. Ты обещал быть моим всегда, а теперь, значит, все изменилось. Скажи, что это не так. Дик, обещай бросить эту девочку! Я уверена, что это плохая девочка. Она написала тебе злое письмо, верно?

— Честное слово, это уже слишком для столь юных лет, — начал Пол. — Моя Барбара…

— Твоя Барбара! Ты смеешь так называть ее при мне. Я знала, что не ошибаюсь. Нет, я прочитаю это письмо! Дай его мне! — сказала Дульси так требовательно, что Пол даже испугался.

— Нет, нет, — сказал он, отступив на шаг. — Это ошибка. Не стоит так волноваться. Не плачь, ты очень милая девочка… Я бы с радостью все

рассказал, только ты мне не поверишь.

— Поверю, Дик, — воскликнула Дульси, мечтающая поверить в верность ее кавалера. — Я поверю, только ты расскажи. Сядь рядом и расскажи все, как есть. Я не буду перебивать.

Пол задумался. В конце концов, почему бы не рискнуть? Куда лучше прошептать свою историю в ее очаровательное ушко и выслушать девчачьи ахи и охи, чем предстать перед грозными очами ее отца.

— Ну что ж, — наконец сказал он. — Ты хорошая девочка и не станешь смеяться. Пожалуй, я расскажу…

И он сел на скамейку у стены, а Дульси, довольная, что он снова ей доверяет, примостилась рядышком, ожидая рассказа, приоткрыв рот и сверкая глазками.

— Совсем недавно, — начал Пол, — я был человеком совершенно не похожим…

— Неужели? — раздался насмешливый голос где-то рядом. — Правда? — Пол поднял голову и увидел Типпинга. Намерения у него были самые враждебные.

— Уходи, Типпинг, — сказала Дульси, — Нам не до тебя. Дик рассказывает мне секрет.

— Он обожает рассказывать секреты, — съязвил

Типпинг. — Если бы ты знала, что это за доносчик, ты бы прогнала его прочь. Я могу рассказать о нем такое…

— Он не доносчик, — возразила Дульси. — Правда, Дик? Уходи, Типпинг, не обращай на него внимания, Дик. Говори!

Мистер Балтитьюд оказался в трудном положении. Он не хотел сердить Типпинга.

— Как-нибудь потом… — промямлил он. — Не сейчас…

— При мне, значит, боишься? — спросил Типпинг, уязвленный презрительным отношением Дульси. — Ты трус, и сам это знаешь. Тебе якобы нравится Дульси, но ты не станешь из-за нее драться.

— Драться? — переспросил мистер Балтитьюд. — Из-за нее?

— Ну да! Если ты откажешься драться, это значит, она вовсе не дорога тебе. Я покажу ей, кто из нас двоих лучше.

— Не надо мне ничего показывать, — жалобно проговорила Дульси, прижимаясь к Полу, вовсе не обрадованному этим. — Я и так знаю. Не дерись с ним, Дик. Я тебе не разрешаю.

— Я и не собираюсь, — отрезал мистер Балтитьюд. — И он встал и хотел было удалиться, как

Типпинг сбросил пиджак и начал сжимать кулаки и воинственно подпрыгивать.

К этому времени на площадке собрались школьники. Они с любопытством взирали на происходящее. Романтический элемент придавал предстоящему поединку дополнительную прелесть. Это напоминало битвы рыцарей из романов Вальтера Скотта. Многие из учеников бились бы друг с другом до изнеможения, если бы это заставило Дульси обратить на них внимание. Они все завидовали Дику. Лишь ему не дала отпор эта маленькая капризная принцесса.

Но Пол не видел исключительности своего положения. Он не спускал глаз с Типпинга, поскольку тот все еще принимал воинственные позы, издавая нечто вроде боевого клича, призванного заставить соперника вступить в поединок. «Ты трусишь, — оскорбительно восклицал он. — Ты жалкий трус».

— Тьфу, — сказал наконец Пол. — Уходите, сэр!

— Уходить, мне? — осклабился Типпинг. — Как ты смеешь мне приказывать. Сам уходи!

— С удовольствием, — сказал Пол, пользуясь случаем подчиниться.

Но кольцо зрителей не размыкалось.

— Не бойся, Дик, — крикнул кто-то, забыв

недавнюю неприязнь. — Покажи ему, как в прошлом семестре. Я буду твоим секундантом. Ты же можешь ему задать по первое число!

— Не бейте друг друга по лицу! — вскричала Дульси. Она забралась с ногами на скамейку и вглядывалась в толпу не без скрытого удовольствия: ведь все это происходило из-за нее.

Мистер Балтитьюд понял, что от него и впрямь все ждут драки с этим верзилой и что единственная причина конфликта в необоснованной ревности последнего из-за маленькой девочки. В характере мистера Балтитьюда не было ни капли рыцарства, ибо в этом свойстве он не видел практической ценности — и естественно, ему не улыбалось перспектива быть избитым из-за этой крохи, которая была младше его собственной дочери.

Призыв Дульси не бить по лицу взбеленил Типпинга, который отнес его на свой счет:

— Тебе выпала большая честь драться за нее, — проскрежетал он сквозь зубы Полу. — Я из тебя сделаю картофельное пюре! Честное благородное слово!

Пол решил успокоить своего ревнивого соперника, показав ему неосновательность всех его подозрений.

— Вы хотите сделать из меня пюре из-за этой маленькой девочки? — спросил он.

— Сейчас ты поймешь! Заткнись и иди сюда!

— Нет, минуточку, — возразил мистер Балтитьюд. — Дело в том, — заметил он с натужной попыткой пошутить, что не вызвало никакого отклика у окружающих, — что я не хочу превратиться в пюре. Я не картофелина. Если я правильно понял, то вы желаете со мной подраться, полагая, что я являю собой помеху в ваших взаимоотношениях с этой девочкой…

— Именно, — подтвердил Типпинг. — А потому поменьше слов и к делу! Мы будем драться!

— Но зачем же? — искренне недоумевал Пол. — Я не сомневаюсь, что это очень милая особа, но уверяю вас, мой юный друг, я не имею ни малейшего желания осложнять вам жизнь. Она для меня ничего не значит, ровным счетом ничего! Я отдаю ее вам. Она ваша, мой юные друг. Желаю успеха! Видите, как все легко и просто решилось?

Он оглянулся с облегчением и довольным видом, и понял, что его благородный поступок не вызвал того восхищения, на которое он рассчитывал. Типпинг явно опешил, а школьники отозвались на это неодобрительным гулом, и

даже Джолланд заметил, что все это «большое свинство».

Дульси же, до этого недоуменно ожидавшая, когда ее возлюбленный вступится за ее честь, не выдержала такого коварства. Услышав его подлое отречение, она тихо вскрикнула и, спрыгнув со скамейки, стремглав понеслась прочь всласть выплакаться.

Даже Пол, по-прежнему уверенный, что действовал совершенно правильно и в целях самозащиты, вдруг испытал необъяснимое чувство стыда, увидев, какой эффект произвели его слова. Но исправить ничего было нельзя.

Глава 10
Новейший письмовник

Мистер Балтитьюд планировал убить сразу двух зайцев — раскрыть глаза Дульси на происходящее и успокоить ревнивого Типпинга. Трудно сказать насчет Дульси, но в смысле Типпинга план его с треском провалился.

— Этим дешевым трюком меня не проведешь, — молвил тот, задетый таким отношением Дульси. — Ты довел ее до слез и за это поплатишься. Ну что, будешь драться как мужчина или я отлуплю тебя как щенка?

— Я не собираюсь быть соучастником нарушения дисциплины, — с достоинством отвечал Пол. — Прочь, грубиян! Если у тебя так чешутся руки, выбери себе в партнеры кого-то из соучеников. Я не желаю иметь с тобой ничего общего.

В ответ на это Типпинг, не имея сил унять бурлившую кровь, заплясал как зулус и замахал руками как ветряная мельница. Обнаружив, что враг и не собирается принимать вызов, он схватил Пола за шиворот, намереваясь надавать ему пинков. Хотя мистер Балтитьюд, как мы успели

убедиться, был принципиальным противником кулачных боев, он не смог снести безропотно, не попытавшись как-то защититься. Решив, что надо обезвредить противника, пока тот не успел выполнить свои кровожадные замыслы, он резко обернулся и нанес тому сильный удар ниже пояса.

Результат превзошел все его ожидания. Типпинг согнулся, словно складная линейка и, шатаясь, стал отступать, побагровев от боли. Пол стоял спокойный и торжествующий. Он показал этим типам, что его голыми руками не возьмешь. Теперь-то они оставят его в покое.

Но его подвиг вызвал новый ропот и крики:

— Позор! Удар ниже пояса! Трус! Хам!

Оказалось, что и тут мистер Балтитьюд исхитрился нарушить их кодекс. «Странно, — думал он. — Когда я отказываюсь драться, они обзывают меня трусом. Я принимаю их вызов, но они опять недовольны. Но мне плевать. Я ему показал!»

Типпинг же, наконец придя в себя и перестав корчиться, выступил вперед. Все еще тяжело дышащий и мертвенно бледный, он оперся на плечо Бидлкомба. Его выход был встречен аплодисментами.

— Спасибо, — не без труда выговорил он. — Я,

конечно, не стану с ним драться после такой подлой выходки, но вы, ребята, конечно, не позволите, чтобы такое сошло ему с рук.

— Нет, мы ему покажем, — раздались крики. — Он за это дорого заплатит. Пусть только еще раз попробует.

Пол слушал угрозы с нарастающей тревогой. Что еще они задумали? Гадать ему пришлось недолго.

— Надо прогнать его через строй, — предложил Бидлкомб. — Грим нас не застукает — час назад он уехал на прогулку.

Эта идея была принята благосклонно.

Полу доводилось слышать о таком развлечении, но он сильно сомневался, что сумеет получить от этого удовольствие, особенно когда увидел, как ученики, повынимав носовые платки, завязали на них по узелку. Он тщетно пытался избежать наказания, уверяя всех и каждого, что вовсе не желал обидеть Типпинга, что он лишь защищался и так далее. Но это был глас вопиющего в пустыне.

Дети торжественно выстроились в две шеренги в центре площадки, и, пока Пол испуганно на них таращился, кто-то пихнул его к одному концу строя, где Типпинг, уже вполне пришедший в

себя, отправил его в путь, наградив чувствительным пинком.

Пол полетел как безумный между двух шеренг мстителей, осыпавших его ударами по голове, плечам, спине, а когда он достиг конца, то кто-то ловко развернул его и пустил в обратном направлении, в сторону Типпинга, который в свою очередь снова развернул его и пихнул вперед по ужасному коридору.

Никогда до этого мистер Балтитьюд не сносил таких унижений. Ученики гоняли его долго после того, как притупилась прелесть забавы, и лишь усталость заставила их сменить гнев на милость. Напоследок надавав ему затрещин, они загнали его в угол, где он и остался горевать до звонка на обед. Несмотря на неплохой моцион, он совершенно не нагулял аппетита.

«Если я здесь еще пробуду, то меня просто убьют, — внутреннее стенал он. — Эти юные разбойники в два счета отправили бы меня на тот свет, если бы не боялись порки. Бедный я, несчастный. Лучше уж умереть!»

Поскольку была суббота и занятий после обеда не полагалось, мистеру Балтитьюду еще предстояла пытка в виде футбола, но на его счастье небо затянулось тучами и в три часа начался такой

дождь со снегом, что школьники оказались запертыми в четырех стенах на целый день, о чем, правда, мало кто горевал.

Дети расположились в классной комнате, занимаясь кто во что горазд: один читали, другие срисовывали карикатуры из иллюстрированных журналов, третьи, слишком ленивые, чтобы играть, и неспособные получать удовольствие даже от простейших книг, заполняли досуг перепалками.

Пол сидел в углу и делал вид, что читает о приключениях на редкость отважных подростков в Арктике. Они убивали медведей и приручали моржей, но пожалуй, впервые их подвиги не произвели на читателя никакого впечатления. Это ни в коей мере не бросало тень на талант автора, вызывавший восхищение всех нормальных мальчиков, но просто литературе было не под силу отвлечь мистера Балтитьюда от размышлений над своими злоключениями.

К концу дня в класс зашел доктор и сел за письменный стол, где погрузился в изготовление какого-то документа. Закончив его, он принял вид человека, весьма удовлетворенного проделанной работой. Он напомнил, что по субботам перед чаем положено писать домой письма.

Тотчас же книги, шахматные доски и домино были отложены, а вместо этого учащимся роздали новенькие стальные перья и по листу почтовой бумаги, на которой вверху старинными буквами было вытиснено «Школа „Крайтон-хауз“».

Получив в свое распоряжение эти письменные принадлежности, Пол испытал чувства, схожие с теми, что возникают у потерпевшего кораблекрушение моряка, который, оказавшись на необитаемом острове, вдруг находит флаг и ракеты с ракетницей. В нем снова затеплилась надежда. Он забыл недавние побои, в его распоряжении был целый час, и можно было попытаться кое-что сделать.

Во-первых, он решил написать своему поверенному, изложив как можно спокойнее и яснее обстоятельства, что привели его в это место, и попросить вызволить его из этой дурацкой ситуации.

Второе, своему старшему клерку, с предупреждением проявить осторожность во взаимоотношениях с самозванцем Диком, а также записки Бэнглу и Фишвику с уведомлением, что обед отменяется — нельзя же допустить, чтобы они оказались за одним столом с клоуном из пантомимы.

И наконец — в этом он никак не мог себе отказать: призыв если не к сыновним чувствам, то по крайней мере к человечности своего неблагодарного отпрыска.

У него чесались руки приступить к работе. В его мозгу рождались убедительные красноречивые фразы — они должны были сразу же убедить самые прозаические и недоверчивые натуры. Пафос его послания должен растопить даже покрытое коркой ледяного эгоизма сердце Дика.

Возможно, мистер Балтитьюд переоценивал силу своего пера, возможно, одних чернил было бы недостаточно, чтобы убедить его знакомых не верить собственным глазам и распознать солидного коммерсанта в пухлощеком тринадцатилетнем мальчугане. Но так или иначе им удалось избежать такой проверки — письма так и не были написаны.

— Не приступайте к работе. — предостерег своих питомцев доктор, сначала выслушайте меня. Как правило, я позволял каждому из вас выражать свои чувства на бумаге без какой-либо цензуры с моей стороны. Но поскольку в последнее время ко мне стало поступать много жалоб от родителей наименее способных из вас, я вынужден кое-что изменить. Так, Ричард Балтитьюд,

твой отец не раз жаловался на неряшливость твоих эпистолий, — обернулся Гримстон к бедняге Полу. — Он справедливо утверждает, что они не составили бы чести и конюху, и просил не утруждать его внимание таковыми, если я не смогу повлиять на твое перо в лучшую сторону.

Драматизм положения мистера Балтитьюда усугублялся тем, что в самые важные и ответственные моменты, когда он уже начинал видеть свет, его прежние слова и поступки, высказанные и совершенные им в его настоящем естестве, вдруг тянули его назад в пучины, из которых он никак не мог выбраться. Он вспомнил, что действительно в прошлом году, будучи сильно не в духе, получил написанное неряшливым почерком Дика письмо, где тот просил денег на приобретение материалов для фейерверка к пятому ноября.[8]

Пол ответил сердитым письмом доктору Гримстону, где сообщил нечто похожее на то, что теперь тот процитировал. Теперь Пол с нетерпением ждал, что скажет доктор. Возможно, он

---

[8] Примечания: 8

5 ноября в Англии по традиции отмечают раскрытие «Порохового заговора», устроенного в 1605 г. с целью убийства короля Якова I, когда под здание парламента были подложены бочки с порохом. В этот вечер жгут костры и устраивают фейерверки. — *Прим. пер.*

потребует, чтобы перед отправкой письма давали ему на прочтение. Что ж, ничего ужасного в этом нет. Возможно, это лучший способ ознакомить доктора с истинным положением дел.

Но доктор изыскал иное средство исправить ситуацию. Его задели за живое слова Пола, что его питомцы пишут как конюхи.

— Я хотел бы, — говорил он, — чтобы ваши родные время от времени получали информацию о вашей жизни здесь, но чтобы стиль и содержание не шокировали их, я разработал образец для тех учеников второго класса, что не отличаются особой успеваемостью. Разумеется, ученики первого класса и отличники из второго могут писать, как сочтут нужным. Ричард, я надеюсь, ты аккуратно перепишешь то, что я продиктую. Все готовы? Отлично. И он начал медленно диктовать:

— Дорогие родители (или кто-то из родителей). Восклицательный знак. Вам будет приятно узнать, что, благополучно добравшись до места назначения, мы с головой погрузились в наши обычные труды, проводя досуг в полезных и развивающих играх. Записали в «полезных и развивающих играх?» — подозрительно спросил доктор, на что Джолланд пробурчал, что такое сразу не напишешь. — Я надеюсь, без ложного

тщеславия, за этот семестр заметно продвинуться в науках. Вероятно, вы со мной согласитесь, когда я изложу вам программу, которую мы намереваемся освоить до пасхальных каникул.

В латыни мы намереваемся овладеть первой книгой знаменитого эпического произведения Вергилия, — надо ли уточнять, что речь идет об увлекательнейших приключениях Энея? — Джолланд пробормотал соседям, что разъяснение более чем уместно. — Что же касается греческого, то мы уже приступили к волнующему изложению «Анабасиса», принадлежащего перу великого стратега Ксенофонта. Разумеется, мы не прерываем изучение грамматического и синтаксического строя этих благородных языков. — «Благородных языков» вслух повторили записывающие не без легкой иронии. — В немецком под попечительством герра Штовассера, который, как я, возможно, уже упоминал, является выпускником Гейдельбергского университета — «и глупым старым ослом», добавил Джолланд, — мы углубились в захватывающее изучение тевтонского Шекспира, каковым, на мой взгляд, является Шиллер. Уроки французского посвящены упражнениям, чтению стихов и рассказов, лучше позволяющим понять устройство этого галльского языка.

Но я бы не хотел, дорогие родители (или кто-то из родителей), чтобы у вас создалось впечатление, что интеллектуальные труды не оставляют места и времени для физических упражнений. Я вовсе не намерен превратиться в книжного червя. Напротив, мы уже приняли участие в оживленном и приятном футбольном матче, и собирались и сегодня вступить в такое же сражение, но нам воспрепятствовала в этом дурная погода.

Нашей любимой забавой на гимнастической площадке является игра, именуемая у нас «охотой». Уверяю вас, мои дорогие родители, что быстрая смена положений и разнообразие ситуаций делает ее превосходным развлечением.

Боюсь, что должен отложить перо в сторону, ибо время, отведенное на письма, неумолимо близится к концу и наступает пора пить чай. Прошу передать самые теплые пожелания друзьям и близким. Примите уверения в нежной любви к вам и ближайшим членам нашей семьи.

Рад сообщить, что нахожусь в отличном здравии, окружен достойными товарищами и погружен в приятную и полезную работу. Это позволяет мне уверить вас, что я вполне счастлив.

Остаюсь, дорогие родители, вашим преданным

и любящим сыном.

Имя и фамилия.

Доктор закончил диктовать с победными интонациями, смысл которых можно было бы передать так: «Надеюсь, это классическое письмо сына-школьника приятно поразит ваших родителей».

Но при всей ясности и недвусмысленности тона и содержания это послание никоим образом не выражало мыслей и чувств мистера Балтитьюда. Прочие же приняли диктовку спокойно, увидев в ней приятное отвлечение от обычного диктанта. Мистеру Балтитьюду же изящные закругленные обороты представлялись самой настоящей насмешкой. Записывая фразу за фразой, он размышлял, как отнесется к этому посланию Дик. Когда же диктант был закончен, драгоценное время для написания задуманных им посланий было упущено и пришлось ждать следующей недели.

С безмолвным, но безропотным отвращением, ибо дух его был сломлен этим последним жестоким разочарованием, мистер Балтитьюд отложил письмо, упрятал его в конверт и сдал для отправки под недреманным оком доктора, не имея шанса вставить ни слова, ни даже строчки, которое бы могло противодействовать тому

потоку самодовольного вздора, которым было пропитано письмо.

Пол понял, что последняя надежда угасла, когда письмо его проштамповали и положили в мешок. Похоже, настала пора перестать бороться с Неизбежным и примириться с перспективой обучения в «Крайтон-хаузе» со всеми вытекающими последствиями и, в первую очередь, угрозой порки, пока Дик наводняет дом шутами и клоунами, руша его, Пола, репутацию. Возможно, со временем он свыкнется и с этим, но пока же надлежит ничем не выдавать себя, чтобы не навлечь на свою голову новых бед.

С этим настроенном он и отправился спать, — настал скверный конец отвратительной недели.

Глава 11
День отдыха

Наступило воскресенье, а с ним и начало новой недели для мистера Балтитьюда и всего христианского мира. Будет ли эта неделя лучше прошедшей, он не знал, хотя сомневался, что она может быть хуже.

Но этому воскресенью суждено было стать самым насыщенным днем из всех, что он провел в «Крайтон-хаузе», хотя и предыдущие нельзя было назвать лишенными событий. В течение следующих двенадцати часов ему было предначертано испытать всю гамму неприятных чувств. Смущение, тревога, страх, ужас должны были сменять друг друга в быстрой последовательности, а в конце концов его ожидало облегчение и счастье — трудная программа для пожилого джентльмена, который ранее не особенно упражнял свои эмоциональные способности.

Попытаемся же описать все по порядку. Звонок к подъему в воскресенье давали на час позже, чем в будни. Уроков не было, но предполагалось, что школьники подготовят задания, приличествую-

щие воскресному дню. Так, Пол обнаружил, что ему положено выучить наизусть гимн, в котором рифмовались «корона» и «лоно», а также «бог» и «чертог».

Как ни элементарно могло показаться это задание членам тогдашних школьных советов, у Пола ушло немало умственных усилий, ибо уже много лет ему не приходилось так утруждать память. Когда же он справился с этим, оказалось, что надо затвердить еще длинный список основных исторических событий ДО и после Потопа, которые положено было перечислить, «не заглядывая в книгу».

Пока Пол корпел над этим заданием, ибо, как мы уже упоминали, он решил стараться, чтобы не навлекать на себя неприятностей, миссис Гримстон нанесла визит в спальню и, как Пол не пытался избежать этого, напомадила ему голову, — унижение, которое он с трудом вытерпел.

«Когда она узнает, кто я на самом деле, — думал он, — она горько пожалеет о содеянном. Если я что-то и впрямь не выношу, так это помаду для волос».

Затем наступил завтрак, на котором доктор Гримстон появился в костюме из тонкого сукна с шелковистой отделкой, в накрахмаленной бе-

лой рубашке и белом галстуке. Затем мальчики перешли в класс, где, время от времени сверяясь с текстом, стали переписывать «по памяти» вышеупомянутый гимн. Пол же перечислил даты и события, к удовлетворению мистера Тинклера, который, дабы повысить свой авторитет, старался проявлять как можно больше снисходительности при проверке подобных заданий.

Затем был дан приказ готовиться к походу в церковь. Все кинулись в комнату, где на полках стояли коробки с шляпами. Там же им были выданы молитвенники и лайковые перчатки. Когда все были готовы, появился доктор с отеческим выражением на лице.

— Сегодня сбор пожертвований, — напомнил он. — У вас у всех, надеюсь, есть монеты в три пенса? Я хочу, чтобы мои воспитанники с легким сердцем делились своими богатствами. Если у кого-то нет мелочи, я могу разменять.

У него были с собой монеты именно этого достоинства — традиционное выражение благодарности паствы, ибо школа занимала видное положение в приходе и вызывала одобрение церковных старост тем единодушием, с которым юные джентльмены один за другим делали взносы. Разумеется, доктор очень ревностно под-

держивал эту репутацию.

С горечью сообщаем, что мистер Балтитьюд, опасаясь вопроса насчет наличия у него необходимых средств и желая скрыть свое безденежье, дабы не навлечь новые неприятности, спрятался за дверью во время операции по размену денег и вылез из убежища, лишь когда все было окончено. Ему казалось слишком обидным терпеть новые унижения из-за отсутствия жалких трех пенсов.

Закончив все приготовления, школьники разбились в холле по парам и двинулись в церковь.

Мистер Балтитьюд шел в хвосте с Джолландом, легкий характер которого позволил ему забыть фокусы приятеля накануне. Он трещал, не закрывая рта, и это давало возможность Полу отдаться своим размышлениям.

— Ты будешь класть свои три пенса? — спрашивал Джолланд и, не дожидаясь ответа, говорил: — Если не будешь, я тоже не положу. Иногда, когда тарелку пускают по рядам, старик Грим следит, не отлынивает ли кто. Тогда я кладу. Ты выучил гимн? Терпеть не могу учить их. Ума не приложу, зачем это надо. Все равно за это не ставят отметки на экзаменах. И это не избавляет от расходов на молитвенник, разве что ты выучишь их все, но на

это нужны годы. Смотри, вон юный Матлоу с гувернером и матушкой. Интересно, что делает его гувернер. Матлоу говорит, что он джентльмен, но, по-моему, он врет. Видишь, проехал экипаж. Там мамаша Грим и Дульси. Я видел, как она на тебя смотрела. Зря ты так с ней вчера обошелся. А на козлах Том. Как странно торчат у него уши! Интересно, будет ли сегодня в церкви семья уродов? Ты их знаешь. Сидят, выпучив глаза и разинув рты — прямо как из пантомимы. Слушай, Дик, а что если родители Конни Давенант переменили место — вот будет досадно для тебя, правда?

— Я не знаю, о чем ты, — сухо отозвался мистер Балтитьюд, и вообще, если ты не возражаешь, я бы предпочел сейчас помолчать.

— Как знаешь, — отвечал Джолланд. — Вообще-то сейчас мало охотников с тобой говорить, но тебе виднее. Я с удовольствием помолчу.

Наступило молчание. Джолланд шел, высоко вскинув подбородок. Он решил присоединиться к остальным и объявить бывшему другу бойкот, раз он не ценит его участие. А Пол смотрел на мерно покачивавшиеся две линии цилиндров перед ним, и продолжал дивиться тому, в какой дурной компании вынужден находиться.

В церкви Пола посадили на край скамьи, ря-

дом с которой через проход начинались места, отведенные для доктора и его семьи. Дульси уже сидела там, но она не заметила его появления, сосредоточенно разглядывая круглое окно над алтарем.

Мистер Балтитьюд устроился в углу с чувством облегчения и даже комфорта, хотя на скамье не было подушки. Рядом с ним сидел тихий Киффин, его обидчики были где-то далеко, на задних скамьях. По крайней мере, сейчас ждать подвоха не приходилось, а потому Пол мог спокойно предаться любимому занятию в церкви — увы, немного подремать.

Но когда началась служба, мистер Балтитьюд с ужасом заметил, что молодая особа, сидевшая неподалеку, подает ему тайные, но вполне безошибочные сигналы.

Эта была весьма хорошенькая девица лет пятнадцати с веселыми и озорными голубыми глазами и вьющимися золотистыми волосами. С ней были два младших брата, которые никак не могли поделить общий молитвенник и на протяжении всей службы исподтишка обменивались увесистыми пинками, а также отец, полный пожилой близорукий джентльмен в золотых очках, который постоянно громко и невпопад

подтягивал хору.

Получать такие знаки внимания от столь хорошенькой юной особы — предел мечтаний любого школьника. Но мистер Балтитьюд похолодел от страха.

«Похоже, это и есть та самая Конни Давенант, — подумал он, когда она, поймав его взгляд, в четвертый раз скромно кашлянула. — Очень дерзкая особа. — Кто-то должен серьезно поговорить с ее отцом».

«Господи, она что-то пишет на молитвеннике, — вскоре отметил он про себя. — Неужели она хочет отправить это мне? Я не приму! Как ей не стыдно!»

И в самом деле мисс Давенант что-то поглощенно писала на листочке, а затем искусно сложила его в шляпу-треуголку, написала снаружи несколько слов и сунула в молитвенник. Затем, когда присутствующие встали петь псалмы, она, бросив взгляд на смущенного и негодующего Пола, ловким движением метнула шляпу-листок на соседнюю скамью.

Однако она немного не рассчитала и послание, перелетев через проход, приземлилось у ног Дульси.

Пол с тревогой следил за листком. Он понимал,

что любой ценой должен завладеть посланием и уничтожить его. В нем могло содержаться его имя, а это означало новые неприятности.

Поэтому, воспользовавшись шумом, когда паства громко повторяла слова псалма, он прошептал Дульси:

— Прошу прощения, мисс Гримстон, но у ваших ног лежит записка. Кажется, она адресована мне.

Дульси все видела и не сильно удивилась — тайная переписка была для нее в новинку, но в этой златокудрой девице она сразу распознала опасную соперницу, ради которой, похоже, Дик и отказался от нее вчера. Дульси было уже достаточно лет, чтобы изведать сладость мести.

Поэтому она гордо вскинула голову, отчего ее подбородочек очаровательно задрался вверх, и, подождав следующей строфы, ответила:

— Да, мистер Балтитьюд, я вижу.

— Не могли бы вы поднять ее? — прошелестел Пол.

— Могла бы.

— Будьте так добры, когда все сядут.

— Ни за что, — отрезала Дульси.

Дульси с удовольствием отметила, что соперница, увидев, что произошло, явно смутилась. Она умоляюще смотрела на безжалостную Дуль-

си, словно упрашивая не впутать ее в беду, но та упрямо уставилась в молитвенник и не замечала этих взглядов.

Если бы письмо было адресовано любому другому ученику, Дульси, несомненно, сделала бы все, чтобы выгородить преступницу, но теперь об этом и речи не могло быть. Она испытывала злорадство, зная, что творится в душе у старшей девочки, хотя это и было не очень хорошо с ее стороны.

Между тем мистер Балтитьюд всерьез разволновался. Как только паства вновь усядется на свои места, записку явно кто-то увидит из взрослых, и, попади она в руки доктора, было страшно предположить, как превратно он истолкует текст и к каким ужасным последствиям это может привести.

Он был совершенно невиновен, и хотя чувство своей невиновности нередко оказывается большим утешением, он понимал, что если не сумеет убедить в этом доктора, ему не миновать порки. Поэтому он предпринял еще одну отчаянную попытку сломить упрямство Дульси.

— Не будьте такой непослушной особой, — попытался он увещевать Дульси, выбрав не самый лучший подход. — Мне непременно надо полу-

чить эту записку. Иначе мне будет худо.

Но хотя Дульси и была прекрасно воспитана, она лишь скорчила в ответ рожицу. Увидев это, мистер Балтитьюд понял: переубедить ее невозможно.

Потом все сели, а треуголка осталась лежать на ковре, всем своим видом показывая, что это любовная записка. Теперь разоблачение было лишь вопросом времени. Викарий стал читать Священное Писание, но Пол не слышал ни строки. Он ждал, когда на него обрушится непоправимое.

Ждать пришлось недолго. Дульси, движимая то ли коварным желанием ускорить развязку, то ли — мы склонны предполагать именно это, — насытившись терзаниями своего бывшего кавалера, стала пододвигать подушечку к записке. Это не укрылось от глаз ее матери, и через мгновение компрометирующий документ был у нее в руках. Прочитав его с ужасом и недоверием, она передала записку доктору.

Золотоволосая девица видела это, но и бровью не повела. Возможно, обладая некоторым опытом в подобных делах, она надеялась, что всегда сможет справиться с джентльменом в золотых очках. Но при первой возможности она бросала злобные взгляды на предательницу Дульси, а та

смотрела кротким ягненочком.

Доктор Гримстон прочитал записку через двойные очки, и на челе его стали собираться грозовые тучи. Усвоив ее содержание, он чуть наклонился вперед и с добрых полминуты смотрел туда, где в углу корчился от ужаса мистер Балтитьюд.

После этого события разворачивались стремительно. Пол механически вставал и садился вместе с остальными, но впервые в жизни он желал, чтобы служба продлилась подольше.

Положение его было ужасно. После всех его стараний держаться от беды подальше и прилежанием и смирением заслужить благорасположение своего тюремщика, он, словно невинно осужденный в мелодраме, лишь оказался на краю погибели.

Возвращаясь в школу, он чувствовал, как у него подкашиваются ноги. К счастью, другие ученики не заметили происшествия, да и Джолланд больше не докучал ему разговорами.

Но даже погода постаралась добавить к его депрессии: день выдался мрачный, серый. Холодный безжалостный ветер гулял по дорогам, где грязь в колеях от вчерашнего дождя превратилась в черный, тускло поблескивавший лед.

Чем ближе подходили школьники к «Край-

тон-хаузу», тем тяжелее становилось на душе у мистера Балтитьюда. Когда он поднимался по ступенькам, у него подкашивались колени. В холле их уже поджидал доктор, вернувшись раньше в экипаже. Увидев Пола, он распорядился гробовым голосом: «Балтитьюд, когда разденешься, пройди ко мне в кабинет».

Мистер Балтитьюд возился с пальто целую вечность, но в конце концов вынужден был отправиться в кабинет, дрожа мелкой дрожью. Там никого не было. Он хорошо помнил кабинет по прежним посещениям, помнил гравюры в черных рамках на стенах, книжные шкафы и фарфор на каминной полке, а также набор индийских шахмат с изящно выточенными фигурками в колесницах, на слонах и лошадях, стоявший в стеклянном ящике в нише у окна. Именно сюда его пригласил доктор, когда Пол впервые привез в школу Дика. Кто бы мог подумать, что настанет день, когда его вызовут сюда, чтобы выпороть. Это казалось невероятным, но было именно так.

Его размышления прервал приход доктора. Гримстон вошел с видом, не предвещающим ничего хорошего. В руке он держал записку.

— Ты только полюбуйся, — прорычал он, размахивая посланием перед носом Пола. — Говори,

как ты смеешь получать подобные легкомысленные послания в священном здании.

— Я… я его не получал, — пробормотал Пол.

— Не виляй, ты прекрасно знаешь, что послание предназначено тебе. Будь любезен прочитать его и объяснить мне, что все это значит. Пол стал читать. Это была самое обычное наивное письмо школьницы, состоявшее наполовину из школьного жаргона, наполовину из сантиментов. Подписано оно было инициалами «К. Д.»

— Ну, что ты скажешь? — осведомился доктор.

— Очень дерзкое и неуместное послание, — сказал Пол. — Но я не виноват. Я тут ни при чем. Я не давал ей никакого повода. Я впервые ее увидел лишь сегодня…

— Насколько мне известно, Балтитьюд, она занимает это место в церкви вот уже год.

— Возможно, — признал Пол, — но это не меняет дела. В церкви я не обращаю внимания на девиц. Мне это ни к чему.

— Как ее зовут? — спросил доктор.

— Конни Давенант, — выпалил Пол, застигнутый врасплох внезапностью вопроса. — По крайней мере, я слышал это имя сегодня. — Он понял, что сказал глупость.

— Странно, что ты знаешь ее имя, если раньше

не замечал ее, — сказал доктор.

— Мне сообщил его тот юноша… Джолланд.

— Тем более странно, что она знает, как зовут тебя, ибо в письме ты назван по имени.

— Это нетрудно объяснить, — сказал мистер Балтитьюд, — очень даже нетрудно. Она явно где-то могла его слышать. По крайней мере, сам ей не назывался. Уверяю вас, что случившееся огорчает и удручает меня не менее вашего. Что за девицы теперь пошли?!

— Ты хочешь, чтобы я поверил в твою непричастность?

— Ну да. Я же не могу помешать девицам писать мне записки. Она и вам, чего доброго, может написать такую же!

— Не будем заниматься гипотезами, — перебил его доктор, не желая, чтобы война переходила на его территорию. — Пока что она выбрала тебя. И хотя твое праведное негодование кажется мне слишком уж наигранным, я не вижу достаточных оснований подвергать тебя наказанию, особенно учитывая твое заявление о том, что ты не поощрял ее… инициативы. Да и моя Дульси подтверждает, что активность проявляла именно девица. Но если я получу доказательства, что все это начал ты или ответил бы на ее заигрывания,

ничто не спасет тебя от хорошей порки, а может быть, и чего-то посерьезнее. Так что берегись!

— Ой, — только и сказал Пол, не веря, что беда прошла мимо. Затем усилием воли он продолжил: — Могу ли я воспользоваться случаем и кое-что объяснить, сэр? Я пытаюсь сделать это уже давно, только вы никак не хотите меня выслушать. Это очень важно для меня. Вы даже не представляете, как это важно.

— В этом семестре с тобой, Балтитьюд, что-то происходит, — медленно произнес доктор, — но что именно, я никак не могу понять. Такое упрямство не характерно для мальчика твоих лет, а если у тебя есть какой-то секрет, то лучше выложить все начистоту. Но сейчас мне некогда. Приходи ко мне после ужина, и я тебя выслушаю.

От радости Пол лишился дара речи и не смог сказать даже спасибо. Он пулей вылетел из кабинета. Дорога к свободе снова замаячила впереди. После мало согревавшего обеда, состоявшего из холодного мяса, холодных пирожков с джемом и холодной воды, те ученики, что разделались со своими заданиями, расположились в классной комнате, коротая время за занятием, именуемым «воскресное чтение».

Мистер Балтитьюд взял роман, который вполне

заинтересовал его как бизнесмена. В нем повествовалось о том, как предприимчивые люди сколачивали состояния, доставляя грузы на американский Юг времен Гражданской войны через морскую блокаду, и хотя он не был любителем романов, но перспектива обрести свободу так благотворно повлияла на его состояние, что он позволил себе отвлечься, следя за приключениями главного героя. Правда, то здесь, то там он замечал погрешности в деталях, но это скорее забавляло, чем раздражало, и он так зачитался, что почувствовал досаду, когда к парте, где он сидел, неслышно подошел Чонер, уселся напротив и, положив подбородок на сложенные руки, уставился в лицо Полу.

— Дики, — начал он вкрадчивым масляным голосом, — я слышал, как доктор пообещал выслушать тебя после ужина, так?

— Право, не знаю, сэр, — отозвался Пол. — Если вы подслушивали у замочной скважины, то, наверное, так оно и есть.

— Дверь была открыта, — сказал Чонер, — а я был рядом, в гардеробной. Так что я все слышал. О чем же ты хочешь рассказать доктору?

— Занимайтесь своим делом, сэр, — отрезал мистер Балтитьюд.

— Это и есть мое дело. Но ты можешь и не говорить мне. Я и так все знаю.

— Господи! — только и сказал мистер Балтитьюд, расстроенный, что его секрет стал известен именно этому отвратительному субъекту.

— Да, — продолжал Чонер, — я знаю, и учти — никаких откровений с доктором!

— Это еще почему?

— Неважно. Может, я не хочу, чтобы доктор узнал об этом сейчас, может, я сам как-нибудь пойду и расскажу ему, но пока я хочу немножко позабавиться.

— Юный вампир! — воскликнул Пол. — Тебе нравится смотреть, как страдают другие!

— Да, — улыбнулся зловредный Чонер. — Нравится.

— И значит, ты хочешь продержать меня здесь еще потому, что это забавляет тебя, а затем, когда тебе наскучит, ты сам расскажешь доктору о моих бедах. Нет, друг мой! Я и сам ни за что не сознался бы доктору, если бы только мог, но тем более не допущу, чтобы это делали другие. Пусть меня расстреляют, если я позволю тебе вмешиваться в мои дела!

— Не кипятись, Дики, — сказал Чонер. — Сейчас воскресенье, день отдыха. Я пойду и объяснюсь

за тебя, когда мы их хорошенько припугнем.

— Кого это «их»? — озадаченно спросил Пол.

— Будто ты не знаешь? Брось притворяться, Дики, ты же смышленый парень, — захихикал Чонер.

— Говорю тебе, не знаю. Слушай, Чонер, тебя, кажется, зовут Чонер? Тут какая-то ошибка! Я собираюсь рассказать доктору вовсе не о том, что ты думаешь.

— Что же я, по-твоему, предполагаю?

— Понятия не имею, но ты все равно ошибаешься!

— Ты очень хитер, Дики, ты не хочешь выдавать себя, но кое-кому не терпится отплатить Кокеру и Типпингу не меньше твоего, так что тебе придется погодить.

— Все, что я расскажу, будет иметь отношение лишь ко мне, — отвечал Пол. — Пойми же, это не помешает твоим развлечениям ни в коей мере…

— Помешает, и еще как! — раздраженно сказал Чонер. — Может, ты и собираешься говорить лишь о себе, но как только Гримстон начнет задавать вопросы, все всплывет наружу. В общем, я запрещаю тебе ходить к доктору.

— А кто ты, черт побери, такой? — вспыхнул мистер Балтитьюд, уязвленный властным тоном

собеседника. — Как ты мне помешаешь?

— Т-с! Идет доктор, — прошептал Чонер. — Я расскажу тебе это после чая. Почему я не на своем месте, сэр? Я просто спрашивал Балтитьюда, по поводу чего проводился сбор пожертвований. Четвертое воскресенье после Епифании? Спасибо, Балтитьюд.

И он проскользнул на свою парту, оставив мистера Балтитьюда в недоумении и тревоге. Почему этот тип с мерзкой хитрой физиономией и гладкими речами собирается помешать ему наладить прежние отношения с миром и как он намерен это сделать?

Глупости какие-то. Плевать он хотел на юного негодяя. Он не станет ему подчиняться.

Но тревога не оставляла мистера Балтитьюда. Сколько раз в решающие моменты его миновала чаша. Вдруг и на сей раз кто-то толкнет его локтем. Он отправился пить чай с тяжелой душой.

Глава 12
Приговор

Похоже, вмешательство Чонера в дела Балтитьюда удивило не одного Пола, но дело в том, что между ними с самого начала произошло взаимное непонимание, которое помешало одному увидеть все как есть, а другому объясниться начистоту.

Чонер, конечно же, преуспел в понимании истинной сущности Пола не более остальных, и его желание помешать разговору Пола с доктором требует отдельного пояснения.

Доктор, движимый чувством глубокой ответственности за нравственность своих питомцев, проявлял излишнее рвение, выпалывая свой огород от всех подозрительных растений, подозревая в них ядовитые сорняки.

Поскольку он не был вездесущ и многие прегрешения, как пустяковые, так и серьезные, могли тем самым проходить незамеченными и безнаказанными, он разработал систему, которую и пытался внедрить среди учащихся.

По заведенному доктором порядку каждый

ученик был обязан не только сообщать своему наставнику о замеченных им прегрешениях среди товарищей, но и в то же время мог надеяться, что если и на его совести был какой-то проступок, то чистосердечное двойное признание могло заметно облегчить его участь. Надо сказать, что система эта не очень прижилась в «Крайтон-хаузе».

Многие ученики слишком уважали свои права и обязанности, чтобы поощрять доносчиков, другие были слишком робкими и слишком зависимыми от мнения окружающих, чтобы доносить, но кое-кто все же считал, что гарантией чистой совести является лишь полная откровенность.

К несчастью, они и сами порой нарушали правила и прибегали к доносу, лишь когда их собственные грехи могли вот-вот всплыть наружу.

Чонер возглавлял эту партию. Ему нравилась такая система. Это позволяло ему одновременно утолять свою жажду власти, а с другой стороны — испытывать кошачье удовольствие от игры на нервах остальных.

Он знал, что не пользуется любовью товарищей, но неплохо обращал себе на пользу поступки, которые делали популярными тех, кто их совершал. У него был кружок раболепных приверженцев,

он взимал со многих дань за молчание и давал повод излить все злые чувства.

Обладая склонностью к скрытному неподчинению, он не без удовольствия соблазнял своих товарищей совершить одну из тех проказ, на которые так горазда юность — заметив, что к числу таковых карательный кодекс доктора относил совсем уж невинные поступки, — и когда Чонер убеждался, что достаточно соучеников увязло в тенетах греха, наступал его звездный час.

Он обычно отводил одного из виновников в сторонку, и строго конфиденциально сообщал ему, что его, Чонера, заела совесть, и единственный выход он видит в чистосердечном признании.

Против этого было бы трудно что-то возразить, если бы Чонер не давал понять, что это означает и рассказ о прегрешениях всех окружающих, после чего, естественно, вокруг Чонера собирался кружок заискивающих школьников, упрашивающих его если не заглушить голос совести, то по крайней мере забыть кое-какие имена и фамилии.

Иногда Чонер делал вид, что их аргументы его убедили, и все расходились с легкой душой. Но угрызения совести имели обыкновение возвращаться, и Чонер держал шалунов в напряжении

днями и неделями, пока ему это не надоедало, — наслаждение мучениями более слабых натур забирает слишком много энергии — или пока кто-то из жертв, не вытерпев такой пытки, не угрожал пойти и самому все рассказать доктору.

Тогда Чонер избавлял несчастного от таких испытаний.

Неслышными шагами он появлялся в кабинете доктора и тихим скорбным голосом выкладывал все начистоту ради своего и общего спасения.

Возможно, доктор не очень высоко ценил инструменты, которыми считал необходимым пользоваться. Но если иные на его месте не стали бы слушать доносчика или даже высекли бы его и забыли о случившемся, то доктор Гримстон, никоим образом не заблуждаясь насчет благородства таких мотивов и отдавая отчет, насколько выгодным оказывалось признание кающемуся, вполне поддерживал эти порывы. Внимательно выслушав такие доклады, он устраивал грозы, которые, по его убеждению, способствовали очищению общей атмосферы.

Остается надеяться, что это объясняет, почему Чонеру так не понравилось противодействие Балтитьюда.

После чая Чонер сделал Полу знак следовать

за ним, и они оказались в маленькой оранжерее рядом с классной комнатой. Там было темно, но свет, проникающий из класса, позволял им видеть лица друг друга.

Пол закрыл за собой стеклянную дверь и с достоинством осведомился:

— Могу ли я знать, как ты собираешься помешать мне посетить доктора Гримстона и рассказать ему то, что хочу.

— Ну конечно, Дики, — сказал Чонер, гадко ухмыльнувшись. — Очень скоро ты все-все узнаешь.

— Перестань ухмыляться и говори прямо, — сердито произнес мистер Балтитьюд. — Я тебя предупреждаю: я ничего не боюсь.

— Кто знает! Я слышал, как ты говорил доктору об этой девочке — Конни Давенант.

— Ну и что? Я тут ни при чем. Мне не в чем себя упрекнуть.

— Какой же ты *лжец*! — воскликнул Чонер даже с некоторым восхищением. Ты говорил ему, что не давал ей повода, да? А он ответил, что если уличит тебя во *лжи*, то выдерет как следует, верно?

— Верно, — признал Пол. — И он, в общем-то, по-своему прав. А что?

— А то, что в прошлом семестре ты просил Джолланда передать ей записку. Забыл?

— Я этого не делал, — промямлил несчастный мистер Балтитьюд. — Я вообще в глаза не видел эту Конни Давенант.

— Записка у меня в кармане, — сказал Чонер. — Джолланд струсил и попросил меня передать записку. Я прочитал ее, и она так мне понравилась, что я решил оставить ее себе на память. Вот она.

И Чонер вытащил из кармана мятый листок и показал его нашему перепуганному джентльмену.

— Не хватай, это некрасиво… Видишь, написано: «Моя дорогая Конни!» И еще «Вечно твой Дик Балтитьюд!» Нет, не подходи. Вот так! Ну что ты думаешь делать?

— Не знаю, — пробормотал Пол, у которого в голове все перемешалось. Мне надо подумать.

— Значит, так. Я буду за тобой приглядывать, и, как только ты соберешься к доктору, я тебя опережу и покажу ему записку. Тогда тебе конец. Так что лучше сдавайся, Дики!

Записка была явно настоящей. Похоже, Дик написал ее в отместку за капризы Дульси, и его неверность оказалась роковой для его несчаст-

ного отца. Если этот мерзавец Чонер выполнит угрозу, Полу и впрямь настанет конец. Пол не очень понимал, чем руководствовался его мучитель. Он лишь предполагал, что тому не хотелось, чтобы Пол, признаваясь доктору, пожаловался на Типпинга и Кокера за жестокое с ним обращение. Похоже, Чонер сам намеревался донести на них в нужный момент.

— Ну, говори! — не отставал Чонер. — Пойдешь к доктору или пет?

— Я должен, — хрипло произнес Балтитьюд. — Обещаю, что я не назову больше никого, да и зачем? Мне нужно лишь спасти себя от… Я больше не могу здесь жить. Почему ты мешаешь мне воспользоваться моими правами? Я и не подозревал, что в мире есть такие школьники. Ты же настоящее чудовище.

— Я не хочу, чтобы ты вообще говорил с доктором, — сказал Чонер. — Я сам скажу ему, что нужно. В том числе и про тебя!

— Ну и говори! — воскликнул задетый за живое Пол.

— Вот и скажу, — уверил его Чонер. — И тогда поглядим, чья возьмет.

Они вернулись в класс, где охваченный бессильной яростью Балтитьюд пытался сесть на

место с видом, что ничего не произошло.

Чонер тоже сел, причем так, чтобы видеть Пола, и они наблюдали друг за другом, пока не вошел доктор Гримстон.

— Вечер сырой и туманный, — сказал он, — младшие школьники останутся в помещении. Чонер, ты и старшеклассники пойдут в церковь. Одевайтесь.

Сердце мистера Балтитьюда радостно забилось. Теперь, когда враг устранен, он может спокойно выполнить задуманное. То же самое, похоже, пришло в голову и Чонеру, ибо он кротко спросил:

— Простите, сэр, а Ричарду Балтитьюду тоже можно пойти?

— Разве Балтитьюд не способен говорить от своего имени? — удивился доктор.

— Это… это ошибка, сэр, — испуганно проговорил мистер Балтитьюд, — Я неважно себя чувствую.

— Вот видишь, Чонер, ты его неправильно понял. Кстати, Балтитьюд, ты, кажется, хотел мне что-то рассказать?

Чонер буравил его своими маленькими глазками, но Пол все же пробормотал, что и впрямь хотел бы поговорить наедине.

— Отлично, я на час отлучусь, хочу навестить

друга, а по возвращении готов выслушать тебя, — сказал Гримстон и вышел из класса.

Возможно, Чонер попробовал бы получить разрешение тоже остаться в школе, но у него не хватило ни времени, ни присутствия духа. Он был вынужден пойти переодеваться для церкви.

Но закончив все приготовления, он подошел к Полу и сказал с неприятной ухмылкой:

— Если я вернусь вовремя, Балтитьюд, посмотрим, как тебе удастся меня опередить. А если не успею, то передам доктору письмо.

— Можешь делать все, что угодно, — сказал раздраженно Пол. — К тому времени я буду далеко от тебя. А теперь ступай.

Чонер ушел, а Балтитьюд горестно подумал: «В жизни не встречал такого мерзавца! Вот бы нанять кого-то, чтобы его как следует отлупили!»

Вечер выдался спокойным. Ученики, не пошедшие в церковь, сидели за партами, читали или делали вид, что читают. Присматривавший за ними мистер Блинкхорн сидел в углу и что-то записывал в свой дневник. Пол мог без помех обдумать свое положение.

Сначала он предавался тихому ликованию. Его давние надежды на то, что его спокойно и беспристрастно выслушают, вот-вот сбудутся. Чонера

не будет по меньшей мере часа два. Вряд ли у доктора уйдет так много времени на один визит. Главная проблема состояла в том, сумеет ли Пол внятно объяснить, что с ним приключилось.

Начинать надо издалека, чтобы наставник не усомнился в его искренности, или, что хуже, в здравом рассудке. Возможно, в виде предисловия уместно напомнить о случаях вторжения сверхъестественных сил в земные дела с давних времен и до наших дней. Только вот примеры никак не шли на ум Полу, а впрочем, стоит ли утомлять внимание доктора такими деталями?

Нет, лучше начать примерно так: «Вы вряд ли обратили внимание, мой дорогой сэр, что с нашей последней встречи в этом году во мне произошли некоторые весьма значительные изменения…» Обдумывая наши речи, мы обычно прибегаем к куда более вычурным оборотам, чем те, что потом срываются с наших уст. Поэтому мистер Балтитьюд выучил первую фразу наизусть. Она показалась ему способной привлечь внимание слушателя и заинтересовать в продолжении.

Насчет продолжения, правда, возникли сложности. Пол понимал, что от него требуется лишь изложить простые, неприкрашенные факты, но как воспримет их постороннее ухо? Он по-всякому

старался смягчить вопиющую неправдоподобность случившегося, но ничего путного из этой затеи не вышло.

«Не знаю, что я скажу доктору, — признался наконец он себе. — Если я и дальше буду думать об этом, то перестану сам себе верить».

В этот момент к нему подсел Бидлкомб.

— Дик, — начал он дрожащим голосом, — ты действительно хочешь о чем-то рассказать доктору?

«Господи, теперь ко мне пристает этот!» — горестно подумал Пол, а вслух сказал:

— Именно так, молодой человек! Если у вас есть на этот счет возражения, прошу высказать их мне. Я слушаю. Для меня это вопрос жизни и смерти, но коль скоро вы возражаете, ничего не поделаешь!

— Нет… Просто дело в том, что я… — замямлил Бидлкомб. — Я, конечно, обращался с тобой в последнее время не очень…

— Вы были достаточно любезны предложить товарищам ряд способов досадить мне, — мстительно напомнил Пол. — Вы не раз ударяли меня ногой, а вчера, если я не ошибаюсь, именно у вашего платка оказался самый большой и крепкий узел. Если это дает вам право вмешиваться

в мои дела, вслед за вашим досточтимым другом мистером Чонером, то мне возразить нечего.

— Ты сердишься, — кротко заметил Бидлкомб. — И правильно делаешь. Я вел себя по-хамски. Но я давно хотел сказать, что все это время очень за тебя переживал.

— Весьма утешительно, — сухо отозвался Пол. — Премного благодарен. Большое спасибо.

— Просто меня сбили с толку остальные, — продолжал Бидлкомб. — Но ты всегда мне нравился, Балтитьюд.

— Странный способ выказывать свое хорошее отношение. Но продолжайте. Я вас слушаю.

— Мне больше нечего сказать, — робко отозвался Бидлкомб, — только не говори про меня ничего, Дик, а? Будь другом. Я за тебя буду заступаться. Честное слово. Ябедничать нехорошо. Ты раньше никогда не ябедничал.

— Не волнуйтесь, друг мой, — сказал Пол. — Я не буду отбивать хлеб у достойнейшего Чонера. То, о чем я собираюсь поведать доктору, не имеет к вам никакого отношения.

— Честное слово? — воспрянул духом Бидлкомб.

— Да, честное слово, — желчно проговорил Пол. — А теперь я просил бы оставить меня в по-

кое. Нет, не надо рукопожатий. Я был вынужден принимать от вас пинки, но это не значит, что я обязан принимать уверения в вашей дружбе.

Бидлкомб удалился с видом слегка пристыженным, но в целом весьма довольный, что его страхи не подтвердились.

«Слава богу, — думал Пол, — этот хоть оказался не таким настырным. Ну и компания! Ну вот, еще один пожаловал!»

Вслед за Бидлкомбом к нему стали подходить один за другим школьники. Одни были более угодливы, другие менее, но все клялись, что и в мыслях не держали как-то обидеть его, и умоляли не жаловаться на дурное с ним обращение. В знак добрых чувств и примирения они приносили маленькие подношения — пеналы, перочинные ножики и так далее. Эти визиты довели Пола до исступления. Однако после жарких объяснений ему удалось успокоить их, развеять их страхи, но не успел он отправить восвояси последнего просителя, как увидел, что к нему направляется Джолланд.

Джолланд оперся на парту руками и пристально посмотрел в лицо Полу своими зелеными глазами.

— Не знаю, что ты там наговорил ребятам —

вид у них мрачный, и они помалкивают о ваших переговорах, но я тебе скажу прямо: я не думал, что ты докатишься до такого.

— До чего? — удивленно спросил Пол, которому это уже порядком надоело.

— До того, что станешь стучать на всех нас. Если после каникул тебе от ребят сильно доставалось, то в этом виноват ты сам. В прошлом семестре ты вел себя прилично, а сейчас с первого дня ты как с цепи сорвался. Сначала я думал, ты просто валяешь дурака, но теперь я уже не знаю, что это, и знать не желаю. Я защищал тебя как мог, пока вчера ты не опозорился окончательно. Я тоже был среди тех, кто лупил тебя, и в следующий раз поступлю точно так же. Имей это в виду. Вот все, что я хотел сказать.

Слышать это было малоприятно, но Пол не мог подавить чувство, что упреки эти не лишены оснований. Джолланд по-своему был добр к нему, хотя это и причиняло Полу определенные неудобства. Так или иначе Пол ответил довольно кротко:

— Ты не прав, друг мой, не прав. У меня нет ни малейшего желания рассказывать доктору про кого-либо. Так я и доложил твоим приятелям. Со мной случилось нечто крайне неприятное,

но ты все равно не поймешь, даже если я буду объяснять.

— Я не знал, — уже мягче сказал Джолланд. — Если тебе нужно какое-то лекарство…

— Так или иначе, — отвечал Пол, не собираясь открываться мальчишке, — ни тебя, ни твоих товарищей это никак не заденет. Ты неплохой мальчик, и я не хочу, чтобы у тебя из-за меня были неприятности — ты и сам их накличешь на свою голову, — а потому оставь меня в покое.

На все эти разговоры ушло немало времени. Взглянув на часы, Пол обнаружил, что уже почти восемь. Доктор что-то задерживался. Мистеру Балтитьюду сделалось не по себе. Он стал лихорадочно высчитывать, кто вернется раньше — доктор или Чонер.

До церкви было двадцать минут ходьбы, служба длилась час. Значит, Чонер должен вернуться к половине девятого. Сейчас как раз было восемь. У Пола оставалось полчаса надежды.

Если Чонеру удастся раньше него поговорить с доктором и показать записку, все его попытки объясниться — даже если у него хватит на это сил — будут сочтены неубедительными. Но если опередить негодяя и рассказать доктору все как есть, донос успеха не возымеет.

Мистер Балтитьюд сидел, наблюдая, как быстро движется минутная стрелка, и страдая всей душой. Уже четверть девятого. Ну почему доктор так запаздывает? Каким фарсом порой оборачиваются светские церемонии. Неужели он позволил уговорить его остаться на ужин? Двадцать минут девятого. Чонер и все остальные будут с минуты на минуту. Звонок. Он пропал. Нет, он спасен! В холле послышался голос доктора Гримстон. Как долго он снимает пальто!..

Но терпеливо ждущему воздается сторицею! Через мгновение доктор появился в классе, выделил взглядом Пола и, сказав: «Балтитьюд, я готов тебя выслушать», двинулся к кабинету. Пол шел за ним на деревянных ногах. Как это не раз бывало, заготовленное вступление начисто вылетело из головы. Голова его сделалась как чугунная. Его так и подмывало задать стрекача, но он подавил в себе этот убийственный порыв и прошел в кабинет.

На столе стояла лампа с зеленым абажуром. Доктор сел в кресло у огня, закинув ногу на ногу и соединив кончики пальцев.

— Итак, Балтитьюд, я тебя слушаю.

— Нельзя ли мне присесть, — проговорил сиплым голосом Пол первое, что пришло ему в

голову.

— Прошу, — отозвался доктор.

Пол поставил стул напротив кресла доктора и сел. Он пытался прокашляться и привести в порядок мысли, но в голове вертелось одно: зеленый абажур придавал лицу доктора какой-то мертвенный оттенок.

— Соберись с мыслями, — сказал доктор после того, как часы на камине отсчитали минуту. — Нам спешить некуда, друг мой.

Но это как раз напомнило Полу, что время не ждет. Если он не поторопится, сюда войдет Чонер и все погубит. Однако он смог сказать лишь:

— Я весьма взволнован, доктор Гримстон. Весьма!

Доктор коротко кашлянул и сказал:

— Я слушаю тебя, Балтитьюд.

— Дело в том, что я нахожусь в крайне затруднительном положении, сэр, и не знаю, с чего начать. — Тут он снова замолчал надолго, а доктор поднял густые брови и поглядел на часы.

— Готов ли ты начать говорить в ближайшее время? — сказал он с подозрительной учтивостью. — Или же предпочтешь зайти позже?

— Ни в коем случае, — возбужденно отозвался Пол. — Я начну сейчас же. Я уже начинаю. Просто

мой случай — очень сложный, и мне крайне затруднительно объяснить его.

— Тебя что-то тревожит? — спросил доктор. Пол услышал шум и голос в гардеробной — то вернулись из церкви школьники.

— Да… нет, — сказал он и повесил голову.

— Неожиданный, если не сказать крайне двусмысленный ответ. Как прикажешь тебя понимать?..

В этот момент в дверь постучали. В панике Пол вскочил на ноги, закричав во весь голос:

— Не пускайте его! Сначала выслушайте меня. Не пускайте этого негодяя! Он меня погубит!

— Я собирался сказать, что я занят, — отозвался доктор, — но во всем этом есть что-то столь странное, что пусть стучавший войдет, кто бы он ни был.

Дверь отворилась, и тихо вошел Чонер. Он был бледен, тяжело дышал, но в остальном вполне владел собой.

— Что, Чонер? — спросил доктор. — Тебе тоже что-то не дает покоя?

— Извините, сэр, — сказал Чонер. — Балтитьюд вам еще ничего не рассказывал?

— Пока нет. Помолчи теперь, Балтитьюд. Я слушаю Чонера. В чем дело?

— В том, что он знал о моих намерениях рассказать вам кое-что о нем и потому угрожал опередить меня и наговорить всяких гадостей про меня, сэр. Я решил, что должен при этом присутствовать.

— Это ложь! — вскричал Пол. — Какой же он мерзавец! Не верьте, доктор Гримстон, ни единому его слову. Это наглая клевета!

— Меня это настораживает, Балтитьюд, — заметил доктор. — Если бы твоя совесть была чиста, ты бы не мешал мне выслушать Чонера, который, несмотря на очевидные дефекты его характера, — тут он судорожно сглотнул, ибо не мог преодолеть отвращение к своему питомцу, — безусловно, добросовестный и сознательный ученик. Пусть сначала говорит он.

— С вашего разрешения, сэр, — сказал Чонер, украдкой бросив торжествующий взгляд на Пола, который, сознавая весь ужас происходящего, рухнул без сил в кресло, — я решил, что мой долг — сообщить вам о том, что я обнаружил в молитвеннике Балтитьюда. — И он вручил Гримстону каракули Дика, каковые доктор прочитал, поднеся записку к лампе.

После этого в кабинете воцарилось гробовое молчание. Затем доктор сказал:

— Ты правильно поступил, Чонер. А теперь ступай. Когда Гримстон и Пол остались вдвоем, доктор дал волю своему негодованию:

— Презренный лжец! — бушевал он, расхаживая взад и вперед по комнате. — С тебя сорвали личину! Да, да! Ты заставил меня поверить, что заигрывания этой девицы привели тебя в такое же негодование, что и меня. Ты правильно назвал ее послание «дерзким и неуместным». Ты притворился, что не давал ей повода к подобным запискам и якобы только сегодня услышал ее имя. Но вот записка, написанная гораздо раньше. Где ты обращаешься к ней, как к «Конни Давенант», и имеешь наглость выражать восхищение шляпкой, которую она надевала в предыдущее воскресенье. При мысли о таком двуличии, о такой наглости и распущенности, меня просто берет оторопь. У меня идет кругом голова!

Пол пробормотал нечто насчет того, что, будучи отцом семейства, он никогда не позволил бы себе ничего такого, но, к счастью, доктор не обратил на это внимания.

— Что мне с тобой делать? — не унимался доктор. — Как покарать такое чудовищное безобразие?

— Не спрашивайте меня, сэр, — выдавил из

себя Пол, — Делайте что угодно, только скорее.

— Если я и медлю, сэр, — возразил доктор, — то лишь потому, что еще не решил, можно ли искупить подобное преступление обычной поркой, или оно требует более суровых мер.

«Неужели он собирается еще и пытать меня?» — подумал Пол.

— Да, — подтвердил доктор. — Я в сомнениях. Столь испорченный ум не исцелить розгой. Я не могу позволить моим воспитанникам продолжать общение с тобой — это может иметь для них самые пагубные последствия. Я должен раздавить пригретую мной змею, я не позволю этому василиску писать свои мерзкие послания! Решено! Несмотря на все материальные потери для меня и моральные для твоего достойнейшего отца, который так мечтал увидеть в тебе надежду и гордость фамилии, я должен исполнить свой долг по отношению к родителям других учащихся, вверенных моему попечению. Я не стану тебя пороть. Я тебя исключаю.

— Как? — в неверии воскликнул Пол. — Исключаете? Я не ослышался, доктор Гримстон? Повторите это еще раз. Вы правда исключаете меня?

— Я все сказал, — строго произнес доктор, — и

никакие уговоры не заставят меня отменить решение (заметим, что мистер Балтитьюд и не пытался его уговаривать). Миссис Гримстон проследит, чтобы твои вещи были завтра утром упакованы, и я лично отвезу тебя на станцию и отправлю в родительский дом, который ты запятнал позором. Ты поедешь поездом в девять пятнадцать. Сегодня же я напишу письмо твоему отцу с изложением причин исключения.

Мистер Балтитьюд закрыл лицо руками, чтобы спрятать не позор и смятение, но совершенно непристойное ликование. Это было слишком прекрасно, чтобы быть правдой! Теперь его доставят домой со всеми удобствами. Ему не нужно страшиться погони, ему не угрожает перспектива снова вернуться в эту тюрьму! Письмо доктора убедит в этом даже Дика. И самое замечательное состоит в том, что такая удача пришла к нему без позора порки или мук объяснения своей тайны.

Но приобретя за кратковременное пребывание в школе некоторый опыт, Пол притворился горько плачущим.

— Ты проведешь под этой крышей всего одну ночь — и то в изоляции от прежних товарищей, — продолжал доктор. — Ты будешь спать в отдельной комнате, а утром с позором и навсегда

покинешь «Крайтон-хауз»!

Оказавшись один в уютной теплой спальне с ковром и шторами, недоступный происка учеников и вспомнив, что это действительно его последняя ночь в школе, а завтра днем он уже окажется в своем родном доме, Пол испытал такой восторг, что пустился по комнате в пляс.

Укладываясь на мягкую, пахнущую лавандой подушку, он с удовольствием отдался воспоминаниям о прошедшем дне. Они были тяжелыми, но через все это стоило пройти, чтобы теперь насладиться разницей в своем тогдашнем и теперешнем положении. Он легко простил всех своих мучителей, даже Чонера — ведь именно благодаря Чонеру к нему пришло избавление. Пол смежил очи, блаженно улыбаясь и предвкушая наступление понедельника.

Впрочем, кое-кто на его месте, испытав нечто подобное, погодил бы радоваться.

Глава 13
Отсрочка

На следующее утро мистер Балтитьюд, открыв глаза, испытал новый прилив радости и веселья. Он не мог не нарадоваться на везение. Через несколько часов он со всеми удобствами поедет домой, где уже ничто не помешает ему заявить о своих правах. Не обладая особым чувством юмора, он, однако, заранее посмеивался, представляя, как смутится Дик, увидя его на пороге. Совершенно необоснованно Пол стал приписывать случившееся своей собственной прозорливости и хитроумию, вызвавшим к жизни план исполнения его намерений.

Он лежал в постели еще долго после того, как прозвенел звонок к подъему. Он считал, что его повое положение позволяет игнорировать школьные правила.

Наконец он встал. Одеваясь, все в том же отличном расположении духа, он снисходительно размышлял о происходящем — весьма нетипичный подход для прежнего мистера Балтитьюда. Когда он окончательно завершил утренний туа-

лет, в комнату вошел доктор.

— Балтитьюд, — сурово произнес он, — прежде чем расстаться, я бы хотел услышать от тебя слова раскаяния в твоем прежнем поведении.

Мистер Балтитьюд счел, что это никак не повредит, и поэтому сказал, не особенно кривя душой, что «искренне сожалеет о случившемся».

— Рад слышать это, — коротко бросил доктор, — Искренне рад. Возможно, это позволит мне проявить к тебе снисходительность и освободить меня от выполнения очень неприятной процедуры.

— Ах! — только и произнес мистер Балтитьюд, почувствовав неладное.

— Да. Было бы слишком жестоко разрушить будущность молодого человека, проявив жестокость в самом начале его карьеры. Разумеется, нет оправданий твоему недостойному поведению. И все же по некоторым признакам, что я могу различить в твоей натуре, ты не безнадежен. После того, как ты публично получишь по заслугам и крепко запомнишь этот урок, ты еще, возможно, станешь украшением общества. Я не намерен пока опускать руки, я еще поработаю с тобой.

— Спасибо, — пробормотал Пол упавшим голосом.

— К тому же за тебя заступилась миссис Гримстон, — продолжал доктор. — Она выразила мнение, что публичное осуждение мною твоего поведения в сочетании с примерным и болезненным телесным наказанием способны привести к радикальным изменениям в твоем характере и окажут куда более радикальное воздействие на твое закореневшее в пороке сердце, чем позорное изгнание без покаяния и шанса исправиться.

— Миссис Гримстон очень любезна, — пролепетал Пол.

— Тебе еще предоставится возможность выразить ей благодарность. Итак, я оставляю тебя в школе и даю тебе последнюю попытку восстановить пошатнувшуюся репутацию. Но для твоего собственного и общего блага я покараю порок публично. В одиннадцать часов ты будешь высечен в присутствии всей школы. До того времени ты останешься в этой комнате. Завтрак тебе принесут сюда.

Пол сделал отчаянную попытку отговорить директора от ужасного намерения.

— Доктор Гримстон, — забормотал он. — Если вам все равно, то я бы предпочел исключение.

— Мне не все равно, Балтитьюд, — услышал он в ответ. — Ты же сейчас проявляешь упрямство и

гордыню. Я оставляю твои слова без внимания.

— Я… я не хочу, чтобы меня пороли, — сказал Пол. — Это не исправит меня, а напротив, лишь ожесточит… Я не могу этого допустить, доктор Гримстон. Я принципиальный противник телесных наказаний. Исключение же окажет на меня самое благотворное воздействие. Оно спасет меня. Сделает другим человеком.

— Неужели, чтобы избежать малых неприятностей, ты готов навлечь горе на седую голову твоего достойнейшего отца? Нет, я тут тебе не помощник. Добавлю лишь, что твоя трусость не заставит меня смягчить наказание. Итак, я ухожу — встретимся в одиннадцать.

И с этими словами доктор Гримстон вышел из комнаты. Смягчение приговора объяснялось не только упомянутыми директором причинами, но и материальными соображениями, в которых он, возможно, и сам толком не отдавал себе отчета. Исключение из частных школ случается крайне редко и за самые вопиющие нарушения дисциплины. Доктор же вряд ли желал бы просто так расстаться с определенной частью доходов, имея возможность покарать грех иными средствами.

Но его милосердие стало для мистера Балтитьюда страшным ударом. Он упал ничком на постель,

подкошенный этим сообщением. Еще десять минут назад он был весел и беззаботен, а теперь не только рухнули надежды на освобождение, но и менее чем через два часа его ожидала порка.

Когда в нашей жизни вдруг происходит перемена — к лучшему или худшему, — все будничные мелочи принимают совершенно иной облик и смысл. Книга, что мы читали, письмо, за которое принялись, картина, что висит в нашей гостиной — какими они становятся милыми и привлекательными — или, напротив, мрачными и враждебными.

Что-то вроде этого испытал Пол, когда кое-как закончил одеваться. Уютная спальня, с ее приятными обоями и шторами, теперь казалась ему отвратительной. Чувство благодарности за ночь, проведенную в приятном одиночестве, сменилось отвращением, ибо спокойствие это оказалось обманчивым.

Раздался тихий стук в дверь, и вошла Дульси с подносом, на котором был завтрак.

— Ну вот, — сказала она, — я уговорила маму разрешить принести тебе завтрак. Тут яйцо и сдобные лепешки.

Мистер Балтитьюд сел на стул и лишь простонал в ответ.

— Ты мог хотя бы сказать спасибо, — надула губки Дульси. — Та девочка и не подумала бы принести тебе поесть, окажись она на моем месте. Я хотела сказать тебе, что не сержусь, потому что, скорее всего, ты не просил, чтобы она тебе писала. — К счастью для Пола, Дульси не знала окончания истории с Конни Давенант. — Но тебе, по-моему, все равно.

— Мне очень плохо, — вздохнул Пол.

— Тогда выпей кофе, — посоветовала Дульси. — И поешь. Я специально принесла тебе яйцо. Оно придает силы. Тебе силы понадобятся.

— Не надо! — с ужасом воскликнул Пол при мысли о том, что ему предстоит. — Я этого не вынесу.

— Но я спрятала папину новую трость, — сообщила Дульси. — А старая, ты же сам говорил, сечет не так больно. Хлыст куда больнее. Но папа потерял его на каникулах, когда выезжал кататься верхом.

— Хлыст куда больнее? — механически повторил Пол.

— Том говорит, что больнее. Но, Дик, тебе придется потерпеть какие-нибудь пять минут. Это пустяки по сравнению с исключением. Мы с мамой еле-еле упросили папу не делать этого, а

оставить тебя.

— Еле-еле упросили? — опять повторил Пол.

— Ну да. Он так долго не соглашался, я как могла уламывала его. Я просто не могла перенести, что тебя не будет.

— Ты поступила очень жестоко, — сказал Пол. — Я страдаю из-за тебя. Если бы не ты, это письмо никто не увидел бы. Если бы не ты, я бы выбрался из этого ужасного места.

Дульси поставила поднос и, заложив руки за спину, прислонилась к углу гардероба.

— И это все, что ты мне можешь сказать? — произнесла она с дрожью в голосе.

— Все, — подтвердил Пол. — Не сомневаюсь, ты руководствовалась лучшими намерениями, но тебе вообще не следовало вмешиваться. Из-за этого со мной и приключились все эти невзгоды. Унеси завтрак. Меня тошнит от одного его вида.

Дульси помотала головой и сжала кулачки. Нрав у нее был такой же горячий, как и у ее отца.

— Отлично, — сказала она и с достоинством двинулась к двери. — Я очень сожалею, что вообще вмешалась. Лучше бы тебя отправили домой к твоему отцу. Пусть он поступил бы с тобой, как сочтет нужным. Но я больше не подойду к тебе

и не скажу ни словечка! Я и не посмотрю в твою сторону. Я скажу Типпингу, что он может колошматить тебя сколько душе угодно, и сообщу Тому, куда я спрятала новую папину трость. Очень надеюсь, что тебе будет больно. — И с этими словами она удалилась.

После этого мистер Балтитьюд некоторое время расхаживал по верхнему этажу школы, боясь спуститься вниз, но не имея сил оставаться в комнате. Горничные, что пришли убирать кровати, смотрели на него с жалостливым любопытством, но гордость помешала мистеру Балтитьюду просить их о помощи. Прятаться было бессмысленно, потому что, без гроша в кармане и не имея возможности одолжить денег, он был вынужден бы оставаться в этом доме, пока голод не вынудил бы его покинуть убежище. И то если его до этого не отыщут.

На площадке затихли крики школьников — полчаса, отведенные для игры, закончились. Он услышал, как часы в холле пробили одиннадцать — настал час его испытаний. Доктор не забыл о нем, ибо вскоре в комнату вошел дворецкий и провозгласил, что доктор Гримстон желает видеть его, «если он не возражает». Пол кое-как спустился по лестнице, дворецкий распахнул пе-

ред ним двойные двери, и Пол вошел в классную комнату, умирая от страха и стыда.

За партами и столами собралась вся школа. Только книг на партах не было. Казалось, ученики пришли слушать лекцию.

Не было лишь мистера Блинкхорна, который, испытывая неприязнь к подобным процедурам, воспользовался случаем выскользнуть на улицу. Теперь он важно трусил по гимнастической площадке, расставив локти и подняв вверх голову. Он говорил, что это у него вообще была привычка внезапно прерывать урок, несколько минут бегать рысцой, а потом возвращаться в класс запыхавшимся, но освежившимся.

Мистер Тинклер сидел за своим столом и по лицу у него блуждала слабая улыбка, с которой люди смотрят на бой быков или на заклание свиньи. Когда мистер Балтитьюд появился в дверях, все школьники устремили на него взгляд.

— Прошу на середину, — сказал доктор Гримстон, стоявший у своего стола, — чтобы товарищи могли видеть.

Пол подчинился и встал там, где ему было велено, чувствуя себя так, словно из него вынули все кости.

— Кое-кто, возможно, удивится, — начал док-

тор Гримстон внушительным басом, — почему я созвал всех сюда, но большинство живущих под моей крышей знают и, надеюсь, одобрят мои мотивы. Если есть одна добродетель, которую я особенно старательно пытался укоренить в ваших душах, это скромность и сдержанность в отношении с представительницами противоположного пола. В основном я в этом преуспел, но мне тем более больно говорить, а вам, наверное, слышать о том, что среди вас завелся негодяй, достигший немалого искусства в плетении сетей для улавливания неопытных девиц. Полюбуйтесь на него — вот он стоит перед вами во всей бесстыдной наготе моральной распущенности. — В таких случаях доктор не скупился на самые звучные эпитеты, и Пол сам почувствовал себя негодяем. — Вот он, низкий распутник, юный летами, но умудренный во всем остальном, ловелас, который, не колеблясь ни минуты, сочинил любовное послание, столь ужасающее своей фамильярностью и откровенностью, что я не могу заставить себя оскорбить ваш слух пересказом его содержания.

Вы справедливо отторгали его как морального урода. С прискорбием сообщаю вам, что он не только преследовал своим вниманием юную и

неразумную особу, но и воспользовался священным зданием церкви, чтобы там втихомолку продолжать ухаживания и заставить свой предмет написать ему ответное письмо.

— Если же, — грохотал докторский голос, — я сумел бы внушить этому трусу, этому жалкому сердцееду, что его увлечения несовместимы со здоровой жизнью подростка, если бы он осознал пагубность своего поведения, если бы страдания его плоти оставили бы какой-то след на том, что выполняет у него роль сердца, тогда, значит, я поднял на него руку не напрасно. Тогда он поймет, что никому не позволено пачкать грязью доброе имя школы, топтать, словно церковную подушку, мою репутацию как наставника юношества. Я сказал все. Не буду продолжать свои упреки при всей их заслуженности. Достаточно. Перейдем к главному. Ричард Балтитьюд, стой, где стоял, а я сейчас вернусь и воздам тебе по заслугам.

С этими словами доктор вышел из классной комнаты, оставив Пола в состоянии смятения и ужаса, каковое нет нужны особо описывать. Никогда и ни за что не станет он шутить с Диком, как бывало, насчет телесных наказаний в этой теме нет ничего смешного. Если этот позор запятнает его честь, он больше никогда не сможет

ходить с гордо поднятой головой. Не дай бог об этом еще узнают и в Сити!

Ученики, впавшие в оцепенение от красноречия доктора, теперь пришли в себя, оживились и стали подшучивать над торчавшим как перст мистером Балтитьюдом.

— Он пошел за тростью, — сказал один и, взяв линейку и нанеся ею несколько ударов по учебнику, с удивительной достоверностью изобразил Полу, что его ожидает. Другие подвергли его перекрестному допросу насчет любовной переписки, причем из их реплик выяснилось, что очень многие удостоились чести получать послания от бесхитростной Конни Давенант.

Поразительно, до чего бесчувственными временами становятся самые добродушные дети.

Чонер сидел, сгорбившись, и потирал руки, словно злобный орангутанг.

— Я же предупреждал тебя, Дики, — пробормотал он, — что лучше не становиться поперек пути.

Но доктор задерживался. Кто-то любезно подсказал Полу, что он, похоже, натирает трость воском. Но более распространенное мнение сводилось к тому, что Гримстона задержал какой-то посетитель, ибо некоторые, в отличие от Пола,

слышали, как у входа звонил звонок. Напряжение нарастало и делалось невыносимым.

Наконец дверь медленно отворилась, и вошел доктор. В его облике что-то явно изменилось. Его пыл поугас, и хотя лицо его было все еще мрачным, но глаза не метали молний. Кроме того, в руках у него ничего не было.

— Выйди-ка, Балтитьюд, — сказал он.

И Пол проследовал в холл, не понимая, отменяется ли экзекуция или просто переносится в другое место.

— Может быть, хоть это заставит тебя устыдиться и пожалеть о содеянном, — сказал доктор, когда они оказались в холле. — В Обеденном зале тебя ждет твой бедный отец.

Пол чуть не упал в обморок. Неужели у Дика хватило наглости приехать посмеяться над его участью невольника? Зачем он это сделал? Что они скажут друг другу? Единственным откликом на слова доктора стал его оторопелый взгляд.

— Я еще не видел его, — продолжал доктор, — и приехал он в самый неподходящий момент. — С этим мистер Балтитьюд никак не мог согласиться. — Я решил предоставить тебе возможность увидеться с ним и рассказать о твоем поведении. Я понимаю, как это ранит его доброе сердце, —

сказал доктор и ушел, оставив Пола одного.

Со странной смесью гнева, стыда и нетерпения Пол взялся за ручку двери. Сейчас он увидит Дика. Сейчас между ними состоится решающий поединок. Кто же окажется победителем?

Было странно видеть в Обеденном зале свое зеркальное отражение прежнего себя. Это сбивало с толка, ошеломляло. Трудно было поверить, что за этим полным джентльменом скрывался мальчишка. Какое-то время мистер Балтитьюд так и стоял смущенный и бессловесный перед своим недостойным сыном.

Дик тоже был явно смущен. Он неловко усмехнулся и сделал попытку пожать Полу руку, что последний гневно отверг.

Присмотревшись, Пол отметил, что его точная копия порядком поиспортилась с того проклятого вечера. Тогда это было безупречно верное в мелочах воспроизведение его облика. Сейчас же на мистера Балтитьюда глядела карикатура.

Лицо было желтоватое, а нос красноватый. Кожа обвисла, глаза были в кровяных прожилках. Но основное различие заключалось в одежде. Дик был в старом твидовом спортивном пиджаке и просторных брюках из синей саржи. Вместо формального шейного платка, который отец по-

вязывал вот уже четверть века, сын обмотал шею шарфом грубой яркой расцветки. Традиционный цилиндр уступил место потрепанной старой шляпе с широкими полями.

В общем, на Дике был костюм, который хоть немного себя уважающий британский коммерсант не рискнул бы надеть даже для загородной прогулки.

Глава 14
Не рассчитал

Первым нарушил неловкое молчание Пол.

— Ты юный негодяй, — сказал он, еле сдерживая ярость. — Что ты, черт возьми, расхихикался?! В этом нет ничего потешного ни для тебя, ни для меня!

— А по-моему, это очень смешно, — признался Дик. — У тебя такой уморительный вид.

— Уморительный! Куда уморительнее! Я провел самую кошмарную неделю за всю мою жизнь.

— А! — заметил Дик. — Я подозревал, что не все будет гладко. Но судя по твоему письму, ты все же получаешь удовольствие, — добавил он с усмешкой.

— Зачем ты сюда заявился? Неужели ты не мог наслаждаться победой дома — нет, тебе еще понадобилось приехать и глумиться надо мной!

— Не в этом дело. Я просто хотел посмотреть на ребят и на тебя.

Откровенно говоря, главная цель его визита заключалась совсем в другом — Дику не терпелось взглянуть на Дульси.

— В таком случае, да будет тебе известно, друг мой, — сказал мистер Балтитьюд с тяжеловесным сарказмом, — что дела у меня идут отлично — просто из рук вон! Твои друзья ночью колотят меня шлепанцами, а днем пинают ногами, словно чертов футбольный мяч. Вчера вечером меня исключили из школы, но сегодня простили, заменив исключение публичной поркой, и она не состоялась только из-за твоего появления, но я полагаю, ее просто отложили.

— Ничего себе, — присвистнул Дик. — Ты даешь! Меня еще ни разу не собирались исключать. Опять, небось, Чонер настучал? А что же ты отмочил?

— Ничего, клянусь тебе — ничего! Просто всплыли твои грехи — и за них хотят выпороть меня.

— Не беда, — утешительным тоном произнес Дик, — за семестр ты все их успеешь искупить. Особых проказ у меня не было. А что, он увидел мое имя, вырезанное на его письменном столе?

— Про это мне ничего не известно, — сказал Пол.

— Если бы он увидел, то ты бы про это живо узнал, — хмыкнул Дик. — Порка была бы обеспечена. Но в конце концов, что такое порка? Мне

плевать на порку!

— Зато мне вот не плевать! И я этого не вынесу… Дик, — спросил он вдруг в приливе надежды. — Ты случайно приехал не для того, чтобы сказать, что тебе надоело дурачиться? Ты не решил оставить эту затею?

— Нет, — отрезал сын. — С какой стати?! Ни уроков, ни зубрежки, сплошные развлечения! Масса денег, ешь и пей, что душе угодно! Нет, от такого я не откажусь!

— Тебе не приходило в голову, что твое поведение подпадает под статью закона? — осведомился отец, решив напугать сына. — Да будет тебе известно, что выдача себя за другое лицо с мошенническими целями является преступлением. Этим-то ты и занимаешься сейчас.

— Ты тоже, — возразил Дик. — И не я первый начал. Ты захотел стать мной, ну а я — тобой. Ты стал, кем хотел, чего же теперь жаловаться?

— С тобой, я погляжу, спорить бессмысленно, — сказал Пол. — Ты бесчувственный негодяй. Но я хочу тебя предупредить. Не знаю, в мое ли тело вселилась твоя бестыжая душа или нет, но очень похоже, что в мое. Так или иначе твой нынешний образ жизни может тебя погубить, если ты не проявишь благоразумие. Неужели ты считаешь,

что человек твоих лет, вернее моих лет, может выдерживать сладости, крепленые вина, ночные бдения? Через день-другой ты свалишься от приступа подагры. Можешь ничего мне не говорить. Я вижу, что тебя сейчас мучит несварение желудка. Я вижу, что твоя — или моя — печень сейчас пошаливает. Я это вижу по твоим глазам.

Дик встревожился, но сказал:

— Если я расхвораюсь, то всегда могу попросить Барбару взять камень и велеть ему снова превратить меня в меня. Это ему раз плюнуть.

— Раз плюнуть! — простонал мистер Балтитьюд. — Скажи мне, Дик, неужели ты появляешься в моей конторе в этом шутовском наряде?

— Когда я туда езжу, — как ни в чем не бывало отвечал Дик, — я действительно надеваю этот костюм и эту шляпу. А что? Костюм просторный, и я терпеть не могу цилиндр. Я им насытился здесь по воскресеньям. Но в конторе у тебя скукотища. Клерки не умеют поразвлечься. Но я на днях соорудил отличную ловушку. Когда какой-то желтолицый старик пришел к тебе, то не успел он открыть дверь, как — бах! — на голову ему свалилась корзина для бумаг.

— Как его звали? — с трудом сдерживая ярость, спросил Пол.

— Что-то вроде Шеллза. Он представился моим старым другом, но я сказал ему, что он врет.

— Шеллак? Мой корреспондент из Кантона? Человек, которому я мечтал угодить, когда он объявится в Лондоне! — взвыл мистер Балтитьюд. — Несчастный щенок! Ты не понимаешь, что натворил.

— Не все ли тебе теперь равно? — спросил Дик. — Ты же отошел от дел.

— И долго ты собираешься держать меня так? — осведомился мистер Балтитьюд.

— Да хоть всю жизнь, — честно признался Дик. — Интересно будет посмотреть, кто из тебя вырастет — если ты, конечно, будешь расти. Может, ты навсегда останешься таким, как есть. Кто их разберет, эти талисманы…

Это предположение взбесило Пола. Он шагнул вперед и, вперив в сына горящий взор, процедил сквозь зубы:

— Думаешь, я с этим так легко смирюсь? Может, я больше никогда не стану самим собой, но я не собираюсь подыгрывать тебе и тем самым ускорять свою погибель. Ты не сможешь держать меня здесь вечно, и где бы я ни оказался, я буду рассказывать о приключившемся. Ничего у тебя не выйдет. Ты, неуклюжий осел, не сможешь сыг-

рать свою роль убедительно. Ты сразу же выдашь себя с головой, как только я потребую, чтобы ты опроверг мой рассказ. Господи, да я сделаю это прямо сейчас. Я разоблачу тебя перед доктором. Перед всей школой. Посмотрим, удастся ли тебе так легко от меня избавиться!

Сперва Дик отпрянул в испуге, боясь, что не сумеет достойно выдержать такое испытание, но когда Пол закончил, упрямо сказал:

— Дело хозяйское. Я не смогу тебе помешать. Но какой тебе от этого будет толк?

— Все узнают, что ты наглый самозванец, — сурово произнес Пол, направляясь к двери, словно желая позвать доктора, хотя в душе страшился такого рискованного шага.

Несмотря на его непреклонные слова, движения его были нерешительны, что тотчас же заметил Дик, сказавший:

— Стой! Сперва послушай меня. Видишь это? — И, распахнув полу пиджака, вынул из внутреннего кармана цепочку для часов, к которой какой-то дешевой позолоченной железкой был прикреплен камень Гаруда. Пол сразу узнал его. — Не подходи, — грозно прикрикнул он на отца, когда тот двинулся к нему, сам не зная, зачем. — Хочу честно тебя предупредить. Ты можешь мне

сильно испортить жизнь. И я сейчас не смогу тебе помешать. Но если ты посмеешь это сделать, пеняй на себя. Если ты не будешь помалкивать, когда придет доктор, то я тотчас же вернусь домой, отыщу малыша Роли, дам ему камень и велю повторить за мной желание. Камень этот на многое способен. Если ты окажешься вместе с этой школой — за исключением Дульси — где-нибудь на необитаемом острове или превратишься в индейца или в лошадь лондонского кебмена, то можешь сказать за это спасибо только себе. А теперь зови всех и побыстрее!

— Нет, — удрученно сказал Пол. При всей дикости угрозы он боялся сбрасывать ее со счета, ибо успел уже убедиться в силе камня. — Я... я пошутил, Дик. Я не хотел. Как ни печально это говорить мне, отцу, но ты взял верх. Я сдаюсь. Я не буду тебе мешать. Только у меня одна просьба: больше не ставь опыты с этим камнем, ладно? Обещаешь?

— Ладно, — сказал Дик. — Я буду играть честно. Пока ты не станешь возникать, я не прикоснусь к камню. Я не хочу тебе зла. Я лишь намерен оставаться тем, кем стал.

— А ты его не потеряешь? — тревожно осведомился Пол. — Может, положишь в стол и запрешь

на ключ? А то цепочка эта не внушает мне доверия.

— Сойдет. Часовщик на углу прикрепил его мне за шесть пенсов. Но, пожалуй, я потом вставлю кольцо попрочнее.

Разговор угас, казалось бы, насовсем, но затем Дик сказал, словно пытаясь избавиться от уколов совести:

— Лучше смирись. Все равно ты ничего не изменишь. Да и, в общем-то, быть мальчиком неплохо. Ты мало-помалу привыкнешь и начнешь радоваться жизни. И мы с тобой поладим. Я не буду тебя притеснять. Я не виноват, что ты оказался именно в этой школе. Ты ведь сам ее выбрал для меня. А по окончании семестра ты можешь перейти куда-нибудь еще — в Итон или Регби. Я не постою за расходами. А хочешь — я найму тебе частного преподавателя. Я куплю тебе пони, и ты сможешь на нем кататься, сколько душе угодно. Ты будешь жить лучше, чем я, если не станешь мне мешать…

Но эти радужные перспективы не произвели впечатления на мистера Балтитьюда. Только полное восстановление в правах могло его удовлетворить, и он был слишком горд и зол, чтобы прикинуться обрадованным.

— Не нужен мне твой пони. — резко сказал он. — И белый слон тоже не нужен. Да и в Итоне с Регби мне вряд ли будет лучше, чем здесь. Будем называть вещи своими именами. Ты победил, а я проиграл. Я ничего не скажу доктору, но предупреждаю: настанет час…

— Ладно, ладно, — перебил его Дик. Избавившись от главной опасности, он обрел самоуверенность. — Ты не упустишь шанса перехитрить меня. Это только честно. Моя же задача — не дать тебе его. А как у тебя с деньжатами? Не подкинуть?

Пол отвернулся, чтобы Дик не заметил на его лице внезапной радости, и сказал, стараясь говорить спокойно:

— Я уехал с пятью шиллингами. Сейчас у меня нет ничего.

— Ничего себе! — воскликнул Дик. — На что же ты промотал их всего за неделю?

— В основном на мышей и кроликов, — пояснил Пол. Твои товарищи потребовали назад деньги, якобы уплаченные за эту живность.

— Ты сам виноват. Зачем велел их утопить? Но я дам тебе немного. Сколько же? Полкроны хватит?

— Маловато, Дик, — сказал отец робким го-

лосом.

— Весьма щедрое вспомоществование школьнику твоих лет, — напомнил Дик. — Но у меня нет монет по полкроны. Держи-ка!

И он протянул Полу соверен, который тот схватил, на радостях потеряв дар речи. Впрочем, за что ему было благодарить сына? Ведь то были его кровные деньги!

— А теперь берегись! — сказал Дик. — Идет Грим. Помни, что я тебе сказал. Никаких фокусов!

Доктор Гримстон вошел с видом человека, вынужденного исполнить тяжкий, но необходимый долг.

— Я надеюсь, — важно начал он, — что ваш сын избавил меня от необходимости знакомить вас с подробностями его возмутительного проступка! К несчастью, я не могу охарактеризовать это иначе, как вопиюще возмутительный проступок!

Несмотря на изменившуюся наружность, Дик чувствовал себя неуютно в присутствии директора. Он стоял, красный как рак, переминался с ноги на ногу и никак не мог заставить себя посмотреть на своего собеседника.

— Да, — наконец проговорил он. — Вы вроде бы собирались его выдрать, но тут, откуда ни

возьмись, появился я.

— Я был вынужден это сделать, сэр, — отвечал доктор, слегка удивленный манерой визитера изъясняться, — я был обязан сурово покарать его поведение в присутствии всей школы. Я понимаю, что это вас огорчает, но правды не утаить. Он, несомненно, во всем вам признался.

— Нет, — сказал Дик. — Не признался. Что же этот шельмец натворил?

— Я надеялся, что в присутствии отца ваш сын проявит большую откровенность. Но значит, это придется сделать мне. Я знаю вашу щепетильность в проблемах морали, дорогой мистер Балтитьюд. — Услыша это обращение, Дик глупо хихикнул. — Печальная истина состоит в том, что я уличил вашего сына в тайной любовной переписке с некой юной особой под священной крышей церкви.

— Ничего себе! — присвистнул Дик. — Скверно! — И он неодобрительно покачал головой, глядя на отца, которого так и подмывало разоблачить лицемера, хотя это было исключено. — Плохо! В его-то годы… Негодный щенок!

— Я и ожидал услышать от вас слова негодования, — отозвался доктор, на самом деле несколько шокированный тем спокойствием, с которым

воспринял эту весть его собеседник. — Безоговорочное отцовское осуждение, какое мы сейчас услышали, должно пробудить остатки совести в испорченном подростке.

С огромным трудом Полу удалось сдержать негодование.

— Вы правы, сэр, — сказал Дик. — И его за это надо как следует отчитать. Но не следует быть слишком строгими. В конце концов, это природа…

— Прошу прощения, сэр? — сухо произнес доктор Гримстон, с трудом скрывая неудовольствие.

— Я хочу сказать, — начал Дик, чуть было не ткнув его дружески-игриво кулаком в ребра, — что все мы грешили этим в мое время. Я, по крайней мере, такое писал и не раз…

— Я не могу упрекнуть себя в подобном, и позвольте заметить, мистер Балтитьюд, что такое снисходительное отношение к случившемуся способно свести на нет действенность только что выраженного вами негодования. Поймите меня правильно, сэр.

— Да, это верно, — поспешил согласиться Дик, видя, что дал маху. — Но вы еще не отодрали его?

— Я как раз направился за тростью, когда мне

доложили о вашем приезде.

— Вряд ли стоит возвращаться к этому после моего отъезда, доктор…

— Древний философ, мой дорогой сэр, имел обыкновение наказывать своих невольников лишь после того, как угаснет первый костер негодования. Он полагал, что…

— Философия — великая вещь, — перебил его Дик, пока Пол стоял и страдал всей душой. — Но может, имеет смысл простить его сейчас. Он больше не будет. А если снова примется за подобное, так я приеду и растолкую ему, что к чему. Это послужит ему уроком. Отпустите его с миром.

— Не могу противиться такой просьбе, — сказал доктор Гримстон, — хотя, со своей стороны, я убежден, что несколько ударов тростью сделали бы урок более наглядным. Просил бы вас еще раз подумать, прежде чем выразить окончательное сужение по этому поводу.

Пол слушал доктора с неописуемой тревогой. Он уже решил, что беда прошла стороной. Но кто знает, вдруг Дик умоет руки или перейдет на сторону его врага — в новом обличье это было бы вполне естественно…

К счастью, этого не случилось.

— Я бы все-таки его простил, — неловко про-

говорил Дик. — Я лично не одобряю телесных наказаний. Мне они, например, не приносили никакой пользы.

— Ну что ж, вы меня уговорили. Ричард, отец заступился за тебя, и я не могу игнорировать его пожелание, хотя у меня на этот счет есть свое мнение. Я готов забыть твое недопустимое поведение, если ты, конечно, не совершишь чего-то подобного. Поблагодари отца за доброту, которой ты явно не заслуживаешь, и попрощайся с ним.

— Он исправится! — воскликнул Дик. — Я не сомневаюсь. Кстати, сэр, — вдруг спросил он. — А где сейчас Дульси?

— Моя дочь? Вы хотите с ней увидеться?

— Ничего не имею против, — сказал Дик и густо покраснел.

— К сожалению, она ушла на прогулку с матерью и вернется не скоро, — пояснил доктор Гримстон. Дик помрачнел.

— Ну ладно, — пробормотал он. — Как она себя чувствует?

— Она редко хворает, а сейчас она в прекрасном самочувствии, сэр.

— Правда? — сказал Дик не без огорчения, возможно, при мысли о том, что его отсутствие никак не опечалило его возлюбленную, и не по-

дозревая, что отец заменил его в этой роли.

— Ну, а мог бы я увидеться с ребятами?.. Нельзя ли осмотреть вашу школу?

— Увидеть моих учеников? Разумеется, сэр. Прошу!

И доктор повел гостя в класс. Пол двинулся за ними из любопытства. Доктор распахнул первую обитую зеленым сукном дверь и сказал:

— Вы застанете их в трудах.

За второй дверью слышался гул голосов, но когда отворилась вторая дверь, оказалось, что все до одного поглощенно склонились над учебниками, и сосредоточенность эта была приведена в действие движением дверной ручки.

— Наша мастерская, — весело сказал Гримстон, оглядывая класс. — Первый класс, мистер Балтитьюд. Хорошие работники. Но попадаются и бездельники.

Дик застыл в дверях с видом глуповатым. Он хотел насладиться контрастом между прошлым и настоящим — из-за чего, кстати «ребята» так любят посещать школы, где учились, но увидев своих бывших соучеников, он вдруг испытал страх возможного разоблачения.

Школьники вели себя, как и положено в таких случаях. Хорошие ученики самодовольно

улыбались, ученики похуже глупо таращились. Дик не сказал ни слова, охваченный приступом смущения и тревоги.

— Это Типпинг, старший ученик, — сообщил доктор, потрепав того по плечу. — Я ожидаю от него прочных успехов.

— Голова у него прочная, — признал Дик, однажды разбивший о последнюю костяшки пальцев.

— Второй ученик, Бидлкомб. Если он приложит усилия, то прославит и школу, и учителей.

— Как дела, Бидлкомб? — спросил Дик. — Я тебе должен девять пенсов… то есть… В общем, вот шиллинг. Привет, Чонер, — продолжал он, одолев первоначальную нервозность. — Как дела? Все ябедничаешь небось?

— Вы его знаете? — наивно удивился Гримстон.

— Нет, нет, не знаю, но наслышан. Наслышан.

Чонер попытался изобразить на лице самодовольную ухмылку, а его соседи захихикали с явным ликованием.

— Ну что ж, — сказал Дик, обозрев знакомые лица и предметы. — Мне пора. Меня ждут вечером важные дела. Ваши ребята выглядят неплохо, прямо-таки хочется опять стать школьником. До

свиданья, друзья. Всего наилучшего.

И он удалился, оставив класс в убеждении, что старик Дика Балтитьюда не так уж плох.

Дик задержался у входной двери, до которой его проводили доктор Гримстон и Пол.

— До свиданья, — сказал он. — Жаль, что не увидел Дульси. Но ничего не поделаешь. Прощайте. А ты, — обратился он к отцу, стоявшему в удручении, в которое его привело несообразное поведение сына, — помни, что я тебе сказал. Никаких фокусов!

Когда он весело побежал по ступенькам к воротам, доктор проводил взглядом странно одетую неуклюжую фигуру и важно наклонил седую голову в ответ на взмах руки Дика. Затем он спросил Пола сочувственным тоном:

— Ты не в курсе, Ричард, у твоего отца нет неприятностей по работе?

На это мистер Балтитьюд, обуреваемый самыми мрачными чувствами, так и не сумел внятно ответить.

Глава 15
Рубикон

Пол не помнил, как провел остаток дня. Ему было велено вернуться в класс, где шел урок то ли латинского, то ли греческого. К счастью, он избежал необходимости активного участия в работе, поскольку мистер Блинкхорн в очередной раз проявил к нему снисходительность и оставил в покое как ученика, которому в один день довелось выслушать решение об исключении, суровое порицание, пережить ожидание порки и визит отца. Его сотоварищи, однако, не выказали таких рыцарских чувств, и Полу пришлось выслушать немало шуток и насмешек в свой адрес, а также вопросов насчет того, что с ним произошло в Обеденном зале, и откровенных комментариев по поводу одежды и манер его сына.

Но он снес все безропотно. Он толком не обратил на это внимания, поскольку его мысли были заняты одним — как совершить побег.

Благодаря расточительной щедрости Дика теперь у него хватало денег, чтобы добраться до дома. Маловероятно, что кто-то пожелает

предъявить ему новые финансовые претензии, тем более что он не собирался оповещать мир о пополнении своего кошелька. Он решил сбежать при первой же удобной возможности.

Но когда она представится? Он не мог долго ждать. В любой момент ему угрожали тумаки или трость за какое-то, пока неизвестное ему прегрешение. К тому же золотой ключик, способный отпереть врата темницы, может потеряться. Длинная цепь неудач научила мистера Балтитьюда с недоверием относиться к капризам фортуны, даже когда она ему улыбалась. К некоторым бедолагам эта дама относилась особенно неблагосклонно.

Но несмотря на приобретенные средства и страстное желание, он чувствовал, что не в силах заставить себя сделать решительный и чреватый опасностями шаг. Это напоминало его неудачные попытки объясниться с доктором.

Мог ли он положиться на себя? Мог ли он удачно распорядиться благоприятным моментом или неверие в свои силы и невезение снова парализует его волю?

Да и сделав первый шаг, сумеет ли он осуществить весь план? Хватит ли у него хладнокровия и осторожности? Вряд ли побег пройдет без сучка

без задоринки. Не откажет ли ему смекалка и находчивость в непредвиденных обстоятельствах?

Если он не в состоянии дать на эти вопросы утвердительные ответы, не безумие ли пускаться в столь рискованное странствие?

У него возникло мрачное предчувствие, что успех его предприятия будет зависеть не от его ловкости, но от недальновидности окружающих. Малейшее осложнение неизбежно приведет его в смятение.

Всю свою жизнь он занимался той отраслью коммерции, где царило относительное спокойствие в смысле конкуренции и борьбы. Его воля редко вступала в конфликт с устремлениями других, но когда такое случалось, он, как человек осторожный и предусмотрительный, избегал неприятных осложнений путем временных компромиссов или разумного использования посредников. Он привык, что коллеги видели в нем равного или смотрели на него снизу вверх.

Но теперь он должен быть готов распознать в окружающих врагов, которые передадут его в руки тирана при малейшем подозрении. Вокруг полно шпионов, соглядатаев, преследователей. Малейшая оплошность в изложении своей истории может его погубить.

Он думал об этом с тяжелым сердцем.

Любители парадоксов говорят, что солдату на войне требуется куда больше храбрости, чтобы оставить поле боя и искать убежища в арьергарде, нежели продолжать наступление на вражеские позиции. Наверное, хотя для трибунала вряд ли это может служить убедительным доводом, но так или иначе мистер Балтитьюд понял, что для побега у него не хватает духу.

Что может быть хуже нерешительности — оставаться и страдать дальше или рискнуть совершить побег? Самое же печальное состоит в том, что какой бы путь мы ни выбрали, мы оказываемся одинаково неготовыми пройти его до конца, и наша нерешительность портит все с первых же шагов.

Пол, наверное, так и не отважился бы на побег, если бы не случай во время обеда и не открытие, сделанное им после его окончания.

В тот день подали особенно нелюбимый учениками пудинг — бледная жирная масса с редкими смородинками. Пол горестно глядел на это лакомство, пытаясь найти в себе силы проглотить хотя бы кусок, как вдруг заметил Джолланда, сидевшего напротив.

Этот юный джентльмен, разделявший всеоб-

щую неприязнь к пудингу, старался привлечь внимание мистера Балтитьюда к сделанному им приспособлению, призванному помочь избавиться от этого кушанья. Смысл операции заключался в смахивании пудинга с тарелки в большой конверт, подставленный к краю стола.

Пол увидел в этом благословенный способ выйти с честью из неприятного положения, и он тут же вынул из кармана конверт, что получил от Барбары, собираясь уже последовать примеру Джолланда, как голос Гримстона заставил его испуганно вздрогнуть и спрятать конверт обратно в карман. — Джолланд, что у тебя там? — спросил доктор.

— Конверт, — пояснил тот, быстро убрав в него остатки пудинга.

— А что в нем? — спросил доктор, уже давно следивший за манипуляциями Джолланда.

— В конверте? Пудинг, сэр, — как ни в чем не бывало отвечал Джолланд, словно испокон веков пудинги в Англии пересылались по почте.

— А зачем ты положил пудинг в конверт? — спросил Гримстон тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Джолланд не мог сказать, что он сделал это из-за отвращения к кушанью, каковое намеревался

предать земле на гимнастической площадке. Поэтому он промолчал.

— Хочешь, я скажу, зачем ты это сделал? — загрохотал доктор. — Затем, что ты намеревался заполучить вторую порцию. Потому что, понимая, что не сможешь спокойно уничтожить здесь обе порции, ты решил доесть его потом. Это весьма прискорбный случай свинства! Ты доешь его при мне, а потом будешь переписывать французские глаголы в течение двух дней. Это тебя на некоторое время удержит от обжорства.

Джолланда столь неожиданное истолкование его поведения сначала ошеломило, но потом успокоило, и он стал судорожно доедать пудинг, в то время как его товарищи тотчас же заработали ложками, изображая наслаждение.

Мистер Балтитьюд похолодел при мысли, что был на волосок от беды. Если бы его поймали с пудингом в конверте, то могли бы всплыть истинные мотивы такого поведения, а поскольку Гримстон был очень чувствителен в вопросах питания школьников, он мог пострадать куда сильнее, чем Джолланд, не говоря уже о самом позоре изобличения.

Это было еще одно напоминание о тех опасностях, которым Пол постоянно подвергался в этих

стенах, но вскоре он сделал еще одно открытие, только усилившее его тревогу.

Когда все отправились на площадку, а Джолланд был услан в одну из классных комнат, Пол решил проверить, правду ли сказал Дик насчет своего имени, якобы вырезанного на письменном столе доктора.

Он украдкой подошел к столу, поднял покатую крышку и осмотрел внутренности. Да, надпись была там. Небольшие, но отчетливые, свежевырезанные буквы складывались в сочетание «Р. Балтитьюд». Дик сделал это либо из озорства, либо решив, что больше не вернется в школу после каникул.

Пол опустил крышку и содрогнулся. Стоит кому-то случайно поднять ее, и беды не миновать. Только чудо может надолго отсрочить это открытие. Когда это станет известно доктору, то, успев узнать его нрав, Пол не сомневался, что наказание последует неотвратимое и суровое.

Схватив большую медную чернильницу, Пол попытался замазать их пером. Может, они хоть не будут так бросаться в глаза! Все напрасно! Буквы проступали еще отчетливее. Пол походил на охваченного раскаянием убийцу, который пытается спрятать труп своей жертвы, который

невозможно закопать. Наконец Пол оставил попытки замести следы, окончательно испортив стол чернилами.

Это решило дело. Надо бежать, дабы любой ценой избежать порки. Если один раз его спас благоприятный случай, теперь Пол сам должен себе его создать. Он был готов на все. Бежать во что бы то ни стало.

Мистер Балтитьюд сидел на уроке, пытаясь сосредоточиться на арифметических задачках, где сложению учили на примере накладных, раздражавших его как коммерсанта своим неправдоподобием, и украдкой поглядывая туда, где во главе длинного стола вел свой урок доктор. Любое движение руки директора повергало его в ужас. Десятки раз ему казалось, что откроется крышка, и страшные буквы изобличат его.

День выдался беспокойный.

Но время шло, а стол хранил свою тайну. Стало смеркаться и зажгли газовые светильники. Младшие школьники пришли из классной комнаты на нижнем этаже и были отправлены на прогулку. Вскоре доктор отпустил и свой класс, и Пол со своими одноклассниками остался в комнате без присмотра директора.

Пол испытывал неодолимое желание встать

и, пока не поздно, броситься бежать сломя голову. Но холодный душ сомнения и страха время от времени остужал его пыл. Надо дождаться благоприятного момента. Поспешишь — людей насмешишь.

Его терпение было вознаграждено. Вошел доктор, посмотрел на часы и сказал:

— На сегодня хватит, мистер Тинклер. Пусть дети отдохнут до чая.

Мистер Тинклер, запутавшийся в сложных расчетах у доски и не заручившийся поддержкой и вниманием ни одного из учеников, был только рад воспользоваться таким приглашением, и Пол отправился на площадку вслед за остальными, испытывая чувство неимоверного облегчения.

Традиционная «охота» велась на сей раз куда с большим энтузиазмом, возможно, потому что темнота позволяла безнаказанно выкидывать разные коленца и фокусы, а также исподтишка сводить старые счеты. Когда же доктор подошел к дверям оранжереи и устремил свой взор на площадку, игра вспыхнула еще с новой силой, наконец «тюрьма» одной из сторон не оказалась битком набита пленными, взывающими к товарищам об освобождении.

Пол, неспешно выбежавший из своего лагеря,

был тотчас же взят в плен, получив излишне сильный пинок и после чего занял место в «тюрьме».

Но дух единоборства стал ослабевать. То и дело кому-то из уцелевших «солдат» удавалось, избежав погони, оказаться в лагере пленных противника и, дотронувшись до руки ближайшего узника, освободить его. Доктор снова скрылся из вида, и соперники начисто утратили интерес друг к другу. Вскоре Пол обнаружил, что он единственный пленник, о котором воюющие стороны просто-напросто позабыли.

Он почти ничего не видел в темноте, только слышал, как на другом конце площадки ученики затеяли какой-то спор. Он оглянулся по сторонам. Справа неотчетливо вырисовывались кусты, а за ними, как было известно Полу, находились ворота. Неужели наконец настал долгожданный момент?!

Он зашел за куст и стал, затаив дыхание, выжидать. Он прислушался: спор продолжался, его никто не хватился. На цыпочках он подошел к воротам. Они не были заперты.

Совершить побег оказалось нетрудно. Пол никак не мог поверить, что свободен. К тому же в кармане у него было достаточно денег, чтобы

доехать до дому, а темнота скроет его исчезновение. Он вернется, бросит вызов Дику и силой или обманом, но завладеет камнем Гаруда. В случае необходимости.

До сих пор он не сомневался, что ему не составит труда убедить домочадцев, что он это он, и завербовать их на свою сторону. Главное осторожность. Надо попасть в дом незамеченным, а затем проявить терпение и черт побери, не пройдет и половины суток, как камень окажется в его руках.

Все это время он находился в ста шагах от площадки. Надо было куда-то двигаться, решать, куда идти и что делать. Оставаться на месте было просто глупо, но куда же направиться? Куда податься?

Если он сразу же пойдет на станцию, то еще не известно, удастся ли ему сесть на поезд сразу же, без долгого ожидания. Ведь первым делом его отправятся искать на станцию и, конечно же, найдут.

Наконец с хитростью, которой он от себя не ожидал и которая явно была результатом его тяжкого школьного опыта, он разработал план действия.

«Зайду-ка я в магазин разменять соверен, —

думал он, — а заодно попрошу разрешения посмотреть расписание поездов. Если поезд скоро, я побегу на станцию, если же нет, буду ждать где-нибудь неподалеку, и появлюсь там в последний момент».

Он двинулся в сторону города и, когда дошел до улицы с магазином, вошел в первый из них, где продавались канцелярские принадлежности и игрушки. Там было множество дешевых деревянных игрушек, непонятных игр, пачек бумаги, грифельных досок, ручек и карандашей.

В помещении было душно, а хозяин, толстячок с белым лицом, окаймленном каштановыми бакенбардами, встречавшимися где-то под подбородком, сидел и что-то писал в гроссбухе.

Пол осмотрел магазин, пытаясь понять, что бы купить, и наконец произнес куда более нервным голосом, чем собирался:

— Мне нужен пенал для карандашей. Тот, что завинчивается. — Он решил, что пенал не вызовет никаких подозрений. Человечек стал показывать ему коробки со всевозможными пеналами, а когда мистер Балтитьюд выбрал один и заплатил за него, продавец осведомился, не угодно ли ему что-то еще и предложил прислать покупки «на дом».

— Вы ведь ученик доктора Гримстона из «Крайтон-хауза», да? — спросил он.

Страх изобличения побудил Пола сразу же дать опровержение: — Нет, нет, никакого отношения к этой школе я не имею. А не могли бы вы позволить мне взглянуть на расписание поездов?

— Разумеется, сэр! Наверное, ждете гостей сегодня или завтра? Сейчас посмотрим, — и он обернулся к расписанию, висевшему за спиной. — Вот поезд из Сент-Панкраса, приходит через полчаса, то есть в шесть ноль-пять, другой в восемь пятнадцать и еще один в половине десятого. А с вокзала «Ливерпуль-стрит»…

— Спасибо, — сказал мистер Балтитьюд, — но меня, напротив, интересуют поезда в Лондон.

— А! Я-то думал, вы ждете папашу или мамашу, — сказал человечек со странными интонациями. — Разве у доктора Гримстона нет расписания?

— Есть, — выпалил Пол, плохо соображая, что несет, — расписание-то есть, но не на этот месяц. Он и послал меня узнать…

— Он послал? — переспросил продавец. — Но вы, кажется, сказали, что не имеете к его школе никакого отношения.

Только теперь мистер Балтитьюд понял, в ка-

кую западню угодил. Он стоял как вкопанный и молчал.

— Я вас не выдам, — сказал человечек, добродушно усмехнувшись. — Господи, да я сразу вас узнал. Так я и поверил вашим россказням. Юный шалун!

Мистер Балтитьюд начал медленно продвигаться к двери.

— Шалун? Нет, нет, — бормотал он. — Я не юный шалун. Насчет поездов я просто так… Не беспокойтесь. Всего доброго…

— Стойте! — перебил его хозяин магазина. — Не спешите. Вы только скажите мне то, что я должен знать, и я вам помогу. Не бойтесь. Я сам учился в школе и догадываюсь, что вы задумали. Вам сильно не поздоровилось и вы решили дать деру. Точно?

— Да, — сказал Пол, ибо человек этот почему-то внушал ему доверие. — Я и впрямь, как вы сказали, хочу дать деру. Со мной плохо обошлись.

— Значит, так. Я не имею права вмешиваться, и, если вас изловят, обо мне ни гу-гу! Я не хочу терять хороших клиентов в «Крайтон-хаузе». Но вы мне нравитесь, и вы всегда были хорошим покупателем. Я вам помогу. Значит, собрались в Лондон? Зачем, это не мое дело. Скоро будет

экспресс, всего с одной остановкой. Отправляется в пять пятьдесят. А сейчас без двадцати шесть. Если вы пойдете вон по той дороге, она вас выведет на Вокзальное шоссе, и через десять минут вы будете на месте. Так что вперед и удачи вам!

— Весьма вам обязан, — растроганно сказал Пол.

Ему было внове встретить кого-то, кто предложил ему помощь. Он вышел из магазинчика, перешел улицу и быстрым шагом двинулся в указанном направлении.

Его каблуки весело цокали по замерзшей дороге. Необычное приключение и близость свободы наполняли его сердце неизъяснимой радостью.

Он миновал ряд вилл, потом церковь, затем дорога резко повернула, и он оказался на Вокзальном шоссе, что вело к станции.

Он уже слышал пронзительные свистки локомотивов и грохот вагонов на путях, отдававшийся гулким эхом от окрестных домов. Он спасен! Он у райских врат!

Обрадованный, он прибавил хода и, завернув за угол, вдруг натолкнулся на компанию из трех человек, что шла ему навстречу.

Богини судьбы еще не перестали подшучивать над Полом! Не успев прийти в себя от столкно-

вения и принести или получить извинения, он вдруг понял, что неплохо знаком с этими людьми. Это были его старые друзья Кокер, Коггс, а также Чонер, с которым он надеялся никогда больше в этой жизни не встретиться.

Моральное и физическое потрясение отняло у мистера Балтитьюда все его силы. Он стоял, тяжело дыша, под бледным фонарем воплощением растерянности и страха.

— Эй! — крикнул Коггс. — Да это же Балтитьюд!

— Ты почему так толкаешься? — спросил Кокер. — Ты что задумал?

— Если уж на то пошло, — отозвался Пол, лихорадочно пытаясь придумать причину его появления в этом месте, — то хотелось бы знать, что вы задумали?

— Мы ходили за «Сент-Джеймс газетт» для доктора, раз уж ты такой любопытный, — пояснил Чонер. — Он разрешил пойти мне и еще взять с собой Коггса и Кокера. Мне нужно было им кое-что рассказать, что я и сделал. Верно, ребята?

Коггс угрюмо промолчал, а Кокер сказал:

— Мне все равно, когда ты об этом скажешь. Хоть сегодня. Поговорим о чем-то другом. Балтитьюд еще не сказал, почему он побежал за нами.

В этих словах Пол услышал подсказку, каковой и поспешил воспользоваться.

— Ну да, — сказал он. — Мне велено было сказать вам, что доктору не нужна «Сент-Джейс газетт», он хочет «Глоб» и «Стар».

Сочетание газет не выглядело особенно убедительным. Пол назвал то, что сразу пришло ему в голову, но поскольку ученики газет не читали, то и не заподозрили неладного.

Все трое быстро зашагали к станции, и это было Полу на руку, но, к несчастью, объяснения заняли много времени, и вскоре мистер Балтитьюд услышал, как звонит вокзальный колокол. Тотчас же над станцией поднялись клубы дыма — лондонский экспресс подошел к платформе, заскрежетали тормоза, и он остановился.

Трое не торопились. В таком темпе к поезду успеть было невозможно. Пол посмотрел на спутников и сказал:

— Давайте побежим!

— Бежать? — удивился Кокер. — Это еще зачем? Сам беги, если хочешь.

— Пожалуй, я так и сделаю, — откликнулся Пол, радуясь такому разрешению. — Я побежал.

И он помчался изо всех сил, проскочил в вокзальные ворота, протиснулся между омнибусами,

пробежал под носами лошадей, запряженных в экипажи, и наконец оказался в маленькой комнатке, где была касса.

Он не опоздал, поезд все еще стоял у платформы, из трубы паровоза со свистом валил пар. Пол не хотел рисковать, путешествуя зайцем. Время у него еще было. У окошечка кассы стояла всегонавсего одна пожилая дама.

К несчастью, эта особа относилась к покупке билета как к ритуалу, где полагалось соблюдать все правила и церемонии. Она уже подвергла кассира допросу с пристрастием насчет остановок, предполагавшихся на ее маршруте, и получила уверения, что ей не придется делать пересадки. Когда подоспел Пол, она как раз выкладывала деньги за билет, но поскольку цена его была высокой, а монеты исключительно мелкими, на это требовалось немало времени.

— Виноват, мадам, — задыхаясь, прокричал находившийся на грани отчаяния Пол. — Я спешу.

— Ну вот, мальчик, ты меня сбил, — сварливо отозвалась старушка, — придется считать сначала. Молодой человек, — обратилась она к кассиру, — посчитайте вы тоже. Тут где-то ошибка в полпенса.

— Внимание! — крикнул станционный служи-

тель с плат формы. — Кто еще едет?

— Я! — крикнул Пол. — Подождите! Один билет первого класса до Лондона. Быстрее!

— Что за мальчик! — воскликнула старушка. — Ты думаешь, все перед тобой должны расступаться! Какое нахальство! Следи за своими манерами, малыш! Из-за тебя я уронила три пенса.

— Один билет первого класса, пять шиллингов, — сказал клерк, выбрасывая драгоценный билет.

— Так, все! — в тот же момент крикнул служитель. — Отойдите от края платформы!

Пол бросился в дверь кассы, что вела на платформу, но не успел дойти до нее, как она со щелчком захлопнулась перед его носом. Через прутья он видел горящими глазами, как высокие большие вагоны, сулившие покой и безопасность, тяжело громыхая, проходили один за другим, пока красный огонек на последнем из них не растворился в темноте.

Несчастная старуха разрушила его надежду в тот момент, когда она уже было стала явью. Снова не судьба!

Так Пол стоял, вцепившись в железные прутья, пока не услышал ненавистный голос Коггса.

— Эй, значит, ты не купил «Глоб» и эту вторую

газету? Они тебя не пустили?

— Нет, — безучастно отозвался мистер Балтитьюд. — Они меня не пустили.

Глава 16
Новые осложнения

Как только ворота снова открылись, Пол механически проследовал на платформу вместе с остальными. Он стоял у киоска, пока Коггс, Кокер и Чонер производили обмен газет. Он понимал, что его хитрость, казавшаяся тогда столь удачной, может еще более усугубить его положение, если вообще не погубит его план. Но он не посмел вмешаться и позволил им провести эту операцию. Его вдруг охватила немота и, погрузившись в апатию, он стоял и ждал, что еще уготовит ему судьба.

Они вышли через кассу. У окошечка по-прежнему стояла старая дама и пытала великомученика-кассира, стремясь заполучить обратно шестипенсовик, который она якобы дала ему сверх стоимости билета. Мистер Балтитьюд дорого заплатил бы за возможность как следует потрясти ее и отругать за все, что она ему сделала. Но он сдержался — если не из внутреннего благородства, то из боязни, что такая выходка лишь усугубит его проблемы.

Медленно, с опущенной головой и понурым видом, поплелся он за своими тюремщиками обратно в работный дом.

— Тебе что-то не терпелось поскорее попасть на станцию, Дики, — заметил Чонер, когда они немного отошли от вокзала.

— Боялся опоздать на чай, — пояснил Пол.

— Чай того не заслуживает, — буркнул Коггс, — это помои.

— Если уж бежать, так за чем-то стоящим, — подал голос Кокер.

И снова в беспросветном мраке безысходности Пол вдруг увидел искорку надежды. Он вспомнил старинную хитрость, с помощью которой Эдуард I, в те времена еще принц, сумел обмануть тех, кто держал его в Дуврском замке.

— Значит, за чем-то стоящим вы бы побежали? — недоверчиво переспросил он.

— Было бы за чем, — жарко воскликнул Кокер.

— Что ты считаешь «стоящим»? — подозрительно осведомился Чонер.

— Например, шиллинг.

— У тебя нет шиллинга, — возразил Коггс.

— Вот он! — сказал Пол и показал монету. — Я дам его тому, кто прибежит на чай первым.

— Балтитьюд надеется нас опередить и оста-

вить шиллинг себе, — сказал Кокер, решительно не веря в бескорыстность мотивов товарища.

— Готов биться об заклад, что я его всегда обгоню, — крикнул Коггс.

— И я тоже, — сообщил Чонер.

— Ну, что побежали? Договорились? — спрашивал Пол не без тревоги.

— Ну ладно, — согласился Чонер. — Только ты дашь нам фору — вон до того фонаря. Ты стой здесь, а когда мы будем готовы, мы тебе крикнем.

Коггс прочертил ногой линию старта для Пола, и троица отправилась к фонарю. Через несколько секунд тревожного ожидания Пол услышал, как Коггс крикнул:

— На старт! Внимание! Марш! — и тотчас же раздался топот трех пар ног.

Забег получился напряженным и волнующим. Пол увидел бегунов в свете фонаря. Чонер летел, как большой верблюд, за ним мчался Кокер, махая руками, словно крыльями. Коггс бежал последним.

Пол и сам немножко пробежал за ними, чтобы не расхолаживать соперников, а затем, убедившись, что его отчаянная уловка удалась, усмехнулся своей сметливости и помчался обратно на

станцию. Исход забега не очень его интересовал.

Он снова оказался в помещении кассы. Взгромоздившись коленями на стул, он стал изучать расписание, висевшее над копилкой для пожертвований на миссионерскую деятельность и евангельскими текстами. Следующий поезд был лишь в 07:25. Почти полтора часа ожидания! Что делать? Где скоротать это время? Если оставаться на платформе, его могут поймать. В школе его мигом хватятся, а станция — первое место, где его примутся искать.

И все же он боялся далеко отходить от вокзала. Светлые улицы и магазины казались ему ловушками, где его непременно схватят. Если же он станет блуждать по полям и лугам, то может заблудиться или — не имея часов — опоздать.

Опоздать на этот поезд было бы роковой оплошностью.

Пол вышел на платформу, миновал зал ожидания, буфет, весы, багажные тележки, не встретив ни души и никем не замеченный. Даже мальчишка в газетном киоске настолько увлекся чаем с бутербродом, что не обратил на него никакого внимания. Пол дошел до самого конца платформы.

Дальше начинался пологий спуск — к складам,

пакгаузам и запасным путям. В темноте вырисовывались смутные очертания вагонов для скота, накрытых брезентом, и открытых платформ для угля, стоявших на рельсах, тускло поблескивавших в свете газовых фонарей.

Пол вдруг решил, что такой вагон или вагонетка могут сослужить ему неплохую службу. Главное, суметь туда забраться. Осторожно перешагивая через рельсы, он дошел до возвышения между двух путей. Он двинулся по нему, пока не дошел до цепочки вагонов. Они оказались все запертыми. Наконец он подошел к вагонетке для угля, где и решил переждать и укрыться от возможного преследования, а потом сесть в поезд 07:25.

Забравшись в вагонетку, он забился в угол, прислушиваясь, нет ли признаков погони, но лишь телеграфные провода тянули над его головой заунывную мелодию.

Пол стал быстро мерзнуть, и у него заломило поясницу. Убежище не отличалось комфортом, зато было все в угольной пыли. Однако он чувствовал себя в безопасности. Вряд ли кому-то взбредет в голову искать его здесь. Еще десять дней назад мистер Балтитьюд не поверил бы, что станет прятаться в грязном вагоне от наставника

своего сына, но с тех пор слишком много невероятного оказалось возможным.

Но и тут судьба не оставила его в покое. Прошло с полчаса, и еле успел он убедить себя, что здесь его не потревожат, как дважды ударил колокол, и кто-то, возможно, начальник станции, крикнул:

— Эй! Кто-нибудь там! Инг! Пинктонз! Три вагонетки на первом пути надо прицепить к багажному поезду шесть тридцать на Солсбери. Он пойдет через пять минут.

Раздались шаги, и грубый голос над самым ухом Пола сказал:

— Эти, что ли, Томми?

— Они самые, дружище, — откликнулся Томми. — Давай пошевеливайся. Почтовый не будет стоять и ждать весь вечер, потому как и другие поезда имеются. А ну-ка, дружно взялись — лошадь на том конце старая!..

И к ужасу Пола его вагонетка медленно тронулась, поехала и ударила буферами в соседнюю. Раздалось громкое лязганье железа о железо и звон цепей.

Час от часу не легче! Вылезать опасно — его могут заметить. Но если остаться в вагонетке, то ее прицепят к поезду, который увезет его в Солсбери за сто с лишним миль от Лондона. К этому

времени Дика успеют предупредить, и не видать Полу удачи как своих ушей!

Вдалеке послышался свисток, а за ним нарастающий гул приближающегося поезда. Нельзя было терять ни минуты, по выпрыгивать на ходу Пол побоялся, поэтому он решил заявить о своем присутствии.

Встав на колени и высунув голову наружу, Пол тихо позвал: «Томми! Томми!»

Станционный служитель, до этого что-то старательно делавший внизу, глянул вверх и в ужасе отшатнулся.

— Билл! — сипло крикнул он. — Готов поклясться на Библии, что всю неделю не брал в рот ни капли. Но они опять… Билл, это снова они…

— Что там с тобой стряслось? — прорычал Билл.

— Опять кошмарики! — простонал Томми. — Только я стал толкать эту вагонетку, как из нее высунулся черт и сказал: «Томми! Ты-то мне и нужен!» Я теперь и близко к ней не подойду! Отпрошусь домой и лягу в постель. Господи, как он на меня уставился! Нет, пойду в церковь и дам обет в рот не брать спиртного. В это же воскресенье!

— Сперва проверим, что там, — предложил

практичный Билл. — Поосторожнее там с лошадью! А ну-ка! — и он вспрыгнул на буксу и заглянул внутрь. — Эй, кто там, мы не катаем чертей на этой линии… Слушай, Томми, старина, на сей раз все в порядке. Вот твой черт!

И, перегнувшись через борт вагонетки, Билл ухватил за шиворот перепуганного до потери сознания Пола и опустил его на землю.

— Это что, твой личный вагон? Тебе тут постлали постель, так? Ах ты, бродяга! А ну-ка, отвечай, зачем сюда забрался?

— Не кричи на него, Билл, — заступился Томми. Убедившись, что нечистой силы нет в помине, он сильно помягчел. — Это молодой джентльмен.

— Джентльмен он или нет, но все равно нельзя кататься в вагонетках, — нравоучительно заметил Билл. — Держи его, Томми, крепче. Поезд ждать не будет.

Томми вцепился в Пола железной хваткой и не отпускал, пока вагоны и вагонетки не были прицеплены к багажному поезду и тот благополучно не угромыхал в темноту.

Затем они столпились вокруг жертвы, с любопытством ее оглядывая.

— Послушайте! — воззвал к ним Пол. — Я сбежал из школы. Мне надо попасть в Лондон

первым же поездом. Я позволил себе спрятаться в вагонетке, потому что мог появиться директор и поймать меня. Вы меня понимаете?

— Еще бы! — сказал Билл. — Хороший же ты ученик!

— Я не хочу, чтобы меня поймали, — проскулил Пол.

— Конечно, — сочувственно произнес Томми.

— А вы не могли бы меня спрятать так, чтобы меня не нашли?

— Что скажешь, Билл? — спросил Томми напарника.

— А начальник станции?

— У меня есть немного денег, и я бы заплатил вам за хлопоты, — сказал Пол.

— Так бы сразу и сказал, — отозвался Билл. — Начальнику про это не обязательно знать.

— Вот вам полсоверена, — сказал Пол, вынимая монету.

— Эх, хороший мне черт попался, — проговорил Томми. — Если бы они все так себя вели, разве я что-то против них имел бы. На эти денежки мы выпьем и закусим — за здоровье мистера Беллогорячкинса! Пошли, сорванец, я спрячу тебя так, что сам черт не найдет, а перед поездом выпущу.

Он отвел Пола на станцию, где отпер ключом

нечто вроде кладовки, сказав:

— Тут, конечно, не ахти как чисто, зато спокойно. Мы тут держим метлы, тряпки и все такое прочее.

В кладовке была кромешная тьма, и тряпки дурно пахли, но мистер Балтитьюд был доволен. Ему было хорошо в этом новом ковчеге, хотя он успел набить синяков на ногах от рукояток метел. Но его ликование сменилось испугом, когда он вдруг услышал тяжкую поступь, а затем знакомый голос:

— Где начальник станции? Ах, вот он! Добрый вечер, я доктор Гримстон из школы «Крайтон-хауз». Мне нужно ваше содействие. Один из моих учеников имел наглость и безрассудство убежать.

— Не может быть! — воскликнул начальник станции.

— Увы, это так. Ему было у меня хорошо и покойно, но он проявил чудовищную неблагодарность. Я должен его найти. Он где-то здесь. Вы не встречали мальчика? В классе мне ничего толком не сказали.

Пол возблагодарил небеса, что ранее не обратился за помощью к начальнику.

— Нет, — говорил тот, — я не видел, но на-

до спросить кого-то из моих людей. Инг, этот джентльмен потерял кого-то из своих учеников. Вы его не видели?

— Какой он из себя? — услышал Пол голос Томми.

— Среднего роста, тринадцати лет, весьма смышленый, — пояснял доктор. — Волосы рыжеватые.

— Таких вроде бы не встречал, — отозвался Томми. — А что на нем было еще, кроме рыжеватых волос?

— Черный пиджак, серые брюки и матерчатая фуражка с кожаным козырьком.

— А! — протянул Томми. — Тогда я его видел.

— Где? Когда?

— Да с полчасика назад.

— И вы знаете, где он теперь?

— В общем-то, я, конечно, мог бы намекнуть вам, где его искать, — проговорил Томми к ужасу Пола, который, дрожа как осиновый лист, слушал диалог, проходивший у самой двери его темницы.

— Если знаешь, то говори, Инг, и не фокусничай! — распорядился начальник станции. — Прошу прощения, сэр, но меня ждут дела! — сказал он доктору и ушел.

Доктор же сердито пробурчал:

— Вы все знаете! Я заставлю вас рассказать! Если окажется, что вы меня обманули, то я напишу вашему начальству, и у вас возникнут неприятности с работой. Лучше уж говорите!

— Вот какое дело, — медленно, неохотно отозвался Томми, — юноша ваш был истинный джентльмен…

— Я прилагал к тому все усилия, результаты налицо, — сухо молвил доктор. — Но как вы пришли к такому выводу?

— Он вел себя как джентльмен. Дал мне полсоверена.

— Вы получите от меня столько же, если скажете, где он.

— Спасибо, сэр. И вы, видать, джентльмен, хотя и учитель…

— Где этот несчастный? — перебил его Гримстон.

— Выходит, я его продаю, — раздумчиво продолжал Томми с интонациями человека, готового поддаться внушению.

— Ничего подобного, мой друг. Вы… вы помогаете восторжествовать принципам морали.

— Ах вот как, — с явным облегчением отозвался Томми. — Ну тогда другое дело! Тогда я не могу по-

ступить дурно, так? Мы можем не любить учебу, школы, учителей, но без этого ведь не обойтись. Но, сэр, если я расскажу, где он, вы не зададите ему взбучку? Обещайте, что не зададите.

— Торг здесь неуместен, — сказал Гримстон. — Я поступлю с ним согласно принципам морали и здравого смысла.

— Ага! — просветлел Томми. — Вы говорите как христианин! Тогда ему достанется не слишком. Раз так, то я наведу на его след.

Если бы дверь чулана не была заперта, Пол, наверное, выбежал бы и добровольно сдался доктору, дабы избежать унизительной продажи в рабство корыстолюбивым предателем. Но волей-неволей приходилось дожидаться конца разговора.

— Видите ли, — продолжал медленно Томми, словно сражаясь с остатками сомнений, — было все так. Подходит ко мне этот юный джентльмен и говорит: «Хочу спрятаться. Я убежал из школы». А я ему в ответ: «Тут тебе делать нечего, потому как твой начальник живо тебя здесь сцапает, прошу прощения, сэр!» — «Верно, — вздыхает он, — а что делать?» — «Чего не знаю, того не знаю, — отвечаю. — Бегать нехорошо, но ежели б я дал деру и не хотел, чтобы меня заловили, то

я бы двинул в Даффертон. До него мили три и ты свободно поспеешь к лондонскому поезду». — «Вот спасибо-то; — говорит он, — двину-ка я и правда туда». И он припустил во все лопатки. Сейчас он, значит, в пути…

— Извозчик! — воскликнул доктор, как только Томми дошел до конца своего правдивого повествования. — Я поймаю негодяя! У кого лучшие лошади? Девис, я вас нанимаю! Пять шиллингов, если мы успеем в Даффертон к поезду. Возьмите…

Конца разговора Пол не слышал: хлопнула дверь экипажа и загремели колеса. Страшный человек благополучно отбыл в неверном направлении, и Пол с облегчением сел на пол среди всего этого хлама. Гроза пронеслась стороной.

Вскоре он услышал, как Томми, хихикая, зашептал в замочную скважину:

— Все в порядке, сэр? Я его услал подальше. Вы не подумали, что я вас выдам, а? Я не такой мерзавец. Особенно если юный джентльмен спасает меня от чертей и кошмаров, да еще дает полсоверена. За мной вы как за каменной стеной!

Мистер Балтитьюд провел еще полчаса в потемках. Постепенно платформа стала наполняться пассажирами. Он понял это по шарканью ног,

голосам и запаху сигар. И наконец раздался долгожданный звон станционного колокола. Подходил лондонский поезд.

Он подошел к платформе, и метлы затряслись в кладовке. На платформе началась обычная суматоха. Пол сидел взаперти, сгорая от нетерпения. Время шло, но никто его не выпускал. Он забеспокоился. А вдруг Томми о нем забыл? Вдруг в самый нужный момент его услали по какому-то делу? Пару раз ему почудилось, что он слышит свисток отбывающего поезда. Неужели он останется в этой кладовке?

Но вдруг дверь бесшумно открылась.

— Никак не мог раньше, — сообщил честный Томми. — А то начальник бы заприметил. Пора. Вот пустое купе первого класса. Я его специально приберег для вас. Садитесь.

Он помог Полу взобраться на высокую подножку и запер за ним дверь. Пол блаженно опустился на роскошные подушки, утратив на радостях дар речи. Но Томми снова возник в окне и сказал:

— На вашем месте я бы залез под диван, когда будете подъезжать к Даффертону. Вдруг ваш директор станет искать. А я вас запру.

— Я залезу прямо сейчас, вдруг кто-то меня заметил, — сказал Пол и, слишком беспокоясь о

своей безопасности, чтобы поблагодарить спасителя, полез под диван. Там как раз было ровно столько места, чтобы можно было лежать, скрючившись. Но в конце концов Полу вовсе не надо было проводить там все путешествие до Лондона. Главное, миновать Даффертон.

Увы, не успел он устроиться под диваном, как у двери купе услышал два властных голоса.

— Носильщик! Кто там! Откройте-ка дверь. Она заперта.

— Прошу сюда, — раздался голос Томми. — Там много свободных купе.

— Я не хочу туда, я хочу ехать здесь. Говорят вам, откройте!

Томми неохотно подчинился, и в купе вошли два пожилых джентльмена.

— Я всегда езжу в среднем вагоне, — сообщил первый. — Может сослужить неплохую службу при аварии. Никогда не слышал, чтобы средний вагон смяло в лепешку!

Второй, довольно хмыкнув, тяжело опустился на диван прямо над головой Пола. Поезд тронулся. Пол, недовольный вторжением, означавшим, что ему придется ехать до самого Лондона под диваном, решил, однако, что нет худа без добра. «Хорошо еще, что я залез туда до их прихода, —

думал он. — Потом бы это выглядело более чем странно!» И он стал прислушиваться к беседе своих попутчиков.

— О чем, бишь, мы говорили? — спросил первый. — Ах, да! Это было все очень печально, очень печально! Временами нас посещают странные подозрения, каковые нельзя всецело отнести на счет нашей повышенной стеснительности или, напротив, мании величия. Мы вдруг решаем, что разговор, обрывки которого слышим, относится именно к нам. Чаще всего это не так, но в один прекрасный день наши подозрения оправдываются.

Мистер Балтитьюд хоть и не мог опознать голоса, но исполнялся убеждения, что речь идет о его персоне и потому навострил уши.

— Да, — продолжал первый, — насколько я могу судить, он не хватал с неба звезд, но имел в Сити репутацию человека основательного, не склонного к авантюрам. Поэтому, когда я на днях с ним впервые увиделся, я был просто потрясен его манерами.

— Неужели? — заинтересовался второй. — Он грозил, оскорблял?

— Нет, нет. Скорее его поведение можно назвать эксцентричным. Я зашел не то чтобы по

делу, но у меня в фирме работает человек, которого ест чахотка, а поскольку, как я знал, он является попечителем одной из больниц, то я надеялся получить от него направление. Так вот, захожу я на Минсинг-лейн…

Пол вздрогнул. Да, речь шла и правда о нем!

— …прошу передать ему мою карточку, а с ней записку. Мол, если сейчас ему недосуг, то я готов посетить его дома и так далее. Но мне сообщают, что он меня примет. Клерк, что провожал меня, предупредил: «Если вы раньше имели с ним дело, то найдете его сильно изменившимся, сэр. Мы очень за него беспокоимся». Это подготовило меня к тому, что я увидел. Меня отвели в какую-то каморку, где он стоял у плиты и готовил на ней что-то неописуемое, а мальчишка-посыльный ему помогал. В жизни не чувствовал себя так неловко. Я пробормотал, что зайду в другой раз, но Балтитьюд…

Пол внутренне простонал. Новая напасть! Что ж, лучше заранее приготовиться к самому худшему.

— Балтитьюд спросил меня неловко, словно школьник-переросток: «Как дела? Кто вы такой? Не хотите карамели — она почти сварилась?» Уму непостижимо! Человек его положения средь

бела дня у себя в фирме варит карамель и потчует ею первого встречного!

— Размягчение мозгов! — предположил собеседник.

— Похоже. Он спросил меня, по какому я вопросу. Я стал объяснять. На это он сообщил, что в последнее время совсем отошел от дел. Теперь он лишь расписывается, где ему говорят клерки. Якобы он всю жизнь работал не разгибая спины, а теперь вот решил передохнуть. Бизнес он назвал «чушью собачьей»! Он сказал, что даст письмо, посоветовавшись со старшим клерком. Похоже, он в этом ничего не смыслил, но когда все закончилось, принялся задавать мне игривые вопросы с подвохом и был недоволен, что я плохо соответствую.

— Какие вопросы?

— Дурацкие! Он приставал, чтобы я ответил, что лучше: казаться большим глупцом, чем в действительности, или, напротив, быть большим глупцом, чем казаться. Потом он на полном серьезе стал требовать, чтобы, когда он скажет, что он «золотой замочек», я повторял какую-то белиберду насчет золотого ключика. Я уж не чаял ноги унести!

— Поговаривают, он пустился в сомнительные

спекуляции, — сказал второй. — Его имя упоминают в связи с явными аферами. М-да, все это весьма прискорбно!

Пол сгорал со стыда в своем укрытии. Даже если ему удастся поставить Дика на место и вернуть свой прежний облик, как он сможет прямо смотреть людям в глаза?!

Дик явно спятил. Даже школьник должен был соображать, как себя вести в таких обстоятельствах. Теперь Лондон полнится пересудами, но никто не в силах понять, что же произошло.

После этого разговор в купе перешел на более общие темы. Они говорили о риске, о страховке, об убытках и прибылях, пока поезд не стал замедлять ход и наконец не остановился. Они прибыли в Даффертон.

По всему составу захлопали двери. Кто-то явно наводил справки у каждого из купе и получал ответы. Голоса делались все различимее. Как и опасался Пол, доктор Гримстон, не обнаружив его на платформе, устроил тщательную проверку поезда, решив, что его ученик как-то ухитрился в него сесть.

Пола охватил приступ ужаса, когда дверь его купе распахнулась и его обдало ледяным воздухом. К счастью, синее покрывало дивана свешивалось

до самого пола. Кто-то поднес фонарь, и в его свете Пол увидел из-под полога верхнюю часть доктора Гримстона. Он был бледен и учтив. Он простоял в дверях несколько мгновений, внимательно оглядывая все уголки купе.

Оба пассажира закутались в пальто, дрожа от холода, и один из них вспыльчиво произнес:

— Входите, сэр, если вы собираетесь ехать. Тут невыносимый сквозняк.

— Я не собираюсь ехать, — возразил доктор, — но будучи наставником юношества, хотел бы вас спросить, не случилось ли вам видеть или спрятать маленького мальчика смышленой наружности.

— С какой стати нам прятать маленьких мальчиков смышленой наружности? — удивился человек, поведавший о своем визите на Минсинглейн. — Мы бы просили вас либо войти, либо в дальнейшем вести переговоры через окно.

— Это не ответ на мой вопрос, — возразил доктор. — У меня такое впечатление, что вы отказываетесь сообщить, видели вы мальчика или нет. Ваше поведение мне кажется подозрительным, и я буду настаивать на том, чтобы вагон как следует обыскали.

Услыша эти страшные слова, мистер Балти-

тьюд прижался к перегородке.

— Служитель! Подойдите! — крикнул первый джентльмен. — Подойдите сюда! Здесь какой-то неистовый человек, вознамерившийся обыскать вагон, так как он что-то в нем потерял. Я не допущу такого обращения, не получив всех разъяснений. Он утверждает, что мы здесь прячем мальчика.

— Я настаиваю на обыске этого купе, — пылко проговорил доктор, обращаясь к станционному служителю. Я проверил все остальные вагоны, он должен быть здесь. Я найду его, даже если мне придется ехать в город в этом купе.

— Во имя спокойствия, джентльмены, — умоляюще произнес служитель, — пусть поищет. Одолжите вашу трость, сэр. Я пошарю ею под сиденьями.

С этими словами он отодвинул в сторону доктора Гримстона и встал на подножку сам. Затем он начал шарить под диванами тяжелой тростью доктора.

Каждый тычок причинял адские мучения мистеру Балтитьюду, трость попадала в самые уязвимые места, но он терпел, стиснув зубы, дабы не выдать себя. Он боялся, что еще один такой тычок, и его местонахождение будет раскрыто.

— Нет, — буркнул служитель, — его там нет. Я все обшарил. А нет, там что-то имеется, — сказал он после того, как последний тычок трости чуть было не вышиб дух из мистера Балтитьюда. Все было потеряно!

— Только попробуйте еще раз ткнуть вашей чертовой тростью! — раздраженно произнес один из пассажиров. — Там у меня пакет. Не хватало, чтобы вы понаделали в нем дырок. Только не говорите о пакете безумцу, а то он потребует, чтобы я развернул его — вдруг я там спрятал мальчишку. Оставьте нас в покое. Бога ради, уйдите!

— Его там нет, — доложил служитель доктору. — Под сиденьями пусто. Ваш мальчик, наверное, решил поехать поездом в восемь сорок. Мы опаздываем. Отправление!

— Спокойной ночи, сэр, — сказал первый пассажир, высунувшись из окна и глядя на сбитого с толку доктора. — Вы нас потревожили самым бесцеремонным образом и все понапрасну. Надеюсь, вы найдете вашу пропажу, когда немножко придете в себя, а то бедному ребенку не поздоровится.

— Если бы вы вышли на платформу, — бушевал доктор, — я бы расправился с вами хлыстом за такое оскорбление. Мальчик в вагоне, и вы это

прекрасно знаете. Я …

Но, к великой радости Пола, поезд тронулся, оставив бешено жестикулировавшего доктора на платформе.

— Свирепый тип, хотя и школьный учитель, — заметил один из пассажиров, когда поезд набрал ход. — Еще не хватало, чтобы он тут перевернул все вверх дном!

— Да. Не дай бог, этот служитель продырявил индийскую шаль в моем пакете. Господи, а пакет-то не под диваном! Я же положил его на полку.

— Служителю просто померещилось, что под диваном что-то есть, но… Послушайте, Голдикатт, пощупайте ногой, там и вправду что-то есть.

Некоторое время мистер Голдикатт исследовал ребра Пола носком ботинка, причиняя ему немалую боль.

— Действительно! — наконец воскликнул он. — Там что-то есть. Причем не такое твердое, как чемодан или коробка для шляпы. Нечто более мягкое и податливое. Давайте попробуем вытащить это зонтиком. Наверное, надо заявить служителю на следующей станции. Господи, оно само вылезает!

Пол, испугавшись предложения доложить служителю, решил рискнуть и сдаться на милость

попутчиков. Перепачканный углем, измазанный белилами, покрытый пылью, он вылез из-под дивана и умоляюще уставился на пассажиров.

Когда прошло первое потрясение, они откинулись на сиденья и хохотали до слез.

— Так что же, юный мошенник, — сказал один, обретя дар речи, — значит, все это время ты сидел под диваном?

— Да, — признался Пол. — Я не смел вылезти.

— Значит, ты тот самый мальчишка, из-за которого поднялся переполох? А мы, значит, отшили твоего директора, не зная, что ты у нас? Потрясающе! Ну ты даешь. Давно мы так не смеялись!

— Надеюсь, я не причинил вам больших неудобств? — сказал Пол. — У меня не было другого выхода.

— Господи! Еще бы немного и твой наставник причинил бы тебе большие неудобства! Но теперь он уже нас не потревожит. Надо же, мы клялись и божились, что в купе никого нет, а ты прятался под диваном! Прелесть! У мальчишки есть мужество. И неплохие манеры! Вашу руку, юный джентльмен, мы не в претензии. Вот уж посмеялись.

— Вы… вы не выдадите меня? — пролепетал бедняга Пол.

— Будем откровенны, — сказал Голдикатт, добродушный джентльмен с розовым лицом и седыми бакенбардами. — Мы не собираемся вылезать на следующей станции и везти тебя назад в Даффертон, чтобы обрадовать твоего директора. Он не заслужил этой участи. Больно уж он грубый и вспыльчивый!

— А что, если он даст телеграмму, чтобы меня задержали на вокзале Сент-Панкрас? — обеспокоенно спросил Пол.

— На это он способен! Ты проницательный мальчуган. Но раз уж такое дело, то нам надо бы довести начатое до конца, протащив контрабандой юного озорника под носом у детективов, не так ли, Треверс?

Пассажир помоложе охотно согласился со спутником, ибо доктор имел несчастье восстановить их против себя своими неоправданными подозрениями, и теперь они, не колеблясь, решили провести его вокруг пальца.

Они обратили внимание на плачевный вид мистера Балтитьюда, и тот рассказал им о побеге и приключениях, каковые, несмотря на все сочувствие джентльменов, не удержали их от нового приступа смеха, хотя Пол и не видел в этом ничего смешного. На вопрос, как его зовут, он

предусмотрительно ответил, что Джонс. Он также придумал и другие детали своей биографии. Так или иначе, к Кентиш-тауну его спутники подъезжали весьма довольные собой и своим протеже.

В Кентиш-тауне их ожидало новое осложнение. Вместе с контролером появился и станционный инспектор.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказал он, с любопытством оглядывая купе, — но принадлежит ли кому-то из вас этот юный молодой человек в углу?

Джентльмен с седыми бакенбардами слегка смутился, но его товарищ и бровью не повел.

— Ты слышишь, Джонни, — обратился он к Полу, которого за время пути они привели в божеский вид. — Нас спрашивают, принадлежишь ли ты мне? Я надеюсь, ты ничего не имеешь против того, чтобы принадлежать в какой-то хотя бы степени своему отцу, — и выразительно посмотрел на инспектора.

Тот извинился за ошибку, добавив:

— Нам велено приглядывать, не путешествует ли в одиночку молодой человек примерно такого же возраста. Прошу меня извинить. — И он ушел вполне удовлетворенный.

Вскоре поезд въехал под широкую сводчатую крышу вокзала, под которой совсем недавно Пол стоял беспомощный и несчастный.

— Мой тебе совет, дружок, — молвил мистер Голдикатт, сажая Пола в кеб и вкладывая ему в ладонь полсоверена. — Езжай домой и все выложи начистоту отцу. Он не будет на тебя сердиться. Вот на всякий случай моя карточка, я замолвлю за тебя словечко, если понадобится. Спокойной ночи и желаю удачи. Ну ты меня и посмешил сегодня!

Кеб укатил, а спутники Пола остались на платформе. Снова оказавшись на родных шумных лондонских улицах, Пол позабыл о тех трудностях, что еще ожидали его. Впервые с тех пор, как он оказался за воротами «Крайтон-хауза», мистер Балтитьюд вздохнул спокойно.

Глава 17
Коварный союзник

При своих попутчиках Пол не рискнул назвать свой настоящий адрес, но как только экипаж оказался на Юстон-роуд, он велел кебмену высадить его у церкви, что была на южном конце Вестборн-террас. Он не посмел открыто подкатить в кебе к своему собственному дому.

Он стоял на Вестборн-террас, глядел на ряд желтых фонарей и думал, что до дома оставалось несколько сотен шагов.

Но хотя до цели было рукой подать, радость улетучилась. На смену ей вернулась тревога. Мистер Балтитьюд понимал, до чего же трудна задача, которую ему предстояло решить.

Он стоял у ограды церкви, освещенной по причине вечерней службы, безучастно слушал доносившиеся оттуда звуки органа и никак не мог заставить себя двинуться в путь и переступить порог своего дома.

Вечер выдался холодный, ветреный, по черному небу стремительно проносились светлые облака, и наконец Пол, дрожа от холода и волне-

ния, двинулся к себе.

Дальше по улице кто-то устроил званый прием с танцами. Пол видел вереницу карет с зажженными фонарями, и ему показалось, что он слышит крики слуг и свистки, которыми обычно подзывают кебменов.

Подойдя ближе, он вдруг заподозрил то, что вскоре подтвердилось. Вечеринка проводилась в его доме. Хуже того, она проводилась с размахом, способным привести в ужас всякого здравомыслящего домовладельца и отца семейства.

Балкон над входом был увешан китайскими фонариками, а в его углу Пол приметил какие-то странные предметы, весьма смахивавшие на фейерверк. Фейерверк на Вестборн-террас! Что скажут соседи!

За стеной он заметил сразу четырех шарманщиков, явно игравших по приглашению хозяина. Толпа зевак, сгрудившаяся вокруг, внимала музыке и громкому смеху, доносившемуся из ярко освещенных комнат наверху. Только сейчас мистер Балтитьюд вспомнил, что Барбара писала в письме о намечающемся детском празднике. Сегодня утром Дик ни словом не обмолвился об этом, а Пол и не предполагал, что это может случиться так скоро.

В какой-то момент ему захотелось махнуть на все рукой и в отчаянии уйти куда глаза глядят, может, даже вернуться в «Крайтон-хауз» и предстать перед гневными очами доктора. Как же объяснить все случившееся с ним семье, как добраться до камня Гаруда в этой суматохе?

Но нет, путь в «Крайтон-хауз» был ему заказан. А бродить по белу свету он тоже не отважился бы — да и удалось бы ли это ему в облике школьника с медяками в кармане?

После короткой, но мучительной внутренней борьбы он решил проникнуть в дом, осмотреться и занять выжидательную позицию. Судьба, словно в насмешку, позволила ему совершить побег, вынести столько невзгод по дороге домой с тем лишь, чтобы, вернувшись, он оказался в бедламе!

Протиснувшись через толпу, мистер Балтитьюд подошел к дому. Но он не решился войти через парадный вход во избежание объяснений с прислугой и нанятыми официантами.

К счастью, черный ход был открыт, и мистер Балтитьюд тихо прошмыгнул в кладовую, собираясь попасть в холл по лестнице для прислуги. Но тут его ожидала неудача: стеклянная дверь, что вела на лестницу, оказалась заперта, а в кухне он

услышал голоса — все это заставило его занять выжидательную позицию в надежде, что рано или поздно дверь отопрут.

Поскольку дверь из кладовой в кухню была приоткрыта, мистер Балтитьюд вполне отчетливо слышал разговоры прислуги. Но каждое новое услышанное им слово лишь усиливало его тревогу, так что вскоре он был готов отдать все на свете, лишь бы не слышать этих ужасов.

В кухне было двое. Кухарка, которая все еще в рабочем одеянии, подкреплялась ужином, читая какую-то газету, а также горничная в праздничном наряде, закреплявшая булавкой свой белый чепец.

— Они мне еще не ответили, Элиза, — посетовала кухарка, отрывая взгляд от газеты.

— Но ты же им написала только в пятницу. Когда же им успеть, — отвечала горничная.

— Ну да, я только на прошлой неделе стала понимать, что к чему… Но вот что они отвечают даме, которая испытала нечто похожее. — И она стала цитировать из газеты: «Вы спрашиваете, каковы первые признаки любовного интереса вашего возлюбленного. В этом деликатном вопросе трудно давать определенные рекомендации. Лучше послушать, что говорит ваше сердце. Впрочем,

мы готовы назвать несколько наиболее очевидных симптомов». Элиза, что такое симптом?

— Симптом, — пояснила Элиза, — это когда у тебя что-то не в порядке. У моей последней хозяйки на Кодаган-сквер был Жуткий симптом. Болела эстетизмом, бедняжка.

— Нет, это что-то не то. — возразила кухарка. — Смотри, что они пишут. «Если вам удалось внушить ему стойкое непреходящее чувство, — правда, красиво написано? — он будет постоянно появляться и местах, где вас обычно можно застать». Просто не сосчитать, сколько раз хозяин заходил на кухню на прошлой неделе! «В вашем присутствии он будет вести себя неловко и неуклюже». Давно не видела такой неуклюжести, как у хозяина. Сегодня он разбил лучшее фарфоровое блюдо! «Он будет выпрашивать какие-то пустяки, безделушки, сделанные вами собственноручно». Хозяин все время просит у меня пончики. «И если его желание исполняется, он бережно хранит эти подарки как бесценные сокровища». Ну вряд ли хозяин хранит пончики, Элиза. Я видела, как он съел пять штук. Да и как хранить пончики! Сделаю-ка ему подушечку — посмотрю, как он к этому отнесется. «Если вы различаете все эти симптомы в человеке, кого подозреваете в нерав-

нодушии к вам, то в самом скором времени он окажется у ваших ног...» Ну вот видишь, Элиза, — не без гордости сказала кухарка, дочитав до конца, — яснее не напишешь. Подумать только: чтобы хозяин оказался у моих ног! Может ли простая кухарка даже помечтать о подобном!

— Не знаю, не знаю! Где твоя гордость? Пусть не думает, что ему стоит лишь сказать слово — и ты его! На днях я читала в журнале, что граф женился на гувернантке, а по-моему, кухарка будет повыше гувернантки. Правда, и хозяин не граф, а лишь коммерсант. Но ты уверена, что он не играет твоими чувствами? В последнее время он со всеми нами очень любезничает.

— Наверняка сказать трудно, Элиза, — отозвалась кухарка с явной застенчивостью, — и право, не знаю, могу ли я так откровенничать. Ты еще молода, Элиза, и многого тут не понимаешь, по крайней мере, хочется на это надеяться (при этом Элиза, похоже, удивленно вскинула голову), но помнишь ли ты, как на прошлой неделе хозяин остался дома поиграть с детьми. Я пошла наверх за наперстком и наверху, у лестницы, столкнулась с хозяином. В руках у него был игрушечный пистолет Дика, а на голове старая шляпа. «У вас есть пропуск?» — спросил он меня, да так стро-

го, что я прямо вся обомлела. Я решила, что его что-то там расстроило. Я сказала, что первый раз слышу насчет пропуска, но если без этого никак, то я, конечно, раздобуду его. А он отвечает так мягко и нежно (тут Пол чуть не сгорел со стыда): «Нет, это вовсе не обязательно, но раз у вас нет пропуска, вы должны меня поцеловать». Я думала, что прямо провалюсь сквозь пол, так он меня ошеломил. Я сразу поняла, к чему он ведет.

— Но он и мне сказал то же самое, — возразила Элиза. — У меня, правда, оказался при себе пропуск, мне его дала мисс Барбара. Пусть только попробовал бы поцеловать меня, я бы ему надавала пощечин, даром что хозяин.

— Ты говоришь ерунду, — возразила кухарка томным голосом. — Если бы ты только при этом присутствовала. Дело не в словах, а в том, как он их произнес. И как он меня обнял. Это все равно что предложение руки и сердца!.. Я скажу тебе прямо — потом вспомнишь мои слова — у меня есть надежда!

— На твоем месте, — сказала Элиза, — я бы сделала так, чтобы он прямо и открыто объяснился в письме. Тогда, как бы дело не повернулось, считай, что в твоем кармане верных пятьсот фунтов!

— Любовные письма! — вскричала кухарка. — Это ты верно сказала, Элиза… Господи, Уильям, как ты меня напугал. Я-то думала, ты присматриваешь, как готовят стол к ужину.

— За этим присматривает человек кондитера, Джейн, — отозвался Боулер. — Я все время был возле гостиной, любовался на игры. Хозяин так потешно развлекается вместе с малышами. А ведь он был такой чопорный да серьезный! Но в благопристойном доме так быть не должно. Я рад, что подал заявление. Человеку моего положения не подобает пятнать свою репутацию, принимая участие во всем этом кавардаке. Я работал во многих домах, но такое вижу впервые. Ты только пойди полюбуйся. Да иди прямо так, они на тебя и внимания не обратят.

Кухарка не заставила себя долго упрашивать, и они с Боулером отправились по лестнице в холл и, к радости Пола, забыли запереть стеклянную дверь.

Пол следовал за ними на безопасном расстоянии и горестно размышлял над только что услышанным. «Что за жуткая женщина, — думал он, — кто бы мог подумать, что она вобьет себе в голову такое! И ее, и горничную придется уволить. Очень жаль — она прекрасно делала суп.

Надеюсь, у Дика хватило ума не писать ей… Нет, это было бы слишком…»

Сейчас он особенно горько пожалел, что не остался на гимнастической площадке «Крайтон-хауза».

Оказавшись в холле, он замешкался, размышляя, куда теперь направиться. Он собирался где-нибудь подкараулить Дика и уговорить его проявить благородство, признать право его несчастного отца, а самому с достоинством отречься от престола.

Если из этого ничего не выйдет, а причин предполагать такое было более чем достаточно, Пол пообещает разоблачить Дика перед всеми гостями. Разразится скандал, чего лучше бы, конечно, избежать, но ему, Полу, придется пойти на это или, по крайней мере, пригрозить таким скандалом Дику. За время беседы он должен изловчиться и завладеть камнем Гаруда. Без него он как без рук.

Мистер Балтитьюд осмотрелся. Его кабинет был завален детскими пальто и головными уборами, а в углу было нечто вроде бара, где подтянутая горничная недавно разливала кофе и лимонад. Она может вернуться в любой момент, а потому ему не стоит здесь задерживаться.

Да и в столовой не спрячешься. Там накрывали официанты праздничный ужин, состоявший, как мог увидеть в щелочку двери Пол, из омаров, трюфелей и розового шампанского. При виде этого его охватило мрачное ликование: не ему одному будет нехорошо от этого пиршества!

Продолжая свой путь и испытывая чувство неловкости от того, что он крадется, как вор, по своему собственному дому, мистер Балтитьюд почуял тонкий запах сигары из его особых запасов. Кто же посмел посягнуть на его сигары — вряд ли это кто-то из детей.

Запах доносился из бильярдной, расположенной в дальнем углу дома. Подойдя к двери, Пол резко открыл ее и вошел. Удобно откинувшись в стеганом кресле-шезлонге, у столика, на котором был погребец и несколько бутылок содовой, расположился человек. Закинув ноги на доску ярко горящего камина, он лениво листал журнал. Это был человек средних лет с загорелым лицом, орлиным носом, неспокойными черными глазами, густыми черными бакенбардами и широким ртом.

Пол сразу узнал его, хотя они давно уже не виделись. Это был его печально известный зять. Парадайн, «дядя Дюк», подарок которого, камень

Гаруда, и навлек на мистера Балтитьюда все его невзгоды. Пол заметил, что вид у зятя вполне процветающий, а смокинг модный и красивый. «Еще бы! — горько подумал Пол. — Этот тип живет на мои денежки вот уже неделю». Некоторое время Пол молча стоял у стойки с киями и глядел на Парадайна, а затем с холодной иронией, выглядевшей, наверное, очень забавно в сочетании с его мальчишеской внешностью, проговорил:

— Надеюсь, вы хорошо проводите время в этом доме?

Мармадюк отложил сигару и уставился на Пола.

— Очень любезно и учтиво с вашей стороны задавать такой вопрос, — отозвался он с весьма двусмысленной улыбкой, обнажившей два ряда белоснежных зубов. — Кто бы вы ни были, юноша, знайте, что я и впрямь отменно провожу время.

— Мне так и показалось, — проговорил Пол, задыхаясь от гнева.

— Ты воспитанный мальчуган, — сказал Мармадюк. — Я это сразу заметил. Значит, ты пришел сюда, потому что тебе обрыдли все эти дети и охота немного посудачить о жизни? Садись, бери сигару, если не боишься, что тебе от нее станет

нехорошо. Я бы не советовал курить до ужина, но ты человек светский и знаешь, чего хочешь. Давай, закуривай, а как почувствуешь себя нехорошо, бросай сигару.

Мистер Балтитьюд никогда не любил этого субъекта. Его страшно раздражали самодовольство и фамильярность Дюка, а теперь он возненавидел его вдвое, и все же Пол невероятным усилием воли взял себя в руки.

В его нынешнем положении он не мог позволить себе наживать новых врагов, и при всей неприязни, что он испытывал к Парадайну, хитрость последнего делала его ценным союзником. Пол решил рискнуть и рассказать ему все.

— Не узнаете меня, Парадайн?

— Боюсь, что не имею чести… Вы один из многочисленных кавалеров мисс Барбары? Впрочем, одеты вы не по-праздничному, да и в голосе слышится что-то знакомое. Я вас знаю?

— Скорее всего, знаете. Я Пол Балтитьюд.

— Надо же! — вскричал Мармадюк. — Господи, это же мой юный племянник. А я твой пропащий дядя. Не будем, однако, обниматься и целоваться, я никогда не был охотником до таких излияний чувств, но послушай, юный плут, тебя ведь не звали на вечеринку. Сейчас ты должен быть да-

леко отсюда и крепко спать в школьной спальне. Как же ты тут оказался?

— Я оставил школу, — сказал Пол.

— Понимаю! Обиделся, что тебя не позвали? Решил, значит, появиться среди торжества, как жених-призрак? Я восхищаюсь твоей отвагой, но не знаю, оценят ли ее остальные…

— Это не имеет значения, — быстро проговорил Пол. — Я должен кое-что рассказать вам. У меня мало времени. Я в отчаянном положении.

— Уж это точно! — признал Парадайн и громко расхохотался. — Потрясающе! Отчаянное положение! Страшная погоня. По пятам за тобой директор школы с розгой! Все это, конечно, очень весело, но если отставить шутки, боюсь, тебе за это сильно влетит.

— Если бы я сказал вам, — смущенно начал мистер Балтитьюд, — я это не я, совсем другой человек, но в чужом обличье, вы, наверное, станете смеяться?

— Прошу прощения, — вежливо перебил его зять, — но я что-то не совсем понимаю…

— Если я поклянусь, что я вовсе не тот несчастный мальчишка, в чьем обличье вынужден пребывать, скажете ли вы, что этого просто не может быть?

— Нет, нет, я вполне готов тебе поверить. По если ты не тот мальчик, то какой же? Извини мое любопытство.

— Я вообще не мальчик. Я ваш несчастный шурин Пол. Вы, я вижу, мне не верите.

— Прошу прощения, значит, вот оно что: вы не ваш собственный сын, но свой собственный отец. Поначалу это сбивает с толку, но не так уж и невероятно. Благодарю за разъяснение.

— Давайте, смейтесь, — горько отозвался Пол. — Вы думаете, что очень остроумны, но со временем поймете правду.

— Не без некоторой помощи со стороны, — уточнил Парадайн. — В жизни не видел такого вруна. Тебе не кажется, что ты отменно сочиняешь?

— Как мне это надоело! — воскликнул Пол. — Прислушайтесь к голосу разума и здравого смысла.

— Если мне представится такая возможность!

— Говорят вам, — не сдавался Пол, — это горькая страшная правда. Я не мальчик вот уже много лет. Я пожилой человек, которого втиснули в это жуткое обличье.

— Это как сказать, — возразил собеседник. — Честное слово, вид у тебя вполне симпатичный.

— Вы хотите свести меня с ума вашими неук-

люжими шутками?! — вскричал Пол. — Ну посмотрите на меня? Разве я говорю, разве я веду себя как обычный школьник?

— Надеюсь, что нет — наше подрастающее поколение не так уж и плохо, — отвечал Парадайн, усмехаясь своему умению неплохо ответить.

— Вы сегодня в отменном настроении. Похоже, дела ваши в порядке, — медленно проговорил Пол. — А я помню, как в свое время мне предъявили счет, выписанный вами и акцептованный якобы мной задолго до того, как я его впервые увидел. Я согласился оплатить его ради бедной Марии, а также потому, что, признай я свою подпись недействительной, ваша участь была бы плачевна. Вы не помните, как ползали в моем кабинете передо мной на коленях и клялись, что исправитесь и станете гордостью семьи? Тогда вы не были столь веселы, как теперь. А может, я ошибаюсь?

Эти слова оказали удивительное воздействие на Мармадюка. Он побледнел, глаза его забегали, он привстал с кресла и отбросил недокуренную сигару.

— Ах ты юный мерзавец! — тихо пробормотал он, тяжело дыша. — Где ты услышал эту ложь? Небось твой папаша рассказал тебе эту небылицу.

Зачем ворошить прошлое! Ах ты чертенок! Кто научил тебя подложить свинью дядюшке, который, возможно, в молодости кутил к веселился от души, но который никогда не причинял тебе ничего плохого.

— Где я это услышал? — переспросил Пол, заметив, как смутил его собеседника этот эпизод. — Неужели если бы мне было тринадцать лет, я бы знал о вас так много? Могу рассказать и кое-что еще. Спрашивайте, если не боитесь! Хотите, расскажу, как вы внезапно покинули армию? Хотите, я напомню вам детали вашей карьеры в бухгалтерской фирме Паркинсона? Могу поведать об истинных мотивах вашей поездки в Нью-Йорк? Или о том, почему ваш отец оставил вам в наследство лишь серию гравюр «Путь распутника» и в придачу шиллинг, чтобы сделать для них рамки? Я могу подробно рассказать об этом, если вы желаете послушать.

— Нет! — взвизгнул Парадайн. — Не желаю! Когда подрастешь, попроси отца купить тебе дешевую бульварную газетенку. Ты просто создан быть редактором. Меня же это не интересует.

— Ну так вы верите в мою историю или нет? — спросил Пол.

— Не знаю! Как в нее поверить? — мрачно ото-

звался Парадайн. — Как вы ее объясните?

— Помните, вы подарили Марии маленькую сандаловую шкатулку с камнем?

— Помню, но смутно. Дарил какую-то вещицу. А что?

— А то, что лучше бы я никогда ее не видел. Этот дьявольский камень и выкинул со мной такую штуку. Вам не говорили, что он обладает волшебными свойствами?

— Теперь я припоминаю — этот старый мошенник Биндабун Досс сплел какую-то историю, говорил, что это талисман, но его секрет утрачен. Я-то решил, он просто набивает цену этой штуковине. Это и понятно, учитывая, что я сделал для старого негодяя…

— Вы сообщили Марии, что это талисман. Этот ваш Биндабун был прав. Это страшная штука. Выслушайте меня — и вы убедитесь.

И затем, пылая яростью и негодованием, мистер Балтитьюд пустился излагать историю, о которой читателям уже известно. Он сделал особый упор на бесчестии и жестокости Дика и на собственных немыслимых страданиях. Мармадюк первое время слушал его, откинувшись в кресле с иронической улыбкой на лице, но в конце концов улыбка исчезла, и он выслушал

рассказ молча и с подобающей серьезностью.

Да, поведение Пола не оставляло места для прежних сомнений Парадайна. При всей своей невероятности эта история была слишком последовательна и точна в деталях, чтобы ее мог сочинить школьник. К тому же притворство в данном случае было просто бессмысленно.

Когда Пол закончил, Парадайн некоторое время молчал. Он был рад тому, что темные тайны его прошлого не стали известны не по годам смышленому подростку.

С другой стороны, новости таили в себе некоторые неприятные моменты. Его благополучие в Вестборн-террас окажется под угрозой, если он не разыграет свою партию искусно.

— Ну что ж, — наконец сказал он, метнув острый взгляд на Пола, с тревогой ожидавшего реакции зятя. — Предположим, что я скажу: в этой истории есть нечто, похожее на правду. Что я, по-вашему, тогда должен делать?

— Учитывая все то, чем вы мне обязаны, — отозвался Пол, — и узнав о постигшем меня несчастье, вы, возможно, захотите мне помочь.

— Предположим. Что потом?

— Тогда я смогу вернуть себе то, что утратил, — разъяснил мистер Балтитьюд. Он подумал, что

его шурин глупее.

— Так-то оно так, но что станет со мной?

— С вами? — удивленно спросил Пол, который как-то об этом не подумал. — Учитывая то, что я знаю о вашем прошлом, вы вряд ли можете рассчитывать на дальнейшее пребывание под моей крышей.

— Нет, конечно, — сказал Мармадюк. — Я вас понимаю.

— Но все же, — продолжал Пол, готовый на разумные уступки, — я не прочь оказать вам содействие в реализации ваших планов, оплатить дорогу в Нью-Йорк…

— Спасибо! — отозвался его собеседник.

— И даже выделить вам определенную сумму для начала новой — честной жизни. Я готов пойти навстречу и тут.

— Ослепительные перспективы, — сухо заметил Парадайн. — Вы так заманчиво все это излагаете. Но, осмелюсь напомнить, мне и здесь неплохо. Ваш сын отменно заменяет вас в вашей роли. Сильно сомневаюсь, что вы оказали бы мне то гостеприимство и радушие, каковым окружил меня он.

— Я тоже сильно сомневаюсь, — признал Пол.

— Вот именно. Не обладая вашими несравнен-

ными деловыми качествами и поразительной твердостью характера, он, однако, выгодно отличается от вас, да простятся мне эти слова, открытостью, бесхитростностью, а также верой в ближнего, в том числе и в меня.

— Говорить такое мне, — пылко возразил Пол, — это проявлять самую настоящую наглость.

— Мой дорогой Пол. Господи, как странно обращаться к такому карапузу как к своему шурину — но ничего, со временем я к этому привыкну. Я льщу себя надеждой, что приобрел некоторый жизненный опыт. Мы с вами общаемся, как любят говорить наши юристы, на расстоянии вытянутой руки. Поставьте себя на мое место — вы ведь отлично научились теперь этому. Взгляните на ситуацию с моей точки зрения. Случайно зайдя в вашу контору с целью добиться небольшого займа, я, к своему несказанному удивлению, оказываюсь принят с распростертыми объятиями. Более того, меня приглашают пожить здесь, не оговорив срок и не упоминая моих прошлых эксцентрических поступков. Я был глубоко тронут. Мне тогда показалось, что и вы были тронуты, но я решил как следует воспользоваться обстоятельствами. Куй железо, пока горячо.

— Вы решили вывести меня из себя? — поинтересовался Пол. — Уверяю вас, это нетрудно.

— Ничего против этого не имею. Я успел заметить, что с теми, кто вышел из себя, легче иметь дело. Они теряют не только самообладание, но и рассудок. Но я отвлекся. Человеку с моими нервами и мозгами для завоевания мира нужен капиталист. Даже необязательно, чтобы он был миллионером. Это отнюдь не мое первое сражение, и я знавал неудачи, но теперь до победы рукой подать. Рукой подать, сэр!

Пол простонал.

— Что же касается вас, то это не столько ваша вина, столько беда, но как делец, предприниматель вы немногого стоили. Сплошная осторожность — ни риска, ни отваги. Но зато ваш сын в этом смысле большой молодец. Мы с ним задумали несколько небольших операций — у вас бы волосы встали дыбом, услышь вы про них! Но каждая из них сулит барыши.

— На мои деньги, — прорычал Пол. — И все псу под хвост!

— Вы в этом не очень разбираетесь, — осадил его Мармадюк. — Я же нашел неплохие способы размещения капиталов

— В основном вы размещали капиталы в своих

карманах, — напомнил Пол.

— Ха-ха-ха! Неплохо сказано! Но если всерьез, то вы были всегда человеком практичным и разумным, и должны понять, что поддержать вас и разоблачить этого юного самозванца с моральной точки зрения можно и похвально, но с материальной — неразумно.

— Ясно, — мрачно произнес мистер Балтитьюд. — Значит, вы не поддерживаете меня?

— Разве я что-нибудь сказал на этот счет? Сперва я бы хотел послушать, что вы мне предлагаете.

Пол объяснил, что коль скоро камень выполняет всего одно желание того, кто им владеет, ему бы хотелось отобрать его у Дика и доверить лицу, каковое не использовало бы его в дурных целях.

— Неплохо задумано, Пол, друг мой, — улыбнулся Парадайн, — но ваш сын не такой идиот, чтобы не понимал этого. Он скорее выбросит камень в канаву или сотрет в порошок, лишь бы он не достался вам.

— Он не способен, — согласился Пол. — Более того, он угрожал сделать кое-что и похуже. Я сомневаюсь, что смогу добыть камень без посторонней помощи, но делать нечего. Придется попробовать. Дорога каждая минута.

— Учтите, — напомнил Мармадюк, — если он вас увидит, не видать вам камня, как своих ушей. Вам нужен верный, надежный человек, кого он не станет подозревать. Предположим, я рискну вам помочь. Что тогда?

— Вы?! — недоверчиво воскликнул Пол.

— Почему бы нет? — с легкой обидой сказал Мармадюк. — Ну да, вы мне не доверяете. Вы вбили себе в голову, что я неисправимый негодяй, не способный на человеческие чувства. Может быть, я это и заслужил, но поверьте, с вашей стороны это слишком жестоко. Предоставьте мне шанс, и я докажу, как вы неправы. Ваша ошибка в том, что вы слишком держитесь за прошлое. Просто я напомнил вам, отчего откажусь, если стану вам помогать. Человек может изъясняться не без цинизма, но поверьте, Пол, сохранять сердце нежное, как у цыпленка. Именно так я и устроен. Мне горько видеть, как достойный семьянин вроде вас оказывается в таком переплете. Я просто обязан вам помочь, а мои планы — ну да бог с ними. Я не требую от вас благодарности. Когда я вас выручу, можете спустить меня с крыльца. Я пойду куда глаза глядят, но меня будет греть ощущение, что я сделал доброе дело. Мой вам совет: не сражайтесь с мастером Диком в одиночку.

Предоставьте это мне.

— Если бы я смог заставить себя сам поверить! — пробормотал Пол.

— Как живет в вас старое недоверие! Неужели вы не в состоянии предположить, что у бедняги вроде меня может быть и благодарность, и бескорыстие. Ну да ладно. Я ухожу. Я позову сюда Дика. Посмотрим, так ли он глуп!

— Нет, нет, — возразил Пол. — Вы правы. Это не годится!

— Я иду поперек себя, но что делать — пользуйтесь моментом великодушия. Такой возможности может никогда не представиться. Ну что, помочь вам или нет? Говорите!

— Согласен, — неохотно проговорил Пол. — Я не знаю, где искать Боулера, да и растолковать ему, что к чему, быстро не удастся. Доверяюсь вашей чести. Что мне делать?

— Уйти отсюда побыстрее. А то он явится ко мне с минуты на минуту. Бегите играть с детьми или спрячьтесь в шкафу с фарфором, но только не торчите здесь!

— Я должен присутствовать при вашем разговоре, — не сдавался мистер Бультои.

— Чепуха! — сердито возразил Мармадюк. — Этим вы все погубите. Чьи там шаги? Черт возьми,

поздно! Прячьтесь за ширму и не выходите, пока я вам не скажу.

У мистера Балтитьюда не было выбора. Оставалось лишь быстро поставить старую складную ширму, что стояла в углу, и спрятаться за ней.

Возможно, с его стороны было не очень разумно довериться целиком и полностью новому союзнику, но что еще ему оставалось делать. Он не видел иного выхода, кроме как стоять за ширмой в бездействии, ожидая результата разговора.

Глава 18
Загнан в угол

Дик резко распахнул дверь бильярдной и застыл на пороге, держась за дверную ручку и глядя на родственника с видом добродушным, довольным, хоть и сильно осовелым.

— Вот вы где! — сказал Дик. — А я ищу вас, ищу! Что за интерес сидеть здесь? Пойдемте поиграем! Не хотите? Тогда, может, поужинаете? Я уже.

— Это заметно, — отозвался Мармадюк.

— Знаете, что я сделал, — захихикал озорник. — Ведь мне всегда мешали. Только я входил во вкус, мне говорили: «Хватит!» Так вот теперь я решил, что меня удерживать некому и спустился в столовую раньше всех. Поработал на славу. Никто не мешал. Никаких девчонок! Прелесть и только! Когда они отужинают и пойдут наверх, мы с вами угостимся еще, верно?

— Ты идеальный хозяин, — заметил собеседник.

— Отличный ужин, — не унимался Дик. — Я всего попробовал. Все такое шикарное, даже жаль малышам давать. Я правильно сделал, что пошел

первым. Как только я освоился, то увидел на столе пирог. Я попробовал, и что там, по-вашему, было внутри? Шерри-бренди! Вот это да! Я понял, что в таком виде его нельзя уже подавать гостям и сказал официантам: «Уберите! Уберите сейчас же. Пирог пьян! Разве можно показывать его детям». Но они не послушались, и мне пришлось убирать пирог самому. Но разве можно в одиночку убрать целый пирог!

— Но ты, я вижу, старался не за страх, а за совесть, — промурлыкал дядя.

— Как мы там повеселились наверху! — продолжал Дик. — Долли Меридью просто прелесть. Дульси, правда, все равно лучше. Ну что, пойдемте пускать фейерверк с балкона. Веселиться так веселиться.

— Нет, — сказал дядя. — Мы с тобой слишком для этого взрослые. Пусть веселятся малыши.

— Почему вы решили, что я слишком взрослый для этого? — обидчиво поинтересовался Дик.

— Ты уже не молод. Ты должен вести себя как почтенный старик, в соответствии с твоей наружностью.

— Почему? — спросил Дик. — Почему это я должен вести себя как почтенный старик, когда я не чувствую себя почтенным стариком? Почему

вы хотите испортить мне удовольствие? Скажу прямо: я буду делать то, что захочу. А если вы будете возражать, то я… я дам вам по б-башке!

— Нет, нет, — сказал дядя, встревоженный такой перспективой. — Ты не станешь со мной ссориться!

— Л-ладно, — согласился Дик. — Не стану. Я вообще не хочу ни с кем ссориться.

— Я знал, что ты благородный человек, — сказал Парадайн.

— И-мен-но, — бормотал Дик, горячо пожимая ему руку. — Вы то-тоже блаародный челаек. Прямо почти как я. Вы отличный парень. Мне так и подмывает рассказать вам кое-что смешное. Но нет, не сейчас.

— Можно и сейчас, — сказал Мармадюк. — Какие могут быть секреты у друзей.

— Не сейчас, — упорствовал Дик. — Надо погодить!

— А знаешь ли, друг мой, что меня в тебе удивляет? И даже наводит на мысль, что ты не тот, за кого себя выдаешь?

Дик плюхнулся на кожаную табуретку у стены.

— Что, что? — испуганно произнес он. — Не п-понял!

— Мне кажется, — продолжал Мармадюк, —

что ты актер, решивший сыграть пожилого отца семейства, но не знающий, как это сделать. Дик, юный негодяй, я тебя разгадал. Так что можешь мне выложить все начистоту. Ты меня не проведешь.

От этих слов Дик почти протрезвел.

— Разгадал! — повторил он. — Плохо дело. Значит, и другие скоро тоже меня раскусят.

— Нет, друг мой, все не так скверно. Просто я гораздо проницательнее остальных. К тому же я имел честь в свое время знать твоего достопочтенного папашу. Ты недостаточно изучил его манеры. Но ты еще научишься. Кстати, где сейчас твой достойный отец?

— С ним полный порядок, — захихикал Дик. — Он в школе.

— В школе? Не хочешь ли ты сказать, что отправил его учиться? В его-то годы? Он для этого староват. Неужели он учится на общих основаниях?

— А! В этом-то вся загвоздка, — сказал Дик. — Он с виду не стар. Я все предусмотрел.

— С виду не стар? Тогда как же ты ухитрился… Что ты сделал с бедным джентльменом?

— Это мое дело, — сказал Дик. — Вы все равно не догадаетесь.

— Ты мог сделать это лишь одним способом, — отвечал Парадайн, делая вид, что размышляет. — Так, так… Ведь я же привез твоей бедной матери камень из Индии. Мне сказали, что это талисман. Неужели ты разгадал его секрет?

— Как вы поняли? Кто вас надоумил?

— Значит, я прав? Ты смышленый мальчик. Ну так как же ты это сделал?

— С помощью камня, — мрачно проговорил Дик. Ему было неприятно, что его вывели на чистую воду, но он не мог не похвастаться. — Все придумал сам. Никто мне не помогал. Разве я плохо поступил?

— Плохо? Ты поступил гениально! — живо воскликнул Парадайн. — Значит, это натворил мой камень? Ну прямо как в сказке. Кстати, у тебя его, часом, нет при себе? Вот бы посмотреть на это чудо!

Пол почувствовал озноб. Неужели Дик расстанется с талисманом. Тогда он, Пол, спасен! Но Дик посмотрел на вытянутую дядину руку и покачал головой с пьяным лукавством.

— Нет, я не так наивен, — сказал он. — Я этот камень не отдам никому!

— Я только хотел посмотреть на него, — сказал Мармадюк. — Я не разобью и не потеряю его.

— И не мечтайте! — отрезал Дик.

— Не хочешь, как хочешь, — равнодушно отозвался Парадайн. — только когда мы с тобой немного потолкуем, возможно, ты поймешь, что мне следует доверять.

— Как это понять? — тревожно спросил Дик.

— Попробую объяснить. Выпей немного содовой, мой мальчик, тебе станет лучше. Ну, разве я не прав? Итак, я догадался только потому, что знал о камне. Остальное я вычислил. Это не значит, что остальные окажутся столь же проницательными. И если ты в будущем поведешь себя правильно, все будет хорошо, разве что…

— Разве что? — повторил Дик с интересом.

— Разве что я не поделюсь с остальными моим открытием.

— Что же вы им скажете?

— Что? Все, что знаю про талисман. Я посоветую им как следует присмотреться. Вскоре они поймут, что дело нечисто. А когда парочка приятелей отца смекнет, что случилось, твоя песенка будет спета. Ты и сам это понимаешь.

— Но вы же никому не скажете, — заикаясь, проговорил Дик. — Я к вам так хорошо относился… Это же гадко…

— Это смотря как посмотреть. Я прямо скажу

тебе как человек чести, а сильно развитое чувство чести — недостаток, с которым я сражаюсь всю свою жизнь. Так вот, как человек чести, я, наверное, должен вмешаться и положить конец этому спектаклю, разоблачить тебя как наглого самозванца и помочь моему бедному шурину восстановить свои права.

«Отлично сказано, — подумал Пол, которого уже было одолели сомнения. — Нет, у него хорошее сердце!»

— Как это тебе нравится? — осведомился Парадайн у Дика.

— Полная чушь! — совершенно искренне отозвался тот.

— Это голос совести, но ты вряд ли посмотришь на вещи под таким углом. Скажу тебе откровенно: я бедняк, для которого деньги и комфорт — то, что я имею в этом доме, — значат очень многое. Но когда персты долга, чести и семейной привязанности указуют мне дорогу, я им подчиняюсь. Время от времени. Не скажу, что я никогда не избирал кривой окольный путь, если это сулило мне большой выигрыш, или что я не изберу его в будущем.

«К чему же он клонит?» — озадаченно подумал Пол.

— Не знаю ничего насчет долга и чести, у меня башка раскалывается, — признался Дик. — Уж больно они там шумят наверху. Так вы все расскажете?

— Дело в том, мой дорогой мальчик, что когда в течение многих лет постоянно пользуешься обостренным чувством долга, оно, как и всякий другой инструмент, притупляется. Со мной, например, именно так и произошло, Дики, кажется, тебя так зовут? С годами наши способности слабеют.

— Я вас не понимаю, — беспомощно произнес Дик. — Что же вы намерены предпринять?

— Ну вот, у тебя в голове достаточно прояснилось, — с нетерпением сказал Парадайн. — И ты смекнул, что если я исполню свой долг и разоблачу тебя, твой фарс рухнет в одночасье, ты это и без меня понимаешь, верно?

— Верно, — пробормотал Дик.

— Ты также понимаешь, что если меня вынудят — я не говорю, что я это сделаю — придержать язык, остаться здесь и присматривать за тобой, чтобы ты ненароком не выдал себя, устроив нечто похожее на сегодняшнее безумие, вряд ли стоит опасаться, что кто-то разгадает твой секрет.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил

Дик.

— Предположим, что ты мне нравишься, ты окружил меня такой добротой за одну неделю, какой я не видел от твоего отца за все годы нашего знакомства. Предположим, я готов дать отдохнуть чувству долга и чести, предположим, что мы с тобой вдвоем сумеем оказать достойное сопротивление твоему папаше, если он попытается что-то сделать или сказать?

В его голосе был скрытый вызов, направленный не одному лишь Дику, и как не силился мистер Балтитьюд убедить себя, что все это сказано нарочно, его охватила тревога.

— Вы так и поступите? — взволнованно воскликнул Дик.

— При одном условии, о котором отдельно. Да, я окажу тебе содействие, мой мальчик. Я буду твоим наставником, пока не сделаю тебя бизнесменом, не уступающим твоему отцу и заметно превосходящим его по части светскости. Я покажу тебе, как можно баснословно разбогатеть. А папашу мы отправим куда-нибудь за границу, где у него не будет каникул, чтобы он нам не мешал!

— Нет, — твердо сказал Дик. — Этого не надо. Он все же мне отец.

— Делай с ним, что хочешь, он все равно не

сможет навредить тебе. Но повторяю, я сделаю это при одном условии. Оно очень простое.

— Какое же?

— А вот какое. Где-то ты хранишь камень Гаруда — может, даже в кармане. — Дик непроизвольно поднес руку к борту своего белого пиджака. — Вот видишь! Так мне нужен этот камень.

Пол облегченно вздохнул. Мармадюк все же не хитрил, он проделывал все это ради его же, Пола, пользы.

— Нет, — отрезал Дик. — Он мне самому пригодится.

— Зачем? Камень исполняет лишь одно желание.

На это Дик пробормотал, что неважно себя чувствует и думает попросить Барбару, чтобы та велела камню его вылечить.

— Я могу это сделать не хуже Барбары, — уверил его дядя. — Не упорствуй. Отдай камень. Он должен быть в надежных руках.

— Нет, — снова сказал Дик. Все это время он лихорадочно шарил по карманам. — Он останется у меня.

— Ну что ж! С тобой все ясно! Завтра с утра я отправлюсь на Минсинг-лейн, а оттуда — к поверенному твоего отца. Его контора, кажется,

находится на Бедфорд-роу, но это я уточню в фирме. После этого, юноша, вам недолго останется веселиться, так что торопитесь.

— Не уходите! Оставьте меня одного на минутку! — взмолился Дик, все еще роясь в карманах.

Тут Пол вдруг понял истинные мотивы Мармадюка, так пытающегося завладеть камнем, и это заставило его забыть осторожность. Если Парадайн надует Дика, где гарантия, что та же участь не ожидает и его, мистера Балтитьюда? Не в силах более ждать, он вышел из-за ширмы.

— Назад! — крикнул Парадайн. — Старый глупец! Теперь все полетело к черту!

— Ни за что! — сказал Пол. — Я вам не верю. Хватит мне прятаться. Дик, я запрещаю тебе доверять этому человеку.

Внезапное появление отца ужаснуло Дика так, что он отшатнулся и стоял, прислонясь к стене и тупо глядя на своего незадачливого родителя.

— Хоть ты со мной и скверно обошелся, я все же верю тебе, а не этому сладкоречивому обманщику. Погляди на меня, Дик, и скажи: неужели такое жестокое обращение не прекратится? Если бы ты знал, что я вытерпел за время общения с этими дьявольскими мальчишками, ты бы пожалел меня. Если ты отправишь меня назад в школу,

я погибну... Ты сам понимаешь, что для меня она невыносимее, чем для тебя. Ты не можешь оправдываться тем, что я неосторожно высказался и был пойман на слове. Дик, возможно, я не проявлял к тебе достаточно теплоты, но разве я заслужил все это? Прояви снисходительность ко мне и, уверяю тебя, ты не пожалеешь.

Дик пошевелил губами, в его лице мелькнуло что-то похожее на жалость и раскаяние, но он не сказал ни слова.

— Верни папочке камень, — глумливо произнес Парадайн, — и он отыщет кого-то, кто снова вернет все на свои места, а тебя отправит в школу, где станешь всеобщим посмешищем.

— Не слушай его, Дик, — взмолился Пол. — Отдай камень мне. Если он попадет в руки этому плуту, он нас всех погубит.

Но Дик поднял свое бледное лицо на претендентов и медленно произнес, с трудом выговаривая слова:

— Папа, извини. Если бы у меня был камень, я бы отдал его тебе. Но я его потерял. Он пропал.

— Пропал? — вскричал Мармадюк. — Где? Когда? Припомни, когда ты его видел в последний раз.

— Утром, — выдавил из себя Дик, вертя пустой

цепочкой, на конце которой сверкала позолоченная скрепка. — Нет, днем, — сказал и удрученно признал: — Не помню.

Пол издал душераздирающий стон и рухнул в кресло. Мгновение назад он был почти у цели. Он снова обрел влияние на сына. Он сумел затронуть его душевные струны — и на тебе! Все напрасно!

У Парадайна отвисла челюсть. Он лелеял мечты насчет того, что потребует от талисмана, когда выманит его у Дика, и лучше не любопытствовать, входило ли в его планы возвращение прежнего облика своему шурину.

Теперь его планы пошли насмарку. Камень мог быть где угодно: валяться в лондонской грязи, лежать на насыпи железной дороги, оказаться раскрошенным колесами экипажей. Было сомнительно, что даже щедрое вознаграждение поможет его вернуть. Он длинно и замысловато выругался.

Мистер Балтитьюд молча сидел в кресле, уставясь на виноватого Дика. Тот стоял в углу, глупо моргал и хныкал что-то несуразное. Смотреть на него было просто жалко.

Дети, похоже, закончили ужин, потому что сверху послышался топот танцующих ног и музыка. Ровно неделю назад это же пианино

бессердечно издевалось над ним, наигрывая веселое.

Но худшее еще было впереди. Пока они так сидели, зазвенел звонок входной двери, а затем в дверь кто-то начал сердито дубасить. Поскольку карет больше не ожидалось, прислуга давно заперла парадный вход и удалилась.

— Кто-то пришел! — крикнул Пол, пробуждаясь от апатии и бросаясь к окну, откуда был виден вход. Конечно, это мог быть кто-то из слуг, посланный забрать маленького гостя, но в глубине сознания Пола закопошилось страшное подозрение и, желая поскорее развеять его, он бросился к окну.

Это был опрометчивый шаг. Отодвинув штору, он увидел крупную фигуру в плаще с капюшоном, стоявшую на пороге. Увы, посетитель тоже увидел и узнал его.

Как завороженный мистер Балтитьюд глядел в серые сердитые глазки доктора, который злобно смотрел на него. Пол понял, что его загнали в угол.

— Все кончено, — сказал он, обернувшись к сыну. — Это доктор Гримстон. Он приехал за мной.

Дядя Мармадюк издал короткий злорадный смешок и сказал:

— Мне очень жаль, друг мой, но я ничем не могу помочь.

— Можете, — возразил Пол. — Вы можете рассказать ему все, что знаете, и это меня спасет.

— Вы плохо разбираетесь в экономике, — возразил Мармадюк. — Я всегда предпочитал не копить деньги, а тратить. Я должен печься о собственных интересах, дорогой Пол.

— Дик! — воскликнул Пол, удрученный таким откровением. — Ты говорил, что тебе меня очень жаль. Ты не расскажешь правду?

Но Дик и сам перепугался не меньше отца. Он забормотал

— Я не смогу… не смогу… После этого я не смогу вернуться в школу… Я должен спрятаться…

Что и говорить, сейчас он был не в состоянии убедить разъяренного директора в чем-либо, кроме того, что находится в состоянии, неподобающем главе семейства.

Все пропало! Поняв это, Пол выскочил из бильярдной и в холле столкнулся с Боулером, собирающимся впустить посетителя.

— Не открывайте! — крикнул он. — Пусть уходит. Это доктор Гримстон.

Боулер, явно удивившись и внезапному появлению молодого хозяина, и его паническому

состоянию, и бровью не повел. Это был представитель того вышколенного класса дворецких, кто, открыв дверь вампиру или скелету, лишь осведомится: «Как прикажете доложить, сэр?»

— Я должен поговорить с твоим отцом, мастер Дик, — пора заканчивать вечеринку. Но я ничего не скажу, — добавил он сочувственно.

Пол опрометью бросился наверх: перепрыгивая через две-три ступеньки, спотыкаясь, он испытывал чувство, что за ним гонится невидимый призрак и ставит ему подножки.

Он пронесся через оранжерею, украшенную китайскими фонариками, наполненную маленькими девочками в головных уборах из хлопушек, и их кавалеров, разглядывавших подарки. Он врезался в официанта с подносом, рассеял стайку детворы на лестнице и понесся дальше, оставляя за собой след из битого стекла. Он и сам не понимал, что должен сделать. Он подумал, не забаррикадироваться ли в своей спальне и не спрятаться ли в платяном шкафу, а может, даже залезть на крышу через люк и лестницу на последнем этаже. Он знал одно: живым он не дастся.

Никогда еще в городе Лондоне домовладелец не метался по собственному дому в таком отчаянии.

И даже будучи страшно перепуганным, он не смог не отметить абсурдность своего положения.

Он слышал, как внизу снова и снова нетерпеливо трезвонил звонок. Доктор все еще был по ту сторону двери. Но вскоре он войдет в дом, и тогда…

Кто не пожалеет мистера Балтитьюда, в судьбе которого настал переломный момент? Я сочувствую ему всей душой, но долг повествователя велит мне продолжать описывать его неистовые метания по лестнице. Так благородная серна пытается уйти от наведенного на нее ружья альпийского стрелка. Переживая за своего героя, я спешу закончить печальную историю его приключений настолько утешительно, насколько позволяют выпавшие на его долю испытания.

Глава 19
Выяснение отношений

Несчастный мистер Балтитьюд, бешено несшийся вверх по лестнице, дабы избежать поимки, был уже почти у цели. Он почти добрался до верхнего этажа, где была детская, и заметил прислоненную к стене деревянную лестницу. По ней-то он залезет на чердак, на крышу, куда угодно, где он будет недоступен преследователям. Лучше провести ночь на жестком шифере крыши, греясь у дымохода, чем в проклятой спальне номер шесть!

Но и тут судьба устроила ему ловушку. Когда до лестничной площадки оставалось несколько ступенек, Пол, к своему великому ужасу, увидел, что из детской выбежал малыш в белом халатике, подпоясанном красным кушачком, и стал осторожно спускаться вниз, держась пухлой ручонкой за перила.

Это был младший сын мистера Балтитьюда, Роли. Увидев его, бедняга отец понял, что его надежды рухнули окончательно. Теперь уж ему не исчезнуть незаметно. Даже если малыш отпустит

его с миром, его все равно нельзя будет уговорить помалкивать об этой встрече.

Мистер Балтитьюд остановился, обессиленно прислонясь к перилам. Роли узнал его и стал в восторге приплясывать, стуча по ступенькам каблучками своих бронзового цвета башмачков.

— Братик Дики! — кричал он. — Братик Дики приехал на праздник!

— Я не братик Дики, — пробормотал мистер Балтитьюд. — Ты ошибся.

— А вот и не ошибся. Знаешь, что нашел Роли?

— Не знаю, — буркнул мистер Балтитьюд, пытаясь обойти кроху, но поскольку Роли прыгал как раз посреди лестницы, это было не просто сделать. — Сейчас мне некогда. У меня… важная встреча.

— А Роли нашел интересную штучку!

Несмотря на панику, мистер Балтитьюд побоялся пробежать мимо сына, чтобы не сбить его с ног.

— Что же ты нашел? — буркнул он. — Хлопушку?

— Лучше! Угадай!

— Не могу. А впрочем, не все ли мне равно, что там у тебя!

— Смотри! — сказал Роли и медленно раскрыл

свой кулачок.

То, что увидел на его маленькой ладошке Пол, вызвало в нем такую бурю чувств, что он чуть было не потерял сознание. Это был камень Гаруда, бесценный талисман с кусочком позолоченной скрепки, которая, похоже, не выдержала веселых потех мастера Дика в гостиной, и Роли подобрал камень на ковре.

— Правда, красивый? — осведомился Роли, гордясь находкой.

— Очень! — сипло проговорил запыхавшийся отец. — Но это моя вещь, Роли. Моя! — И он попытался взять камень, но Роли быстро сжал кулачок и пропищал:

— Она не твоя. Она Роли. Ее нашел не ты, а Роли.

Пола снова охватил ужас. Неужели его корабль пойдет ко дну в гавани? Его обострившийся сверх меры слух уловил стук входной двери и отдаленные раскаты докторского баса в холле. Потом снизу на лестнице раздались шаги.

— Камень останется у Роли, — схитрил мистер Балтитьюд, — если Роли повторит за мной слова: «Я хочу, чтобы папа и братик Дик стали такими, какими были прежде».

— Это такая игра, да? — осведомился Роли, и его

лицо прояснилось. Ему было приятно, что братец Дик приехал из школы за много миль от дома, чтобы поиграть с ним на лестнице.

— Нет… то есть да! — вскричал Пол. — Это забавная игра! Повторяй за мной: «Я хочу, чтобы папа и братец Дик стали такими, какими были прежде». Если скажешь правильно, я дам тебе леденец.

— Какой леденец? — поинтересовался Роли, унаследовавший деловые инстинкты отца.

— Какой захочешь! — крикнул Пол. — Говори, не медли!

— Я хочу много-много леденцов. Я хочу… Ой, я забыл, что ты мне сказал… Я хочу, чтобы папа и… кто-то идет по лестнице… — Он вдруг замолчал и сказал: — Это няня идет класть меня спать. Я не хочу спать!

— Не будешь ты спать! — крикнул Пол, который тоже слышал шаги. — Не бойся няни. Давай доиграем в игру.

— …чтобы папа и братец Дик стали такими, какими были раньше… — наконец договорил Роли. — Ой как смешно! Папа! А он сказал, что он Дики. Я боюсь. Куда он делся? Где Барби? Я хочу к Барби!

Камень еще раз выполнил желание, и на сей

раз куда удачнее для мистера Балтитьюда. С радостью и облегчением, вполне понятным тем, кто читал эту книгу, мистер Балтитьюд почувствовал себя самим собой.

Когда уже все, казалось бы, было кончено и о спасении не приходилось и мечтать, магические чары развеял ребенок.

Мистер Балтитьюд подхватил Роли на руки и поцеловал его так, как не целовал никого и никогда. Он постарался, как мог, успокоить ребенка, который испытал сильное потрясение. Затем он весело стал спускаться по лестнице, по которой лишь пять минут назад поднимался совершенно в ином настроении.

По пути он не отказал себе в удовольствии заглянуть в свою гардеробную, дабы взглянуть в зеркало и удостовериться, что камень сделал все, как положено.

Но все было в порядке. Из зеркала на него смотрел полный, аккуратный и подтянутый джентльмен в той самой визитке, которая была на нем в роковой понедельник. Мистер Балтитьюд продолжил свой путь другим Человеком.

На всякий случай, однако, он остановился у окна, вынул из кармана камень Гаруда, который ему удалось выпросить у Роли, и выкинул его в

потемки. Только теперь он почувствовал себя в полной безопасности.

Он миновал оранжерею, где маленькие гости разбились на кучки, спустился еще на этаж вниз и там встретил Боулера, няню и нескольких слуг с официантами. Все они были встревожены, даже Боулер утратил свою обычную непроницаемость.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, — джентльмен из школы… Мастер Дик… он убежал наверх. Вы его не видели?

Пол на радостях совсем позабыл о Дике. С ним, конечно, еще предстояло разобраться теперь, когда он, отец, одержал верх. Впрочем, странным образом мистер Балтитьюд не ощущал в себе той жажды отмщения, какую можно было ожидать.

— Не волнуйтесь, — махнул он рукой с добродушием, на которое и сам не думал, что способен. — Мастер Дик в порядке. Я все знаю. Где доктор Гримстон? В библиотеке? Я там с ним поговорю.

И, оставив Роли на попечение няни, он отправился вниз, в библиотеку. По правде сказать, он шел туда с чувством неуверенности в себе, теперь вроде бы совершенно излишним, но тем не менее он ничего не мог с собой поделать.

Он вошел в библиотеку и там среди гор шляп,

шапок и пальто, в бледном свете газового рожка он увидел страшного человека, перед которым дрожал семь жутких дней.

Чувство самозащиты заставило Пола проявить чуть больше сухости и чопорности, когда он жал гостю руку.

— Рад видеть вас, доктор Гримстон, — сказал он, — хотя ваше появление в столь необычный час заставляет меня полюбопытствовать, чем обязан удовольствию принимать вас у себя. Должно быть, случилось нечто необычное.

— К величайшему сожалению, да, иначе я бы не потревожил вас столь поздно, — мрачно отозвался доктор. — Соберитесь с силами, сэр, чтобы выслушать неприятные новости.

— Постараюсь, — сказал Пол.

— Я понимаю, как это неприятно для отцовского слуха, но дело в том, что ваш несчастный сын имел опрометчивость покинуть стены моей школы. — Сказав это, доктор сделал паузу, дабы оценить эффект сообщения.

— Господи! Не может быть! — воскликнул Пол.

— Увы. Короче, он сбежал. Но не тревожьтесь, дорогой мистер Балтитьюд. Я не сомневаюсь, что он в безопасности (и слава богу, подумал Пол, вспоминая свое невероятное избавление). Я бы

несомненно задержал его на станции, куда он отправился из школы, но, действуя на основе сведений, судя по всему, носивших умышленно ошибочный характер, я поехал на другую станцию, надеясь застать его там. Его там не оказалось и, как я подозреваю, никогда и не было. Подозревая это, я обыскал вагон за вагоном, купе за купе ближайшего лондонского поезда.

— Мне очень жаль, что это доставило вам столько хлопот, — отозвался Пол, живо вспоминая трость служителя. — Но в конце концов вы его нашли?

— В том-то и дело, сэр, что нет! — пылко воскликнул доктор. — Я бы непременно его обнаружил, но непростительное попустительство двух крайне дурно воспитанных пассажиров, отказавших мне в просьбе осмотреть их купе, позволило ему проскользнуть у меня между пальцев.

Мистер Балтитьюд неблагодарно заметил, что если это в самом деле так, то джентльмены повели себя недопустимо.

— Верно, но, к счастью, я нашел выход. Я дождался следующего поезда и, поскольку он оказался довольно быстрым, мне удалось прибыть в Лондон не настолько поздно, чтобы лишиться возможности поставить вас в известность о слу-

чившемся.

— Большое спасибо, — сказал на это Пол.

— Плохо, когда такое случается в школе, — сказал доктор после паузы.

— Весьма, — кашлянув, согласился Пол.

— У людей посторонних могут возникнуть сомнения, было ли ему в моей школе приятно учиться.

— Уверяю вас, у меня на этот счет сомнений нет, — заявил мистер Балтитьюд.

— Рад это слышать. Вообще все случившееся остается для меня большой загадкой. Действительно, как я уже вам говорил, сегодня утром я был весьма близок к тому, чтобы подвергнуть его телесному наказанию. Но ваше заступничество избавило его от порки, да и к тому же из-за нее ни один школьник и не подумал бы сбежать. Это же абсурд!

— Конечно, это же просто абсурд, — снова согласился мистер Балтитьюд.

— Он был такой веселый, жизнерадостный мальчик, — вполне искренне говорил доктор. — К нему прекрасно относилась товарищи, да и, несмотря на его недостатки, учителя тоже.

— Правда? — не без удивления осведомился Пол, которому не удалось пожать плоды попу-

лярности его сына как у школьников, так и у их наставников.

— В сочетании с привилегиями, каковыми он пользовался в качестве ученика моей школы, все это заставляет этот побег выглядеть в высшей степени необъяснимым, опрометчивым и неблагодарным поступком.

— Так-то оно так, но, быть может, доктор Гримстон, и бога ради не обижайтесь, если я выскажусь прямо, у него имелись причины быть несчастным, о которых вы и не догадывались.

— Я был всегда готов выслушать его и оказать посильное содействие, — возразил доктор. — Впрочем, я припоминаю, что он собирался что-то мне рассказать. Но он вел себя так странно, путался, никак не мог начать, что я в конце концов утратил интерес к его истории.

«Уж это точно!» — подумал про себя Пол, содрогнувшись при напоминании о его неудачной попытке объясниться. Вслух же он сказал:

— Но кто знает, вдруг его соученики сделали нечто…

— Абсолютно исключено, — с жаром перебил его доктор.

— Вы уверены? — не уступал Пол. — Насколько я помню, далеко не все они выглядели… добро-

душными.

— Настоящие мужчины, истинные джентльмены! — отчеканил доктор. Похоже, он заступался за своих питомцев, свято веря в данную им оценку их качеств. — Странно, что у вас сложилось иное впечатление.

— Увы! — вздохнул Пол, — хотя я могу и ошибаться.

— Боюсь, что вы и впрямь ошибаетесь, сэр. Тем более, что вы не имели возможности проверить на практике ваши наблюдения.

— Виноват, но это не совсем так, — возразил, насупясь, Пол.

— Краткий визит, беглое знакомство — разве можно по справедливости оценить моих ребят?! При взрослых они делаются скованными, зажатыми. Вот если бы вы пожили среди них, любезнейший мистер Балтитьюд, вы бы изменили свое мнение.

Мистер Балтитьюд вдоволь насладился обществом питомцев доктора Гримстона и ни за какие коврижки не повторил бы этот опыт. Поэтому он промолчал и вежливо покивал головой.

— Теперь насчет вашего несчастного сына, — сказал доктор. — Имейте в виду, что он здесь, в вашем доме. Десять минут назад я увидел его

своими собственными глазами в одном из окон.

— Здесь?! — воскликнул с нарочитым изумлением Пол. — Не может быть!

— Я только сейчас понял истинные причины его побега, — сказал доктор. — Вы ведь устроили большой детский праздник.

— Это так, — согласился Пол. — И вы полагаете…

— Я полагаю, что ваш сын, несомненно знавший об этом, был огорчен, что не получил приглашения, и в приступе безрассудства решил во что бы то ни стало принять участие.

— Мой дорогой доктор! — воскликнул Пол, увидевший преимущества, сулимые ему этой теорией. — Вы правы! Вот именно!

— Подобное неподчинение, — продолжал доктор, — двойной вызов вашему и моему авторитету и заслуживает самого сурового наказания. Я надеюсь, вы со мной согласны?

На мистера Балтитьюда нахлынули воспоминания о пережитых бедах, и он процедил сквозь зубы:

— Как ни наказать этого негодяя, все будет мало!

— Уверяю вас, он получит по заслугам. Он запомнит это на всю жизнь. Он дорого заплатит за

оскорбление, нанесенное мне и вам тоже. Если вы будете так любезны передать его мне, я тотчас же увезу его обратно в Родвелл-Маркет, и завтра же утром постараюсь пробудить в нем совесть способом, который он не скоро забудет.

Доктором овладел гнев, который показался бы поборнику справедливости чрезмерным, но не следует забывать, что он видел себя одураченным, а свой учительский авторитет — нагло растоптанным. Однако его ярость охладила, а не воспламенила недовольство сыном Пола. Последний решил, что если кто и имеет право гневаться, то это он, а не доктор.

— Что ж, — холодно молвил мистер Балтитьюд, — сначала надо найти его, а потом разберемся, что с ним делать. Я позвоню и…

Но только он протянул руку к звонку, как дверь библиотеки распахнулась, и в комнату вошел Мармадюк. Он тащил за руку упирающегося Дика. Бедняга окончательно протрезвел. Он был бледен, выпачкан угольной пылью и дрожал. Он был сейчас в том самом состоянии, в котором его отец находился всего три часа назад.

Парадайн нагло и торжествующе ухмылялся. Поймав взгляд Пола, он понимающе подмигнул ему, хотя тот не понял, что означает это подми-

гивание.

Такая наглость потрясла мистера Балтитьюда. Ему не верилось, что после своего предательского поведения в бильярдной Парадайн осмелится пытаться задобрить его, Пола.

— Вот наш мальчик! — провозгласил Парадайн. — Вот негодяй, который устроил всю эту кутерьму. Сначала он вломился в бильярдную и сообщил, кто он такой, но я, естественно, отказался иметь с ним дело. Я тут ни при чем. Ну а потом приехали вы — я полагаю, что имею честь приветствовать доктора Гримстона, — и он попытался убежать. Но когда я увидел, что он решил спрятаться в угольном погребе, то понял, что надо вмешаться — и я его сцапал. С радостью передаю его в надежные руки тех, в чьем попечении он находится.

И, отпустив Дика, он двинулся к своему шурину с тем же выражением тайного взаимопонимания, отчего Пол прямо-таки вскипел.

— Стой здесь! — скомандовал он сыну. — Нет, мистер Гримстон, позвольте мне, пожалуйста, разобраться с ним наедине.

— Правильно, — одобрительно зашептал Парадайн. — Отлично! Так держать, мой мальчик. Так держать! Папочка теперь кроткий как ягненок.

Тут Пол все понял. Его достойный зять не присутствовал при последнем превращении и ошибочно полагал, что Дик и он взяли верх. Пора было разрушить его иллюзию.

— Будьте любезны сейчас же покинуть мой дом, — сурово сказал он.

— Юный осел! — пробормотал Парадайн. — После всего, что я для тебя сделал. И это твоя благодарность! Ты же знаешь, что без меня ты никуда! Так что прошу осторожнее.

— Если вы не видите, что все переменилось, то, выходит, вы еще глупее, чем я предполагал. — медленно проговорил Пол.

— Это грязный трюк! — воскликнул Мармадюк. — Ты просто хочешь от меня избавиться!

— Это входит в мои планы, — признал мистер Балтитьюд. — Вы удовлетворены? Вам нужны доказательства? Я могу их дать вам — это я был в бильярдной.

Парадайн подскочил к Дику и стал его трясти.

— Ах ты болван, — бормотал он. — Что же ты меня не предупредил? Зачем же я так опростоволосился?

— Я говорил, — хныкал Дик, — только вы меня не захотели слушать. Так вам и надо!

Мармадюк быстро пришел в себя после этого

внезапного потрясения. Он попытался как ни в чем не бывало пожать руку Полу.

— Ловко я пошутил! — сказал он смеясь. — Решил немного поводить вас за нос… Но все это время я действовал в ваших интересах. Просто я не хотел, чтобы моя линия была понятна всем…

— Линия ваша, как всегда, была кривая, — сказал Пол.

— Но я бы не смог помешать мастеру Дику, если бы явно поддержал вас, — отвечал Мармадюк. — Я знал, что вы в конце концов добьетесь своего, но мне пришлось играть в нелегкую игру. Не удивительно, что вы пока не расставили все по своим местам.

— Вы проиграли, — сказал Пол, — почему бы вам без лишних слов не удалиться?

— Удалиться? — переспросил Парадайн, не очень удивившись тому, что рухнула его последняя надежда. — Ну разумеется. Как скажете. Брат вашей бедной жены уйдет без гроша в кармане, но хочу предупредить: небольшое вспомоществование сослужит хорошую службу. Мой рот будет на замке. А то редакторы наших газет были бы счастливы получить что-нибудь сенсационное, и наша маленькая история их весьма обрадовала бы.

— Давайте рассказывайте, — согласился Пол, — если не боитесь утратить репутацию человека в здравом уме. Рассказывайте полицейским и метельщикам улиц, расскажите вашей бабушке и морской кавалерии. Это их позабавит. Но только делайте эго по ту сторону моей двери. Вы сами покинете мой дом или кто-то должен показать вам дорогу?

Поняв, что его карта бита, Парадайн надменной походкой направился к выходу.

— До свиданья, Пол, — сказал он. — Зло ушло, добро пришло! Пока, мой юный друг Ричард! Мы неплохо погуляли, но праздник окончен. Всего наилучшего, доктор. Настоятельно советую вам в воспитательных целях приобрести на обратном пути «малайского адвоката». Пусть ваши питомцы знают, что вы никогда не забываете о них.

Не обремененный большим количеством багажа, Мармадюк Парадайн вскоре закрыл за собой дверь дома мистера Балтитьюда, на сей раз навсегда!

Когда он ушел, Дик умоляюще уставился на отца, а затем на доктора. Тот во время напряженной сцены объяснений с подчеркнутой сосредоточенностью изучал гравюры на стенах библиотеки. Но последние слова Парадайна снова застави-

ли его вступить в схватку с распиравшей его яростью. Облокотившись, прислонившись к каминной доске, он сложил руки на груди и угрюмо молчал.

— Ричард! — сказал отец. — Ты не много сделал, чтобы ждать от меня снисхождения.

— А также от меня! — зловеще напомнил доктор Гримстон.

— Знаю, — согласился мальчик. — Я вел себя по-свински. И заработал хорошую взбучку.

— Вот именно, — отозвался отец, но несмотря на его негодование, убитый вид сына и собственные свежие воспоминания о том, как он едва не отведал трости, позволили жалости взять верх. К тому же Дик проявил сострадание к нему там, в бильярдной. Нет, сын был не безнадежен. — Ты повел себя очень скверно, — нарушил молчание мистер Балтитьюд. — Несмотря на мой запрет прерывать занятия и приезжать на праздник, ты ослушался и явился тайком. Это действительно из-за праздника?

— Ну, в общем-то… — забормотал Дик, но быстро смекнул, что от него требуется. — Конечно, из-за праздника!

— У меня есть все основания быть тобой очень недовольным, однако, если я прощу тебе твой

опрометчивый поступок и попрошу доктора Гримстона сделать то же самое, — тут Дик недоверчиво уставился на отца, а доктор попытался протестовать, — обещаешь ли ты в будущем исправиться?

— Обещаю! Обещаю! — прерывистым голосом воскликнул Дик, а глаза его наполнились слезами. — Я, право, не хотел, чтобы так получилось…

— В таком случае, доктор Гримстон, — продолжал мистер Балтитьюд, — вы бы меня премного обязали, если бы постарались забыть об инциденте. Как видите, мальчик глубоко сожалеет о случившемся и, я не сомневаюсь, он принесет вам самые искренние извинения. И еще одно. Я давно хотел сказать, что после этого семестра намерен перевести Дика в Харроу. Это потребует дополнительной подготовки, каковую я был бы рад поручить вам.

Доктор Гримстон был явно глубоко задет всем услышанным, но только сказал:

— Я обо всем позабочусь, дорогой сэр! Жаль, однако, что вы не предупредили меня раньше. Не могу, однако, не заметить, что большая школа вроде Харроу таит в себе немало опасностей для мальчика с подобными наклонностями. Остается надеяться, что ваша снисходительность не

обернется дурными последствиями, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь, сэр!

Снедаемый раскаянием, Дик подбежал к отцу, и крепко его обнял: поступок, ранее показавшийся бы ему немыслимым.

— Папа, — сказал он сдавленным голосом. — Ты молодчина! Я это не заслужил, но я не забуду никогда-никогда, как ты со мной обошелся!

Мистер Балтитьюд тоже почувствовал, что в груди у него как-то потеплело, и он прижал к себе сына так, как этого никогда раньше не делал.

— Ну что ж, — сказал он, — докажи, что я не ошибся. Отправляйся назад в «Крайтон-хауз», учись и отдыхай и до конца семестра воздержись от шалостей и проказ. Надеюсь, — добавил он уже шепотом, — что, находясь в Родвелл-Маркете, ты сохранишь тайну о моем пребывании там. Возможно, в школе тебя ожидают некоторые… неудобства, к которым ты будешь не готов. Что ж, пусть это и будет твоим наказанием.

Вскоре был вызван кеб, и доктор Гримстон был готов двинуться со своим учеником в обратный путь. Они успевали на последний поезд.

Пожимая руку своему блудному сыну через окошечко кеба, Пол еще раз напомнил ему:

— Учти, это ты был в школе всю прошлую

неделю, ты убежал на праздник, понятно? До свиданья, друг мой, вот тебе кое-какие средства на карманные расходы, а это для Джолланда, хотя ему ни к чему знать, что это от меня. — И когда Дик раскрыл ладонь, то увидел в ней два полсоверена.

Итак, кеб укатил, а Пол отправился в гостиную и, хотя он оставил материалы для фейерверка в покое на балконе и в саду, он возглавил веселье, продлив его на лишний час, с такой раскованностью, что никто из маленьких гостей не заподозрил его в подмене.

Когда праздник завершился и сонных гостей развезли по домам, Пол устроился в кресле у ярко горевшего в его спальне камина и мысленно вернулся к событиям этого дня, которые уже стали казаться ему выдуманными и нереальными.

Я рад сообщить читателям, что, несмотря на тягостный школьный опыт и праведное негодование, мистер Балтитьюд удержался от возмездия. Его приключения не оставили у него приятных воспоминаний, но зато они способствовали укреплению семьи.

Когда ничего не подозревавшая Барбара пришла пожелать отцу спокойной ночи, мистер Балтитьюд впервые обратил внимание, до чего

она мила и свежа. Малыш Роли оказал ему великую услугу, за которую отец чувствовал себя перед ним в неоплатном долгу. Да и негодяй Дик понравился ему куда больше — и, похоже, сам в свою очередь изменил в лучшую сторону мнение об отце.

Теперь мистер Балтитьюд уже не рассматривал своих детей как досадную помеху, а они, благодаря краткому, но впечатляющему царствованию Дика, отбросили прежнюю скованность в присутствии отца, тем самым позволив ему обратить внимание на такие их свойства, о которых он и не подозревал.

Наверное, самое время распрощаться с мистером Балтитьюдом именно теперь, когда он нежится у камина и наслаждается вновь обретенным покоем. Но я хотел бы обратить читательское внимание на то, о чем они, скорее всего, и так догадываются.

Хотя инцидент удалось уладить без скандала и публичной огласки, за что Пол был весьма благодарен судьбе, случай с камнем не остался без последствий.

Ни сын, ни отец не вернулись на позиции, на которых находились до метаморфозы.

Мистер Балтитьюд затратил немало времени

и сил, чтобы ликвидировать последствия выходок Дика дома и в Сити. Дисциплина среди его клерков и бухгалтеров заметно упала, а мальчишка-посыльный позволил себе с хозяином такую фамильярность, что был в первый же день уволен, чему страшно удивился.

Полу так и не удалось до конца развеять облако, что нависает над коммерсантом, который хотя бы однажды за долгие годы вполне успешной карьеры был уличен и эксцентрическом поведении.

Пришлось прибегнуть к решительным мерам и дома. Как ни ценил мистер Балтитьюд свою кухарку, но был вынужден ее уволить.

Она явно рассматривала себя как без пяти минут хозяйку этого дома, а мистер Балтитьюд не собирался поощрять надежды, рожденные в ее сумасбродной голове повышенным интересом Дика не столько к ней, сколько к ее стряпне.

Обнаруживая новые свидетельства безответственности Дика, Пол на первых порах с трудом удерживал себя от проявлений раздражения и досады. Но он слишком ценил новые отношения с сыном, чтобы испортить их выговором, к тому же со временем победы над недобрыми чувствами стали даваться ему все легче и легче.

Что же касается Дика, то он получил возмож-

ность убедиться, что неприятности, о которых упоминал его отец, его и впрямь ожидали и что пустяковыми их называть было нельзя.

Он был неприятно поражен, когда выяснилось, что за какую-то неделю отец ухитрился завоевать ему прочную и всеобщую нелюбовь. Оказалось, что и учителя, и ученики видят в нем закоренелого ябеду и жуткого труса.

Это стало сильным ударом по самолюбию Дика, презиравшего подобное поведение в других. Временами его так и подмывало оправдаться перед товарищами, рассказав им всю правду, но он вспоминал и обещание, данное отцу, и удивительную снисходительность последнего, и в знак благодарности хранил тайну.

Он не мог понять, почему его товарищи решили, что имеют право безнаказанно пинать и колотить его, и очень скоро сумел на практике разъяснить им ошибочность такого убеждения.

Дик довольно быстро сумел восстановить свою репутацию, изрядно подмоченную отцом, но в одном, увы, он потерпел суровое поражение.

Его сероглазая возлюбленная решительно отказывалась иметь с ним дело. Самолюбие Дульси было сильно уязвлено предательством на гимнастической площадке в то злополучное субботнее

утро, а остатки ее благорасположения к Дику улетучились в понедельник, когда ее забота вызвала столь чудовищную неблагодарность. Этого она так и не смогла простить.

До самого конца семестра Дульси делала вид, что не замечает существования Дика, лишив его тем самым возможности объясниться. Хуже того, какое-то время она обратила благосклонное внимание на Типпинга, который, впрочем, быстро получил отставку за отсутствие утонченности, и его место занял робкий новичок Киффин, которого Дик время от времени лупил с меланхолическим удовольствием.

Потеря Дульси и стала главным — и весьма жестоким — наказанием Дику. Теперь он учится в Харроу, дела у него идут неплохо, но воспоминания о прелестном личике Дульси, о ее очаровательной влюбленности, перешедшей в ледяное презрение, временами вызывает у него такую сердечную боль, на которую способен здоровый и не склонный к особой чувствительности подросток.

Возможно, однако, что если он пожелает посетить «Крайтон-хауз», чтобы «взглянуть на ребят», она его и простит, ибо ей уже порядком надоел Киффин, оказавшийся рохлей и маменькиным

сынком.

О дальнейшей судьбе камня Гаруда мне вам нечего рассказать. Возможно, он раскрошился в порошок под копытами лошадей на Вестборн-террас — и слава богу! Но не исключено, что он все же цел и невредим, и готов проявить опять свои волшебные свойства по приказу того, кто им завладеет. Если это так, то я лишь могу пожелать читателям избежать такой опасной находки или, по крайней мере, проявить большую осторожность, нежели мистер Балтитьюд. Да послужат его печальные приключения уроком всем остальным!

С этими пожеланиями я не без сожаления прощаюсь с теми, у кого хватило терпения выслушать эту правдивую историю от начала и до конца.